

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2014
№20

2014 № 4 (20)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Технический директор
Сергей Каунов

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера. КРИЗИС РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Константин Крылов

Русские как титульная нация	3
Русский национализм в кризисе? Экспертный опрос	7

Павел Святенков

Что значит быть русским?	28
--------------------------------	----

Сергей Сергеев

Желаемое и действительное	33
---------------------------------	----

РУССКОЕ БУДУЩЕЕ

Дмитрий Павлов

Воссоздание элиты	43
-------------------------	----

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ростислав Антонов

Чечня. Развитой феодализм	47
---------------------------------	----

УКРАИНА

Сергей Бирюков

В поисках Галичины	51
--------------------------	----

Иван Лисяк-Рудницкий

Консерватизм и национализм в украинской интеллектуальной и политической истории.....	57
--	----

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Олег Неменский

Игры с русским именем	72
-----------------------------	----

ПЕРЕВОДЫ

Кирилл Титов

Пьер ван ден Берге	83
--------------------------	----

Пьер ван ден Берге

Раса и этничность: социобиологическая перспектива	89
---	----

НАЦИОНАЛИЗМ И СПОРТ

Сергей Коростелев

Национализм футбольной Европы	100
-------------------------------------	-----

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Антон Чемакин

«Русский национальный меньшевизм»	127
---	-----

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Владимир Близнеков

Великая Литва и идея Новой Руси.....	144
--------------------------------------	-----

PERSONALIA

Василий Молодяков

Национальный социализм в Японии: слово и дело Окава Сюмэй.....	156
--	-----

ШТУДИИ

Александр Севастьянов

К истории современного русского движения.....	172
---	-----

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков

Что такое «русский мир»?.....	209
-------------------------------	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Постатейная роспись журнала «Вопросы национализма» № 1–19	224
---	-----

Авторы номера	239
---------------------	-----

Summary	240
---------------	-----

Константин Крылов

РУССКИЕ КАК ТИТУЛЬНАЯ НАЦИЯ

Вопрос о государственном статусе русских — одна из постоянных тем русского национального движения с самого начала его существования, ещё со времён СССР. Даже советские патриоты отмечали странное обстоятельство: в отличие от всех остальных советских народов, русские граждане РСФСР не имели важнейших инструментов политического представительства, прежде всего республиканской Компартии, а также и других «непартийных» институтов. Всё реальное руководство «русской» частью РСФСР осуществлялось с союзного уровня. Неудивительно, что «советское» русское движение началось с требования равноправия: патриоты того времени хотели создать в России полный набор институтов, характерных для союзных республик — «от своей Компартии до своей Академии». Неудивительно и то, что эти требования не были выполнены: руководство СССР предпочло уничтожить страну, но не дать русским того, что имели эстонцы, грузины, таджики и прочие полноправные народы Союза.

К этому мы, впрочем, ещё вернёмся. Пока же отметим, что советская территориально-административная система не имела прямых аналогов в современном мире. Исключением является Китай, чья территориально-административная система была скопирована с советской. Однако в Китае национальные автономии занимают небольшую часть территории страны и сосредоточены на уровне районов и округов, а также имеют меньшие права, чем советские республики. В Индии существует деление на штаты с их властями и союзные территории, имею-

щие центральное подчинение. Однако институт союзных территорий в Индии был введён для того, чтобы не давать права штатов маленьким территориям со специфическим национальным составом или особыми историческими претензиями на автономию. В этом смысле индийская система — что-то вроде негативной кальки советской, в которой именно самая большая республика была де-факто подчинена непосредственно центру.

Что касается прочих федераций, то центральное подчинение (формальное или фактическое) каких-то территорий практически однозначно указывает на то, что на данной территории введено «особое положение», как правило, временное — военное, чрезвычайное или нечто вроде того. Причиной тому могут быть серьёзные проблемы — например, природная катастрофа, иностранное вторжение, вспышка сепаратизма и т.п. Иногда подобный статус имеют столицы государств: так, в США верховная власть в федеральном округе Колумбия (т.е. в городе Вашингтон) принадлежит Конгрессу. Так или иначе, подобный статус указывает на ту или иную степень неполноправия жителей данных территорий: они не имеют тех возможностей (формальных и особенно неформальных), которые имеют жители — и особенно элита — субъектов, обладающих хоть каким-то уровнем самоуправления.

Подобное положение дел связано с особенностями советской власти. Как известно, её идеологическим оправданием являлось «освобождение угнетённых» — то есть классов, сословий и народов, которые, по мнению учредителей советского государства, под-

вергались дискриминации «царским режимом». В число таковых были записаны и нерусские народы, которым полагались различные компенсации и привилегии. Это давало центральной власти возможность использовать их как свою опору на окраинах страны.

Разумеется, опора должна быть достаточно обширной: мелкие и мельчайшие национальные группы были советской власти малоинтересны. Так же как и народы мирные, безопасные, а также слишком русифицированные. Статус таких народов не сильно отличался от статуса русских. Зато народы достаточно многочисленные и достаточно агрессивные получили особые права, включая право на «свою территорию» в рамках Союза.

В дальнейшем мы будем использовать советский термин «титовая нация». Данное понятие ввёл в оборот французский политик и литератор Морис Баррес (1862–1923) в значении «национальное большинство», «доминирующий этнос». Советское понимание этого термина отличалось от барресовского достаточно существенно. Так называли народ, имеющий — в масштабах Союза — статус национального меньшинства, получивший соответствующее признание со стороны Центра, выделенную территорию и особые права и возможности. Полный список таковых занял бы слишком много места. Упомяну лишь некоторые. Представители некоторых народов не подлежали военному призыву, а иные имели право на «свои» вооружённые формирования. Существовали национальные квоты в советских вузах. Соблюдался принцип национального квотирования во власти («первый секретарь обкома — представитель титульной нации»). Эти народы имели полуофициальное право на пользование республиканскими ресурсами и на подобие рыночных отношений. Не менее важным было право на развитие национальной культуры, в том числе и на обильное финанси-

рование таковой. Немалые средства уходили также на создание позитивных образов всех титульных наций в масштабах СССР — это было «право на национальное уважение», которого русские были фактически лишены. Каждому народу «выписывалось» некоторое количество «национальных героев», культ которых поддерживался во всесоюзном масштабе. Но самым главным было право на национальный административный ресурс, то есть на собственный политический класс, лоббировавший интересы родного этноса на союзном уровне.

Отношения между советскими титульными нациями были разными, в том числе и очень плохими. Однако их объединял общий интерес: дальнейшее повышение своего статуса, накопление реального и символического капитала, закрепление подчинённого положения самого большого и самых малых народов (русских и «мелких нацменов», не получивших «титовый» статус). Примерно к шестидесятым годам сложился неформальный *союз титульных наций*, точнее, их политического авангарда, к каковому принадлежал, с одной стороны, партхозактив, с другой — националистически настроенные оппозиционеры и диссиденты. Интересно, что к этому же времени окончательно оформился концепт «советского народа», который давал людям (прежде всего русским) ложное чувство принадлежности к фантомной «всесоюзной общности». Реальная же власть в СССР принадлежала, с одной стороны, безнациональной партноменклатуре, с другой — «союзу титульных».

Обретение РСФСР независимости, казалось бы, должно было исправить положение русских. Однако этого не произошло. Фактически территориально-административная система России была «смасштабирована» с советской — место союзных республик заняли бывшие автономии в составе РСФСР, поименованные «нац-

республиками», а само тело РСФСР превратилось в совокупность «областей». Это сопровождалось определённой маскировкой: формальные права «нацреспублик» и «областей» совпадают, демонстративное подчинение русских территорий непосредственно Центру вроде бы ликвидировано. Ликвидированы и советские понятия, оправдывающие неравноправие — так, из законодательства исключено всё, связанное с понятием «титульной нации». Однако на практике национальные республики располагают полноценной политической элитой, строящей отношения с федеральным Центром («Москвой») как равные партнёры со своими интересами. Некоторые республики добились от Москвы очень значительных прав и привилегий (примеры тому — Чечня или Татарстан), другие преуспели меньше, однако сам принцип — равноправное партнёрство и отстаивание своих интересов — легализован и практически признан Москвой. Русские же области не могут и мечтать ни о чём подобном. По большому счёту, они управляются московскими назначенцами — неважно, присылаемыми из Центра или местными — и не имеют никаких реальных возможностей перечить всесильному Центру или противостоять уже внутрirosсийскому «союзу титульных», ныне образующих *de facto* пресловутый «многонациональный народ Российской Федерации»¹.

¹ Стоит отметить, что «многонациональный народ» — столь же уникальное понятие, как и народ «советский». До недавнего времени Российская Федерация была единственным государством, признающим в качестве источника власти эту химерическую сущность. Недавно к нам присоединилась Боливия. Президент этой страны Эво Моралес Айма в 2009 году подписал декрет, согласно которому Боливия должна именоваться «многонациональным государством» (*исп.* Estado Plurinacional). Также «многонациональная общность» постоянно упомина-

ется в новой Конституции страны — начиная с Преамбулы и ст. 1 новой Конституции страны (где сказано, что Боливия является Estado Unitario Social de Derecho Plurinacional Comunitario). Стоит заметить, что Боливия на сегодняшний момент считается полусоциалистической страной, где государство контролирует основные сферы экономики. «Многонациональность» же в боливийском контексте обозначает привилегии индейцам — что, если задуматься, вовсе не странно. Социалисты всех времён и народов любят простых людей, не испорченных цивилизацией и её благами, так как социализм плохо совместим с таковыми.

С точки зрения русского национального интереса, выходов из сложившейся ситуации может быть два. Или — резкий отказ от самой советско-постсоветской модели, или получение русскими в её рамках дополнительных прав, ставящее их в равное отношение с титульными народами. О первом пути было сказано достаточно. Что касается второго — он предполагает признание русских титульной нацией хотя бы в одном из полноправных субъектов РФ. Ещё лучше — если они получают подобный статус в «чувствительном» регионе России, с которым федеральный Центр не сможет обращаться так же, как с Псковской или Владимирской областью.

В настоящее время в составе России находится лишь один субъект республиканского уровня, не имеющий чёткой «национальной» прописки. Это Республика Крым.

Мы не будем уделять внимание обстоятельствам присоединения Крыма к России. Для нас важно лишь положение дел с «титульной нацией».

В настоящее время русские составляют около 60% от общего населения Крыма. Ещё двадцать четыре — это украинцы, которые в случае успешного развития республики легко признают себя русскими. Общее число считающих русский язык родным — более

есть в новой Конституции страны — начиная с Преамбулы и ст. 1 новой Конституции страны (где сказано, что Боливия является Estado Unitario Social de Derecho Plurinacional Comunitario). Стоит заметить, что Боливия на сегодняшний момент считается полусоциалистической страной, где государство контролирует основные сферы экономики. «Многонациональность» же в боливийском контексте обозначает привилегии индейцам — что, если задуматься, вовсе не странно. Социалисты всех времён и народов любят простых людей, не испорченных цивилизацией и её благами, так как социализм плохо совместим с таковыми.

76%, украинский язык непопулярен по историческим причинам. Крымские татары — наиболее очевидный кандидат на «титულную нацию республики» — составляют всего лишь 12% населения и пользуются у российских властей репутацией нелояльного народа (несмотря на все авансы Москвы, они так и не признали российский статус Крыма, а крымско-татарская элита поддерживает Украину в конфликте с РФ). Наконец, Крым является «болезненным» для России регионом — в случае волнений или массового недовольства в Крыму это затронет всю Россию. Все эти обстоятельства делают Крым слабым звеном в системе российской многонациональности.

Разумеется, российские власти уже приняли меры, препятствующие превращению Крыма в русскую республику даже *de facto*. В Крыму введены три государственных языка — русский, украинский и крымско-татарский (ст. 10 Конституции Республики). Конституция не содержит ни одного упоминания о статусе русских, зато объявлено, что «источником власти в Республике Крым является ее народ, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации», а в преамбуле упомянут «многонациональный народ Крыма». При попытке договориться с крымскими татарами Москва обещала им национальные квоты во властных структурах — но после провала этой попытки все вы-

яснения отношений между татарским и русско-украинским населением полуострова были отложены. Можно также ожидать «кавказской атаки» — то есть поползновений представителей кавказских республик захватить долю собственности или подчинить себе бизнесы и властные структуры (особенно силовые) Крыма. Однако всё это не перечёркивает факта: Крым остаётся единственной российской республикой без нерусской титульной нации.

Сказанное можно приложить и к гипотетическому случаю признания Россией Новороссии (или хотя бы Донецка и Луганска) как политического субъекта и принятия его в свой состав. Сейчас это воспринимается как крайне маловероятное развитие событий, однако в таком случае мы получим русско-украинский (то есть, проще говоря, русский) регион без «татарского фактора», зато с населением, имеющим опыт вооружённой борьбы за независимость. Это даёт основания на получение правового статуса, равного статусу татарского народа в Татарстане, — то есть на полноценную русскую этнократию в составе России.

Разумеется, подобное положение дел не может быть *целью* русского движения. Но, возможно, это необходимая промежуточная ступень для обретения статуса титульной нации в прямом, неискажённом смысле этого слова, то есть статуса национального большинства, законного хозяина России.

Русский НАЦИОНАЛИЗМ В КРИЗИСЕ?

Экспертный опрос

Валерий Соловей, доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ

У меня нет сомнений, что русский национализм переживает серьезный кризис — не первый в своей истории, и без того испещренный кризисами, но могущий оказаться для него почти фатальным. Этот кризис проявляется в нескольких аспектах.

Первый из них — глубокий политический раскол русского национализма в отношении войны на Украине. Для максималистски настроенной части националистов это вопрос отношения к политике Кремля в целом, а не к украинской его стратегии в частности. Они тотально отрицают любые шаги Кремля, следуя принципу «разве может что-нибудь хорошее исходить из Назарета?» Прямая противоположность — идеалисты-романтики, которые увидели в крымской эпопее и войне на Украине как раз шанс качественной трансформации российской власти, ее «превращения из Савла в Павла». Большинство же русских националистов, как мне показалось, пыталось мыслить реалистически, в духе: Кремлю мы не верим, но если сейчас его политика ситуативно совпадает с русскими национальными интересами, то почему бы эту политику не поддержать?

Вот это обстоятельство — понимание русских национальных интересов, даже, я бы сказал, экзистенциальное отношение к русскости — и стало подосновой политического раскола русского национализма. И хотя экзистенциальные переживания очень трудно

вербализовать и, тем паче, концептуализировать, я знаю, что в глубине души русские националисты ощущают (хотя многие предпочитают об этом умалчивать): вопрос не в отношении к Кремлю и к Донбассу, а в понимании русскости и в отношении к русским.

Второй аспект кризиса русского национализма — потеря собственной повестки дня. До войны на Украине она, пусть и не очень разнообразная, но была: борьба с иноэтничной и инокультурной миграцией — как внешней, так и внутренней — и ее негативными последствиями. И эта повестка обеспечивала политико-идеологическую независимость русского национализма. Однако присоединение Крыма и война на Украине перекроили прежнюю систему политико-идеологических координат, оставив для всех политических сил лишь одну ось политического самоопределения: «за» Крым и войну или «против». И хотя сами по себе проблемы миграции никуда не делись, в общественном внимании они совершенно очевидно отошли на второй план. Не очень понятно, надолго или нет. Но, так или иначе, теперь ВСЕМ политическим силам России приходится самоопределяться по отношению к повестке, заданной властью, и шансов задать собственную у них практически нет.

Третий аспект кризиса — организационный. Русским националистам не удалось зарегистрировать собственной, относительно независимой политической партии. И, с большой вероятностью, при нынешнем режиме и не удастся. Вместе с тем из-за политического

раскола по отношению к войне русские националисты потеряли надежду на внутреннее единство и разорвали пусть слабенькое, но все же кое-как начинавшее было выстраиваться политическое взаимодействие с либерально-демократическим лагерем.

Важно понимать, что этот кризис, как я упоминал выше, может оказаться для русского национализма фатальным, обрушить всю его с трудом заработанную за последние двадцать лет самостоятельность. И вот почему.

Вполне очевидно, что акцентированный патриотизм стал идеологической доминантой действующей власти. Отныне все трудности и проблемы, все глупости и злоупотребления будут легитимироваться, объясняться, оправдываться и покрываться патриотизмом и «национальными интересами». В результате любая идеология, вызывающая коннотации с патриотизмом, опротивеет людям до крайней степени. Нечто подобное уже происходило на рубеже 80–90-х годов прошлого века. А в 90-е годы так была инфлирована либеральная идеология.

В общем, года через два-три мы рискуем оказаться в положении, когда ВСЕ большие идеологии — левая, либеральная и националистическая — в России будут девальвированы.

Поэтому уже сейчас надо искать новый идеологический синтез, думать о новой повестке и новых организационных формах. В противном случае, когда режим пойдет ко дну (а тонуть он будет быстрее «Титаника»), он утянет с собой и русских националистов. И не потому, что они лояльны власти, а потому, что они окажутся не готовы к решительным переменам.

**Александр Жучковский, публицист,
общественный деятель**

Когда Императору Александру III сказали, что «Россия стоит на краю пропасти», он возразил: «А когда она там не стояла?» Подобным же образом

хочется ответить, когда я слышу о «кризисе русского национализма». А когда он в нем не находился? Русский национализм находится в кризисе перманентно. Причины этого общеизвестны: традиционно «натянутые» (мягко говоря) отношения между русским национализмом и российским государством, с одной стороны, и между самими представителями русского национализма (то есть идеологами и практиками русского движения) — с другой. Почему это так, вряд ли нужно читателям объяснять. Конфликт с русским национализмом заложен в само основание нынешнего «государства российского», а отсутствие согласия и единства между русскими националистами давно стало притчей во языцех.

Поэтому говорить о том, что какие-то политические обстоятельства вызвали «кризис русского национализма» (или «раскол националистов»), на мой взгляд, неверно. Можно лишь говорить о том, что в одних случаях этот кризис и раскол временно сглаживается (например, из-за репрессий против националистов или в ходе совместных выступлений против «общего врага»), в других случаях — предельно обостряется, как мы видим на примере нынешних событий вокруг Украины.

Будь национальное движение в РФ идейно и политически единым, «бескризисным», ни украинский, никакой другой вопрос не стал бы причиной очередных раздоров и расколов. Евромайдан и последующая война на Донбассе только обозначили, засвидетельствовали кризис русского национализма и русского движения.

Проблема состоит в том, что большим количеством людей, которые являются русскими националистами или относят себя к ним, русский национализм, русские национальные интересы понимаются неодинаково, иногда и ровно противоположно. На примере русско-украинской войны определить русского националиста, казалось бы, очень просто: поддерживаешь рус-

ских — русский националист, поддерживаешь украинцев — не русский националист. Однако есть люди, которые не считают эту войну русско-украинской, характеризуют её как борьбу «свободной Украины» с агрессивной путинской Россией, а восставших русских Донбасса — агентами путинского режима, который носит антирусский характер (с последним не поспоришь). Исходя из этого, эти люди не увидят ничего странного и противоестественного в том, чтобы поддерживать Украину и украинцев с позиций русского национализма.

Для меня, русского националиста, изначально поддержавшего русское восстание на Украине, такая позиция кажется абсолютно противоестественной (да, путинский режим носит антирусский характер, но это еще не повод поддерживать другой антирусский режим, даже если он враждует с путинским). Проще всего отказать этим людям в праве именоваться националистами. Я так и делаю, заявляя о том, что все без исключения националисты поддержали Новороссию, а неподдержавшие являются не русскими, а украинскими националистами.

Это сильно упрощает ситуацию и на первый взгляд решает проблему кризиса русского движения путем ухода от конфликтной ситуации. Тем не менее конфликт остается. Отказом некоторым людям в праве именоваться националистами и чисткой рядов кризис русского движения не решить. Следует признать, что если немалое количество называющих себя русскими националистами людей в межнациональном конфликте встают на чужую сторону — значит, с самим русским национализмом что-то не так.

Преодоление кризиса русского национализма невозможно ни традиционными увещаниями «оставить разногласия» и «умерить амбиции», ни временными тактическими мерами вроде «объединиться перед лицом общего врага». Понятно, что прочно объединиться можно только «за», а не «про-

тив», что искусственными методами сплотиться невозможно. Значит, нужно стремиться к ситуации, при которой кризис русского национализма будет преодолен естественным путем.

Что это за ситуация? На мой взгляд, это появление в стране цивилизованной политической системы (как и когда она появится — отдельный вопрос), при которой русское движение (так же как и левое, и либеральное, и любое другое) будет представлено политически ответственными и грамотными людьми. Ответственный и грамотный политик, представляющий интересы не только своей партии или организации, но главным образом интересы своего народа, должен будет очень хорошо понимать, что такое национальные интересы, — хотя бы для того, чтобы участвовать в политическом процессе и получить доверие граждан. Мне кажется, что в такой политической системе русское движение обретет качественно иной облик, станет сообществом людей, выдвигающих наверх лучших своих представителей. Такое движение, в котором всякое сектанство и сумасбродство (ныне русское движение оно просто переполняет) было бы просто исключено, преодолело бы все кризисы и расколы.

В этих условиях маргинальные элементы, выступающие с непопулярными в обществе или просто бредовыми идеями, перестали бы как-то влиять на облик и самочувствие русского движения, как бы себя эти элементы ни называли — хоть националистами, хоть национал-демократами.

Именно тогда русский национализм станет наконец цивилизованным, а русское движение — единым.

Олег Неменский, историк, политолог

Распространённый нынче тезис о кризисе русского национализма мне представляется крайне странным.

Во-первых, чтобы с чем-то случился кризис, это что-то должно к тому времени иметь хотя какую-то историю

реального существования. А русский национализм в его современном (постсоветском) изводе до сих пор находится на стадии раннего формирования — мы наблюдаем его предысторию, а не развитие. Собственно идеологии русского национализма как известной в обществе и в общих чертах довольно цельной концепции создания национальной государственности до сих пор нет, есть только наработки отдельных идеологов в этом вопросе. Более того, если взгляды каждого конкретного идеолога и можно представить как законченную версию русского национализма, то следует признать, что таких национализмов у нас много. Синтез этих идеологий — дело далёкого будущего. Кроме того, подозреваю, что таких синтезов тоже будет несколько, и какой из них сможет стать наиболее популярным в обществе — пока что трудно предположить, ведь и наша страна к тому времени наверняка сильнейшим образом изменится. А пока что любые трудности, с которыми сталкиваются национально мыслящие люди в России, являются лишь этапами становления нового для нашей культуры политического дискурса и формирования самых общих свойств современного русского самосознания, без чего никакого реального национализма быть просто не может.

Во-вторых, если говорить о ситуации в национально ориентированной русской общественности, то здесь я вижу скорее довольно мощное, ускоренное развитие, которое вполне может стать началом расцвета национального движения. Русский вопрос в наши дни состоит из трёх основных моментов, трёх проблем, на решение которых он настроен. Первое — это деструктурированное состояние русской идентичности, которая в нынешнем виде просто не может быть консолидирующим обществом признаком. Второе — это отсутствие у русских своего легального политического представительства, своего не то что национального базового региона, но даже инструментов куль-

турной автономии. И третье — это пребывание русского народа в расколотом состоянии, его компактное проживание в границах нескольких государств, проводящих в отношении к нему открыто этноцидную политику. И здесь самой крупной проблемой является украинская, как наиболее ярко выраженная в идеологическом и практически-политическом ключе.

Я вижу, что все три проблемы в 2014 г. подверглись значительной актуализации, и теперь в них вовлечена несопоставимо большая часть общества, чем даже год назад. Это само по себе — большая победа русского движения, так как показывает, что именно его вопросы являются сейчас всё более и более актуальными почти для всех. Вполне естественно, что ответы на них даются самые разные, в том числе и теми, кто уже давно составляет костяк движений, открыто называющих себя националистическими. Полагаю, что это нормальная ситуация для нынешней стадии развития национальной мысли: в будущем, когда появится преобладающая версия русского национализма, все остальные его прежние вариации — реальные и фейковые — будут рассматриваться как не имеющие к нему прямого отношения. В постсоветской России «националистами» себя называли (и по сей день называют) все, кому не лень, то есть люди с самыми разными, часто радикально противоположными друг другу взглядами, в том числе и не имеющие вообще никакого отношения к сфере национального и даже не ориентирующиеся в самой общей информации по этому поводу. Как то, что в своё время Гитлер вполне искренне считал своё движение социалистическим, не побуждает большинство современных исследователей и политиков-социалистов рассматривать его таковым. Или же то, что Жириновский себя называет либеральным демократом, вряд ли является основанием рассматривать идеологические наработки его партии как часть либеральной мысли России. Так и здесь:

не надо видеть всё, что называет себя националистическим, как часть «современного русского национализма» и искать соответствующие расколы и отсюда кризисы.

Наоборот, я вижу в наши дни скорее расцвет русского национального движения. Впервые у него появился свой базовый регион — Донбасс, свои вооружённые силы, своя линия фронта. Впервые русское движение оказалось в центре внимания всей исторической России. Впервые за все постсоветские годы русские добровольцы едут на русскую же землю воевать за русскую власть с русофобским постсоветским режимом. Это десятки тысяч человек, такого масштаба русского движения прежде просто не было. А к этому надо прибавить ещё сотни тысяч, если не миллионы, которые добровольно оказывают им посильную помощь. То, что именно украинский вопрос сейчас оказался центральным для всей политической жизни экс-СССР, стало поводом для новых, несомненно, имеющих большое позитивное значение размежеваний в национал-патриотической среде России. Есть основания надеяться, что этот «вызов» спровоцирует ещё большее расхождение собственно национальной (во всех её вариациях) и либерал-нацистской сфер российской политической жизни. Более того, происходящее на Донбассе стало вызовом для центральной власти России, и, независимо от её реальной политики, она вынуждена реагировать на всё это в чисто национальном ключе. Фактически, официальная Россия впервые в этом году заговорила на языке русского национализма — это огромная дискурсивная победа русского движения и, несомненно, его заслуга, ведь это доказывает, что оно смогло донести некоторые основные свои идеи до сферы большой политики, в которой само оно пока что не имеет возможности участвовать.

Вот где у русского движения действительно большие проблемы, которые можно назвать кризисом, — это

на территории Украины, подконтрольной Киеву и союзным с ним олигархам. В обстановке откровенного террора и атмосфере «войны с москалями» оно заглохло и в социальной сфере, и в информационной среде. Однако всё указывает на то, что это положение временное. В общем-то русские со времён гитлеровской оккупации не жили под таким жёстким гнётом, и нам известно, что наш невероятно терпеливый народ терпит всё же не бесконечно, загонять его в угол нельзя. Тем более когда это делает столь слабая власть, почти лишённая ресурсов для дальнейшего развития своего государства.

Есть все основания полагать, что в 2015 г. именно русские Украины будут давать русским в России основные стимулы для активизации и осмысления своих задач. Более того, как и в 2014 г., это будет иметь сильный отголосок и в Белоруссии, и в Казахстане. В этом плане я полагаю, что есть все основания для весьма оптимистичного взгляда на перспективы дальнейшего становления русского движения. Главное, что именно в этом году оно смогло стать действительно общерусским.

**Сергей Беляков, историк,
литературный критик**

Кризис русского национализма спровоцирован событиями на Украине, у которых, конечно, были и положительные для русского национального движения стороны.

Во-первых, к России вернулся Крым. Вольно или невольно, современная российская власть поспособствовала собиранию русских земель. Явление, имеющее аналоги и в недавнем историческом прошлом. Вспомнить хотя бы роль сталинского режима (чуждого украинскому национализму) в присоединении к УССР Галиции, Буковины и Закарпатья.

Во-вторых, кризис показал реальность современной русской нации. Стоило государству несколько помочь национальной мобилизации, как мил-

лионы людей стали единым фронтом. Русские в Донбассе пользовались массовой поддержкой русских из России, что подтверждается многочисленными источниками. Успех пропаганды не был бы таким грандиозным, если бы русские не составляли настоящей нации и не чувствовали своего единства.

С другой стороны, кризис как будто многих поставил в тупик. Трудно понять людей, прежде известных своим русским патриотизмом и активной деятельностью в русском национальном движении, но теперь проклинающих свою страну, желающих ей поражения, армии — разгрома, стране — распада. Бесспорно, русский националист может понять украинского, но как можно переходить на сторону последнего и желать зла своему Отечеству?

Очень многие русские патриоты, напротив, стали активными, принципиальными, даже оголтелыми украинофобами. Эти люди как-то перестали замечать все, что творится в современной России и на постсоветском пространстве, не считая Украины. Неужели теперь русским хорошо живется в Средней Азии и на Кавказе? Разве война на Украине прекратила азиатско-кавказскую миграцию и все связанные с ней беды? Или, может быть, салафиты в Дагестане перешли к мирной и спокойной жизни? На Кавказе больше не гибнут люди? России перестали угрожать исламисты? Или Россия превратилась в русское национальное государство? Но почему тогда русских в Донбассе снова стали называть «русскоязычными», хотя сам этот термин применительно к восточной и центральной Украине лишен смысла. Большинство украинских националистов там хорошо знают русский, хотя не всегда владеют украинским.

Наконец, не стоит ли русским националистам задуматься над приоритетами? Украинцев стали воспринимать как главных, смертельных врагов всего русского, но разве это соответствует действительности? Разве с Украины до

появления проекта «Новороссия» и начала войны в Донбассе бежали русские люди, оставляя землю, квартиры, имущество? Они, конечно, бежали еще в 1990 годы, но вовсе не с Украины...

Силы русского народа потрачены на войну, изначально бесперспективную. Как-то все упустили из внимания тот факт, что во всех регионах Украины, кроме Крыма, этнические украинцы накануне войны составляли большинство. Шапкозакидательские настроения, уверенность в слабости «украинского национального проекта» и утверждения, что украинцы — «фейковая нация», толкнули тысячи людей на авантюру, последствий которой они себе не представляли.

Вопреки ожиданиям, украинская нация не раскололась, но лишь сплотилась вокруг своего национального государства. А эта нация очень большая: около 37 миллионов украинцев только на Украине, а ведь украинцы живут и в России, в Канаде и т.д. Эти 37 миллионов поддержаны Западом (материально и морально). Они не исчезнут, не рассеются, как дым.

За военной эйфорией как-то упустили из виду, что ни одна из масштабных целей войны не достигнута: не удалось ни создать «большую Новороссию», ни ликвидировать «украинский национальный проект», ни установить границу по Днепру, ни даже федерализировать Украину (я уж не говорю об аморальности подобных целей и планов). Символично, что даже Мариуполь взять не удалось, хотя в победе все были уверены еще накануне штурма. Судьба «малой Новороссии», созданной героизмом русских людей, но разрушенной войной, пока что незавидна, а ее будущее — туманно.

Я уж не говорю о тяжком экономическом кризисе, стагфляции, падении рубля. О таких «меркантильных» вещах русские националисты как-то забыли, а зря. Последствия развала экономики могут стать началом гибели государства. Военная эйфория проий-

дет, и что будет тогда? Столетний юбилей Первой мировой войны побуждает к мрачным ассоциациям.

Год, начавшийся так триумфально для России (Крым), обернулся едва ли не геополитической Цусимой. И русские националисты приложили к этой «Цусиме» свою руку.

Александр Севастьянов, политический публицист

Кризис Русского движения, современного русского национализма налицо. Я могу это утверждать как участник Движения с 1991 года, многое и многих повидавший, а в настоящее время заканчивающий работу над историческим очерком Русского движения. Кризис не первый и не смертельный, хотя и затянувшийся.

Что этот кризис собой представляет, в чем состоит?

Он состоит в сложившемся противоречии между надеждами и чаяниями русского народа и тем путем, по которому его ведут с 2008 года наличествующие лидеры Русского движения. Рост русского национализма, происходивший с начала 1990-х годов по экспоненте, натолкнулся на некий потолок, за которым его нормальное развитие приостановилось. И даже немного пошло вспять. По данным ВЦИОМ, процент тех, кто считает, что «Россия в первую очередь для русских, которые должны объединиться для защиты национальных интересов», снизился с 50% в ноябре 2013 г. до 38% в мае 2014-го.

Между тем поддержка лозунга «Россия для русских» (пусть с оговорками) в 2005-м была и того выше: 61%. По некоторым данным, росла она и далее, доходя до 70 с лишним процентов, в то время как категорически против было не более 23%.

Некоторые социологи полагают, что к спаду националистических настроений россиян привели события на Украине и в Крыму, поскольку демонстрация «успехов» украинских нацио-

налистов, бандеровцев, значительно уронила акции национализма как такового, приведя за те же полгода к росту тех, кто считает, будто «Россия должна быть многонациональным государством, объединяющим разные народы», с 44% до 57%.

Конечно, украинские события оказывают влияние на настроения вообще и на националистическую готовность в частности. Но в любом случае от верной позиции лидеров зависит очень многое, а если такие русские «лидеры» (приходится брать это слово в кавычки), как братья Александр и Владимир Поткины, да и не одни они, публично встают на сторону бандеровцев, то понятно, какую сумятицу вносят они в массовое сознание! Их вина в девальвации Русской национальной идеи очевидна и несомненна.

Однако преувеличивать роль «русской весны» в снижении русского националистического настроения было бы неверно. Ведь происходящее на Украине не дает козыри и аргументы как противникам, так и сторонникам Русской идеи (о чем говорит и сам термин: «русская весна»).

На самом деле снижение популярности радикального русского национализма началось не в связи с украинскими событиями, а значительно раньше, и лежит целиком на совести тех, кто не сумел подъем Русского движения 1998–2011 гг. конвертировать в разумную политику с ясными и привлекательными целями, сопряженными с устремлениями русского большинства.

Проще говоря, лидеры завели Движение в тупик, вызвав в массах огромное разочарование, недоверие и недоумение: куда идти, с кем и за кем, что делать дальше?

Как свидетель и участник событий я считаю, что первопричина кризиса уходит корнями в 2008 год, когда впервые состоялся открытый союз части националистов с либералами по сценарию адепта «национал-оранжизма» и цветных революций Станислава Бел-

ковского. Подготовленный им союз осуществили три националистические организации: ДПНИ братьев А. и В. Поткиных, «Великая Россия» А. Савельева и С. Пыхтина и РОД К. Крылова со товарищи, создавшие т.н. «коалицию 8 июня» с организацией либерального толка «НАРОД» в лице А. Навального, П. Милосердова и др.

В среде русских националистов такой альянс вызвал сильное возмущение, что привело к расколу ДПНИ и Оргкомитета Русского Марша. Последнее особенно плачевно, т.к. Оргкомитет фактически выполнял роль координационного центра всего Русского движения, поддерживая разумный баланс разных течений и сил в нем.

Как получилось, что противоестественный союз либерализма (столь очевидно губительно проявившегося с начала 1990-х гг. в судьбе России и русского народа) и национализма встал на повестку дня и состоялся-таки к негодованию большинства русских людей?

Я не говорю здесь о работе представителей закулисья, которые не имели отношения к Русскому движению и преследовали далекие от него цели. Им, понятно, бессмысленно предьявлять счет за развал и дискредитацию РД или ДПНИ, поскольку ничего иного они и не хотели. Они целенаправленно работали в данном направлении, добились успеха и пожалы лавры.

Беда не в этом, а в том, что к указанному противоестественному союзу вполне искренне устремились многие лидеры и даже идеологи Русского движения. Одни из конъюнктурных или иных материальных соображений, другие — в силу роковых заблуждений. Таким образом, мы столкнулись с ошибочной стратегией и тактикой влиятельных в Движении лиц, которые и довели общее дело до сегодняшнего упадка.

Говоря о горе-теоретиках, сторонниках национал-либерализма, я имею в виду, например, зам. главного редактора Агентства политических новостей

(при Институте национальной стратегии все того же Белковского) Павла Святенкова, который еще в 2006 году писал в специальной статье «Младорусский национализм»: «В России зарождается новый, гражданский национализм... Он должен быть (и будет) синтезом либерализма (нормального, того, что за свободу, рынок и демократию, а не того, который “вся власть олигархам!”) и национализма (государство должно отстаивать интересы русского народа, понимаемого как гражданская нация, порядок, приоритет национальной экономики и культуры над иностранными)». Святенков надеется и мечтает: «Мы начнём эпоху нового национализма с чистого листа. Возможно, новый национализм следует назвать младорусским. Младорусский национализм будет — гражданским, либеральным, демократическим. Он даст ответ на национальный запрос русского народа» (<http://www.apn.ru/publications/article10821.htm>).

Святенков не потрудились объяснить, отчего это «национальный запрос русского народа» является «гражданским, либеральным, демократическим». Просто ему так помечталось...

Вслед за ним о национал-либерализме замечали и другие теоретики из окружения Константина Крылова, именующие себя русскими националистами, в первую очередь Александр Храмов. По этой причине, как я полагаю, РОД, а вслед за ним и НДП оказались в союзниках у российских системных либералов — «сислибов», рванувшихся к реваншу...

Что же касается ДПНИ и «Великой России», они, мне думается, руководствовались куда более прозаическими, прагматическими соображениями. А в результате все вместе оказались на обочине истории.

Русский народ, русские националисты в общем и целом не приняли курс на революцию под водительством «сислибов». Это становится совершенно ясным, когда мы сравниваем 12-тысячную

«Манежку» 2010 года или 20-тысячный Русский Марш 2011 года с теми жалкими сотнями людей, которых Белову, Крылову, Демушкину удалось привести в поддержку «снежной революции». Не угадали вожди смысл и направление порыва масс (антилиберального по сути)! Революция, да не та-с...

Прошедшие годы образумили некоторых участников, занявших в последнее время более конструктивную и созвучную времени и русским интересам позицию. Хотя, к сожалению, самая некогда большая и сильная организация — ДПНИ братьев Поткиных — так и не нашла в себе разумных сил сойти с пути бессмысленной, пустой, ничемной фронды ради фронды. Еще и усугубленной фальшивой позицией по Украине, безрассудной поддержкой бандеровского Майдана. Сегодня я не вижу у обоих братьев ни малейших перспектив в русской политике, выйти из бутылки им никак не удастся. Боюсь, что для обоих путь эмиграции, уже избранный одним из них, является единственным выходом. Искренне жаль...

Но куда жальче, что в результате стратегических, идейно-теоретических ошибок и просчетов московских вождей образовался роковой разрыв между миллионными массами стихийных русских националистов, научившихся за последние четверть века думать в национальном ключе, — и теряющим доверие руководством Русского движения.

Положение усугубляется еще и тем, что сегодня это Движение снова весьма далеко от единства и сплоченности — и тоже «благодаря» своему руководству.

Еще не так давно, в 2005–2008 гг., Оргкомитет Русского Марша служил прообразом единого русского координационного и организационного центра. Раскол, возникший из-за «коалиции 8 июня», основательно подорвал это единство, а закон, позволивший создавать партии всего от 500 участников, поставил на нем крест. Поскольку все тут же расплодилось по своим штаб-

квартиркам, занятые склеиванием микропартиек вместо создания единой большой организации, которая так необходима сегодня русскому народу, наконец сознающему свои права и интересы.

События на Украине, в Новороссии болезненно указали нам на недопустимость долее оставаться без такой организации, объединяющей русских (желательно еще и поверх границ). Очень многое могло бы там протекать совсем по-иному, будь у нас такой политический рычаг...

Сегодня, во-первых, наиболее чутким и адекватным руководителям русских организаций необходимо вернуть себе доверие масс. Для чего им следует открыто и последовательно вписаться в ту русскую антилиберальную революцию (или контрреволюцию, если угодно), которая развернулась сегодня на всех фронтах: политическом, экономическом, культурном, дипломатическом, военном. Первая задача — покончить с «пятой колонной», полностью обнаружившей себя. Вторая задача — поддержать Новороссию, добиться ее признания Россией. Если порой придется при этом сотрудничать с Кремлем (а такая возможность открыта) — что ж, это не худшее из возможных зол. Если придется критиковать Кремль, пытаться скорректировать позицию властей в том или ином вопросе, — это надо делать, но конструктивно и в легальных рамках. Вовсе не обязательно «сливаться в экстазе с властью». Но доносить до нее, пользуясь моментом и тактической близостью в ряде вопросов, наши принципиальные требования и проблемы — вот это обязательно! Конкурировать с нею в борьбе за доверие русского народа — обязательно! Надо, однако, понимать, что, находясь всегда и по любому поводу в оппозиции к власти, нелепо ожидать от нее понимания и взаимодействия, а от народа — уважения.

Надо надеяться, что в связи с войной в Новороссии у русских появятся и но-

вые лидеры, а возможно, и новые структуры, крещенные кровью...

Во-вторых, нужно выработать единую «Русскую платформу» и приступить к созданию, вместо многих маленьких партиек, единой большой русской партии.

Возможно, при этом следует вначале делать акцент на инициативе регионов, стремясь на первом этапе к объединению национал-патриотов на местах, а уж потом — к общероссийскому «Русскому съезду».

Отсутствие до сих пор у русского народа субъекта его права и воли — это безобразный и недопустимый факт, с которым надо покончить во что бы то ни стало.

В-третьих, нуждается в реформатировании и Русский Марш, который должен стать манифестацией не только нашего национального единства, но и наших разумных, привлекательных для большинства народа требований. Нам нужен привлекательный, обаятельный образ Русского движения, который притягивал бы, а не отпугивал народ.

В перспективе нам нужен «миллионный марш на Москву», подобный тому маршу чернокожих, что в 1960-е годы перевернул их судьбу, решил большинство их проблем. Или мы дурнее негров?!

Русский Марш — идеальная основа и тренинг для такого мероприятия. Нужна воля.

В-четвертых, во избежание в дальнейшем таких контрпродуктивных зигзагов, как тот, что привел ряд вождей в лагерь «сислибов», нужен постоянно действующий теоретический семинар, на котором должна выработываться общая стратегия и тактика Русского движения. Назовите его «советом старейшин» или как угодно. Но подобный волонтаризм, как в 2008 году, не должен повториться.

В-пятых, есть настоятельная потребность в учебных курсах — курсах русского национализма. На которых ковались бы кадры среднего руко-

дящего звена для Русского движения, теоретически подкованные, способные ответить на любой вопрос. Не создав этот многочисленный слой «унтер-офицеров», мы не сможем удержать власть, даже если когда-нибудь возьмем ее...

Ярослав Бутаков, историк, политолог

Чтобы говорить о кризисе современного русского национализма, надо сначала определить, что такое русский национализм. А поскольку это заняло бы непродуктивно много места, то буду сразу исходить из своего понимания этого явления. Из дальнейших разъяснений, надеюсь, станет ясно, как я его понимаю.

Так вот, с моей точки зрения, никакого кризиса русского национализма нет, ибо нет самого русского национализма. Есть некая совокупность людей, называющих себя русскими националистами. Есть также некая совокупность людей, которых другие называют русскими националистами. Причём эта вторая совокупность не полностью совпадает с первой. А русского национализма как общественно-политического явления нет. Как все парадоксы, этот только кажущийся. На самом деле он глубоко закономерен.

Названные русские националисты целиком и полностью зависят от правящей бюрократии. Это блестяще показал пример очередной несостоявшейся регистрации НДП летом 2014 года. Об этой регистрации уже объявили как о совершившемся факте, и вдруг — отказ в самый последний момент. Лидеры и активисты НДП полагали, видимо, что, отказавшись от критики власти и полностью поддержав её линию в украинском вопросе, они могут в благодарность рассчитывать на официальное признание своей партии. Но правящая бюрократия в очередной раз самодовольно показала, что нуждается в русских националистах только как в биомассе для питания собственного политического

тела. Для правящей бюрократии «русский национализм» — всего лишь набор мемов для манипулирования общественным мнением.

Завтра эта бюрократия одним росчерком пера может создать десяток подобных НДП, а послезавтра мигнёт — и половина лидеров таких партий окажется за решёткой. И всё это будет проделано совершенно без опасений протестов со стороны названных русских националистов. Более того, в следующий раз эти же националисты снова радостно кинутся в расставленные им ловушки, как только им опять покажется, будто власть реализует какие-то их лозунги.

Русский национализм не имеет общественной базы, независимой от власти. Главное зло для русского народа — эта постсоветская правящая бюрократия, а не Госдеп, не «укроп» и даже не мигранты. Нельзя идти на компромисс с главным злом ради избавления от зол меньших (даже если они реальны). Наоборот, необходимо использовать любые трудности нашего главного зла ради избавления от него самого, в том числе с помощью любых его ситуативных противников. Пока русские националисты этого не поймут — до тех пор русский национализм останется профанацией, «ловушкой для дураков», как говорилось в одном известном фильме.

Итак, проблема заключается не в том, как преодолеть «кризис» русского национализма, а в том, как помочь ему вообще появиться на свет. Его «внутриутробное развитие» что-то уж очень затянулось. «Ребёнку» пора рождаться, если он не хочет родиться мёртвым.

Неоднократный автор «ВН» Павел Святенков как-то сказал очень хорошую фразу: «Нация — это, прежде всего, пакет прав». Не знаю, насколько успешно сам Павел применяет своё определение к действительности и даже разделяет ли он сейчас то своё мнение, но сказано было удачно. Действительно, нация невозможна без прав человека и гражданина, причём равных прав.

Это, понятное дело, не исчерпывает всех атрибутов нации, но это то, без чего её просто нет. Рождение нации есть рождение гражданской и политической свободы, а не захват территорий и сплочение вокруг вождя.

Таким образом, гражданская и политическая свобода является главным предметом устремлений русского национализма без кавычек. А многие ли названные русские националисты сознают это? Очевидно, нет.

Многие русские националисты заняты педантичным определением, кто русский, кто нет, кому давать полные гражданские права в «будущем русском национальном государстве», кому не давать, какие генетические гаплогруппы в русском народе являются «истинно русскими», а какие нет, и т.д. Русскому национализму навязывается сегрегационный и дезинтеграционный дискурс. Между тем как избавление России от главного зла есть общая проблема всех народов России. Исторический шанс и естественная стратегия русского национализма — выступить лидером всей России в борьбе против этого зла, а не закукливаться в искусственно созданном мирке «истинно русских», что только укрепляет главное зло.

Русские националисты не формируют своей политической повестки, а следуют за навязанными им со стороны проблемами и раскалываются по своему к ним отношению. Типичный пример — бушевавшие два года страсти по поводу известной скандальной акции в Храме Христа Спасителя. Она сыграла совершенно провокационную роль, и в результате одни названные националисты стали обвинять других в «неправославии» и «русофобии». Все проблемы, которые могли бы объединить русских националистов, были напрочь забыты.

Безотказно провокационную функцию выполняют регулярные обсуждения темы: как поступить с мёртвым телом Ленина? И многие названные националисты смакуют этот вопрос как

якобы главный для «нации» и ищут друг в друге «жидобольшевика-русофоба».

Подобные вещи формируют вокруг «русского национализма» стойкую ауру пошлой клоунады, разыгрываемой время от времени по прихоти правящей бюрократии.

Когда дело доходит до серьёзных вопросов, то русские националисты «сливаются». В 2013 году кипели общественные страсти по поводу ликвидации Российской академии наук. Будущее отечественной науки — действительно один из жизненно важных для нации вопросов. Где были русские националисты? Даже те, что однозначно выступили против этой «реформы», не сумели возглавить общественный протест и тем повысить свой рейтинг. А некоторые и вовсе «глубокомысленно» обосновывали «пользу» от ликвидации РАН как якобы «прогнившего советского учреждения».

Один за другим принимаются законы, ограничивающие политические и социальные права граждан. Часто ли мы слышим протесты русских националистов по этому поводу?

Некоторые националисты боятся как огня т.н. социальных вопросов. Им кажется, что это вообще не их забота, а левых: наше дело, мол, борьба с мигрантами, которых левые защищают. То есть им в любом социальном вопросе чудится «социализм». Тем самым они отдают эти вопросы полностью на откуп левым группам. Между тем социальная справедливость, «социалка» вовсе не обязательно подразумевает социализм. Может быть, она даже противоречит ему. Националистам нужно внятно сформулировать своё отношение по всем социально-экономическим вопросам современной жизни России и её будущего развития. Сводить всё к «засилью мигрантов» — политический инфантилизм, выгодный всё той же правящей бюрократии.

Было время, когда довольно значительная часть русских националистов бравировала словосочетанием «нацио-

нальная революция». Когда же в феврале 2014 года в соседней Украине произошла действительно национальная революция — против прогнившей власти, против коррумпированной постсоветской бюрократии, за реальное участие народа в управлении, — то многие названные русские националисты не восприняли её как пример активного социально-политического действия для самих себя. Они испугались её, они отвернулись от неё, и многие стали активными сторонниками российской власти в безумной надежде, что Украина скоро распадётся совсем. На мой взгляд, во враждебном отношении большинства названных русских националистов к украинской революции (и украинской государственности) проявляется комплекс собственной политической неполноценности: осознание своего бессилия совершить что-то подобное в России.

В своём естественном стремлении к свободе и демократии русские, в конце концов, смогут обойтись и без националистов, если те так и не встанут на высоте своих исторических задач. Претенденты на то, чтобы выражать интересы русского народа и говорить от его имени, найдутся всегда. Конкуренция здесь острая. Настоящих русских националистов такая перспектива должна заботить и тревожить, побуждать думать и действовать в правильном направлении — для борьбы с нашим главным злом, названным выше.

**Игорь Артемов, председатель
национального совета РОНС**

Никакого кризиса русского национализма в широком понимании этого слова в наши дни не существует! Безусловно, есть немалые проблемы и трудности у русских политических организаций, их лидеров и активистов. Но именно эти трудности есть признак того, что русский национализм — это очень живая и перспективная идеология.

Каждая здоровая нация должна

иметь свой национализм, и никакие силы не могут ей в этом помешать. Не имеет национализма только тот народ, который еще не осознал себя единой общностью (как многие африканские племена), или тот, который такую общность уже потерял или теряет (к чему быстро идут многие европейцы). К счастью для нас, мы, русские, находимся в середине этой шкалы. Мы нация, которую убивали долго и целенаправленно, много повредили и покалечили, но не убили. И сегодня в смысле перспектив русского национализма, а значит и надежды на национальное выживание, мы намного сильнее, чем немцы или итальянцы.

Если бы русский национализм был слаб и бесперспективен, с ним бы никто не боролся. Не было бы в России 282-й статьи Уголовного кодекса, не было бы идиотских законов о выборах, о партиях, о местном самоуправлении и других, у которых только одна задача — не пустить русских националистов к власти. Если бы нас не боялись стоящие сейчас у власти антирусские силы — они бы так не напрягались, не рязались бы в одежду «мы тоже патриоты».

В начале 90-х годов прошлого века можно было свободно и открыто декларировать себя русским националистом, можно было создавать русские партии и организации, участвовать в выборах, что мы и делали. Но русский народ нас в массе своей мало понимал. Не то чтобы был против. Скорее равнодушен и нейтрален. Поэтому ельцинские СМИ обзывали нас «фашистами», но не сажали в тюрьму. Каждые выборы нам приходилось «продавливать» избирателей, прилагать огромные усилия для того, чтобы донести до них наши идеи, которые многим казались какой-то теоретической экзотикой.

Считаю, что с начала 1990-х годов разные русские организации, и Русский общенациональный союз (РОНС) в первую очередь, проделали огромную работу по изменению сознания русских, в первую очередь молодежи и образо-

ванного сословия. Говорю это не потому, что сам состою в РОНС с момента его основания, а потому, что РОНС является единственной русской организацией, которая с момента своего основания и до наших дней участвует в выборах, побеждает на выборах, имеет депутатов и занимается практическим строительством русской национальной и государственной жизни.

Борьбу за сознание людей мы за эти годы во многом выиграли. В практической политике тоже уверенно продвигались вперед, никакими законными методами остановить это движение было невозможно. Сегодняшний взрыв эмоционального патриотизма в России, пусть не имеющий еще строгого вектора, структуры и организации, есть наша и только наша, практических русских националистов, большая заслуга. Именно поэтому Путин с некоторых пор объявляет себя «патриотом и государственнымником». Русская национальная идеология подсознательно господствует в умах и душах миллионов деловых, образованных и активных людей, и игнорировать эти настроения уже никто не может.

Власти РФ увидели эту тенденцию в начале 2000-х годов и явно испугались. Если вы помните, на совещании в правительстве РФ, кажется, в 2003 году, русское национальное политическое движение было признано главной угрозой «национальной безопасности РФ». Нынешние правители России не боятся никаких, даже самых «крутых» лозунгов. Не боятся терактов (террористов легко поймать и обезвредить, а страдают от них второстепенные фигуры), никаких маршей и демонстраций, представляющих из себя просто ежегодный выхлоп пара. Они боятся только одного — практического участия русских националистов в жизни страны, их прохождения в органы власти, появления русских СМИ, русского бизнеса и русской самоорганизации. Это политическая смерть для коллективного «дудаевачубайса». И они это хорошо знают.

Поэтому начались политические преследования, появились репрессивные статьи УК, начались фээсбэшные внедрения и провокации в русском движении. Заметьте, что удар наносили и наносят не по тем, кто что-то много, умно и долго говорит или пишет «экстремистские» книжки. Это никому не страшно. Под каток репрессий попадают в первую очередь те, кто поставил себе задачу вернуть русским в своей стране политическую власть и кто действует в этом направлении. И это не удивительно.

Русские Марши каждый год ходят по РФ и, говорят, даже расширяют свою географию. Количество «виртуальных воинов национал-социализма» тоже не уменьшается. Зато выбиты из политического процесса все фигуры и организации, которые могли бы составить конкуренцию властям РФ на открытых выборах. Выбиваются из легального поля те фигуры, которые могли бы быть в русской России министрами, губернаторами, главами корпораций. Запрещены все основные русские политические организации. Почти не осталось русских газет и журналов. На центральные СМИ время от времени попадают только те из «националистов», интеллектуальный и культурный уровень которых заранее оценен как ничтожный и для системы не опасный.

Политические репрессии властей и провокационная деятельность спецслужб РФ, конечно, являются главной причиной трудностей для современных русских политических организаций и их лидеров. Играет роль также отсутствие у русских националистов самостоятельной финансовой и экономической базы, которая позволяла бы строить нашу работу не столько на энтузиазме подвижников, сколько на профессиональном уровне. Но трудности эти преодолимы. Правители не вечны. Материальную базу можно создать.

Русское движение никуда не исчезло. Сейчас в России намного больше

предпринимателей, которые берут на работу только русских или христиан. Намного больше интеллектуалов, которые признают правоту русского дела. Намного больше представителей среднего класса, кто будет голосовать за националистов на первых же свободных выборах. Пока все эти люди по объективным причинам не объединены в одно движение. Но это дело наживное. Идет ротация кадров. Исчезают «субкультурщики», любители зиговать и «слэмиться» на рок-концертах. Появляется больше специалистов и профессионалов.

А в том, что на многих активистов русского движения обрушился в последние годы каток репрессий, есть и своя положительная сторона. Мы увидели, кто стоек, а кто слаб, кто струсил, а кто остался верен своему делу и русской идее. Мы знаем, кто пошел на сотрудничество с «кураторами», а кто послал их на популярные у русских три буквы. Мы увидели и поняли, кто на что способен. Грустно, что таким способом. Но только жесткие ситуации проверяют людей.

Выход из сегодняшней ситуации для меня очевиден. Нужно сохранять любой ценой существующие русские структуры и связи между людьми. Развивать коммуникации, информацию и связь. Ничего не бояться.

Каждый из нас, тех, кто считает себя русским националистом, должен лично продолжать свое дело, даже если многие вокруг ослабнут и отвернутся. Идти к цели. Быть спокойным и упрямым, как пелось в одной замечательной старой песне. Искать и находить новых людей, средства, мудрые решения для любых ситуаций. Строить структуры. Привлекать союзников. Верить в конечную победу. Помогать друг другу. Не отчаиваться от неудач и свято верить в то, что мы делаем единственно правильное, благородное и божеское дело.

Владимир Пастухов, доктор политических наук

Русский национализм находится в процессе становления. В точном смысле слова русского национализма никогда не существовало. Славянофильство как в своей оригинальной, так и во всех своих производных формах, вплоть до современного евроазиатства (не путать с «евразийством» как продуктом русской идеалистической философии начала XX века), к русскому национализму не имеет никакого отношения.

То, что подразумевают под национализмом в России на бытовом уровне, есть архаика, рудимент дополитического сознания (черты которого, впрочем, можно легко обнаружить в любом обществе, в том числе и в самом что ни на есть развитом «европейском»). Это не национализм, а «рев племени», как об этом образно написал один из авторов сборника «Из глубины» (1918).

Национализм не может появиться раньше, чем возникла нация. Спокойный и непредвзятый взгляд на проблему должен привести объективного наблюдателя к мысли, что процесс становления русской нации пока еще не завершен (как минимум). Есть русский этнос, есть русский народ, но русская нация — это не история, это будущее.

В то же время нельзя сказать, что в России вовсе нет элементов национального строительства. «Нациогенез» идет в России своим особым, непростым путем с Петровских времен. Россия на свой особый манер, «толчками» входит в Новое время. Она, как длинный караван, растянулась на несколько исторических поясов. Хвост еще топчется где-то в Средневековье, а голова уже влезла в окошко постиндустриальной эпохи и аккуратно осматривается по сторонам.

Отчасти переживаемые Россией невзгоды как раз и обусловлены тем, что мы наблюдаем процесс становления русской нации (ошибочно полагая, что имеем дело с чем-то давно устоявшим-

ся). Соответственно нужно смотреть и на проблемы русского национализма. О его кризисе можно говорить весьма условно, как о кризисе подросткового периода в духе «детской болезни левизны в коммунизме».

Рациональный, взвешенный русский национализм по-настоящему еще себя не проявил. Он втянут в какую-то ложную бессмысленную борьбу с тем, что называется в России либерализмом, но что имеет к действительному либерализму весьма условное отношение. Настоящий национализм может быть только либеральным по духу, а настоящий либерализм не существует вне национальной формы.

Исторически становление нации и либерализма в Европе — это два совпадающих процесса. Но в России они оказались разведены по разным комнатам, как непослушные дети. Другой вопрос, что приоритеты могут быть расставлены по-разному. Поначалу и в Европе либерализм отнюдь не был так абсолютен и демократичен, как сегодня. Учитывая, что современная Россия и современная Европа (по моему мнению) живут немного разным историческим временем, то национализм и либерализм в современной России по определению должны выглядеть несколько иначе, чем в современной Европе.

Основной причиной кризиса национализма в России (если только не путать национализм со средневековой схоластикой, паразитирующей на склонении на разные лады слова «русский») является его неспособность осмыслить самого себя как модернизационную идеологию, цель которой — не защищать архаику, а превратить Россию в конкурентоспособное в условиях постиндустриального мира общество.

Сегодняшний «национализм» нацелен исключительно на сохранение черт некоей иллюзорной (потому что на самом деле ее давно нет) Московии, а должен быть нацелен на изменение России, на ее просвещение (не в смысле ученического подражания Западу, а в смысле

развития собственных творческих сил), на то, что Андрей Кончаловский называет «культурной индоктринацией».

Русский национализм должен формировать новые «полезные» ценности, а не консервировать привычки и традиции, тормозящие развитие русского общества, делающие его уязвимым в условиях меняющегося мира. Кризис «современного» русского национализма можно преодолеть только в том случае, если он по-настоящему и в действительности станет современным.

Парадокс ситуации состоит в том, что, с другой стороны, у России нет другого способа преодолеть кризис и вернуться в колею исторического развития, как обрести в качестве идеологии такой современный национализм, не отвлеченный, не архаичный, а просвещенный и ориентированный в будущее.

**Александр Елисеев, историк,
политолог**

Откровенно говоря, русского национализма как сколько-нибудь влиятельного политического движения еще попросту нет, поэтому говорить о его кризисе не приходится. Нечему быть в кризисе. Можно говорить об отдельных идеологах, функционерах, небольших группах, изданиях и сайтах в Интернете, но это и в совокупности имеет очень малый вес. Были отдельные относительно успешные проекты, такие как РНЕ или ДПНИ, но период их подъема был весьма краток, так что они скорее являются тем самым исключением, которое только подтверждает правило.

Русский национализм так и не смог стать полезным обществу, ибо не сумел найти столь необходимую ему альтернативу. Со времен перестройки русские националисты выступают за «третий путь», отличный как от коммунизма, так и от либерализма (капитализма). Однако давно уже выяснилось, что коммунизма как некоей политической силы нет (как и национализма, кстати) —

есть несколько маловлиятельных левых групп «сталинистов», «троцкистов» и др. А есть государственный капитализм, который объединяет самые разные силы — от «правых» до «левых». Какой-то идеологической основы у него нет, он может примерять и носить разные идеологии, но при этом общим является одно — признание ведущей роли бюрократии в условиях капиталистического строя. Собственно, основы нынешнего государственного (по сути, бюрократического капитализма) были заложены ещё в «советское» время. Тогда бюрократия усиливала свои позиции под соусом «коммунизма» и «социализма».

Госкапитализм имеет «официального оппонента» в лице либерализма, выступающего за капитализм «классический», «западный». Сущностных различий между двумя этими направлениями практически нет, они выступают за встраивание России в глобальный капитализм, но только на несколько разных условиях. Госкаповцы считают, что ведущая роль здесь должна быть за бюрократией — при сохранении экономического (но не политического) могущества тех групп бизнеса, которые претендовали на власть в 1990-е. Либералы же предлагают сделать ведущими именно эти самые группы, указывая на то, что они типологически ближе к «классическому», «западному» бизнесу. Граница между госкапитализмом и либерализмом весьма подвижна, оба направления пересекаются друг с другом во множестве важнейших, узловых точек.

Так вот, националисты по сути отказались от обретения собственной субъектности («третий путь») и раскололись по вопросу о поддержке одного из двух направлений. Не случайно же в момент политического кризиса 2011–2012 гг., ставшего своеобразным «моментом истины», сторонники госкапитализма (этатизма) из числа националистов оказались, условно говоря, на прокремлевской «Поклонной», а приверженцы

«европейства» — в рядах пролиберальной «Болотной» (последние составили большинство). Ну и спрашивается, зачем кому-то нужны эти малочисленные группы, которые не предлагают ничего нового? А старое существует и так.

Националистам необходимо обрести субъектность, встав наконец-то на тот самый «третий путь» — между госкапиталистическим этатизмом и либералкапиталистическим индивидуализмом. Интересы общего и целого органично сочетаются в пределах «малого пространства» — общины (территориальные, производственные, т.е. артели и т. д.), где люди знают друг друга и имеют возможность для самоорганизации. Именно общины и должны стать базовой ячейкой — как политической системы, так и экономического строя. Их многоуровневая федерация и станет той самой национальной Россией, о которой так много говорят националисты.

Я бы использовал для характеристики подобного строя слово «социализм», но понимаю, что у многих оно вызывает ассоциации с псевдосоветским госкапитализмом. Поэтому вариантов тут может быть много — «солидаризм», «соборность», «коммунаризм» и т.д. Главное — сама суть. И здесь русским националистам здорово помогут труды русских народников и анархистов (В.П. Воронцова, П.А. Кропоткина и др.), которые органично сочетали: 1) самобытность и модернизацию; 2) национальное, социальное и демократическое.

Ярослав Белоусов, политолог

Не стоит рассматривать мнимый раскол правых сил в России по отношению к событиям на Украине как наступление некоего кризиса движения националистов. В этом отношении позиция по Крыму и проекту Новороссии скорее выступает фильтром, позволяющим разграничить собственно русских националистов разной степени демократичности и представителей субкультурных движений, для которых некоторые по-

литические символы оказываются важнее борьбы за пробуждение русского национального самосознания у населения юго-востока Украины и защиты проживающих там этнических русских от агрессии украинского интегрального национализма. Причем зачастую такие ультраправые, заявляющие о необходимости оказания помощи Киеву в его политике унификации страны, стараются как можно дальше дистанцироваться от защитников населения ДНР и ЛНР и занимают более крайние точки зрения, чем даже большинство деятелей либерального движения в России. Есть некоторое количество образованных и вменяемых людей, которые заняли позицию, противоречащую национальным интересам только из принципа быть постоянно несогласными с Путиным. К сожалению, они оказываются теми самыми жителями деревни, которых в одной детской сказке обманывал пастушок, крича «Волк!». Такие граждане поступают всегда наоборот тому, к чему их призывает государство, но в определенных случаях это приводит к издержкам не только для них, но и для всего общества.

Повторю — никакого кризиса русского национализма нет. Есть только большая проблема институционализации этого движения, которому не дают нормально оформиться в партию (или партии) и стать участником электорального процесса. По сути, русским националистам государство оставляет небольшую резервацию в виде улицы и культурной деятельности, умение перестроить которую станет главным фактором прихода представителей данного политического и идейного течения в большую политику.

Культурная гегемония и трансформация матрицы общественного сознания должны стать первостепенной задачей национальной интеллигенции, желающей сделать Россию полноценным национальным государством. Надо говорить на одном языке с массой и стимулировать её самоорганизацию в

гражданское общество. Для этого подготовлена отличная почва — и в XIX, и в XX веках был создан уникальный по мировым меркам культурный багаж. Националисты должны приспособить его к современным условиям, обеспечивая историческую преемственность, и чаще обращаться к исторической памяти народа. То есть должны быть как те, кто занимается утонченной интеллектуальной деятельностью в академической и художественной сферах, так и организаторы низовой активности граждан, способные в нужные моменты обеспечить массовую этническую мобилизацию. На самом деле ростки всего этого уже есть, и причем ростки многообещающие. Остается лишь культивировать их и ждать, когда распустится цветок, который не может не быть прекрасным.

Максим Брусиловский, публицист

Это не кризис — это конец определенного этапа. Точно так же внезапно закончился «национализм 90-х», от которого в новом времени одиноким утёсом остался А.Н. Севастьянов. Прочие же лидеры националистов периода лихолетья канули в Лету вместе со своими идеями и программными текстами. Многие из них ещё живы, но мы уже не помним их имён.

Рождённый 4 ноября 2005 года Новый Русский Национализм со скандалом скончался в свой десятилетний юбилей после долгой и продолжительной болезни.

Его наиболее удачным годом был 12-й, но именно в нём был заложен трагический финал. На подъёме волнений, когда, казалось бы, пришло время проявить себя, Новый Русский Национализм не смог доказать ни свою численность, ни влияние. Да — массы в целом разделяют националистические лозунги, но при этом совсем не спешат поддержать уже имеющиеся националистические организации или прислушаться к призывам немногочисленных

лидеров русского движения. Иезуитски проведенные выборы в Координационный Совет Оппозиции выявили и электоральную несостоятельность этих лидеров — число голосовавших за националистическую курию в нём оказалось достаточно скромным.

Спад 13-го принёс разочарование — даже Русский Марш, ранее прорвавшийся в центр Москвы, был отжат обратно в окраинное Люблино при полном попустительстве лидеров, даже не попытавшихся проявить твёрдость и удержать завоёванное с таким трудом.

Курьёзно, но финальным ударом для всего русского движения оказались события на одной из наиболее жалких окраин бывшей Российской Империи, где местная квазинация попыталась построить свою государственность единственным известным ей способом — в виде Гуляй-поля. Это вызвало разброд и нестроения в и так немногочисленной среде «националистических организаций». Выяснилось, что в словосочетании «русский национализм» для одних важно первое слово, и они готовы сотрудничать с представителями других политнаправлений ради блага соплеменников, а для других более важно второе, и ради «интернационала националистов всех стран» они могут поступиться кровными узами.

Как итог — Русский Марш 14-го, проведенный организаторами через «не могу и не хочу» всё в том же Люблино, дал пятикратное падение численности при общем доминировании «заукраинцев».

Единственным отрадным моментом оказался небольшой удельный вес субкультурщиков среди националистов. Тезис: «Каждый год 4 ноября мы с друзьями ходим прогуляться с растяжками и кричалками, ну нельзя же вот так взять и не прийти на Русский Марш!» — не нашел широкой поддержки. Люди проголосовали ногами, ясно дав понять: они приходили на политическое мероприятие, на демонстрацию нацио-

нальной солидарности и протеста против притеснений русского народа, а во все не на бойкую праздничную гулянку в стиле «Люблино Святого Патрика». И идти абы с кем в одном шествии, пусть и в разных колоннах, они тоже не хотят. Так что этап закончился, а русский национализм остался. Просто затаился. В ожидании новых лидеров, идей, организаций.

Ждём.

**Александр Храмов, публицист,
общественный деятель**

Русский национализм, как, впрочем, и все остальные политические течения, подчиняется логике развития страны в целом. В отличие от бывших союзных республик, Россия после распада СССР не пошла по пути построения национального государства. Вместо этого на протяжении последних 23 лет российские власти предпринимали всё новые попытки реинтегрировать бывшие «братские народы». С этой целью были созданы СНГ, ОДКБ, Союзное государство России и Белоруссии и, наконец, Евразийский союз. Кремль экономически поощрял постсоветские режимы, закрывая глаза на их отношение к русским меньшинствам, и приветствовал массовую миграцию из ближнего зарубежья. Слова Владимира Путина, заявившего о невозможности введения визового режима с бывшими республиками Советского Союза, поскольку в таком случае «мы их совсем утратим», являются яркой иллюстрацией этой политики.

Затянувшийся постимперский транзит отразился и на русском национализме. Многие из тех, кого относят к его сторонникам, подобно руководству России страдают фантомными болями по утраченной империи. Особенно ярко это проявилось в связи с ситуацией на Украине. Несмотря на то что русские националисты разошлись в своих оценках происходящего, многие из них исходили из одной и той же неоимпер-

ской парадигмы, просто по-разному интерпретированной.

Например, по мнению Дмитрия Демушкина, выступившего с критикой путинской политики в отношении Украины, «если кто-то хотел присоединить Крым, то надо было искать возможности присоединить всю Украину». Демушкин и его сторонники не видят смысла в локальных проявлениях русского ирредентизма, поскольку они хоронят «единство Великорусов, Малорусов и Белорусов». Представители данного лагеря (кстати, как и многие либералы) критикуют российскую власть за то, что она отпугнула «братские народы», то есть усложнила задачу по восстановлению имперского пространства. Сюда же относятся и русские ультраправые, примкнувшие к своим украинским коллегам, чтобы защищать от посягательств Москвы интересы «белых братьев». Как и в случае со сторонниками Демушкина, интернациональная славянская общность оказывается для них важнее отдельно взятой русской нации.

Представители национал-патриотической общественности, поддержавшие курс Кремля на Украине, также взглянули на текущие события с наднациональной «колокольни», однако увидели в них не крах имперского проекта, а, наоборот, первые серьезные шаги по возрождению империи, одновременно в дореволюционной и советской ее ипостасях. Многие из них, влившиеся в ряды повстанцев на Донбассе, восприняли войну на Украине не как межнациональное противостояние русских и украинцев, а как войну России с Западом за право оставить бывшие имперские владения в зоне своего влияния и выбить из Киева засевших там прозападных «фашистов», возродив, как заявил Александр Ходаковский, один из полевых командиров, «пророссийскую единую Украину».

В случае с Украиной, как и во многих других ситуациях, как действующая власть, так и большинство ее противни-

ков и сторонников из околонационалистических кругов вообще не мыслят в национальных категориях. Основная задача любого националистического движения в привычном смысле этого слова состоит в том, чтобы добиться максимального совпадения границ нации и государства, но для большинства активистов русского национального движения она вообще не стоит на повестке дня. В глазах Игоря Стрелкова, ставшего для национал-патриотов символом сопротивления Юго-Востока, сама идея создания русского национального государства является опасным отступлением от имперских канонов: «как построить “национальное” государство на месте многовековой Российской Империи, в которой мирно жили и развивались сотни народов?» — вопрошает он.

Разумеется, существует и прослойка русских националистов, которые всё-таки руководствуются традиционной европейской идеей *nation state*. Эта идея предполагает, как можно видеть из истории XIX–XX веков, не только этнокультурную однородность уже имеющегося населения, но и включение в состав национального государства зарубежных территорий компактного проживания соотечественников. Конечно, сдвиг существующих границ не всегда реализуем в силу внешнеполитических причин, однако *in potentia* националисты никогда не отказываются от такого сценария. Поэтому в событиях в Крыму и на Донбассе некоторые представители русского национализма (в основном национал-демократической ориентации) увидели попытку русского меньшинства на Украине воссоединиться с остальной русской нацией и приветствовали ее.

Такая точка зрения навлекла на национал-демократов критику с разных сторон. Действительно, им нередко приходилось выдавать желаемое за действительное. Не говоря уже о позиции Москвы, как уже отмечалось, многие ключевые действующие лица в

Крыму и самопровозглашенных Луганской и Донецкой республиках, вопреки национал-демократам, не осознают происходящее в качестве русской ирреденты. Не находят понимания национал-демократы и у сторонников «славянского единства», которые не видят разницы между русскими и украинцами и потому не приемлют конфликта между ними. Наконец, желание национал-демократов ограничить амбиции России на постсоветском пространстве защитой русских меньшинств неприемлемо для национал-патриотов, считающих, что война на Донбассе должна стать началом полномасштабной имперской экспансии.

Кризис русского национализма начался не вчера и даже не 20 лет назад. Он вытекает из исторической особенности российской государственности, благодаря которым русская политическая нация так и не состоялась. Имперская идея всё еще властвует над умами — вот почему повстанцы Юго-Востока поднимают на своих блокпостах советские знамена, а их критики из числа организаторов Русских Маршей рассуждают о единстве малороссов и великороссов, не замечая украинских бомб, обрушивающихся на города Донбасса. Кризисные явления в русском национализме свидетельствуют о том, что поворот России от империи у русскому национальному государству произойдет еще очень нескоро.

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»

Не вижу кризиса русского национализма. Наоборот, в стране национальный подъём.

В Россию возвращаются русские территории и русский народ, искусственно отторгнутые 24 года назад и ставшие заложниками политических амбиций временщиков в руководстве РФ. Русским националистам надо чаще и чётче озвучивать свои ориентиры. Именно русские националисты сформулирова-

ли важнейшие проблемы нашей страны и предложили пути к их разрешению.

1. Конституционное признание России национальным государством русского народа. Предоставление другим народам России законодательных гарантий равноправия и сохранения их национальной культуры, аналогичных европейскому законодательству о национальных меньшинствах.

2. Законодательное признание русских разделенным народом, имеющим право на воссоединение. Установление права этнических русских, вне зависимости от места рождения и гражданства, на репатриацию в Россию. Объявление России государством-убежищем для русских всего мира.

3. Практическая реализация конституционного права на добровольное указание своей национальности, в том числе и с помощью соответствующей отметки в паспорте.

4. Законодательное ограничение миграции и введение визового режима со странами Средней Азии и Закавказья. Депортация нелегальных мигрантов.

5. Практическая реализация конституционного принципа равноправия регионов. Отмена гласных и негласных льгот и преференций национальным республикам. Пресечение практики дифференцированного правоприменения, оправдания правонарушений и преступлений «национальными и религиозными традициями и обычаями». Обеспечение единства и главенства российского закона на всей территории России.

6. Практическое осуществление принципа бюджетного федерализма. Бюджетная обеспеченность регионов должна быть приведена к среднему уровню с предельным законодательно установленным отклонением (включая национальные республики Северного Кавказа и Москву). В России не должно быть ни политических, ни бюджетных, ни криминальных оффшоров.

7. Прекращение переселенческих проектов из республик Северного Кавказа в русские регионы.

8. Возврат Ставропольского края из Северо-Кавказского в Южный федеральный округ.

9. Разработка и реализация федеральных и региональных программ стимулирования рождаемости для регионов и этнических групп, страдающих от депопуляции.

10. Поэтапная легализация короткоствольного огнестрельного гражданского оружия. Легализация групп самообороны – народной милиции и дружин.

11. Немедленная отставка скомпрометировавших себя в глазах общественного мнения, провалившихся и некомпетентных чиновников.

12. Расформирование Департамента по противодействию экстремизму МВД РФ и создание на его основе подразделения по борьбе с этническими и организованными преступными группировками.

13. Отмена ст. 282 УК РФ, отрицающей принцип свободы слова. Реабилитация политических заключенных.

14. Прекращение гласного и негласного финансирования властью организаций и частных лиц, участвовавших в проведении в жизнь антирусской политики.

15. Практическая реализация конституционного права на свободу политической деятельности. Либерализация избирательного законодательства. Проведение подлинно свободных выборов. Поэтапное восстановление прямых выборов губернаторов.

16. Практическая реализация конституционного запрета на цензуру в СМИ. Равный допуск политических сил к общенациональным телевизионным каналам. Начало широкой общественной дискуссии о межнациональных и межрегиональных отношениях в России.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РУССКИМ?

Революция на Украине, свергнувшая режим Януковича, привела не только к вступлению Крыма и Севастополя в состав России, но и вызвала неожиданный кризис в рядах русских националистов.

Часть резко выступила в поддержку новой киевской власти во главе с президентом Порошенко. Другая — столь же определенно высказалась за Новороссию, то есть за Донецкую и Луганскую народные республики как государства, призванные защитить русских от геноцида со стороны украинских властей.

Происходящее на Украине является классическим примером национального строительства. Реализуется сценарий, о котором автор этих строк неоднократно писал на страницах «Вопросов национализма». Нация возникает путем уничтожения структуры господства-подчинения. В результате победивший народ, свергнувший тирана, обретает гражданские права и человеческий статус.

Многим в России непонятно, почему украинцы так взъелись на слабого президента Януковича. Дело в том, что он олицетворял всю структуру властных отношений, которая существовала на Украине в последние 25 лет. Иначе говоря — власть кланов, власть олигархов, господство закулисных договоренностей в политике, тотальную ложь и коррупцию.

Изгоняя Януковича, украинцы изгнали именно «старый порядок», если воспользоваться сленгом времен Великой Французской революции. Европейский выбор Украины — это выбор в пользу современного национального государства, рыночной экономики, Запада в целом, что с точки зрения существующей в современном Западе идео-

логии однозначно расценивается как «добро».

Внешним гарантом власти Януковича считалась Россия. Президент Путин умудрился, не имея реального влияния на украинские политические процессы, выглядеть в глазах украинского народа как куратор и гарант власти Януковича. Совершенно неудивительно, что после свержения украинского президента российский лидер оказался в роли Франца II, германского императора времен Великой Французской революции, — иначе говоря, в роли главы всех консервативных сил, которые хотят уничтожить революцию.

Для украинских революционеров борьба против Януковича органично переросла в борьбу против Путина, России и русских в целом. Революция на Украине приобрела характер не только национальной и антикоррупционной, но и антирусской. Первым решением, провозглашенным Верховной радой после свержения Януковича, оказалось решение об отмене регионального статуса русского языка (закон об этом был принят во исполнение предвыборных обещаний бывшего украинского президента и вызвал ярость у украинских правых).

Перед русскими националистами, неоднократно критиковавшими нынешнюю Российскую Федерацию за её идеологию «многонациональности» и отказ от признания России национальным государством и Родиной русского народа, возникла сложная проблема.

Одна часть националистов решила, что следует поддерживать украинскую революцию как национальную революцию украинского народа, направленную на вестернизацию Украины и даже

полный разрыв с Россией и русскими, в надежде на то, что аналогичная революция произойдет и в России, а значит, удастся избавиться от режима «многонациональности» и создать современное национальное государство.

Другая часть националистов решила сделать ставку на Русскую весну, то есть на поддержанное Москвой антикиевскую революцию русских в Донецке, Луганске, а также Крыму и Севастополе (до вступления этих регионов в состав России). Надежды этой части националистов были связаны с возможностью, хотя бы частичной, освобождения русских и возможной (хотя и не гарантированной) «русификацией» современного политического режима в России.

Недостатки обеих позиций очевидны.

Националисты, сделавшие ставку на Киев и поддержку Майдана, в короткий срок прошли путь тотальной денационализации. В условиях развернутой в Киеве гражданской войны на Украине эти люди были вынуждены идеологически оправдывать ежедневные убийства русских. Для чего пришлось использовать язык украинской пропаганды, провозгласившей русских «колорадами» и «ватниками», то есть недочеловеками. Очевидно, что не может быть русским националистом тот, кто одобряет геноцид русских. Таким образом, та часть националистов, которая безоглядно поддержала Майдан, неожиданно сама себя дискредитировала. Их идеологическая позиция выглядит столь же абсурдно, как позиция сиониста, поддерживающего Холокост.

Националисты, сделавшие ставку на Русскую весну, оказались в ситуации временного союза с российской властью. Руководство России, преследуя геополитические интересы, в частности, добиваясь отказа Украины от вступления в НАТО, поддержало восстание русских на Юго-Востоке этой страны. Однако сам политический режим в России изменился несильно, оставаясь по

прежнему «многонациональным». Это делало возможными упреки националистов в «ордынстве» и поддержке авторитарной (и не дружественной русским) центральной власти.

В результате произошел перехват националистической повестки властью. То есть власть на данном этапе просто объявила себя единственным националистом в стране. В ходе заседания дискуссионного клуба «Валдай» президент Путин сказал: «Самый большой националист в России — это я. Но самый правильный национализм — это выстраивание действий и политики так, чтобы это пошло на благо народа».

Русское национальное движение оказалось в ситуации глубокого раскола. Повестка, которую русский национализм проводил в жизнь на протяжении «нулевых», отодвинута в тень. Такие проблемы, как миграция, построение русского национального государства, отношения русских с другими народами России, неравноправность («асимметричность») Российской Федерации и привилегированное положение национальных республик по сравнению с русскими регионами — все эти действительно острые и никуда не исчезающие проблемы оказались временно не важными на фоне украинского кризиса.

* * *

Что же произошло с националистами? Кто виноват? И что делать?

Прежде всего, раскол в среде националистов — следствие столкновения с чужой идентичностью, в данном случае — украинской. Раскол этот демонстрирует слабость идентичности русской, готовность многих людей, в том числе казавшихся кондовыми националистами, легко перейти на сторону «идеологического противника».

Конечно, многим казалось, что нынешний украинский режим несет с собой идеи вестернизации и свободы. Но даже если предположить, что это так (что совсем не очевидно), какова от этого выгода русским? Не окажутся ли

русские на Украине в течение короткого времени такими же бесправными изгоями, каковыми они являются в Латвии или Эстонии?

Вообразим на мгновение, что режим вроде гитлеровского нес бы с собой свободу и вестернизацию. Должны ли были поддерживать его еврейские националисты? Очевидно, нет, так как он нес угрозу физического истребления их народа.

«Вестернизированный» киевский режим не стесняется бомбить и обстреливать Донецк и Луганск. Гибнут русские люди, при этом часть «националистов» поддерживает эти акции, заявляя, что режим Порошенко убивает «ватников» и «колорадов».

Иначе говоря, часть национального движения не только подписалась под массовым убийством русских на Украине, но еще и согласилась с расчеловечивающей русских риторикой. Ибо в чем смысл болтовни про «колорадов», как не в объявлении простых русских людей «жуками-вредителями», которых можно уничтожать без жалости? И разногласия с Путиным тут не оправдание. Можно ли представить себе еврейского националиста, который бы из-за противоречий с Черчиллем согласился бы с Гитлером? Вопрос риторический. Но у нас произошло именно это.

Главный вопрос — почему? Попробуем ответить на него.

Доселе мы считали, что русское национальное движение отстаивает русский народ и единую русскую идентичность. Но если приглядеться, выяснится, что русское национальное движение состоит из великого множества мини-идентичностей. Зачастую люди приходят в национальное движение через казачество, родноверство, «правый движ», занятия спортом и тому подобное. Национальное движение по сути является союзом субкультур. Это было бы совсем неплохо, если бы субкультуры существовали на базе единой русской идентичности. Но вот её-то, похоже и нет. Каждая субкультура пред-

ставляет собой маленькую «нацию», существующую на этническом субстрате русского народа. Но не более.

Иначе говоря, люди называют себя русскими националистами, но делают это, опираясь на субкультуру, на свою мини-идентичность. И если русские в целом — народ, но не нация, субкультура начинает заменять нацию собой.

Русская идентичность не сформулирована четко. Кто такой русский? Что значит быть русским? Это вопросы без ответа. Сейчас, в ходе войны в Новороссии, ответы стали появляться. Например, русские — это те, кто в беде своих не бросает. Или русские — это те, кто помогает русским.

В отличие от русскости, украинская идентичность сформулирована четко. Акцент сделан на «свидомость» (сознательность), то есть принятие украинства как идеологической антирусской доктрины. «Украина — не Россия», — так называлась книга бывшего президента Украины Леонида Кучмы. Очень важным свойством «украинства» является способность интегрировать чуждых с точки зрения происхождения людей. Выучи украинский язык и скажи, что ты украинец — и «добро пожаловать в клуб».

Если мы посмотрим на субкультурные мини-нации, присутствующие в русском национальном движении, то увидим, что они построены по схожим принципам. Всегда есть некая идеологическая доктрина, стоящая в центре субкультуры (будь то родноверие или катание на мотоцикле), есть правила приёма (в том числе и «чужаков»).

Если мы сравним русскую идентичность с украинской, мы увидим главный недостаток современной русскости — её навязанный русским внешними врагами расовый характер. Что это означает? Господствует концепция «капли нерусской крови». Это значит, что от русского непонятно почему требуется, чтобы все его предки были русскими. Даже если хотя бы один предок (хоть прадедушка, хоть прапрадедушка)

был нерусским, человек объявляется нерусским. Эта концепция широко представлена в российских «многонациональных» СМИ, время от времени доказывающих, что «Пушкин был нерусским» (его прадедушкой был «негр», арап Петра Великого), «Лермонтов был нерусским» (из-за мифологического происхождения от какого-то «Лермонта»).

Легко заметить, что эта концепция направлена на исключение из числа русских всех национальных гениев нашего народа, а в идеале — вообще всех русских как таковых (всегда найдется доисторический прапрапредок, бывший по национальности, допустим, кривичем). Однако, лишая русских русской идентичности, данная концепция не приводит к возникновению никакой новой самоидентификации. «Нерусский» остаётся в подвешенном положении. Единственное, что он знает — претендовать на власть в стране, на человеческие права он уже не может. То есть данный концепт превращает русских в безымянную биомассу, у которой даже самоназвания нет. У врагов же слова находятся сразу — денационализированных русских, пораженных вирусом советского расизма, именуют «ватниками» и «колорадами» (что есть политкорректное обозначение «недочеловека», ибо «жук» — насекомое).

Иначе говоря, украинская идентичность обладает способностью национализации даже тех людей, которые к украинцам формально-этнически не принадлежат. Украинцами являются белорус Виктор Янукович, имеющая армянские корни Юлия Тимошенко, министр МВД Арсен Аваков и многие другие. Все эти граждане хором поют: «Спасибо тебе, Боже, что я не москаль».

Украинскую идентичность можно определить как «включающую». То есть на данном этапе она может интегрировать чужаков. Русскую идентичность следует определить как «исключающую», она не только не интегрирует

чужаков, но и благодаря внедренному извне расовому подходу исключает из своего состава природных русских.

Сейчас я скажу странные слова про составляющие русское национальное движение субкультуры. Мы сами, русские националисты, часто полагаем, что субкультуры находятся в ядре русскости как таковой. Дескать, это не просто русские, но русские со знаком качества. На деле, похоже, речь идет о попытках окраинных идентичностей (казаков, родноверов и т.п.) добиться признания своих законных прав на власть и территорию путем включения в русскую идентичность, используя свою специфическую субкультурность как средство для «взлома системы».

«Мы — казаки, признайте нас русскими и дайте нам владеть нашей родной землей», — требуют люди от государства и общества. Понятно, что на это многонациональное государство отвечает. Итог — ассимилироваться, вступить в русские, добиться признания своих прав именно в качестве русских людям не удастся. Ведь если признать русских русскими, придется, пожалуй, признать за русскими право на Родину, на статус России как национального государства русского народа и государства-убежища. На это РФ в современном формате идти не хочет.

В результате, поскольку не получается вписаться в русские (то есть народ, обладающий правами, Родиной, собственной землей), субкультуры пытаются основать собственные идентичности на основе отстройки от русскости как таковой (пример — поморы, «сибирские сепаратисты»). Это не получается, так как русские пока еще достаточно гомогенный народ. Но постепенно раскол будет нарастать, так как навязываемое властями представление о том, что русский — это раб-евразиец, не имеющий Родины, рано или поздно вызовет взрыв сепаратизма и образование на основе русского народа нескольких, уже не русских, а возможно и антирусских наций.

Поэтому когда рядом с нашими родными субкультурами появилось украинство как идеология включающая, приглашающая интегрироваться в украинцы и на этом основании сразу дающая пакет прав — на Родину, на национальное государство, на демократию, многие представители субкультур просто решили интегрироваться в похожий проект. То есть зачем выдумывать «этническое казачество» и «поморство», если можно сразу получить паспорт государства, где все говорят по-русски (хотя молятся на украинский язык) и нет никаких проблем ни с Родиной (Украина — для украинцев, а для кого же еще?), ни с правами человека (никому не придет в голову оскорбить украинца, назвав его евразийцем и доказывая, что у него нет ни малейших прав на родную землю под лозунгом «Украина для всех»).

* * *

Логика «сбежавших в украинство» ясна. Но что же делать нам, если мы хотим сохранить страну и народ? Ведь в рамках нынешней идеологии русским грозит раскол на всякого рода «поморов», после чего наш народ будет уничтожен по частям, потому что внешних хищников никто не отменял, а «удельные княжества», как показывает мировая история, легко уничтожаются внешним агрессором.

Полагаю, речь должна идти о преобразовании русской идентичности из «исключающей» во «включающую». Это первый, очень важный шаг на пути обретения свободы. Для этого необходимо четко сформулировать, кто такой русский, и критерии приёма в русские для «новичков». Попробую сформулировать свои критерии.

Для того, чтобы стать русским, человек должен сделать личный выбор, сказать себе и миру: «Я — русский». Именно выбор является предварительным (но не единственным) основанием для того, чтобы считать человека русским.

Русские могут быть: а) по происхождению; б) по принятию.

Русский по происхождению — это тот, кто имеет хотя бы одного русского предка среди дедушек-бабушек, кто принял сознательное решение быть русским, для кого русский язык является родным и кто не исповедует враждебной русским религии или идеологии (под таковыми понимаются разрешающие массовый геноцид русских).

Русский по принятию — это тот, кто не имеет русских предков, однако принял сознательное решение быть русским, знает русский язык и принял крещение в Русской Православной Церкви.

Критики могут спросить меня — неужели автор этих строк православный фанатик? При чем здесь крещение? Отвечаю — когда человек хочет вступить в новый для себя народ, его собственного заявления мало. Необходимо продемонстрировать лояльность принимающему народу. Самый простой способ для этого — принять религию, исповедуемую большинством этого народа. Теоретически для этого подходит и светская присяга вроде «Американской клятвы» (американцы отрекались от власти иностранных правительств и клялись защищать США с оружием в руках), но религия по ряду причин надежнее.

Главное, для чего нужно подобное определение русскости — слом вышеописанной расовой схемы, превращение русской идентичности во «включающую», интеграция субкультур, «новичков», а также дезориентированных расовым бредом русских (тех, кто думает, что башкирский дедушка навеки делает нерусским).

Так что, похоже, нужно начинать дискуссию о том, что значит быть русским, какими правами должен обладать русский, что означает связь между русскими и Россией. Если не сделать русскую идентичность «включающей», раскол русской идентичности будет усугубляться, и не только по украинскому вопросу. Он грозит пройти и по всему народу в целом. Не допустить этого и изменить ситуацию — наша задача.

Сергей Сергеев

ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Что может ранить сильнее, чем осколки разбитых иллюзий?.. Острота и болезненность нынешнего кризиса русского национализма именно отсюда: он «весомо, грубо, зримо» показал, что представления русских националистов о своей политической значимости и их реальное положение в политическом поле — «две большие разницы». Всем людям свойственно выдавать желаемое за действительное, русским националистам и даже их интеллектуальным лидерам семи пядей во лбу тоже ничто человеческое не чуждо.

* * *

В самый разгар «крымско-донецкого» кризиса один мой близкий друг выложил в Фейсбуке откровения нашего общего знакомого — весьма успешного московского филолога, начинавшего свою карьеру во вполне «русско-патриотической» среде и, несмотря на свои украинские корни (по отцу), в украинском национализме ранее не замеченного: «Пусть бы этот народ-“богоносец” сдох поскорее, ей-богу! Как же я рад, что я на 50% процентов — нерусский! Впервые в жизни для меня имеют значение вопросы крови... Был... пару недель назад на конференции... один австрийский коллега с пониманием сказал своему соседу за банкетом, когда я начал “выступать”: “Он хохол...”...А потом одна болгарка... подошла ко мне и сказала: “Я хочу, чтобы вы знали, что здесь есть люди, которые вас поддерживают. Мы с вами”. Я в слезах отвернулся... Сейчас я понимаю людей, которые шли работать в чёрные СС, в концлагеря.

Там — в печах концлагерей — место русским ублюдкам... Я бы их там сжигал, и их отвратительный зловонный жир растекался бы по сковородке, как старое прогорклое сало. Пусть лучше эта мерзость растекается на сковородке, чем по Стране святых чудес, по любимой Украине, по Европе. Надо их сжечь, вот что я думаю. Ненавижу язык, страну, народ...»

В этом тексте меня лично более всего удивил не высокий градус русофобии (к подобным перлам русским не привыкать!) и даже не то, что она исходит от человека, специальность которого именно *русский язык* (пикантное сочетание русофоба и учёного-русиста в одном лице для нашей интеллигенции отнюдь не редкость). Меня поразило прежде всего то, что автор данного пассажа (а подобное далеко не каждый «свидомый» решится написать!), украинец лишь наполовину, выросший и работающий в Москве, совершенно интегрированный в русскую культуру — и профессионально, и на бытовом уровне — сделал однозначный выбор в пользу украинской идентичности и расценил русских как экзистенциальных врагов, достойных полного уничтожения.

Что это, пресловутый «голос крови»? Но среди столь многих сегодня «украинствующих» либеральных интеллигентов отечественного производства более чем достаточно тех, кто никаким боком не причастен к Незалежной и, тем не менее, гордо ходит под жовто-блакитными прапорами и протестно носит вышиванку, при том, что аналогичные манифестации при-

частности к русскости с их стороны были и есть абсолютно невозможны, как нечто глубоко неприличное и «фашистское». Парадоксально, но и немалую часть русских националистов охватила эпидемия «украинобесия». С другой стороны, на Украине к местному национализму, несмотря на его очевидную русофобскую компоненту, охотно примыкают тамошние русские, как, впрочем, и тамошние евреи, совершенно не склонные почему-то вспоминать о туземной многовековой погромной традиции и легко закрывающие глаза на нацистскую символику батальона «Азов».

Приходится констатировать неприятный факт: *украинский национализм работает гораздо эффективнее, чем русский, — он более привлекателен.* Но как такое может быть? Русская культура — великая и мировая, украинская — локально-местечковая; вес России в мире по всем показателям несопоставим с украинским... И тем не менее украинский национализм — это бурный поток, увлекающий за собой всё вокруг, это *сила*, на которую можно беспроблемно (хотя бы в ближайшей перспективе) поставить, это не просто романтическая мечта, но и перспективная массовая «движуха», дающая ощущение «ты — не один»... Какой контраст с практически загнанными в подполье русскими националистическими организациями, лидеры которых по большей части либо сидят в узилищах, либо получили «предупредительные» приговоры, либо спасаются от судебных преследований за границей! И хотя, если судить по социологическим опросам, русские националисты вроде бы выражают чаяния миллионов, на практике их социальная база вряд ли превышает несколько десятков тысяч.

Быть русским националистом — значит не только обречь себя на репрессии со стороны власти, но и — самое печальное — на опасливое отчуждение со стороны большинства

единоплеменников, одобряющих твою деятельность в режиме шёпота на кухне и окончательно теряющих дар речи, когда дело начинает «пахнуть керосином». Русский националист — вовсе не герой своего народа, которого готовы нести на руках восторженные толпы, а действующий на свой страх и риск маргинал, которому очень многие сочувствуют, но мало кто хочет разделить с ним хотя бы малейшую долю риска. Этакие разведчики на вражеской территории, которых никто не признает своими, когда их схватят. *Грубо говоря, быть русским националистом невыгодно.*

Впрочем, указанное общественное равнодушие — пусть и не в такой драматической форме — испытывают на себе и другие общественно-политические направления. Скажем, судьба левых в чём-то даже плачевней, у них нет даже организаций, сопоставимых с националистическими. В каком-то смысле лучше ситуация у либералов, благодаря влиятельному «интернациональному» ядру отечественной интеллигенции и покровительству Запада. Но, так или иначе, широкой общественной поддержки не имеет ни одно из оппозиционных движений. Ибо нет и общества как такового.

Я знаю, что говорю банальности, но у меня есть ощущение, что их значение плохо осознаётся. Поэтому не грех к ним снова обратиться.

* * *

Ещё совсем недавно многие (в том числе и автор этих строк) питали пыльные надежды на скорое падение правящего антинационального режима РФ. И нельзя сказать, что надежды эти были столь уж беспочвенны, ибо путинизм к 2011 г. из-за своей очевидной неэффективности стремительно терял популярность. Но он устоял, и вовсе не потому, что был силён, а потому, что слабы оказались его противники. И дело не только в невысоком качестве лидеров оппозиции, а в том — прежде

всего — что последней недоставало массовости, «энергичности» и развитого политического сознания.

Причины этого просты, и не надо в их поисках в очередной раз мистифицировать «смирненную» / «рабскую» «русскую душу». Как известно из истории, *успешными* революционными переворотами руководят политические силы, опирающиеся не только на свой собственный энтузиазм, но в первую очередь на определённые, влиятельные и хорошо организованные социальные группы, которые своей поддержкой питают эти политические силы, приводят их к победе и помогают её закрепить, поскольку они в этом заинтересованы и у них есть для этого возможности. Это либо оппозиционная часть правящего класса, либо средние слои, либо и первая и вторые вместе.

Так вот, «по причинам историческим» — у нас таких групп нет. Для русской истории, для русского социума (как минимум, с эпохи Петра I) характерна гипертрофия государства и очень слабые, плохо структурированные и маловлиятельные средние и даже высшие социальные группы. Но зато имеется гигантский пласт низов, совершенно не структурированный и, более того, погруженный в архаику, а иногда сознательно в неё погружаемый верхами. Поразительно, сколь мало в этом отношении менялась ситуация. Точнее, она менялась, но за движением вперёд обыкновенно следовал откат назад, её только ухудшавший.

Десять лет назад под нашей с Е.Ф. Морозовым редакцией вышел в свет сборник трудов замечательного русского военного и политического писателя, родного дяди С.Ю. Витте и Е.П. Блаватской, генерала Ростислава Андреевича Фадеева (1824–1883). Среди прочего туда была включена, без преувеличения, одна из вершин русской политической мысли — книга «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (1874).

Фадеев в этой работе пишет о специфике России ровным счётом то же самое, о чём я говорил выше. Он, разумеется, не революционер, он — умеренный консерватор, желающий своей родине не застоя, а нормального, эволюционного развития. Но в том-то и дело, что таковое возможно только, если его двигателем является само общество: «связное и сознательное общество составляет... жизненную потребность наступившей эпохи [эпохи Великих реформ]... Без общества мы можем прозябать, но жить не можем». Но «мы покуда, — с грустью констатирует генерал, — только государство, а не общество».

Более того, в русском социуме практически отсутствуют «дрожжи» для формирования общества — самостоятельные и влиятельные «средние» социальные группы: «Русская жизнь сложила лишь два пласта людей — привилегированный и непривилегированный... В каждом из этих пластов... есть свои верхи и свои низы, своя аристократия и демократия; но в середине между ними нет ничего и не мелькает даже зародыша чего-нибудь для будущего...»

В связи с отсутствием социальных «дрожжей» («самодействующих общественных сил») общественная жизнь неизбежно парализуется: «Как иметь влияние на общество, когда оно не представляет ни сборных мнений, ни общих интересов, ни сложившихся групп, на которые можно было бы действовать; влиять же на людей поодиночке значило бы черпать море ложкой. Недостаток гражданской доблести, вялость в исполнении своих обязанностей и равнодушие к общему делу, в которых мы постоянно себя упрекаем, происходят, в сущности, от бессвязности между людьми. **Неудрено быть гражданином там, где человек видит перед собою возможность осуществить всякое хорошее намерение; но нужна непомерная, чрезвычайная редкая энергия, чтобы тратить силы**

при малой надежде на успех (здесь и далее выделения мои. — С.С.). Это чувство одиночества, действующее очень долго, повлияло, конечно, и на склад русского человека, сделало его относительно равнодушным к общественному делу, лишило веры в себя... Невозможно вылечиться от равнодушия, пока продолжается обстановка, его создавшая... Государство, населенное восьмьюдесятью миллионами бессвязных единиц, представляет для общественной деятельности не более силы, чем сколько ее заключается в каждой отдельной единице... В таком состоянии, при отсутствии общественной организации, ни умственная, ни деятельная жизнь России не сложится не только в пятнадцать, но и в полтора-два года; сухой песок никогда не срастется сам собой в камень».

Узнаваемо, не правда ли? Перед нами тот самый феномен социальной атомизации, о которой так много пишут современные социологи.

В результате, иронизирует Ростислав Андреевич, «нам приходится... возложить упование только на *сокровенную внутреннюю мощь русского народа, то есть на общее место, лишенное всякого значения в действительной жизни*». (Не такими ли «упованиями» является большинство современных позитивных прогнозов о будущем нашей страны?)

Таким образом, «Россия представляет единственный в истории пример государства», в котором существует *только одна реальная общественная сила — «верховная власть»*.

Но если это положение дел не менять, то русские останутся «навечно народом, способным жить только под строгим полицейским управлением», а «наша будущность ограничится одной постоянной перекройкой административных учреждений». «Следуя нынешним путем, мы неизбежно придем к исходу слишком явному, чтобы можно было в нем усомниться: к тому исходу, что русское общество, то есть вся наша

историческая культурная сила, рассыпется сухим песком, утратит всякую способность к какому-либо сборному делу, к какому-либо умственному или практическому почину, утратит всякое определенное сознание о различии между нравственно должным и недолжным, всякую мысль об общем деле, **сохраняя почтение к одной только истине — к практической истине личных интересов**».

Фадеев здесь, по сути, говорит о всем известном социальном феномене наших дней — «приватизации» человека, замыкании его в частную жизнь, утрате им гражданских добродетелей. Ясно, что эта «приватизация» напрямую вытекает из описанной выше социальной атомизации.

Ещё ранее Ростислава Андреевича о том же феномене (и также увязывая его с господством неограниченной верховной власти и с атомизацией общества) писал великий французский мыслитель Алексис де Токвиль в своей классической работе «Старый порядок и революция» (1856) (сочинение это была весьма популярно среди русских интеллектуалов 1860–1870-х гг. и несомненно повлияло на фадеевские размышления): «Люди в этих [деспотических] обществах, не связанные более друг с другом ни кастовыми, ни классовыми, ни корпоративными, ни семейными узами, слишком склонны к занятию лишь своими личными интересами, они всегда заняты лишь самими собой и замкнуты в узком индивидуализме, удушающем любую общественную добродетель. Деспотизм не только не борется с данной тенденцией — он делает ее неукротимой, поскольку лишает граждан общих страстей, любых взаимных потребностей, всякой необходимости взаимопонимания, всякой возможности совместного действия; он, так сказать, замуровывает людей в их частной жизни. Они и так уже стремились к разобщенности — деспотизм окончательно их изолирует; они и так

уже практически охладели друг к другу — он их превращает в лед.

В такого рода обществах, где нет ничего прочного, каждый снедаем страхом падения или жаждой взлета. Поскольку деньги здесь стали мерой достоинства всех людей и одновременно обрели необычайную мобильность, беспрестанно переходя из рук в руки, изменяя условия жизни, то поднимая до общественных высот, то повергая в нищету целые семейства, постольку не существует практически ни одного человека, который ни был бы принужден путем постоянных и длительных усилий добывать и сохранять деньги. Таким образом, желание обогатиться любой ценой, вкус к деловым операциям, стремление к получению барыша, беспрестанная погоня за благополучием и наслаждением являются здесь самыми обычными страстями. Они с легкостью распространяются во всех классах, проникая даже в те сферы, которым были ранее совершенно чужды, и, если их ничего не остановит, в скором времени могут привести к полной деградации всей нации. И так, самой природе деспотизма свойственно как разжигать, так и заглушать эти страсти. **Расслабляющие страсти помогают деспотизму: они занимают внимание людей и отвращают их от общественных дел, заставляют трепетать от одной идеи революции. Один только деспотизм способен создать покров тайны, дающий простор алчности и позволяющий извлекать бессчетные барыши, бравировав своей бесчестностью. В отсутствие деспотизма эти пороки сильны: при деспотизме же они правят миром».**

Разве это не фотографически точное описание путинской России с её «баблцентризмом»? Между тем речь идёт о Франции Наполеона III, что вносит в наши пессимистические рефлексии нотку оптимизма: русский опыт вовсе не столь уж уникален, это случалось и с другими, как-то данные проблемы решавшими; чем мы хуже?

Внимательный читатель может заметить, что я будто бы сам себе противоречу: с одной стороны, утверждаю, что революционный переворот невозможен без наличия в обществе сильных и независимых социальных групп, с другой же — привожу в пример императорскую Россию, бытие которой оборвалось как раз в результате революции. Но противоречие это мнимое.

В России несколько раз побеждали революции. Но были ли они *успешными*? Не в техническом только смысле — захват власти оппозицией, а в смысле реализации в нашей стране базовой модели общества Модерна — национального демократического государства. Ни Февраль и Октябрь 1917-го, ни Август 1991-го этой задачи не решили. Более того, по результатам, Октябрь и Август, осуществив некоторые принципиально важные аспекты Современности (в первом случае — индустриализацию и всеобщее среднее образование, во втором — пусть ущербную и относительную — свободу слова и экономической деятельности), продвинулись в деле социальной атомизации русского общества и «приватизации» русского человека куда дальше императорской России, о которой так печалился генерал Фадеев.

Как ни странно, но проигравшая (точнее, победившая частично) революция 1905 года была по сравнению с сёстрами-победительницами в этом отношении гораздо более успешной: относительно самостоятельный парламент и аграрная реформа Столыпина, финалом которой должно было стать появление класса средних крестьян-собственников, подводили хороший фундамент под строительство полноценного русского гражданского общества. Но всё это было смыто большевистским переворотом, суть которого точно почувствовал ещё в 1919 г. Максимилиан Волошин: *«Не в первый раз мечтаю о свободе, / Мы строим новую тюрьму».*

Та атомизация русского общества,

которую произвели большевики, и не считалась старорежимной России. Все прежние социальные группы были либо уничтожены, либо переформатированы до неузнаваемости и поставлены под тотальный контроль государства. Любые новые, естественно возникающие «снизу» общности тут же разрушались или «возглавлялись».

Тем не менее на закате СССР сформировался-таки вовсе не запланированный его вождями некий советский вариант «среднего класса» с ядром в виде технической интеллигенции (которую из всех слоёв населения «прессовали» значительно меньше). Именно он стал главной движущей силой Августа 91-го, и именно он же стал его главной жертвой — в 90-е новые «демократические» правители России успешно стёрли этот ещё не слишком отвердевший «камень» в «песок»...

Вот так и вышло, что в начале XXI века, как и в 70-е годы позапрошлого столетия, мы всё ещё «только государство, а не общество». Причём сегодня ситуация даже хуже. Во времена Фадеева существовало, по крайней мере, дворянство — сословие с большим социальным, политическим и культурным капиталом, имевшее определённую автономию от государства (именно на дворянство генерал делал ставку в своём проекте формирования русского общества). Сравнимых с ним по влиянию социальных групп в РФ нет и в помине. Т.н. «средний» и «креативный» класс есть просто социологические симулякры. В реальности же имеются *отдельные* социально активные предприниматели и интеллигенты. Даже в этих слоях большинство предпочитает «не связываться с политикой», чтобы не повредить своему бизнесу или вузовской карьере. Один мой близкий друг-предприниматель, сочувствующий националистам, тем не менее постоянно отклонял все мои предложения публично выразить своё сочувствие, хотя бы сходяв на Русский Марш. Его бизнес связан с государ-

ственными заказами, и он просто боится последствий «засветки» на оппозиционном политическом мероприятии. И кто сможет сказать, что его опасения беспочвенны?

И если уж бизнес- и интеллектуальное сообщество, имеющие хоть какую-то степень независимости, столь политически деликатны, то что можно сказать о подавляющем большинстве (70 и более процентов) российского социума — «низах», полностью зависящих от государственных подачек? Можно сколько угодно презирать их за «патерналистские иллюзии», за то, что они видят не более чем на шаг вперёд, но общественное бытие чётко определяет общественное сознание — «низы» страшно боятся потерять и те жалкие крохи, которые перепадают им сверху, поэтому они за «стабильность» и за «Путина». Любая же оппозиция — в том числе и националисты — могут эту «стабильность» разрушить, а дадут ли они что-то надёжное взамен — большой вопрос... Поэтому те или иные вспышки народного гнева (вспомним хотя бы Пугачёв и Бирюлёво) остаются в политическом плане пустым выхлопом, не инвестируясь ни в реальную поддержку существующих оппозиционных политических организаций, ни в создание каких-то новых структур общественной самоорганизации. Пошумели, добились того, что власть пообещала наказать виновных, и разошлись по домам — вот типичная схема подобных инцидентов.

Понятное дело, что этими людьми власть может легко манипулировать с помощью своей в последнее время затмевающей лучшие советские образцы массовой телепропаганды. Ибо обмануть их нетрудно, они сами обманываться рады. Ясно осознать, насколько безотраднa и бесперспективна твоя судьба, психологически очень сложно. Я не думаю, что русские «природно» склонны к мифологизации действительности, напротив, по моим наблюдениям, русский ум — преиму-

щественно практический и реалистический (недаром русские не слишком хорошо воспринимают условности в искусстве и всё ищут в нём «правду жизни»). Но бегство в иллюзии тоже может иметь вполне практический смысл: например, стремление избежать отчаяния, — как бы иллюзии ни были вредны, отчаяние «биологически» вреднее. Так что нынешняя вакханалия иллюзорного сознания имеет своим источником просто элементарный животный страх перед действительностью, трезвый взгляд на которую не может породить ничего, кроме горького пессимизма. (Это соображение, впрочем, не индульгенция для интеллектуалов, иначе пришлось бы «понять-простить» офицеров, дезертировавших с поля боя).

Надеяться на появление в ближайшее время социально и политически активных ячеек гражданского общества вряд ли приходится. Власть такие потенциальные ячейки будет только давить по испытанным рецептам, превращая всё хоть чем-то напоминающее «камень» в «сухой песок». Она и дальше будет культивировать в качестве основной единицы российского социума «приватного человека», «замурованного в частной жизни». А народное большинство будет и дальше идти по линии наименьшего сопротивления.

Уместно снова вспомнить Токвиля, на сей раз пассаж из его «Демократии в Америке», написанный как будто специально про наше сегодня: «Общество сохраняет спокойствие, но не потому, что оно осознает свою силу и свое благополучие, а, напротив, потому что оно считает себя слабым и немощным; оно боится, что любое усилие может стоить ему жизни: всякий человек ощущает неблагополучие общественного состояния, но никто не обладает необходимым мужеством и энергией, чтобы добиваться его улучшения. Желания, сожаления, огорчения и радости людей не создают ничего ощутимого и прочного, подобно

тому как страсти стариков приводят их лишь к бессилию».

Формирование основ русского гражданского общества сможет начаться не раньше, чем падёт режим «суверенной бюрократии». Но без наличия первого устранить второй практически невозможно. Замкнутый круг!

* * *

Как ни странно, но вся эта лежащая на поверхности социология не привлекала ни малейшего внимания со стороны лидеров русского национализма. Они были окрылены Кондопогой, Манежкой, Болотной, многолюдностью Русских Маршей, результатами опросов общественного мнения, по которым получалось, что лозунг «Россия для русских» поддерживают более 50 процентов опрошенных, а за потенциальную партию русских националистов готовы уже сейчас проголосовать порядка 15-ти. При этом не замечалось, что Манежка-2, о которой столь много говорилось, так и не состоялась, ибо фанатское сообщество не стало включаться в активную политическую деятельность; что массовка Русских Маршей, состоящая в основном из «правого движа», вдруг куда-то испаряется, когда дело доходит до действительно политических акций, — даже такие резонансные мероприятия как митинг «Хватит кормить Кавказ!», отдельный митинг националистов на Болотной или митинг «За визовый режим!» собирали лишь несколько сотен легко друг другом узнаваемых лиц; что участие националистов в протестах 2011–2012 гг., повысив их популярность в СМИ, вовсе не повлияло на расширение их общественной поддержки, о чём свидетельствовали, в частности, выборы в Координационный Совет Оппозиции, куда националистические лидеры сумели попасть только благодаря квотам, и т.д.

Говоря афористически, в сознании националистических вождей воля к власти полностью затмила волю к исти-

не. Они не хотели думать о социально-политических механизмах реализации своих программ, о том, на какую социальную базу будут опираться (туманно предполагалось, что это «средний класс»), надеясь, что волна народного возмущения поднимет их на свой гребень и внесёт если не в Кремль, то уж, по крайней мере, в Думу. В реальности же националистические организации продолжали оставаться немногочисленными клубами единомышленников без серьёзных социальных связей.

Будучи человеком «скептического склада», я пытался инициировать серьёзное обсуждение указанной проблемы, но живого интереса это не вызывало. В частных беседах мне говорили, например, о том, что гражданское общество у нас уже есть, и это Интернет-сообщество (а товарищи «слева» поведали даже о новом чудоклассе «информалиате»), которое вполне способно к политической мобилизации. В июле 2011 г. я выступил практически с теми же тезисами, что содержатся в данной статье, на круглом столе «ВН» «Национальная революция: сущность, движущие силы, русский опыт» (его материалы опубликованы в №7). И что же? Никто не захотел их обсуждать, хотя там присутствовал почти весь цвет националистического интеллектуалов. Доктор исторических наук В.Д. Соловей в ответ на мои экскурсии в прошлое сказал, что очень не любит «историческую казуистику», и предложил присутствующим думать о будущем, ибо «русское общество готово к радикальным методам борьбы за изменение своего положения», а политолог Павел Святенков, сформулировав дилемму: «Россия либо обречена на национальную революцию и построение современного государства, либо на деградацию по сценарию стран “третьего мира”», — тут же выразил надежду, что «первый вариант более вероятен, ибо во всем мире идет процесс демократизации».

События зимы 2011/12 г. вроде бы

подтвердили правоту оптимистов и поколебали даже скептицизм автора этих строк, спровоцировав его на написание нескольких эйфорических по настроению заметок на ныне почившем сайте «Русская платформа», которые ему сейчас стыдно перечитывать. Однако ж сегодня мы видим, что всё вернулось на круги своя, более того, в некоторых отношениях мы отброшены к уровню *до 2005 г.*: Русский Марш, по сути, приказал долго жить, русский национализм находится в состоянии жёсткого раскола, а главное, не осталось никаких иллюзий насчёт политической активности «ширнармасс».

Украинский кризис со «стеклянной ясностью» продемонстрировал слабость русского национализма — последний оказался не в состоянии предложить какую-то собственную стратегию, а был вынужден прислониться к одной из двух противоборствующих сил: либо к украинскому национализму и его отечественным либеральным симпатизантам, либо к кремлёвскому официозу (и там, и там в качестве «пятого колеса»). Символической иллюстрацией этой катастрофы стало размежевание Русского Марша в Казани: одна его часть продефилировала под жовто-блакитными прапорами, другая провозгласила здравицу великому Путину.

Об «украинобесии» людей, называющих себя русскими националистами, много говорить не стоит — очевидно, что они просто не понимают элементарной азбуки националистической идеологии, её первооснов. Но и история с поддержкой националистами проекта «Новороссия» также свидетельствует о неблагополучии внутри движения. Ибо в конечном итоге весь дискурс и практика сторонников «Русской весны» основывался на одной только надежде, что в пламени русско-украинской войны путинская неофеодалная «многонационалия» превратится в русское национальное государство. Паразити-

тельно, насколько оказалась живучей старая патриотическая мантра о неизбежном перерождении антинационального режима в национальный под воздействием внешних угроз (а родом она ещё из XIX столетия, о чём см. мою статью «Русский национализм и войны императорской России» в № 14 «ВН», см. также мои аргументы против этого заблуждения в статье «Прощание славян» — № 18). Сам был её приверженцем до конца 2007 г., а семь лет спустя стал удивлённым свидетелем того, как её озвучивают не только завзятые охранители, но и некоторые из тех, кто помог мне в своё время от этой иллюзии излечиться. Главный аргумент «перерожденцев» — «у “кремлёвских” нет иного выхода: либо переродятся, либо погибнут» — на самом деле не стоит выеденного яйца. Любой, «кто жил и мыслил», знает, что есть множество людей, которых никакие обстоятельства не могут заставить изменить свою внутреннюю сущность, а историку известно, сколько правящих режимов погибло из-за своей органической неспособности к вроде бы вполне очевидным и необходимым изменениям. Вообще же, бурная активизация «перерожденческого» дискурса — ещё одно печальное свидетельство политического бессилия русского общества.

В результате мы имеем два марионеточных по отношению к ни на йоту не поменявшей своей антинациональной сущности РФ (псевдо)государственных образования — ДНР и ЛНР, видеть в которых центры «русской ирреденты» может только очень наивный или очень недобросовестный человек, и дискредитированную (вольным или невольным) сотрудничеством с Кремлём национал-демократию — ещё недавно наиболее перспективное направление русского национализма. Да, весной поддержка «Новороссии» была неизбежной для НДП, хотя осуществлять её в дискурсивном пространстве нужно было с большим дистанцированием

от официоза. Но то, что эта поддержка осталась мейнстримом партийной пропаганды даже в сентябре-октябре, когда ситуация стала предельно понятной, было кардинальной ошибкой. Похоже, что националистам, сумевшим не подхватить смертельный вирус «украинобесия», грозит опасность заразиться хронической формой «новороссобесия», и в коалиции с разного рода ордынцами под чутким руководством полковника ФСБ Стрелкова изображать радикальных «ястребов», на фоне которых Кремль мог бы продемонстрировать своё голубиное миролюбие. Продолжать эту линию — путь к окончательному краху.

Так что же нам делать?

Во-первых, перестать выдавать желаемое за действительное и осознать, что наши успехи оказались столь эфемерными прежде всего потому, что правящий режим РФ держится не только на насилии и обмане «сверху», но и на специфике структуры российского социума, которая во многом и предопределяет характер этого режима, последнему в таких условиях нет никакой прагматической необходимости куда-то эволюционировать, а у «ширнармасс» нет никакой возможности его к этой эволюции подталкивать. Наша ниша в реальной политике чрезвычайно скромна, и рычаги для каких-либо великих переворотов у нас полностью отсутствуют.

Во-вторых, пора снова активизировать те сферы нашей деятельности, которые ещё недавно были для нас ведущими и создали нам определённый авторитет: правозащитную и интеллектуально-аналитическую. Поводов для первой всегда предостаточно, а вторая должна в первую очередь сосредоточиться на «работе над ошибками».

В-третьих, «при всём при том», нужно помнить, что нынешняя «стабильность» недолговечна, её уже и

сейчас «потряхивает», поэтому стоит быть готовыми к *любым* поворотам истории (в России все великие события происходят внешне совершенно внезапно, как говорил ещё Н.Я. Данилевский), вплоть до неожиданного падения режима. Наивно думать, что при наших скромных ресурсах мы тогда «возьмём власть», скорее, это сделают либералы, но какие-то «окна возможностей» могут открыться и для нас. А следовательно, необходимо сохранить и крепить те структуры, которые у нас имеются.

В-четвёртых, нужно рассматри-

вать и самый пессимистический сценарий — невозможность русского национального государства, блокируемого как «чекистами», так и «либералами», а потому стоит задуматься о запасном варианте националистического проекта — *национализме для националистов*, т.е. создании некоего русского «государства в государстве» на принципах национальной диаспоры со своими инструментами выживания и лоббирования. Возможно, этот «суб-этнос» со временем сможет стать и ядром новой русской нации...

Сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

• Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением

- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала

• Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Дмитрий Павлов

ВОССОЗДАНИЕ ЭЛИТЫ

Советское прошлое оставило немало дефектов в русской картине мира, многие из которых, увы, имеют свойство передаваться из поколения в поколение. Особенно в этом отношении пострадали гуманитарные науки, где безраздельно господствовавшие на протяжении 70 лет марксистско-ленинские идеологические мифы привели к серьезным, временами фундаментальным искажениям в методологии оценки и интерпретации социальных процессов. На наш взгляд, особенно серьезно пострадала историческая наука и смежные с ней дисциплины. Вульгарный классовый подход привел к тому, что подавляющее большинство ученых утратило понимание роли и значения элиты в развитии общества. На советском новоязе верхние слои социума стали именоваться «эксплуататорскими классами», которые если и совершали позитивные действия, то делали это либо в результате внешнего давления, либо под воздействием «трудящихся масс» снизу.

Самый серьезный удар в советские годы пришелся по элитным слоям государства, канувшего в Лету в октябре 1917 г. Наряду с эмиграцией, репрессиями и социальной маргинализацией, они подверглись еще и тотальной дискредитации в глазах новых поколений русско-советских людей. Пропаганда коммунистического режима изображала дворян, духовенство, высшее офицерство, зажиточное крестьянство, буржуазию и частично интеллигенцию никчемными, порочными и слабавольными «мироедами», от гнета которых партия большевиков избавила широкие народные массы. При всей справедливости многих пре-

тензий к привилегированным слоям Российской империи очевидно, что декапитация «головы» общества имела колоссальные негативные последствия для русского националстроительства. Последствия этой катастрофы не преодолены до сих пор. Если применительно к дореволюционной России можно говорить о том, что это было государство несбалансированное — т.е. качественно «естественная» макроструктура, имевшая, однако, серьезные диспропорции между несущими конструкциями, то СССР являлся именно «противоестественным» образованием, где отсутствовали базовые элементы нормального функционирования социального механизма в виде институтов собственности, а также основных прав и свобод. Как говорил один из моих родственников, проживший почти всю сознательную жизнь при советской власти, страна «без права собственности и без веры в Бога» изначально обрекалась на бесславный конец. Учитывая, что русские в СССР были искусственно лишены права генерировать собственную национальную элиту (что, напротив, прямо поощрялось в случае национальных республик), то степень ненормальности русского бытия в Советском Союзе можно характеризовать исключительно как аномалию.

Если рассматривать русское будущее как будущее национальное, то очевидно, что вопрос возникновения социального органа, который Константин Крылов именуется «быстрым мозгом нации» (т.е. ту самую элиту), приобретает первостепенную значимость. Именно успех в этом нелегком деле станет символом восстановления реальной, а не только символической

преимущества с дореволюционной государственностью. Очень легко поменять флаг, герб, гимн и конституцию; куда сложнее наполнить их реальным содержанием в виде устойчивых и динамично развивающихся социальных институтов. Поскольку русские «лишены» своего «острова Крым» или, иначе говоря, Сеула или Тайваня — зарубежного анклава, откуда можно было бы механически «импортировать» элиту, лишенную деструктивных ментальных и поведенческих стереотипов, — то планировать ее реанимацию придется из имеющегося «материала». Для ответа на вопрос о том, насколько сформировавшаяся последние четверть века верхушка постсоветского общества в состоянии трансформироваться в действительно русский национальный правящий класс, необходимо дать общую оценку потенциалу развития различных его сегментов.

Перестройка и переход к рыночной экономике на первый взгляд радикально поменяли характер элиты. Появился класс крупных собственников, которые возглавляли не только приватизированные советские предприятия легкой и тяжелой промышленности, но и принципиально новые виды капиталистических институтов, как, например, банки. Однако структурные реформы не сопровождались качественными изменениями состава владельцев системообразующих хозяйственных субъектов. Как прекрасно показал историк Сергей Волков в книге «Почему РФ — еще не Россия?», благами перемен воспользовались прежде всего представители прежней партийной и комсомольской номенклатуры. В дележе ресурсов приняли также активное участие нацменьшинства, формальные и неформальные организованные структуры которых не подавлялись советской властью. Именно эти две силы и составили олигархическую элиту 1990-х годов. Оглядываясь назад, иной сценарий вообразить достаточно проблематично. В отличие

от стран Восточной Европы, в России за 70 лет оказалась утрачена культура обращения с собственностью, и потому возвращение части активов прежним, дореволюционным владельцам в порядке реституции вряд ли имело бы смысл, кроме символически-воспитательного.

Безраздельное доминирование олигархов было нарушено в конце 90-х после прихода к власти В. Путина и стоявшей за ним корпорации тайной полиции, имевшей еще раннесоветское происхождение. В результате последовательного применения административного ресурса ключевые активы постепенно перешли к «чекистам» и другим представителям окружения нового президента. Стоит отметить, что аккумуляция ресурсов «красными директорами», «чекистами» и этнокорпорациями с последующим их переделом проходило не столько по законам рынка, сколько по мафиозным «понятиям». Однако это касается в основном крупных предприятий и стратегических отраслей. На более низких этажах социальной пирамиды появилось немало предпринимателей, успешно развивавших малый или средний бизнес, в том числе и в сотрудничестве с партнерами из западных стран. Выросла молодежь, прошедшая стажировку или получившая полноценное образование в Европе или США. Несмотря на то что в масштабах страны прослойка таких людей пока невелика, концентрируются они в основном в крупных городах, а их мировоззрение еще достаточно наивно (это, в частности, показал уровень политической культуры массовых протестов 2011–2012-х гг.), само появление устойчивой среды, не обремененной советскими ментальными и поведенческими стереотипами, можно воспринимать как сдвиг в правильном направлении.

Если в 2000-е годы к монополизации власти «чекистами» можно было относиться как к временной неизбежной реакции на дикий капитализм пред-

шествовавшего десятилетия, то сейчас становится очевидно, что узурпация ключевых и политических рычагов в руках закрытой корпорации консервирует неофеодализм: она уничтожает рыночную конкуренцию, закрывает возможности профессионального роста для «непривелигированной» молодежи в стратегических отраслях и в принципе ограничивает вертикальную мобильность. Отсутствие карьерных перспектив — важнейший фактор отъезда образованных молодых людей из страны.

Другим фактором подготовки и консолидации элиты должно стать возрождение кузницы кадров, где будущие лидеры проходят подготовку. Речь идет о полноценной сети средних и высших учебных заведений по английскому или американскому образцу, доступ в которые будет осуществляться по двум критериям — или соответствие высокому материальному цензу, или наличие недюжинных талантов. Такая реформа невозможна без коренных изменений в девальвированной сегодня концепции высшего образования в целом, которое в теории и на практике должно приобрести элитарный статус: оно подлежит тотальному пересмотру путем сокращения числа вузов и повышения качества преподавания в оставшихся. В новой парадигме университеты будут готовить молодых людей к двум типам деятельности: или к управлению на высоком уровне, или к занятию серьезной наукой. Ситуация, когда будущие менеджеры среднего звена и бухгалтеры идут в непрофильные вузы ради получения «корочки», не может считаться нормальной. Для ее преодоления следует сделать более престижным среднее специальное образование, преодолев негативную ассоциацию ПТУ в массовом сознании с атрибутом люмпенизированных низших классов.

Вопрос изменений в образовательной среде прямо коррелирует со статусом и качеством ее «стерж-

ня» — интеллигенции, прежде всего гуманитарной. Совершенно нетерпимой является ситуация, когда работники умственного труда вынуждены с трудом сводить концы с концами, живя на ничтожную зарплату, и тем самым находясь в «крепостной» зависимости от государства, занимаясь, выражаясь словами историка Сергея Сергеева, интеллектуальным коллаборационизмом: «Истоки нынешней странной ситуации, когда некоторые ловкие интеллектуалы получают прибыль — и материальную, и символическую — сразу и от власти, и от находящегося с ней во всё более непримиримом конфликте общества, там же, где и истоки государства под названием Российская Федерация — в позднем СССР. Советская гуманитарная интеллигенция принципиально отличалась от интеллигенции русской тем, что не представляла собой относительно автономного социального слоя, это была просто одна из групп государственных служащих». Разумеется, радикальное повышение статуса школ и вузов должно входить в число первоочередных мер нового национально-ориентированного правительствa, если таковое появится в будущем. Нет основания не ориентироваться на опыт соседней Финляндии, где труд школьного учителя и вузовского преподавателя оплачивается в среднем в пятикратном размере по сравнению с РФ. Другим важным аспектом позитивных изменений в среде гуманитарной интеллигенции является избавление от ущербных антинациональных стереотипов, связанных, во-первых, с длительной негативной саморепрезентацией, порожденной насчитывающим почти двухсотлетнюю историю нездоровым «ультразападничеством», и, во-вторых, доминированием в ряде ключевых сфер науки часто обремененных русофобскими комплексами людей иноэтничного происхождения, мигрировавших с окраин бывшей им-

перии в подсоветские Москву и Ленинград вслед за победой большевистского режима.

Оздоровление общества зависит не только от количественных и качественных изменений в интеллигентской среде, но и от преобразований в православной иерархии. Перед русскими как народом, в наибольшей мере пострадавшим от деструктивной политики коммунистического режима, этот вопрос стоит, возможно, острее, чем в любой другой европейской стране. Об этом хорошо написал Константин Крылов: «Религиозные ценности на Западе в результате секуляризации не исчезли, а получили своего рода “светскую редакцию” (например, та же честность, как базовая этическая характеристика западного человека). В СССР ничего подобного не имело места — советская мораль строилась с нуля и в результате обратилась в нуль, что мы и наблюдали воочию в девяностые. Стоит вспомнить и о религиозных корнях западной культуры — пропитанной христианскими мотивами, даже (и в особенности) там, где христианство отрицается. Или, скажем, такая тема, как “уровень религиозного обслуживания” — то есть совокупность минимальных требований, которые предъявляют оставшиеся верующими люди к своим пастырям. Та же РПЦ МП в её нынешнем виде была бы на Западе абсолютно невозможна — не из-за какой-то особенной её “безблагодатности”, “экуменизма” и т.п., а по причине запредельно низкого качества религиозных услуг». Важнейшей задачей Церкви должно стать преодоление крайностей «сергианства» — т.е. следования в фарватере любой государственной власти — и децентрализация, путем наделения реальной субъектностью местных приходов с сохранением за высшей иерархией исключительно функции «надзорной» инстанции за соблюдением чистоты веры. Именно курс на предельное сокращение дис-

танции между иерархией и простыми верующими (как это имеет место в современной Греции), а не попытки создать закрытое акционерное общество орденового типа послужит делу регуманизации межличностных и межклассовых отношений в России.

Говоря в общем, в современном русском обществе в РФ, бесспорно, наблюдаются позитивные тенденции, способствующие генерации национальной элиты. Автору этих строк не раз встречались относительно молодые представители элитных кругов, для которых необходимость перечисленных выше преобразований не подлежит сомнению. Важнейшим препятствием на пути к успеху является инерция «патерналистских» ментальных и поведенческих установок (с сожалением вынужден отметить, что известные события в Крыму и в Новороссии в 2014 г. послужили причиной для их ренессанса), а также все еще слабо выраженный уровень национального самосознания в большинстве слоев социума. Обнадеживает, однако, осознание того факта, что на реликты советской эпохи вроде «многонациональной» аксиоматики, веры в безусловный приоритет государственных интересов и безразличного отношения к «буржуазным» ценностям работает лишь остаточная энергия умирающих советских по природе и генезису институтов. На русское же национальное движение работает сама русская культура, которая, по словам философа Дмитрия Галковского, закладывает «реанимационную программу» в сами клетки русского генофонда: «Великий народ не может исчезнуть. Он может потерять территорию, экономическое могущество, но не культуру, потому что она вечна. Культура — это программирование. Когда человек читает великие произведения, он сам становится великим. Возникает магическое пространство, в котором могут родиться уникальные личности».

РОСТИСЛАВ АНТОНОВ

ЧЕЧНЯ. РАЗВИТОЙ ФЕОДАЛИЗМ

Первое, что бросается в глаза при въезде в Чеченскую республику, — это огромное количество портретов отца и сына Кадыровых. Они смотрят на тебя с фасадов домов, с въездов в населенные пункты, из подворотен и с рекламных плакатов. Чуть меньше встречается портретов В.В. Путина. Поначалу это сильно забавляет, потом раздражает, а потом просто перестаешь это замечать. Многие чеченцы, с которыми мне довелось пообщаться, далеко не в восторге от такого количества Кадыровых на квадратный метр площади, но публично предпочитают не высказываться.

На въезде в столицу размещен огромный глобус. Помимо надписи «Грозный — центр мира», глобус примечателен наличием двух Новых Зеландий; впрочем, если тут действительно центр, то кого это может волновать?

Резиденция главы республики достойна отдельного описания. Полет фантазии чеченских архитекторов превратил ее в комплекс зданий, частично окруженных рвом, заполненным водой. Все это скорее напоминает современное издание феодального замка, нежели резиденцию выборного лица. К ней не только нельзя подойти, но и снимать её запрещено. И это при том, что все в Грозном прекрасно знают, где именно она находится, а в Интернете полно ее фотографий, однако фотографировать президентский дворец в сочетании с другими объектами города, тем самым демонстрируя его местоположение, нельзя.

Ислам

То, что ты въезжаешь в исламскую республику, чувствуется сразу после

пересечения административной границы Чечни. Даже в Дагестане установлены намного более светские порядки. Однако, несмотря на это, и внутри исламского общества идет жесткая конкуренция между суфизмом (традиционным для чеченцев) и радикальными течениями.

Радикализация ислама представляет собой серьезную проблему. Чтобы противостоять данной угрозе, в Чечне действует исламский университет, проводятся конференции, ведется миссионерская работа. Все это приносит свои результаты. По количеству преступлений, совершаемых исламистами, республика уступила лидирующие позиции другим северокавказским регионам.

Фонд Ахмада Кадырова вкладывает значительные средства не только в пропаганду, но в строительство новых мечетей. Огромные комплексы с дорогой отделкой и позолотой, отстроенные в последние годы, явно не соразмерны реальным запросам верующих.

Но даже на фоне этого великолепия особняком стоит мечеть в г. Аргун, выглядящая как инопланетный корабль. Иноземного колорита добавляет арабская вязь, идущая по всей крыше комплекса.

Русские

Яркий контраст этому великолепию являет собой единственный православный храм в Грозном. Потехи по стенам, обвалившаяся штукатурка — все это скрывается за более-менее сохранным фасадом. У входа в храм вооруженная охрана; контрактник из Самары неторопливо проверяет всех входящих на наличие оружия и

взрывчатых веществ. Поговорив с прихожанами, я убедился, что это вполне оправданно.

— Раньше в Грозном жила интеллигенция, а теперь... много приехало необразованных людей из селений. Культуры им не хватает, — тихо говорит одна из прихожанок.

— Могут и в окна плюнуть и покричать что-нибудь неприличное, да и батюшке что-нибудь высказать, когда он по городу в рясе ходит.

— Есть ли чеченцы среди прихожан?

— Практически нет. Лишь несколько человек, которые переехали из Казахстана и долго жили среди русских. Местные своих в церковь не отпускают.

— Я немного похожа на чеченку, — рассказывает молодая девушка, — так ко мне возле церкви подошла женщина и спросила, зачем в церковь хожу.

— Как вы здесь живете?

— Более или менее. Самые страшные времена прошли, — рассказывает пожилой мужчина. — Было время, когда нам говорили, чтобы мы убирались отсюда. Не ваша это земля, езжайте в Россию. Люди оставляли жилье и бежали кто куда. Всякое было, и с балконов людей выбрасывали, чтобы квартиру забрать. А куда я уеду, я же здесь родился, здесь свою жизнь прожили мои предки. Сейчас успокоилось, вроде молчат, вон какой город себе отстроили. Но я вот думаю, разве можно построить счастье на несчастье других людей?

Всего русских в Грозном живет около полутора тысяч, в большинстве очень пожилые люди. В церковь по воскресеньям приходит человек 20, на праздники — несколько сотен. Помимо Грозного, русские проживают в Наурском и Шелковском районах, всего их в республике согласно переписи не более 30 тыс. (скорее всего эти цифры завышены), а в конце 80-х численность русского населения Чечни достигала 300 тыс. человек.

Нельзя сказать, что власти не по-

нимают всей глубины проблемы. В республике действует комиссия, в задачу которой входит репатриация русского населения, покинувшего территорию республики в 90-е годы, и выплата ему компенсаций, однако пока деятельность этой комиссии не слишком успешна.

Чеченцы

Я вышел из церкви и направился в сторону проспекта Путина, по дороге размышляя о том, как наладить диалог с чеченцами. Однако русские настолько редки на улицах города, что прилагать усилий для этого не пришлось.

— В гостях здесь? Бизнесом каким занимаешься? — поинтересовался возникший из ниоткуда чеченец небритой наружности.

— Можешь что-то предложить?

— По долгам помогаем. По всем регионам. Вот есть у тебя, например, должник, звонишь мне, говоришь: Анзор, помоги — и к тебе, в твоём регионе, подтянутся самые авторитетные люди. Работаем как с черными, так и с белыми.

— Воевал?

— За федералов, с бородатыми.

— Как здесь к русским относятся?

— Хорошо относятся. Никогда такого не было, чтобы чеченец у русского что-то отнял, там квартиру, машину. Всегда мы с русскими хорошо жили. Ты звони если что, посидим, поговорим обо всем, все тебе расскажу.

— Вы не корреспондент? — поинтересовался у меня пожилой мужчина в парке перед мечетью. Он привез внука, чтобы показать ей мечеть «Сердце Чечни», и пока она гуляла с матерью, ему по-стариковски хотелось с кем-нибудь пообщаться.

— Красиво у вас тут.

— Да, мы после войны намного лучше жить стали. А знаете почему? Мы добываем нефть, много нефти, и всю нашу нефть забирает Россия. Разница в том, что до войны у нас в бюджете оставалось лишь 2% от добытой нефти,

а теперь 33%. И вот, смотри какой результат, — он поводит рукой по сторонам. — А если бы у нас все оставалось, жили бы как в Эмиратах.

— Вот откуда они могут знать такие подробности? — иронично улыбается главный специалист-эксперт Совета экономической и общественной безопасности администрации Главы и Правительства Чеченской республики Алихан Исраилов, отвечая на мой вопрос. — Может быть, раньше республика и добывала нефть в промышленных объемах, но сейчас вся инфраструктура разрушена. Только восстанавливать начинаем. Вначале город нужно было воссоздать.

Город и горожане

Город действительно производит впечатление. Широкие проспекты, чистые улицы, отсутствие пробок, мамы, размеренно прогуливающиеся с детьми по проспекту Путина, проходящему через пл. Ахмата Кадырова.

Есть в городе и местные хипстеры, выглядящие скорее как ваххабиты, по какой-то неведомой причине пересевшие на велосипеды. Впрочем, носить бороды чеченцы начали еще тогда, когда это не было мейнстримом.

После войны Грозный был перепланирован и создан практически с нуля. Так, на месте дудаевского дворца появилась мечеть «Сердце Чечни», а на месте старой гостиницы «Чайка» построен ультрасовременный Грозный-сити. Состоит он из гостиницы, бизнес-центра и нескольких жилых домов, в одном из которых расположена получившая скандальную известность квартира Жерара Депардье. На фоне малоэтажной застройки города комплекс выглядит чужеродным элементом.

— Основная проблема нашего города, — рассказывает житель города Аслан, — в том, что он не заполнен жителями. Люди приезжают сюда днем, как на экскурсию, а вечером уезжают по своим селам. Работы здесь нет, а по-

тому нет смысла оставаться. До войны население достигало, наверное тысяч 500, а сейчас даже сложно сказать сколько.

И действительно, к вечеру город стал стремительно пустеть. Прогулка по ночному Грозному особого удовольствия не доставляет. Улицы освещены слабо, все закрыто. Город и в дневное время не сильно приветливый, а в ночное время выглядит совсем недружелюбно. Одинокое бредущее «лицо славянской национальности» вызывает широкий общественный резонанс. Некоторые машины останавливаются, чтобы лучше рассмотреть это диковинное явление.

Отдельно стоит отметить, что гулять можно далеко не везде. Например, если вы захотите в вечернее время посетить монумент, посвященный героям Великой Отечественной войны, где теперь разместился музей Ахмата Кадырова, вас ждет разочарование в виде нескольких вооруженных сотрудников непонятного подразделения.

Также будет огорчен любитель алкогольных напитков. Для того чтобы их отведать, чеченцам приходится ездить в соседний Дагестан.

Отдельно стоит отметить значительное количество вооруженных гражданских лиц на улицах города.

В гостинице, где я остановился, часть этажа занимал местный спортивный клуб «Edelweiss», а другую часть номеров занимали постояльцы, больше похожие на участников незаконных вооруженных формирований, недавно перебравшихся на зимние квартиры. Впрочем, беспокойства они не доставляли.

Больше раздражало другое... В общем, тем, кто не любит лезгинку, в Грозный лучше не ездить. Закрытые окна гостиничного номера от погружения в древнюю автохтонную культуру вас не спасут. Мое личное знакомство с музыкальными традициями чеченского народа продолжалось примерно до четырех часов утра.

Чеченская кухня довольно проста, но вместе с тем все готовится очень вкусно и сытно. На порциях не экономят, а по цене не жадничают. В большинстве случаев это семейный бизнес. Сотрудники и хозяева кафе, не избалованные вниманием туристов, с удовольствием рассказывают о своих фирменных блюдах и стараются произвести хорошее впечатление.

Большинство чеченок, которых вы встретите на улице, облачено в мусульманскую одежду, однако они слабо соответствуют образу «покорной мусульманской жены». Те из них, с кем я общался, контактные, доброжелательны, но и за словом в карман не полезут.

Чечня и Россия

Чувства от времени, проведенного в республике, смешанные. С одной стороны, в Грозном относительно безопасно. Но при этом город, когда-то основанный войсками генерала Ермолова, где проходил службу Михаил Лермонтов, стал для русского человека абсолютно чужим. Власти Чечни сделали очень много, однако, несмотря на все усилия, память о прошедшей войне еще слишком свежа и пропасть между чеченцами и русскими никуда не исчезла. Раны лишь слегка зарубцевались.

Республиканская власть утверждает, что Чечня — это обычный регион России, однако, безусловно, таковым он не является. В республике формируется моноэтническое и монокультурное общество с жесткой авторитарной властью. Общество, где русские и другие народы не имеют значимой перспективы ни во власти, ни в бизнесе. В настоящий момент главным связующим звеном Чечни и Российской Федерации являются лишь федеральные трансферты, полноводным потоком наполняющие бюджет республики, а в культурном смысле нас по-прежнему разделяет пропасть.

Если стоит задача в максимально короткие сроки подготовить республику к независимости, то федеральная власть идет в верном направлении. Если же планируется сохранить страну в ее прежних границах и укрепить позиции федерального центра, то подобное положение вещей недопустимо.

В этом случае нужна последовательная работа по интеграции Чечни в единое русское цивилизационное и культурное пространство. Республика остро нуждается в серьезных, а в чем-то и революционных изменениях во всех сферах жизни, начиная с системы госуправления и заканчивая менталитетом жителей республики. И начинать нужно с восстановления исторической справедливости по отношению к тем, кто вынужденно покинул эту республику в 90-е годы. Все они либо их родственники и потомки должны получить утраченное имущество и компенсацию за нанесенный моральный и физический вред.

Помимо этого, всем, кто пожелает вернуться в республику, должны быть гарантированы безопасность, работа и достойные условия жизни. И в этом вопросе гарантии Рамзана Кадырова недостаточно. Надежно защитить свои права репатрианты смогут лишь в том случае, если получат полноценное представительство в органах государственной власти, полиции, а также в парламенте республики.

Необходимо гарантировать поддержку всем традиционным религиозным конфессиям, и прежде всего православию. Школьники республики должны знать и уважать культуру и традиции народов нашей страны, и прежде всего русского народа.

Сделать это непросто, но только в этом случае мы сможем наконец перевернуть трагическую страницу русско-чеченских отношений и открыть дорогу в будущее без войн и конфликтов.

Сергей Бирюков

В ПОИСКАХ ГАЛИЧИНЫ:

ВОЗМОЖНА ЛИ ЗАПАДНОУКРАИНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА БРУТАЛЬНОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ?

На фоне драматической ситуации, складывающейся сегодня на Донбассе, в последнее время все чаще обращает на себя внимание его политический «антипод» — Западная Украина, и прежде всего Галичина. Причем неожиданным для многих образом. Конфликт, вылившийся в гражданскую войну, с новой остротой поставил вопрос о роли высокопассионарного галицкого субэтноса в политическом развитии страны. Галичина, которая в советское время продолжала оставаться территорией фронды, стояла у истоков идеологического проекта, положенного в основу украинской государственности 23 года назад. Ее традиционно принято отождествлять с низовым брутальным национализмом, проявления которого можно было неоднократно наблюдать. Галичане давно перестали быть частью «мира Руси» и весь советский период тяготились своим формальным пребыванием в его рамках. Однако картина не столь проста, как это представляется на первый взгляд.

В Галичине существует, помимо брутального национализма в разных его формах, либеральная и национал-демократическая традиция. Так, три области Западной Украины пережили в 1989–1991 гг. мощнейший подъем национально-демократического движения: выборы 1990 г. в Львовский областной совет на демократической волне, и прежде всего — участие в президентской избирательной кампании 1991 г. лидера «Народного Руха» львовянина Вячеслава Чорновила, продви-

жавшего, помимо всего прочего, идею федерализации Украины и принципиально согласного на официальное «двуязычие».

В 1991 г., после обретения Украиной независимости, галичане заявили о своих особых интересах и правах, подстраховав себя посредством создания Галицко-Волынской ассамблеи и получив при разделе «сфер влияния» культурно-идеологическую сферу. Активно поддержавшие «оранжевую революцию» 2004 г., они вплоть до 2012 г. не выдвигали своих претендентов на власть в Киеве, но поддерживали те политические силы, которые гарантировали соблюдение их интересов и общего баланса сил в рамках всей Украины. В случае, если эти интересы казались ущемленными, Галичина прибегала к масштабным акциям неповиновения — как было зимой 2013/14 г.

Динамичное политическое развитие в течение 20 лет независимости принесло свои плоды. Галицкий субэтнос в рамках трех известных областей за Збручем на сегодня вполне оформился в самостоятельную политическую нацию со своими героями и символами и ощущает свой европейский «выбор» свершившимся и бесповоротным. Любые же попытки прямо или косвенно оспорить его, исходящие из Киева, вызвали здесь масштабный протест — подтверждением чему стало активнейшее участие галичан в двух последних украинских «революциях».

В отличие от куда менее политизированных и традиционно лояльных

власти жителей Центра и Востока, галичане опираются на определенную рефлексию относительно происходящего в пределах «большой» Украины. Ибо Галичина имеет глубоко укорененные традиции и навыки низовой самоорганизации и гражданской активности и не склонна излишне доверять пропаганде любого толка. Галичане — индивидуалисты и не приветствуют навязывания им какой-либо идентичности или проекта, который не родился в рамках их собственной территории. Они не желают политического и идеологического подчинения другим центрам влияния, дабы не утратить своей «особости» и «миссии» в рамках общеукраинского проекта.

Стремясь закрепить свой выбор и особый статус в рамках Украины, Галичина стала подлинным «тараном» Евромайдана. По мнению социологов, 65–70% активных участников майданных акций — выходцы из малых городов и сел Западной Украины, составившие «ударный кулак» этого движения.

С победой Евромайдана закончилось многолетнее идейно-политическое разделение Украины на условные Запад, Центр и Восток. Сокрушительное поражение «донецких» в феврале этого года устранило последнее препятствие для распространения победившего национализма на Восток. Центром украинского национализма стал послемайданный Киев, лавры «объединителя Украины» у которого все активнее оспаривает Днепропетровск, управляемый крайне амбициозным олигархическим кланом во главе с Коломойским. Победивший Евромайдан предпринимает сегодня попытку силового подавления и «зачистки» враждебного ему Донбасса, которая приняла форму т.н. АТО.

В нынешней киевской власти галичане практически отсутствуют, а «бал правят» выходцы с Восточной и Центральной Украины; единственный представитель Западной Украины в составе верховной исполнительной

власти — буковинец Арсений Яценюк, занимающий ныне пост премьера. Депутатам-«свободовцам», в своей основной массе представляющим три известные галицкие области, осталась лишь трибуна Верховной Рады да второстепенный пост аграрного министра в правительстве, который занял вовсе не галичанин, а харьковчанин Игорь Швайка. На сегодняшний день уже завершилось короткое хождение во власть таких видных представителей галичанского субэтноса, как экс-генпрокурор Олег Махницкий и скандально известная журналистка Татьяна Чорновил, возглавлявшая люстрационный комитет.

Что же осталось в этой связи другим регионам Украины? Реформа Порошенко в направлении децентрализации (по польскому образцу) фактически оказалась профанацией, поскольку изначально была невыгодна киевским властям. Децентрализация по-днепропетровски (с упором на интересы правящего олигархического клана) либо по-донбасски (на основе собственного военно-политического проекта) едва ли была приемлема для жителей галицкого региона.

Как на все это реагирует Галичина и близкие ей ментально области Западной Украины? С одной стороны, благодаря Евромайдану галичане, как утверждает львовский журналист и политолог Остап Дроздов, окончательно осознали общность своей «исторической судьбы». Последняя в их сознании неразрывно связана с цивилизационным выбором, истоки которого восходят ко временам Австро-Венгерской империи, частью которой (вместе с Буковиной) и являлась Галичина.

В то же время до сознания галичан все чаще доходит мысль о том, что подлинной национальной и антиолигархической революции в Киеве не произошло — но вскормленные прежней системой чиновники и олигархи продолжают прежние политико-

экономические игры, камуфлируя их с помощью военной пропаганды. «Евроинтеграция» оказалась скомканной, а реальные глубокие реформы подменены войной и военной пропагандой. В жизни галичан, и без того имевших визовые льготы и ездивших на заработки в соседнюю Польшу и другие страны Евросоюза, не изменилось решительно ничего. Между тем экономическая ситуация в стране и в регионе продолжает ухудшаться, а из зоны объявленной Киевом АТО приходят тела погибших там уроженцев Галичины. В своем выступлении на львовском телевидении в программе «Прямым текстом» директор Института западноукраинских исследований из Черновцов Олег Хавич, рассуждая о происходящем на Донбассе, призвал центральные киевские власти в конце концов «услышать Галичину».

В кругах галицких интеллектуалов между тем происходит критическое осмысление всего произошедшего и происходящего. Жителям Галичины едва ли импонирует находящийся сегодня на подъеме центрально-и восточноукраинский национализм, имеющий, на их взгляд, более низкую «природу» и культурно-цивилизационные основания. Так, например, известный львовский публицист и общественный деятель Владимир Павлив рассматривает в качестве основной причины активного участия галичан в украинских делах так называемые «психозы» — то есть нарушения психической деятельности, при котором психические реакции грубо противоречат реальной ситуации. По его мнению, «украинские психозы» у галичан имеют долгую традицию. Их можно даже сгруппировать сейчас в три категории: психозы, связанные с украинской историей, с периодом государственной независимости и с возможным сближением Украины с Европейским союзом. По мнению Павлива, галичанам и остальным украинцам следует понять, что чуда не будет: «Европа может нам профессио-

нально установить честный диагноз и выписать соответствующий рецепт, но вылечиться должны мы сами. И прежде всего, нужно лечиться от наших психозов»¹.

В свою очередь, проживающий ныне в Киеве публицист и гражданский активист, уроженец Львова Михаил Мишишин, позиционирующий себя как галичанин и католик, в своих многочисленных материалах, опубликованных в социальных сетях, подвергает критике современные украинские реалии. Осуждая жестокость гражданской войны, ведущейся в Донбассе, он призывает украинцев к примирению и отказу от нетерпимости и ненависти, которые, по его мнению, разрушают Украину и лишают ее будущего.

При этом первая реакция галичанских элитариев на «особый статус Донбасса», провозглашенный киевскими властями вследствие Минских соглашений, была достаточно раздражительной и негативной по смыслу. Партия «Объединение «Самопомич»» («Самопомощь»), лидером которой является мэр Львова Андрей Садовый, будет инициировать отмену принятого парламентом закона об особом статусе отдельных районов Донбасса. «Эти районы сегодня под фактической оккупацией. И так это надо называть, а не давать им большие права, чем другим украинцам», — приводятся слова А. Садового на сайте партии во вторник. Объединение «Самопомич» требует расширить действия закона об оккупированных территориях на захваченную часть Донбасса, а также, «с целью безопасности, максимально изолировать эту территорию от остальной страны»².

В то же время некоторые интеллек-

¹ Павлив В. Украинские психозы галичан // <http://alternatio.org/articles/articles/item/10124-украинские-психозы-галичан>

² <http://hvylya.net/news/exclusive/samopomich-initsiiuruet-predostavlenie-donbassustatusa-okkupirovannoy-territorii.html>

туалы Галичины с определенными оговорками готовы признать право жителей Донбасса (как недавно Крыма) на собственную идентичность и определение своей собственной судьбы — пусть это и делается с позиций специфического «проевропейского подхода» (и с отрицанием способности «схидняков» вписаться в образ «европейской Украины»). Как полагает живущий в Ивано-Франковске писатель Тарас Прохасько, Галичине сегодня следовало бы примерить на себя роль Донбасса и не спешить с осуждением жителей последнего — памятуя о том, какую роль сыграли сами галичане в свержении власти Виктора Януковича: «Как бы выглядело это в зеркальном отражении? Если бы победил режим Януковича вместе с российской экспансией? Если бы в Украине воцарился террор и оккупация, но Украина формально оставалась бы Украиной? Если бы антикиевское восстание началось на Западе? Если бы запад Украины был убежден в том, что настоящая Украина — это мы? Если бы Киев объявил нас раскольниками? Если бы мы поспешно создавали свою самооборону, свои органы власти и искали бы свои выходы на внешние силы? Защищать целостность Украины сюда пришли бы батальоны донецких патриотов? Интересно представить себя именно в такой роли»³. Примечательно в этой связи, что некоторые из галицких интеллектуалов согласны на федерализацию и на поддержку идеи местного самоуправления, считая заявленную недавно «регионализацию по Порошенко» косметическим мероприятием.

В этой связи неудивительно, что жители Галичины и соседних с ней Буковины и Закарпатья все активнее участвуют в антивоенных акциях, хотя многие из них и не отрицают саму идею вооруженной борьбы с «террористами и сепаратистами» на Донбассе.

Галичане очевидно не симпатизируют в массе ополченцам Донбасса, но и не слишком желают жертвовать собой в АТО, в котором усматривают политическую игру Киева и олигархических кланов с востока Украины. Акции протеста с требованием вернуть домой мужей, сыновей и братьев непрерывно проходят как в областях Галичины, так и на Буковине и в Закарпатье. Дальше — больше. Упомянутый выше Остап Дроздов объявил о своем намерении поддержать кампанию против объявленной Киевом мобилизации, приравняв последнюю к «геноциду» украинской армии — не готовой, по его мнению, к профессиональной войне «против армии наемников-киллеров, за которыми стоит ядерная держава». Знаковым моментом стало произошедшее 27 августа с.г. дезертирство бойцов Ивано-Франковского спецбатальона в полном составе с оружием из зоны АТО; после этого игнорировать «особое мнение» галичан в отношении ведущейся на Донбассе войны не представлялось возможным.

Подлинный же «разрыв шаблонов» у сторонников АТО произошел после очередного визита на Донбасс и последующих интервью журналиста из Ивано-Франковска Руслана Коцабы, уже в третий раз поехавшего на Донбасс. Если его первая поездка была воспринята как информационный прорыв и мостик с Запада на Восток, то вторая была неоднозначно (и даже гневно) прокомментирована земляками. Коцабе удалось аккредитоваться на территории Луганской Народной Республики (ЛНР) как корреспонденту канала «112». Там он встретился с их лидерами — Болотовым и Никитиным. Эти встречи позволили ему утверждать, что представители ЛНР — далеко не примитивные субъекты, не пьяницы и не наркоманы, что у них присутствует некое подобие идейности и мотивации, которые упорно отрицала за ними киевская пропаганда.

Коцаба выбирает для обозначения

противостояния в городах и захвата госучреждений на Востоке выражение «это их Майдан», чем еще больше шокирует приверженцев киевского Майдана. Наверное, и немало жителей Восточной Украины обиделись бы на такие сравнения, а то и приставили бы дуло к его лбу. Это напоминает попытку подыскать понятную терминологию, приемлемую для враждующих регионов Украины. «Проблема в том, что мы заигрались в штампы, превращаемся в зверей. Проблема в том, что мы даже не смотрим на фотографии тех, кто погиб, мы за них не молимся, мы просто считаем их количество. А это конец! На этом человеке закончилась история, закончилась вселенная! Просто об этом никто не думает. Мы перестаем быть людьми», — предостерегает журналист.

В своих суждениях об АТО Коцаба весьма резок и категоричен, явно не стремясь понравиться официальному Киеву: «Первое — АТО надо было начинать из-под купола Верховной Рады Украины. Там люстра весом в несколько тонн. Она бы сразу “люстрировала” 40–50 придурков, которые призывали к войне. И потом надо было начинать делать зачистку АТО слева — силами ополченцев Донецка и Луганска, а с правой стороны — теми ополченцами, которые знают, чем занимаются все правобережные. К чему веду? К тому, что проблема — в политиках. Люди всегда могут договориться. Чем будет больше горизонтальных контактов, интервью в обход Киева, тем больше мы можем оставить себе шанс, что человек, который будет смотреть, будет думать, что, может, это и не чеченец, не наймит, а может, и мой ровесник».

В конце концов, когда журналист назвал лидеров ЛНР адекватными людьми, украинская аудитория не выдержала и поставила под сомнение адекватность самого журналиста; при появлении в Ивано-Франковске на него пытались напасть и вызывали на поединок. «Предатель» — это один из

нейтральных эпитетов, которые встречаются в адрес Коцабы в соцсетях.

Таким образом, до подлинного перелома массовых настроений в Галичине и на Западной Украине еще далеко. Маргинальный национализм от ВО «Свобода», добившегося максимального уровня поддержки в 2012 г., изжил себя. Данное объединение практически дискредитировало себя после вхождения во власть — а непопулярность его лидера Олега Тягнибока лишь подчеркнуло его второстепенное положение во время Евромайдана и катастрофический результат на президентских выборах 2014 г.

Возможно, именно сейчас настало время выдвижения и утверждения в Галичине собственного варианта просвещенно-консервативного проекта, который востребован значительной частью интеллектуальной элиты и среднего слоя. Подобный проект мог бы стать качественной альтернативой квазинационалистическим проектам Киева и Днепропетровска, в значительной степени обесценив последние.

В отличие от радикальных галичанских националистов, упомянутый нами выше Владимир Павлив выступает за «возрождение традиций галицкой толерантности и мультикультурности, поликонфессиональности и гармоничного сосуществования представителей различных этнических групп и субэтносов, населяющих ныне Галичину». И одновременно — против «идей реваншизма, неонацизма и других экстрем», за «развитие местного патриотизма без деления по признакам национального происхождения, создание гражданского общества в регионе». Однако для реализации подобных проектов самой Галичине необходимо глубокое переосмысление своей роли и возможностей в рамках «украинского проекта»⁴.

В любом случае политико-идеологический «сдвиг» Галичины

⁴ Прохасько Т. Указ. соч.

может на перспективу означать «переформатирование» политической ситуации в масштабах всей Украины, переживающей сегодня глубокий внутренний кризис и надлом. Пассионарность Донбасса, дополненная взлетом пассионарности на находящейся на другом политическом полюсе Галичине, способна существенно изменить положение дел. В результате может

оказаться под вопросом сама реализация проекта по созданию в масштабах страны «идеологизированной мононации», провозглашенной на Евромайдане. От того, какие политические настроения возобладают в трех областях Галичины и сопредельных регионах Западной Украины, зависит сегодня само будущее страны.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
Константина Крылова «Прогнать чертей»**

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Иван Лисяк-Рудницкий

КОНСЕРВАТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Иван Павлович Лисяк-Рудницкий (27.X.1919–25.IV.1984)¹ является одним из наиболее уважаемых историков украинской общественной мысли XIX — 1-й трети XX века. Не любивший «большой формы», он оставил множество небольших статей и кратких заметок, с разных сторон освещавших сложные аспекты украинской интеллектуальной истории последних полутора столетий, причастность к которой он ощущал на личном и на семейном уровне. Принадлежа по происхождению к украинской галицийской интеллигенции (в первую очередь по матери, принадлежащей к известному семейству Рудницких — цена это насле-

дие, историк взял двойную фамилию), он с молодых лет принимал активное участие в украинской общественной жизни, в 1940-х гг. состоял членом украинского студенческого общества «Мазепинец», Украинской студенческой громады в Праге, Националистической организации украинских студентов Великой Германии (НОУС), после войны переехал в Австрию, затем в Швейцарию, а с 1951 г. обосновался в США, довольно успешно выстраивая академическую карьеру; в 1971 г. стал профессором Альбертинского ун-та (Канада), выступив одним из основателей Канадского института украинских исследований при Альбертинском университете.

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ № МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

¹ См. о нем: *Грицак Я.* Иван Лисяк-Рудницкий (нарис інтелектуальної біографії) // *Сучасність*. 1994. № 11. С. 73–96; *Приймак О.* Иван Лисяк-Рудницкий як учений і «комунікатор» // *Лисяк-Рудницкий І.* Историчні есе. Т. 1. Київ: Основи, 1994. С. XIII–XX; *Хміль І.С.* Деякі проблеми історії України крізь призму бачення І. Лисяка-Рудницького [препринт]. Київ: Іститут Історії України АНУ, 1993.–18 с.

Придерживаясь в зрелом возрасте либерально-консервативных взглядов, Лисяк-Рудницкий неоднократно обвинялся в недооценке украинского национального движения: так, в конце 1970-х он, вместе с уже покойным к тому времени Д.И. Чижевским, чьи взгляды по данному вопросу разделял, подвергся критике за тезис о «неполном» социальном составе украинской нации (отсутствии высших классов), в чем его оппоненты увидели повторение недопустимого подразделения народов на «исторические» и «неисторические» и т.п.

Основные персонажи, привлекав-

шие его исследовательское внимание, отражают его собственные политические взгляды — наиболее детальные и многочисленные работы он посвятил изучению М.П. Драгоманова, которого трактовал преимущественно как либерала (отмечая разрыв между его теоретическим анархизмом — и вполне последовательным либерализмом в практической политике: согласно Лисяк-Рудницкому, «анархизм» Драгоманова предстает как «идеал» весьма отдаленный, имеющий мало влияния на политическую позицию) и В. Липинского, консервативным взглядам которого, далеким от этнического национализма, весьма сочувствовал (одновременно сожалея, что консервативная, «правая» позиция Липинского являлась не-демократической, т.е. что единственный в украинском интеллектуальном пространстве последовательный консервативный проект предстал противостоящим демократии — сводя украинские демократические взгляды исключительно к разным оттенкам «левого» спектра).

Две публикуемые статьи Лисяк-Рудницкого («Консерватизм» и «Национализм») написаны в один и тот же период — в конце 1950-х — в 1960-х гг., в рамках работы над масштабным проектом украинской эмиграции — «Энциклопедией украинознания». Они достаточно полно отражают трактовку понимания украинского национализма и консерватизма Лисяк-Рудницким в эти годы и признание этих взглядов со стороны украинского эмигрантского научного сообщества — а для российской аудитории имеют не только историографический, но отчасти и непосредственный интерес, в силу весьма слабой представленности данного рода сюжетов в отечественных публикациях, как оригинальных, так и переводных.

Андрей Тесля

Консерватизм²

Консерватизм (*лат.* *conservare* — сохранять), духовная установка, что видит особую ценность в традиционном порядке и в освященных традициями установках и формах жизни, и потому стремится их сберечь. В узком понимании консерватизм — политическое течение, возникшее на переломе XVIII и XIX веков как реакция на французскую (политическую) и на английскую (индустриальную) революции. Термин «консерватизм» впервые появился у французского писателя-романтика Шатобриана (1818). Противоположным консерватизму в XIX веке считался обычно духовный, политический и экономический либерализм.

Носителями консерватизма были вначале преимущественно дворянские круги (*noblesse*) и высшее духовенство, которые стремились к сохранению «старого режима», если он пребывал в борьбе с силами революционного движения, или до реставрации «старого режима», если он принужден был уступить этой революции. Впоследствии возникла новая, синтетическая форма «либерального консерватизма», который, не противопоставляясь развитию и стоя на позициях конституционной свободы, подчеркивал потребность авторитета, порядка и дисциплины в общественной жизни, верил в творческую миссию традиционных учреждений (монархия, церковь) и традиционной

² Первая публикация: *Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Т. 3. Париж; Нью-Йорк, 1959. С. 1108–1110. Измененный вариант был подготовлен для: Encyclopedia of Ukraine. Vol. 1. Toronto–Buffalo–London: University of Toronto Press, 1984. P. 565–567. Перевод дан по варианту первой публикации, согласно сборнику: Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. Київ: Основи, 1994. С. 125–129.*

интеллектуальной элиты, и потому отстаивал идею интеграции современного нового с органично сотворенным историей прошлым.

Украинский консерватизм до середины XIX века

В украинской истории консерватизм, как стихийная духовная установка большей части общества, играл выдающуюся роль и проявлялся в крепком сохранении родного языка, веры, обычаев и обрядов, традиционных форм семейной и общественной жизни. Такая установка помогла сохранить украинскую национальную идентичность в условиях безгосударственности и иностранных оккупаций. На консерватизм опиралась реакция против наступления польской цивилизации в XVI–XVII вв., борьба «старой веры», православия, против церковной унии. В истории Державы Войска Запорожского встречаем рядом консервативные, либеральные и революционные начала, которые выступали в разнообразных сочетаниях. Гетман Хмельницкий, который опирался в борьбе против Польши на революционную энергию народных масс, одновременно использовал консервативные лозунги («за короля, против королят») и привлекал к государственному строительству украинских панов. Политическая мысль казацкой элиты качалась между либерализмом (доходя до республиканства и конституционно-представительного устройства) и консерватизмом: усилия придать гетманской власти монархическо-наследственный характер (Б. Хмельницкий, И. Самойлович, И. Мазепа, К. Разумовский), ссылки на традиции Киевской Руси и государственно-правовой легитимизм, который стал идеологической платформой «малороссийского шляхетства» конца XVIII — начала XIX века в его борьбе за сохранение национальных и сословных «прав и вольностей». Российское правительство, двигавшееся к ликвидации украинской

автономии, умело использовало для этой цели не только классовую вражду «черни» к господствующим слоям, но и стихийный консерватизм крестьянско-казацких масс: их почитание монархической царской власти, поддерживаемое религиозным авторитетом православия.

Консерватизм в российской Украине со второй половины XIX века до 1917 года

Модерное украинское национальное движение, начатое в 1840-х годах Шевченко и кирилло-мефодиевцами, шло в русле народничества и социального радикализма, которые определяли основной политический облик украинства второй половины XIX и начала XX века в границах Российской империи. Но и консерватизм выступал на поверхность то как оппозиция современной украинской «гайдамачине» (П. Кулиш), то как склонность к умеренности со стороны влиятельных в украинских культурных учреждениях и общественно-политических организациях представителей украинских землевладельческих и капиталистических кругов. Отсюда расхождения между Старою Громадою, возглавляемую В. Антоновичем, и ее радикальнейшим членом М. Драгомановым. Отсюда посредничество более консервативных кругов из подросийской Украины (В. Антонович, О. Конисский) между польскими консервативно-аристократическими правителями Галиции и руководителями галицких «народовцев», что довело до т.н. «Новой эры».

Представителей украинской определенно консервативной мысли и ее эпигонов встречаем и во второй половине XIX века (Г. Галаган, В. Тарновский, Г. Милорадович и др.) и в конце XIX и начале XX века (Ф. Уманец, В. Голенко, братья Андрей и Николай Стороженки, П. Дорошенко и другие); из этих кругов вышел и будущий гетман П. Скоропадский.

Причиной преобладания народнических и радикальных течений над консервативными до Первой мировой войны было и то, что царская Россия была совершенно неблагоприятной почвой для развития консерватизма европейского, либерального типа, и ритм ее политической жизни шатался между крайностями революции и реакции. Под давлением реакционной политики российского правительства, с одной стороны, и под натиском украинского социалистического радикализма — с другой, украинские консервативные деятели находили свое политическое оформление на основе российского реакционного консерватизма и становились имперскими российскими деятелями в конце концов, часто не утрачивая чувства своего этнического происхождения и украинского территориального патриотизма (например, генерал М. Драгомиров). Такой русифицированный консерватизм, который не искал опоры в родном обществе и собственных национальных традициях, легко вырождался в политическую и социальную реакцию (например, газета «Киевлянин» или «черносотенные» организации, что действовали на Украине после 1905 г., как «Союз русского народа» и др.).

Консерватизм в австрийской Украине

Иная судьба консерватизма на украинских землях в Австрии, в первую очередь в Галиции. Здесь консервативные элементы общества находили духовную и организационную основу в сильном учреждении, продолжавшем стоять в центре всей национальной жизни австрийских украинцев: Греко-Католической церкви, духовенство которой в Австрии равнялось в отношении и просвещения, и прав с католическим духовенством латинского обряда. Но между ними имелось большое социологическое различие: украинские священники были женаты и хозяйствовали на земле. На этой основе

создалось своеобразное священническое сословие, с квазинаследственным характером. Это ведущее священническое сословие — в отличие от польской шляхты, которая в первой половине XIX века имела ирридентистскую установку против Австрии, — постоянно манифестировала свою лояльность к габсбургской династии, что особенно выразительно проявилось в 1848–1849 годах. Галицийские украинцы, возглавленные Головною Руською Радой, которой руководило консервативное духовенство, т.н. «святоюрці» (от собора св. Юра во Львове), стали на стороне австрийского правительства против польских и венгерских восстаний, выдвигая требования отдельного «русского» коронного края из украинских земель Австрии.

Этому старосветскому украинскому консерватизму в Австрии были чужды социальные интересы крестьянства и методы политической борьбы в условиях современного конституционного государства, а его патриотизм состоял в привязанности к церковному обряду, юлианскому календарю, кириллице с этимологическим правописанием, как к признакам, что отделяли русинов от поляков. Священническая аристократия отстаивала против новых течений (М. Шашкевич и его последователи) традиционную церковно-словянщину, что выродилась в т.н. «язычие», которое считалось «панским» языком («панською» мовою) в противопоставлении «холопскому», народному.

Когда в 1860-х годах австрийское правительство договорилось с польской шляхтой и передало ей управление в Галиции, «святоюрцы», разочарованные в своих надеждах на Вену, переориентировались на сторону царской России. Это давало толчок возникновению т.н. москвофильского лагеря, который стал главным собранием галицкой «твердой Руси» и, опираясь на духовенство, в частности его иерархию, до 1880-х годов имел преобладание над народовским лагерем, что развивался под влиянием восточно-

украинского демократического народничества. Ориентация на стороннюю силу, кастовость и крайняя духовная заскорузлость москвофильского лагеря довели его до постепенного распада и исчезновения.

Но и народовский лагерь имел у себя консервативные элементы, репрезентированные деятелями типа И. Борискевича, Ю. Лавровского, Д. Тянякевича, С. Качали, братьев Владимира и Александра Барвинских, которые старались сделать народовство «респектабельным». Когда же в 1890-х народовство достигло политического преобладания, в его лоне выявились отчетливые консервативные тенденции в упомянутой «Новой эре» и ее отголосках, Христианско-социалистической партии, а также среди некоторых кругов Национал-Демократической партии, ведущей политической группы Галиции перед Первой мировой войною.

Украинский консерватизм после 1917 года

Во время украинской революции и борьбы за государственность 1917–1920 годов и под их непосредственным влиянием пришло возрождение национального по содержанию организованного украинского консерватизма. Это возрождение проявилось в государственно-политической (Украинская Держава с гетманом П. Скоропадским во главе) и в идеологической плоскости (работы В. Липинского). Зачатком украинского политического консерватизма стала основанная в июне 1917 г. в Лубнях Украинская демократическо-хлеборобская партия (основатели М. Боярский, С. Шемет, Л. Климов, В. Шкляр и др.; программу разработал В. Липинский). Основанный в эмиграции в Вене в 1920 г. В. Липинским, С. Шеметом, Д. Дорошенко и О. Скоропис-Йолтуховским Украинский союз хлеборобов-державников, переименованный впоследствии в Союз гетманцев-державников, и созданная Липинским в «Письмах к

братьям-хлеборобам» идеология украинской «классократичной», трудовой и наследственной монархии придали украинскому консерватизму новое обличье, которое противопоставляло его как демократическому республиканству, так и диктаторско-тоталитарным («охлократическим») течениям.

В Украинской Державе 1918 года украинский консерватизм имел соперника не только в украинских социалистических партиях, но и в российском консерватизме на Украине, что опирался на сильные организации, такие как Союз земельных собственников и Протофис (Союз промышленности, торговли и финансов), которые хотели использовать Украину как базу для восстановления единой России. Некоторую созвучность находил украинский консерватизм среди умеренных украинских партий, таких как социалисты-федералисты и социалисты-самостийники, а также в немногочисленных украинских кругах российской Конституционно-демократической партии.

После Первой мировой войны влияние идеологии современного украинского консерватизма обозначилось на украинской духовной и политической жизни также за пределами гетманского движения. Это влияние расширилось и углубилось и благодаря тому, что Липинский дал толчок для становления целой школы консервативных историков и публицистов (Д. Дорошенко, С. Томашевский, В. Кучабский, Т. Коструба, О. Назарук, Б. Гомзин и др.). Исторические работы Липинского в 1920-х были достаточно известны в советской Украине, где оставили определенный след на мышлении ряда украинских историков. На западных украинских землях воздействия консервативных идей Липинского были заметны во всей католической прессе, а также в прессе и писаниях разных националистических авторов, особенно сплоченных в партии Фронт национального един-

ства, которая искала синтеза национализма и монархизма.

Организованный украинский консерватизм в период между двумя мировыми войнами пережил тяжелый кризис в связи с конфликтом между П. Скоропадским и В. Липинским, преждевременною смертью Липинского, постепенным сокращением человеческой базы движения в Европе через вымирание старшего поколения, тогда как младшее шло за современным национализмом. Теперь в эмиграции украинский консерватизм не ограничен лишь рамками гетманского движения. Существуют и меньшие консервативные течения, монархическое (негетманское) и республиканское, которые, хотя и не имеют внешних организационных форм, все же имеют некоторое влияние на политическую мысль украинской эмиграции.

Литература

О. Барвінський. Спомини з мого життя, I–II (Коломия, 1912–1913)³; Хліборобська Україна, I–IV (Відень, 1920–1925); В. Андрієвський. До характеристики правих українських партій (Берлін, 1921); С. Томашівський. Під колесами історії (Берлін, 1922); Д. Дорошенко. Мої спомини про недавнє минуле, 4 т. (Львів, 1923–1924); В. Липинський. Листи до братів-хліборобів (Відень, 1926; 2 вид. Нью-Йорк, 1954); С. Томашівський. Про ідеї, героїв і політику (Львів, 1929); Д. Дорошенко. Історія України 1917–1923 рр., 2 том, Українська Гетьманська Держава 1918 р. (Ужгород, 1920; 2 вид. Нью-Йорк, 1954); В. Кучабський. Україна і Польща (Львів, 1933); А. Андрусак. Генеза і характер галицького москофільства в 19–20 ст. (Прага, 1941); М. Стахів. Гетьманський режим в 1918 р. і його державноправна якість (Скрантон, 1951); О. Оглоблин. Люди старої України (Мюнхен, 1960).

³ Совр. изд.: Барвінський О. Спомини з мого життя. Т. 1. Ч. 1–2. Київ; Нью-Йорк, 2004; Т. 2. Ч. 3–4. Київ, 2010.

Национализм⁴

К определению понятия

Национализм — в украинской политической терминологии к концу XIX века понятие однозначное с активным национальным сознанием и патриотизмом, но со временем оно претерпело сужение. Перед Первой мировой войной и во время освободительной борьбы под национализмом стали преимущественно понимать стремление к государственной независимости («самостійництво»). А когда в 1920-х годах возникло идеологическое течение, которое приняло название «националистичного» и оформилось в организованное политическое движение, понятие национализма получило партийную окраску, которую оно в основном сохраняет и поныне.

Слово «национализм» имеет еще другие значения в отдельных системах. Например, в СССР понятие «буржуазный национализм» употребляют для того, чтобы пятнать национальный отпор нероссийских народов централизму Москвы. Постоянные репрессии коммунистического режима против «национализма» стали причиной популяризации этого понятия среди населения Украины, но оно не имеет определенного идеологического, социального и конституционно-политического содержания. На деле подсоветский украинский национализм был иногда «национал-коммунизмом», то есть стремлением эмансипировать СССР из-под власти Москвы при сохранении советского строя. В англо-американской терминологии понимание национализма весьма широкое:

⁴ Первая публикация: Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Т. 5. Париж; Нью-Йорк, 1966. С. 1723–1728. Переиздана: Лисяк-Рудницький І. Між історією і політикою. Мюнхен: Сучасність, 1973. С. 233–247. Перевод по изданию: Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. Київ: Основи, 1994. С. 247–257.

оно включает национальное сознание, принцип национальной государственности и национально-освободительное движение. В англоязычной литературе про Украину к «национализму» относят не только националистов в партийном значении, но и украинских патриотов иных политических направлений.

Для лучшей дифференциации национализма, как конкретного политического движения, от национализма в широком значении, синонимичного патриотизму и движению за независимость, можно применить к первому название, хорошо известное в мировой политической и социологической литературе: «интегральный национализм». В этом самом значении рассмотрим украинский национализм далее.

Генезис украинского национализма

«Отцом украинского национализма» часто называют М. Михновского. Такое обозначение его роли не совсем верно. Михновский был одним из основоположников современного украинского движения за независимость («самостійництва»), но исторически-правовая, легитимистская основа его концепции (программа возобновления «Переяславской конституции») чужда мышлению позднейшего национализма, который был равнодушен к конституционно-правовым аргументам. Черт, присущих национализму, не находим и у иных представителей украинской самостийницкой мысли дореволюционного периода: не только у И. Франко, Ю. Бачинского, Л. Цегельского, В. Липинского, но даже в ранних текстах Д. Донцова. Возникновение национализма было реакцией в украинской духовности на события Первой мировой войны и освободительной борьбы.

Украинский национализм возник в 1920-х годах, первоначально как духовный фермент молодого поколения, как протест на упадок украинской государственности и как искание новых дорог в послевоенной действитель-

ности. Первые опыты националистических организаций встречаем в студенческой среде Галиции и эмиграции: Группа украинской национальной молодежи (Прага), Лига украинских националистов (Подебрады), Союз украинской националистической молодежи (Львов). Националистическую окраску имела в Галиции Партия национальной работы и ее орган «Заграва» (1923–1924; Д. Донцов, Д. Палийв, В. Кузьмович), но организация скоро распалась, а большинство ее членов перешли к возрожденным национал-демократам (УНДО). Публицистом, в наибольшей степени повлиявшим на кристаллизацию националистической идеологии, был Д. Донцов со своей работой «Национализм» (1926) и другими публикациями, а также редактированным им журналом «Літературно-науковий вісник», позднее «Вісник». Другие влиятельные публицисты национализма — Ю. Вассиян, М. Сциборский, Д. Андриевский, В. Мартинец; они печатались в «Розбудові нації» (Прага).

Независимо от этих идейно-политических исканий, с 1920 года существовала Украинская войсковая организация (УВО), созданная кружком старшин, прежде всего из корпуса Сечевых Стрельцов (Е. Коновалец, А. Мельник, Р. Сушко, В. Кучабский, М. Матчак, Я. Чиж, Е. Зибликевич и др.) и УГА (Ю. Головинский, О. Навроцкий, М. Саевич, О. Сенник и др.), с целью дальнейшей борьбы за независимость Украины революционными способами. Рассматривая себя как зачаток «армии в подполье», УВО сначала включала людей разных партийных убеждений, от социалистов до консерваторов, и не претендовала на политическое руководство. Но постепенно ненационалистичные члены УВО вышли, а руководство приблизилось к национализму. После нескольких лет подготовительных заходов УВО в 1929 году объединилась с националистическими идеологическими кружками в

Организацию украинских националистов (ОУН), которую возглавил Е. Коновалец. В итоге ОУН стала стержнем националистического движения, которое, между тем, было шире ее, охватывая большое число единомышленников и приверженцев. Заслуживает внимания, что идеолог интегрального национализма Д. Донцов остался вне организованного движения.

Идеология национализма

В поисках причины неудачи украинской освободительной борьбы 1917–1921 годов националисты противопоставляли в украинской революции массы, что стихийно стремились к собственному государству, слабому руководству. Критика единичных ошибок и неудач той поры переросла у националистов к отвержению демократических и социалистических принципов, что были определяющими в национально-освободительном движении второй половины XIX — начала XX столетия и в современном украинском государственном строительстве. Гуманистические и демократические традиции дореволюционного украинства национализм отождествлял с «провансальством», то есть с национальной неполноценностью. Особенно М. Драгоманов, главный политический мыслитель украинской демократии, подвергся острой критике в националистической публицистике. Националисты считали, что новая эпоха требует новых, революционных способов действия, которые равнялись бы вражеским в безоглядности и решительности.

Националисты провозглашали себя последователями «идеалистического» мировоззрения, которое понимали как антитезу не только материалистической философии марксизма-ленинизма, но также и позитивизму, последователями которого были корифеи украинской демократической мысли (В. Антонович, М. Драгоманов, И. Франко, М. Грушевский). В противоположность этим течениям,

которые стремились основать свой образ мира на научной основе, национализм провозглашал примат воли над разумом, действия над мыслью, жизни над теорией. В доктрине национализма есть отзвуки иррационалистских, волюнтаристских и виталистских теорий, что пользовались в то время популярностью в Западной Европе (Ф. Ницше, А. Бергсон, Ж. Сорель, Г. Лебон, О. Шпенглер и др.). Вместо объективного научного познания националисты часто лелеяли мифы и предпочитали идеологически очищенный образ украинского прошлого. Национализм обращал внимание на культ борьбы и жертвы кровью.

Националистическое мировоззрение включало также требование этического идеализма, что отбрасывает индивидуальное счастье в понимании эвдемонизма, а лелеет героические добродетели: храбрость, верность, самопожертвование. Однако в националистической этике существовал также прагматический элемент. Национализм релятивизировал традиционные моральные ценности, подчиняя их требованиям политической целесообразности, согласно с принципом — «цель оправдывает средства». Некоторые публицисты открыто пропагандировали макиавеллизм. Национализм стремился выработать новый тип украинца: «сильного человека» с «несгибаемым» характером, фанатично преданного идеалам движения и готового пожертвовать ради них собой и другими.

Почитая нацию за абсолютную ценность («украинская нация есть исходное основание всякой силы и конечное назначение каждого направления украинского национализма... нация есть наивысший тип человеческого сообщества...» — из «Постановления конгресса украинских националистов», 1929), национализм принципиально отбрасывал политические ценности, что выходят за границы национального интереса. В противоположность большинству деятелей

новой украинской государственности, которые видели национальное освобождение в контексте универсальных идей свободы и справедливости, националисты представляли себе межнациональные отношения как «борьбу за существование», в которой решает сила. В основу освободительной концепции национализм полагал программу «революции», которая у некоторых писателей и деятелей национализма получала значение «перманентной революции». Непрерывная череда актов саботажа и террора должна была не допустить закрепления чужого господства над украинскими землями и поддерживать массы в состоянии постоянного революционного кипения. Предполагалось, что эти единичные революционные выступления сольются в один могучий взрыв национальной революции, которая завершится возрождением украинской государственности. Радикально отрицая существующий на украинских землях порядок в СССР и под Польшей, национализм отвергал всякую попытку вести украинскую политику в границах этого реального положения сил. Националисты негативно оценивали эволюционные методы политического действия и гибкую тактику, которую также называли «реальной политикой». Все это они осуждали как «оппортунизм» и минимализм, которым противопоставляли требование «принципиализма».

Украинский национализм подходит под понятие тоталитарного движения. Подчеркиваемый «всеобъемлющий» характер движения проявлялся в том, что его последователи подчинялись полностью и безоговорочно идеологии национализма и дисциплине организации. В социальном отношении национализм претендовал охватить своим влиянием всю жизнь украинского народа во всех его проявлениях. Националистическое движение не ограничивалось сугубо политическими задачами, а намеревалось руководить и культурным процессом, в особен-

ности в отношении литературы, почитая ее важным мировоззренчески-воспитательным фактором.

В националистической среде оформилась целая литературная школа («вестники», «квадрига вестника» [«вісниківці», «вісниківська квадрига»]), к которой принадлежал ряд выдающихся литераторов: Е. Маланюк, Л. Мосендз, О. Ольжич, О. Телига, О. Самчук, Б. Кравцев, в какой-то мере также Ю. Липа и Ю. Клен. Национализм отбрасывал тезис об автономии эстетических критериев, противопоставляя мировоззренчески-ангажированное творчество теории «искусства для искусства». Что до легальных украинских учреждений и организаций, действующих за пределами границ УССР, то националисты пытались расширить в них свое влияние, подчиняя работу общественного сектора контролю своего движения. Ко всем другим партиям, лагерям и политическим центрам национализм относился негативно. Редкая совместная работа и временные договоренности были скорее тактическими.

Националистическая концепция устройства

Националистическая доктрина обращает мало внимания на социально-экономическую проблематику. Однако некоторые тенденции проявились в ней вполне выразительно. Прежде всего враждебность к социализму — реакция на господство социалистических течений в украинской политической жизни в годы освободительной борьбы — и на советский режим. Националисты не различали демократические и тоталитарно-коммунистические виды социализма и представляли украинские демократические социалистические партии (например, галицийских радикалов) как полукоммунистов. Одновременно с тем отбрасывали также либеральный капитализм. Зато выразительно выступали в национализме симпатии к корпоративному устрой-

ству («Нациократия» М. Сциборского). Некоторые националистические публицисты пропагандировали доктрину «национального солидаризма», но конкретное содержание его оставалось непроявленным.

Политическая программа национализма была яснее. Основую политического устройства в будущем украинском государстве должна была быть власть одного движения (монопартийность) и лидерский принцип («вождизм»). В будущей Украине отводилось место только одной политической организации (ОУН), которая становилась своеобразным орденом «лучших людей», а аппарат власти должен создать иерархию «лидеров» с вождем во главе, который объединяет функции лидера движения и главы государства. Последовательно в практической пропаганде и в воспитании политических кадров сильно подчеркивалась роль и авторитет лидера. Еще при жизни Е. Коновальца его особа, а позднее имена А. Мельника и С. Бандеры были окружены своеобразным ореолом. Одновременно с этим политико-устроительное мышление национализма выявляло некоторые народнические, «демофильские» элементы; подчеркивание «воли масс» как наивысшего авторитета.

На практике национализм усвоил успешные методы организации масс и вовлечения их в акции, используя в пропаганде эмоциональные стимулы и упрощенную аргументацию. Национализм расширял свое влияние на разные социальные слои, в частности в Галиции, также на беднейшее крестьянство и на рабочую и ремесленную молодежь (например, во Львове). Руководящие местные кадры складывались в 1930-х годах преимущественно из студенчества.

Украинский национализм и международный фашизм

Движущей силой украинского национализма был пафос национально-

освободительной борьбы. Его достижением было наполнение динамизмом послереволюционной действительности и продолжение борьбы после проигранной освободительной борьбы. Но эту возбужденную национальную энергию национализм направлял в русло политической системы, что своим общественным содержанием перекликалось с тоталитарными течениями в послевоенной Европе. Уже во время Второй мировой войны, а в особенности после нее, украинский национализм начал отдаляться от этих иноземных систем.

Ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком нацизме или итальянском фашизме — продуктах индустриальных и урбанизованных обществ, как скорее среди партий этого типа у аграрных экономически отсталых народов Восточной Европы: хорватские усташи, румынская Железная Гвардия, словацкие глинкивцы, польский ОНР (*Obóz Narodowo-Radykalny*)⁵. Украинский национализм был явлением по своему происхождению самостоятельным, хотя в своем развитии он знал бесспорно влияние со стороны соответствующих иностранных образцов. Символическое значение имело заимствование украинским национализмом некоторых параферналий движения (например, формы приветствия). Расизм и антисемитизм не были существенно присущи украинскому интегральному национализму, но в 1930-х годах писания некоторых националистических публицистов не были лишены антисемитских мотивов, в то время как другие авторы, близкие национализму, разрабатывали проблематику «украинской расы».

В генезисе и эволюции украинского национализма главную роль играло трагическое положение украинского народа конца 1920–1930-х годов. В СССР политика Сталина угрожала

⁵ Национально-радикальный лагерь.

физическому существованию нации, а на украинских землях под Польшей господствовал режим административного произвола. К этому присоединялись нездоровые социальные отношения на западных украинских землях: хозяйственный застой, аграрное перенаселение, безработица интеллигенции. Такая действительность подрывала доверие к целесообразности легальных способов политической деятельности, радикализовала настрой и усиливала крайнее течение. Явный кризис демократически-парламентского устройства в европейском масштабе подрывал престиж демократии среди украинского общества, уже и так колебленный в результате разочарования политической Антанты в отношении Украины. Украинцы не могли быть сторонниками международного «статус кво», и они симпатизировали ревизионистским силам версальской Европы, прежде всего Германии, сперва еще демократической, а после 1933 г. — гитлеровской. Хотя лозунгом украинского национализма была «ориентация на собственные силы», однако в своей внешнеполитической концепции он опирался на союз с Германией. Определенные круги в Рейхе поддерживали эти надежды и расчеты. А впрочем, эта ориентация переходила и за пределы националистического лагеря.

Националистическое движение в 1930-х годах

Национализм как политическое движение в течение 1929–1939 годов, от возникновения ОУН до начала Второй мировой войны, вырос в наиболее динамичную политическую силу во внесоветском украинском мире. Одним из его наиболее значимых достижений было перерастание региональных рамок и расширение влияния на целое украинских земель в Польше, Румынии и Чехословакии, на политическую эмиграцию в Европе и на украинских поселенцев за океаном. Все же центр

притяжения националистического движения был в Галиции. Несмотря на некоторые попытки, оно не смогло проникнуть на территорию УССР. Надднепрянщину в национализме репрезентировали только ведущие личности из числа эмиграции, которые сделали заметный вклад в формирование движения, прежде всего в идеологической и культурной областях. Согласно с националистической доктриной, революционную борьбу требовалось вести одновременно против всех противников. Однако до 1939 года саботажно-террористические акции ОУН направлялись фактически только против Польши. Противороссийская позиция национализма выявлялась в то время в борьбе с советофильством (который националисты рассматривали как форму современного москвофильства), а также покушениями на советских дипломатов.

Большим успехом национализма можно считать то, что он сумел возглавить молодежь, в особенности студенчество. Национализм отождествлял себя с молодым поколением. В отношениях между национализмом и украинским легальным миром обозначался, помимо отмеченных политических расхождений, сугубо психологический конфликт между «отцами» и «детьми». Национализм распространял идею мессианства молодого поколения.

Динамика национализма была настолько сильна, что воздействию его идей не могли противостоять другие политические лагеря. Приближение к национализму было наиболее заметно у гетманцев, в их мышлении — вопреки предостережениям В. Липинского — стиралась граница между правовую монархией и диктатурой. Эти тенденции затронули также некоторых сторонников эмиграционного правительства УНР; органом «УНР'овских националистов» был журнал «Ми» (Варшава). Симпатии к национализму чувствовались среди некоторых кругов УНДО. Идеология

национализма также не встречала последовательного противодействия со стороны Греко-Католической церкви, а некоторые священники молодого поколения были активными участниками националистического движения; даже возникла особая категория «христианских националистов» (К. Чехович, В. Глибовицкий и др.). Созданная в 1930-х годах Д. Палиевым партия — Фронт национального единства (ФНЕ) пытался конкурировать с ОУН с идейных позиций т.н. «творческого национализма», выразителем которого был М. Шлемкевич. К последовательным идейным противникам интегрального национализма принадлежали в то время в Галиции радикалы и социал-демократы (К. Коберский, В. Старосельский), часть национал-демократов (С. Баран, М. Рудницкая), некоторые католические круги (О. Назарук), а в эмиграции — деятели, верные демократическим традициям УНР, которые пребывали преимущественно в Праге (И. Мазепа и др.).

Буйному развитию национализма не могли помешать ни его украинские противники, ни репрессии польской власти. Однако в конце 1930-х годов возникли явления, свидетельствующие о кризисных процессах в лоне самого движения. ОУН была одновременно «армией в подполье» и политическим движением — партией. Однако национализму не посчастливилось гармонично сочетать эти два аспекта своей деятельности. Революционная организация требовала суровой конспирации, тогда как национализм, как политическое движение, стремился к массовости. Массовость же влекла за собой опасность деконспирации и создавала благоприятную почву для провокаций. Кроме того, многим националистам трудно было разделять тактику и методы, направленные против оккупационного режима и украинских политических противников. Морально-политический капитал, заработанный [борьбой] против внешнего врага, стал

средством достижения гегемонии над собственным обществом, внутренне-политические мотивы сознательно или бессознательно влияли на революционную стратегию ОУН. Национализм выработал на западноукраинских землях тип «профессионального революционера», который действовал по большей части из шляхетских побуждений, но его творческая жизнь нередко исчерпывалась несколькими годами молодческого горения.

Иррационалистическая установка национализма приглушала трезвую, критичную мысль, затрудняла ориентацию в сложной действительности и умение принимать ответственные решения и исправлять сделанные ошибки. В 1920-х годах националистические кружки были еще ареной дискуссий и духовных исканий. Но в 1930-х годах интеллектуальный уровень националистической среды заметно снизился; молодые публицисты-дилетанты самоуверенно брались за решение т.н. глобальных проблем. Характерен был стиль этих писаний: пафос, высокие слова и склонность к поэтическим клише, преобладающим из стихов националистических бардов и сочинений Д. Донцова («эпоха жестока, как волчица», «над миром сияет крест меча», «нация превыше всего» и др.). Эта литература не служила познанию мира, но имела целью творить определенную эмоциональную атмосферу. Национализм отчетливо увеличил волевою вдохновенность и боевую энергию украинского общества за пределами УССР, но одновременно он понизил уровень его политической культуры.

Национализм во время Второй мировой войны

Годы Второй мировой войны были периодом наибольшего подъема и одновременно организационного и идейного кризиса националистического движения. С момента советской оккупации Галиции и Волыни в 1939 году

и расширения контроля гитлеровской Германии на почти весь европейский континент другие партии и политические ячейки прекратили свое существование. Остались только националисты, которые под советской властью сохранили подпольную организацию, а на территории Германии, включая оккупированную Польшу и Чехословакию, могли до 1941 года, а кое-где и позднее, действовать полулегально. Три группы событий имели решающее значение для развития украинского национализма в это время: разлом в ОУН, оккупация Украины немцами в 1941–1944 годах и конфронтация с украинским Востоком и с советской системой.

Националистическая организация разбилась в 1940 году на две враждебные фракции — «мельниковцев» и «бандеровцев». Конфликт не имел принципиального основания, а возник на основе персональных и тактических расхождений. К этому привели недопонимания между зарубежной националистической средой, которая считала А. Мельника законным наследником Е. Коновальца, и более крайними краевыми [галицийскими] элементами движения, которые, ссылаясь на свои боевые заслуги и страдания, требовали для себя решающего голоса в руководстве организации. Эту группу возглавил С. Бандера. Встреча представителей двух групп, что происходила после падения Польши, способствовала разрастанию конфликта. Обе фракции далее употребляли общее название и ссылались на ту же самую идеологию. Раскол 1940 года не только ослабил силу националистического движения вовне и в то время, когда его ждало большое историческое испытание, но раздор в ОУН и жалкие инциденты взаимной борьбы нанесли национализму непоправимый моральный удар.

Колониальная политика немцев в оккупированной Украине перечеркнула внешнеполитическую концепцию националистического движения. Но то

обстоятельство, что Германия вообще не хотела иметь украинцев в качестве партнеров, избавила украинский национализм от роли, аналогичной хорватским уставам или словацким глинкивам.

Присоединение Западной Украины к СССР осенью 1939 года означало для националистического подполья переход с антипольского на антисоветский фронт. Одновременно открылся доступ к восточнукраинскому массиву. Это давало национализму, что оперировал из галицко-волынской базы, новые перспективы. В этой конфронтации с советской действительностью националисты проявили чудесную инициативу и героическую отвагу. Патриотизм и жертвенность националистов вызывала симпатии и доверие к ним и стремление включиться в движение среди сознательных кругов Надднепрянщины. Однако отсутствие ответа на вопросы социально-экономического устройства, как и тотальные черты националистического движения, были большим препятствием для его популяризации среди населения, у которого опыт коммунистического режима создал отвращение ко всякой диктатуре. За годы немецкой оккупации 1941–1944 гг. национализм, несмотря на жестокие репрессии оккупационной власти, распространился на просторы Надднепрянщины, и подпольная сеть ОУН обеих фракций пополнилась многими местными уроженцами. Но эти успехи были достигнуты благодаря ревизии, прежде всего в группе т.н. революционной ОУН (С. Бандеры), традиционной националистической идеологии.

События военной эпохи поставили национализм перед тяжким испытанием. Несмотря на трудности, которые вытекали из его внутреннего существа и из международной ситуации, национализм, как наибольшая украинская политическая сила того времени, возглавил движение сопротивления, направленного одновременно против

гитлеровской Германии и коммунистической России. Это движение сопротивления вылилось в 1942–1943 годах в форму Украинской Повстанческой Армии (УПА), которая продемонстрировала волю украинского народа к государственной самостоятельности в чрезвычайно неблагоприятной конъюнктуре.

Предтечей ревизионистских движений в ОУН был И. Митрига, который в довоенные годы стремился направить националистическое движение на советскую проблематику и «левые» социальные лозунги. Процесс идейного ревизионизма захватил разные части националистического движения неравномерно. Дальше всего в этом направлении заходили те националисты, которым довелось быть подпольщиками в Надднепрянщине (участники т.н. походных групп). Знаменательными были постановления III Чрезвычайного большого собрания ОУН (фракции С. Бандеры) 1943 года и платформа Украинского главного освободительного совета (УГВР) 1944 года. Основные отступления от традиционной националистической доктрины следующие:

1) отречение от обязательного «идеализма» и допущение философско-мировоззренческого плюрализма как в освободительном движении, так и в будущем украинском государстве;

2) отказ от расизма и этнической исключительности и признание основания равноправности всех граждан Украины, без внимания к этническому происхождению;

3) выдвижение достаточно детально социально-экономической программы, намечающей будущий хозяйственный порядок на Украине как комбинацию обобщественного, кооперативного и частнособственнического секторов. Однако в вопросах политического устройства изменения не были выразительны и решительны. Потому утверждение, что националистическое движение уже в 1943–1944 годах перешло

на демократические позиции, не имеет достаточных оснований.

Национализм после 1945 года

Антикоммунистическое подполье в СССР просуществовало приблизительно до начала 1950-х годов. На основании информации, доступной на Западе, можно судить, что украинское движение сопротивления, хотя генетически связанное с давней ОУН, успело за послевоенные годы избавиться от специфических черт интегрального национализма. Его платформой стало скорее демократическое движение за независимость («самостійництво»). Тексты т.н. краевых [т.е. галицийских] публицистов конца 1940-х и начала 1950-х годов выразительно иллюстрируют эту эволюцию (П. Полтава, О. Горновий и другие).

Среди украинской эмиграции продолжают действовать фракции ОУН. Их число увеличилось до трех. Уже в послевоенные годы возникла новая группа, отделившаяся от Зарубежных частей ОУН (С. Бандеры), которые с конца 1940-х годов выявили острую тенденцию поворота к предвоенному интегральному национализму. Она сложилась из приверженцев УГВР и тех, кто поддерживал ревизионистские тенденции, обозначившиеся в националистической среде во время войны. Эта группа фактически вышла за границы идеологии национализма, но до сих пор не отбросила названия ОУН (т.н. «ОУН за границей», возглавляемая первоначально Л. Ребетом).

Фракция А. Мельника, которая также сохранила до сих пор название ОУН, всегда подчеркивала свою верность идейным традициям старого, довоенного национализма, но практическим сотрудничеством с иными эмигрантскими партиями на поприще УНР она совершила свой отход от националистической исключительности. Эта группа, что объединяет прежде всего более умеренный, преимущественно интеллигентский национали-

стический элемент, выявляет право-консервативные тенденции.

Традиционная ментальность и идеология национализма лучше всего сохранилась в Зарубежных частях ОУН. Потому было естественно, что старый идеолог украинского интегрального национализма, Д. Донцов дал этой группе свою идейно-публицистическую поддержку.

Украинский национализм, как политическое движение и идеология, имеет теперь возможность действовать лишь в эмиграции. Здесь он, в разных своих фракциях, дал наисильнейшее и подвижное течение. Однако политически национализм имеет большие трудности, вызванные собственным идеологическим наследием, конфронтацией с западным миром и вопросами об отношении к народу на родных землях и к процессам, что происходят на Украине. Но, независимо от сего, национализм добыл себе прочное место в новейшей истории Украины как проявление живучести народа и как революционная сила в борьбе за самоопределение.

Литература

С. Рудницький. До основ українського націоналізму (Відень, 1920); *Д. Донцов.* Націоналізм (Львів, 1926; друге вид. Мюнхен, 1951; третє вид. Торонто, 1966); *К. Пушкар (К. Коберський).* Націоналізм, критика фраз (Львів, 1933); *Идея в наступі: альманах* (без місця, 1938); *Сурма: альманах* (Прага, 1941); *М. Сціборський.* Націократія (друге вид. Прага, 1942); *П. Боярський.* Українська внутрішня політика Організації Українських Націоналістів (без місця, 1947); *Позиції українського визвольного руху* (Мюнхен, 1948); *В. Марти-*

нец. Українське підпілля: Вид УВО до ОУН (Вінніпег, 1949); *Р. Лісовий.* Розлам в ОУН (Ной-Ульм, 1949); *Організація Українських Націоналістів, 1929–1954:* збірка статей (Париж, 1955); *ОУН в світлі постанов Великих Зборів конференцій та інших документів з боротьби 1929–1955:* збірник документів (Бібліотека українського підпільника. Ч. 1; вид. Закордонних Частин ОУН, без місця, 1955); *П. Мірчук.* За чистоту позицій українського визвольного руху (Мюнхен–Лондон, 1955); *John A. Armstrong.* Ukrainian Nationalism (Нью-Йорк, 1955; друге вид. 1963); *УГВР в світлі постанов Великого Збору та інших документів з ділльності 1944–1951 рр.,* збірник документів (Бібліотека українського підпільника. Ч. 3; вид. Закордонних Частин ОУН, без місця, 1956); *К. Паньківський.* Від держави до комітету (Нью-Йорк–Торонто, 1957); *Р. Ілнйтзкю.* Deutschland und die Ukraine 1934–1945, 2 т. (Мюнхен, 1958); *Л. Шанковський.* Похідні групи ОУН (Мюнхен, 1958); *П. Полтава.* Збірник підпільних писань (Мюнхен, 1959); *З. Книш.* Розбрат (Торонто, 1960); *Р. Кричевський.* ОУН в Україні, ОУН І ЗЧ ОУН: Причинок до історії українського націоналістичного руху (Нью-Йорк–Торонто, 1962); *Т. Ланушак.* Український націоналізм (Нью-Йорк, 1962); *Л. Ребет.* Світла й тіні ОУН (Мюнхен, 1964); *Я. Гайвас.* Коли кінчилася епоха (без місця, 1964); *К. Паньківський.* Роки німецької окупації (Нью-Йорк–Торонто, 1965); *П. Мірчук.* Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1 (Мюнхен–Лондон–Нью-Йорк, 1968).

*Перевод с украинского —
Андрея Тесли*

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

Игры с русским именем

Народное имя, этноним, никогда не бывает чем-то самоочевидным. Чаще всего неизвестно или спорно и его происхождение, и его значение. Хотя оно обыкновенно является основой самосознания людей, границы их общности определить очень трудно даже им самим, равно как и критерии определения того, кого можно считать «соплеменником». Этническое имя — это, так или иначе, просто набор звуков, всё значение которого в его историчности: никто не помнит, кто и когда себя так первым стал называть, но это и не важно, главное, что так называли себя бесчисленные поколения предков. Именно через этот набор звуков осуществляется ассоциация себя с предками, и именно к нему прикрепляется историческая память. Такое имя делает всех тех, кто себя им называет, воображаемым субъектом со своей судьбой-историей. И хотя в сознании этот субъект представляется цельным (на то он и имеет своё имя), в реальности эту цельность очень трудно, а иногда и невозможно уловить: общность между людьми с одним этнонимом основана на передаваемой из поколения в поколение памяти о далёком прошлом, а не на современном положении дел. Собственно, идея воссоздания единых общностей на основе древних этнонимов — это и есть национализм в самом своём общем смысле. Только с созданием нации этническая идентичность приобретает институционализацию и овещается в конкретных документах — личных и общих, свидетельствующих об актуальном единстве.

В донациональную эпоху этноним переживает сложную судьбу: его значение обыкновенно сильно варьиру-

ется в зависимости от общей структуры идентичности его носителей, их социального слоя, места проживания и в целом культурной эпохи с её специфическими формами и стратегиями идентификаций. Носители одного этнонима могут отказывать друг другу в праве на него, так как этого требуют их критерии «своего». И считать ли их представителями одного «народа» — вопрос свободного выбора наблюдателя (исследователя), принимаемых им самим критериев, также обусловленных его культурой и теоретическими предпочтениями. Это в равной мере применимо как к историку (т.е. человеку, пытающемуся описывать что-то в прошлом), так и к их современнику, не разделяющему ту же идентичность и смотрящему на них со стороны.

Экзоэтнонимы (этнические имена, даваемые другим, чужим общностям) отражают восприятие, которое наверняка ни по качеству, ни по объёму не совпадает с самоназванием, потому что артикулируется в ином культурном контексте и встраивается в другие структуры идентичности и номинационные системы. Более того, там, где носители данного самоназвания могут видеть тождество, сторонний наблюдатель может усмотреть различие, и наоборот — вовсе не увидеть актуальные изнутри различия как не имеющие для него значения. Внешнее имя отражает как специфику культуры самого субъекта номинации, так и опыт прежних номинаций, накопленный в его общности за всю историю контактов.

В XIX и XX вв., в «век национализма», когда создание общностей на основе этнонимов стало результатом не просто фактической истории, а со-

знательной политики властей, этнонимия превратилась в один из основных инструментов создания наций. Однако у этого процесса есть не только внутреннее выражение, но и внешнее: доводя через систему образования и информационную политику до сознания людей образ своего единого народа, его истории, границ и прочих свойств, им нужно и предлагать образ соседних народов, обладающих примерно всем тем же составом характеристик плюс своеобразной оценкой их качеств. Экзонимы становятся орудием конструирования образа других, а значит и основой для любых дальнейших стратегий отношений с ними. При этом различные варианты номинаций могут служить основанием своего самосознания, оправданием истории взаимоотношений или обоснованием для агрессии. И эта ситуация выходит за рамки просто «соседских отношений», когда объект номинации оказывается зависимым, по крайней мере когда-то в прошлом и хотя бы частично. Этнонимия становится полем информационных войн, столкновения исторических политик, сферой взаимных претензий. Даже вариации имён друг друга, отдельные буквы или формы слова превращаются в предмет ожесточённых дискуссий и способ психологического воздействия. В конечном счёте, обращение с этническими/национальными именами становится составной частью этноцидных практик.

В случае с русским этнонимом ситуация оказалась особенно сложной, так как сама история его употребления, история восточнославянских территорий, имела очень много разрывов и вариаций. И в век национализма важнейшим оказался т.н. украинский вопрос (с прилегающим к нему белорусским) как наиболее крупный проект по этническому раздроблению этого пространства, созданию альтернативного и конкурентного национального проекта. Впрочем, были и другие вопросы, для которых оказывалась важной игра

с этим именем. В настоящей статье я остановлюсь лишь на некоторых попытках политической игры с русским этнонимом.

* * *

Игра с именем «Русь», его производными и его выражениями в других языках имела своё начало в вариациях употребления его грекоязычного и латиноязычного аналогов — Россия (Ρωσία) и Рутения (Ruthenia) — и соответственно производных от них этнонимов «россияне» и «рутены».

Как показывают современные исследования, русское самосознание широко распространилось у восточных славян примерно в одно время — во второй половине XIII — в XIV вв., причём как в западнорусских землях, так и на Северо-Востоке. Это нормально для этнической идентичности — утверждаться после распада больших политических сообществ, тем самым закрепляя историческую память об утраченной общности. Однако дальнейшее развитие древнерусских земель привело к формированию довольно устойчивого разделения на две части — Русь Восточную, вскоре объединённую Москвой, и Русь Западную, постепенно подпавшую под власть Варшавы. В обеих частях номинация развивалась схожим образом, однако появилось и суженное русское самосознание — под «русским» стали чаще всего подразумевать только православное население своей политической общности. Несомненно, большое значение для этого имел факт разделения церковей в XV в. Общерусское самосознание также сохранялось, и более того, на Западной Руси в условиях религиозных гонений конца XVI — начала XVII в. претерпело значительную актуализацию, однако оно подчёркивалось лишь при специальном внимании к этому вопросу.

Всё это нашло отражение в словопотреблении у поляков — наиболее активно представленных на западно-

русских землях инородцев. В польском языке жителей Московской Руси с XVI в. стало привычно называть «Moskwa», но не в значении названия города, а в качестве этнонима — «москва», и отсюда же «москалы». Русский же этноним стал применяться лишь к православному и униатскому населению Речи Посполитой. «Русь» в понимании поляков была полностью ими подчинена, а за восточными границами жил другой, московский народ. Впрочем, осознание того, что «москва» тоже считает себя «русью», сохранялось и заметно проявилось в период наступательных военных кампаний начала XVII в., однако позже вновь стало малоактуальным. Номинативное разделение Руси по крайней мере на две части утвердилось в польской культуре. «Русский» этноним применялся только к западнорусским реалиям вплоть до второй половины XX в., когда советская Москва смогла навязать Польше употребление разделительных наименований «Ukraincy» и «Białorusini». Впрочем, тогда же, через повсеместное школьное изучение русского языка, в польский язык вернулось и осознание «москалей» как тоже «русских». Однако само слово «русский» и его производные (Ruscy, Rusek, ruski и т.д.) к этому времени приобрело устойчивое пейоративное значение (схожую судьбу совершила в русском словоупотреблении традиционная форма этнонима «жид»). В то же время за бранным употреблением русского этнонима в современном польском языке можно увидеть и возрождённую общерусскую оптику, ведь он теперь в равной степени применяется и к русским, и к украинцам, и к белорусам. Если прежде польская культура жёстко различала по имени восточную и западную части восточных славян, то теперь они опять стали объединяться под одним наименованием, однако лишь в разговорной речи либо в сознательно уничижительном словоупотреблении в публицистике и литературе (в т.ч. и

в таких выражениях, как «новые русские» — «Nowi Ruscy»).

Однако с наименованием в польском языке «москалей» ещё прежде произошли большие перемены. Где-то в первой половине — середине XIX в. старое «Moskale» постепенно уступило место новой форме «Rosjanie», то есть «россияне». Слово «Россия» стало употребляться в восточнославянской среде ещё в XVI в. и распространялось как название своей страны в примерно равной степени как в Московском государстве, так и в Речи Посполитой. Даже униатские митрополиты нередко называли себя «митрополитами Киевскими и всей России». Имеющее греческое происхождение имя воспринималось как высокопарная форма самоназвания. Барочная культура побуждала к возвышенному слогу, и (особенно в XVIII в.) в области литературы и официальных документов слово «россияне» вошло в активное употребление, достигнув пика своей популярности в первую треть XIX столетия. Оно получило господствующее положение в тексте «Истории государства Российского» Николая Карамзина — через эту форму этнонима историк обозначал не просто русских людей, но русский государственный народ, державных русских. Эта книга сразу приобрела значение основного синтеза русской истории и была очень быстро переведена на польский язык с сохранением формы этнонима («Rosjanie»). Судя по всему, именно это привело к постепенной замене этнонима «Moskale» на «Rosjanie», чему также немало поспособствовало негативное отношение российской администрации к слову «москалы» и её положительное отношение к имени «россияне», которое воспринималось как подчеркнуто уважительное.

Такая замена произошла очень легко, так как ни в коей мере не изменяла объём того сообщества, которое обозначалось обоими именами: Карамзин интересовался только той частью

русской истории, которая попадала в сферу развития государственной жизни с центром в Москве, так что западнорусская история почти не нашла у него отражения. В результате слово «Rosjanie» стало употребляться в польском языке лишь в применении к восточнорусскому населению, западнорусское же по-прежнему называлось «русским». В польской культуре произошла несвойственная русскому словоупотреблению этнотерриториальная диссоциация двух этнонимов — русского и российского. Русские и россияне предстали как разные народы, при этом россияне в этом восприятии оказались в роли агрессоров на русских землях как исторически принадлежащих Польше. Если в русском самосознании «Россия» и «Русь» представляли как синонимы и по-прежнему господствовал общерусский взгляд на историю, запечатлённый и в самом народном самоназвании, и в основном докарамзинском историческом нарративе, основанном на Киевском Синописе 1674 г., то для польского сознания «Ruś» и «Rosja» оказались обозначением разных стран и разных народов.

Ситуация, в которой польский и русский язык пришли к совершенно разным системам номинации русского исторического пространства, даёт обоснования польскому и русскому национальному взгляду на историю, но предоставляет большие проблемы для перевода текстов с одного языка на другой. Обычно при изучении того или другого языков даётся пояснение, что всё, что в русском языке называется «русским», на польский надо переводить как «rosyjskie». В переводе же с польского надо следить, идёт речь об этнонациональных реалиях или о государственных. Однако за пределами банальных текстов этот принцип не работает. На деле «российским» этнонимом на польский язык переводятся только те случаи употребления русского этнонима в русских текстах, когда речь идёт о чём-то, происшед-

шем на территории современной России (точнее, Московского царства в границах конца XVI в.). Если же речь идёт о Древней Руси или о западнорусских землях, то это принцип перевода уже не работает, и здесь либо употребляется слово «ruski», либо «ukraiński» и «białoguski». То есть польская культура, благодаря этой этнонимической подмене, каждый раз при описании чего-либо русского искусственно конструирует образ особой российской этничности в истории, имеющей начало где-то в XIII в. на землях волжско-окского междуречья и номинационно никак с остальным русским пространством не связанной. Таким образом, перевод должен всегда исходить из наложения польской этнической картины мира на русскую с различением тех территориальных и культурных пространств, которые именно в польском воображении имеют «российскую» принадлежность. В воображении — потому что ни в самой русской культуре, ни в текстах соответствующих эпох такая принадлежность обыкновенно никак не выражена. Русская этническая идентичность на территории России для польского сознания просто отсутствует, а фразы вроде «какой процент россиян составляют русские?» на польский язык дословно в принципе не переводимы, как и почти все тексты, касающиеся русских национальных проблем и вопросов идентичности. Принципиальная неадекватность польского языка в его описании русских реалий составляет большое неудобство, иногда отмечаемое и поляками, однако служит важнейшим основанием для национальной картины мира и патриотического самосознания, так как меняет всю историю субъектности польского пребывания на русских землях. Получается, что не поляки были историческими агрессорами на русских землях, а россияне издавна проявляли агрессию в отношении русских земель Польши.

Это польское различие русского и

российского довольно быстро нашло своё отражение в развитии молодого украинского движения. До последних лет XIX в. ему не было свойственно отказываться от русского имени, а противопоставление шло «этажом ниже» — между «украинцами» и «москалями» как одинаково русскими. Однако по мере становления украинства как особой националистической идеологии и формирования украинской языковой нормы произошло сознательное заимствование специфически польского употребления слова «россияне». Сама оптика восточнославянского пространства в украинском национализме полностью наследует польской традиции: оно видится издревле расколотым. А это потребовало отказа от общеприменительного употребления русского этнонима. В результате украинская мысль пришла вообще к полному отказу от его применения.

Ещё Фр. Духинским была сформулирована концепция «кражи русского имени москалями», потом её поддержал М.С. Грушевский, и она вошла в идеологию украинства как способ обоснования принятия нового этнонима «украинцы». Согласно этой логике, издревле существовал особый украинский народ, который называл себя «руським», но соседний московский народ после победы над украинцами в Полтавской битве присвоил себе их наименование, в результате чего им теперь необходимо назвать себя новым именем — украинским, чтобы вновь утвердить своё отличие от москалей. В результате в украинском языке была совершена та же операция, что и в польском: русские (москаля) были поименованы «россиянами», что вошло в обязательную норму уже в советское время. Таким образом русский этноним был полностью выведен из сферы актуальной этнонимии: россиян нельзя так называть, потому что они это имя якобы украли, но и украинцы уже не могут так называться по той же причине. Однако стоит заметить, что в со-

временном украинском разговорном языке под «руськими» обыкновенно понимают всё же «росіян», что связано с фактом повсеместного хорошего знакомства с русским языком.

В белорусском языке по нормализации, произведённой в 1918 г. Бр. Тарашкевичем, производилась та же замена, что и в польском и украинском: русские были обозначены как «расейцы» — от «Расей» (России), соответственно, язык «расейскі». Однако после реформы 1933 г. утвердилась иная норма: «рускія», соответственно «руская мова» и т.д. (государство — Расія). В сельской среде, где речь нередко характеризуется как «трасянка», эта норма господствует, однако в городской белорусскоязычной среде (в настоящее время это в основном интеллигентские круги оппозиционной ориентации) чаще стараются употреблять вариант тарашкевицы. В целом программа чёткого разделения русского и российского этнонимов пока что не удалась ни в украинском, ни в белорусском словоупотреблении, вероятно, по причине повсеместного знания русского языка.

Стоит при этом отметить, что в других славянских языках (помимо польского) Россия и русские по-прежнему именуется через корень «русь». Замена на «росс» не произошло больше нигде, и наименование русского народа напрямую наследует традициям, сложившимся ещё в Средневековье в отношении домонгольской Руси. Ср.: руснаци, руски език, Русия (*болг.*); руси, руски јазик, Русија (*макед.*); Руси, руски језик, Русија (*сербс.*); Rusi, ruski jezik, Rusija (*хорв.*); Rusi, ruski jezik (*руščина*), Rusija (*словен.*); Rusové, ruský jazyk (*руština*), Rusko (*чеш.*); Rusi, ruský jazyk (*руština*), Rusko (*словац.*) и т.д. То же самое можно сказать и о западных языках, в большинстве своём усвоивших корень «russ» ещё в средние века. Наименование русских «россиянами» остаётся особенностью польского и генетически связанного с ним в этом во-

просе украинского языков, и то лишь их официальных литературных норм.

Такое господство этнонимии, подтверждающей историческую концепцию, которую в украинской историографии принято называть «имперской», вызывает трудности в текстах, написанных на основе украинской и польской оптики. В связи с этим обыкновенно ставится задача лексически и грамматически отделить этноним, обозначающий древнерусское население, от современных «россиян». Многочисленные украинские исследовательские центры и кафедры украинской филологии и истории в западных университетах, созданные в основном националистически настроенной эмиграцией в XX в., в своих иноязычных текстах следовали обыкновенно стратегии замены русского этнонима на украинский во всём, что касается исторических реалий территорий современной Украины. При этом нередко делались оговорки о необходимости употребления анахроничного этнонима, чтобы не было путаницы с русскими России. Тем же путём пошла и украинская постсоветская историография в своих переводных текстах.

Примечательна ситуация в белорусском языке. В связи с националистическим требованием к носителям русского языка называть Белоруссию исключительно «Беларусью» ту же коррекцию произвели и с западными языками, в первую очередь с английским. Белорусские реалии были до 1990-х гг. очень мало представлены в англоязычной литературе, и появилась возможность стать законодателями наименования, так как оно в целом ещё воспринималось в новинку. В результате вместо старого «Byelorussians» стало употребляться «Belarusians» — через одно «s». Первые попытки ввести такую норму были в эмигрантской печати 1960-х гг., однако она стала входить в употребление только с самого конца 1980-х и в настоящее время превратилась в основную. Судя по

Google Books Ngram Viewer, в наши дни она более чем вдвое чаще употребляется, чем несколько более традиционный по грамматике — «Belarussians» (также введённый в употребление в конце 1980-х), и классический, вошедший в употребление ещё с начала XX в. вариант «Byelorussians» (и его более редкая вариация, возникшая в конце 1930-х гг. — «Bielorussians»). Последний уступил пальму первенства «Belarusians» в середине 1990-х и с тех пор употребляется в англоязычной печати всё реже. Однако примечательно, что в других языках, имевших прежде устоявшиеся формы обозначения Белоруссии, эта реформа произведена не была (например, в немецком: Weißrussland, weißrussisch; во французском: Biélorussie, biélorusse и т.д.). Ещё надо отметить, что эта реформа этнонимии не затронула обозначение древнерусских реалий за пределами территорий современной Белоруссии. Так как в исторических текстах, написанных с позиций белорусской националистической историографии, «древние белорусы» обыкновенно полностью отделяются от всей восточнославянской общности (как якобы балты), на переименование всей русской общности претензий нет.

В русском языке в настоящее время принято употреблять как старое «Белоруссия», так и относительно новое «Беларусь» (эта форма стала изредка употребляться ещё со времён немецкой оккупации и позже, в послевоенное время встречалась всё чаще), но обыкновенно с той разницей, что «Беларусью» называется именно современное государство. Судя по Google Books Ngram Viewer, в настоящее время в русскоязычной печати слово «Беларусь» встречается во много раз чаще, чем «Белоруссия». Однако на этноним эта форма никак не повлияла («белорусы»). В принципе, есть определённые основания для нелюбви белорусских националистов к названию «Белоруссия» — это единственный

случай в русском языке, когда встречается корень «русс» (с двумя «с») — во всех остальных словах русского языка этот корень имеет всё же только одно «с». Форма «Белоруссия» появилась в начале XIX в. судя по всему как результат транслитерации с латыни (там требуется удвоение «s» между гласными и перед окончанием -ia), латинская же форма слова возникла в польской среде и воспроизводила традиционное польское наименование *Wiałoś*. Конечно, обоснованность такого двойного посредничества для обозначения одного из западнорусских исторических регионов может вызывать сомнения. Но надо отметить, что, во-первых, эта особая форма никак не влияла на форму слова «белорусы», а во-вторых, судя по всему, она не имела какой-либо политической нагрузки — в отличие от введения в английский язык формы «Belarusians», лишаящий белорусский этноним общего корня (а потому и ассоциации) с русским.

Употребление формы «Rusian» (с одним «s») в английском языке почти не встречается (только как опечатки), однако в настоящее время этноним «Russian» применительно к древнерусскому периоду употребляется всё реже. Настойчивые требования со стороны украинских научных центров на Западе и эмигрантской общности лексически развести основной народ Древней Руси и современной России привёл к утверждению формы «Rus'» — и как наименования Руси (в самых разных случаях, в том числе всё же и в отношении Московской Руси), и как формы прилагательного (вместо «Russian»). Такое словоупотребление помогает придерживаться средней «политкорректной» линии в русско-украинском споре за «киевское наследство» — и не переходить на анахроничный этноним «Ukrainians», но при этом и не отождествлять Древнюю Русь с современной Россией. Стоит, однако, подчеркнуть, что именно формы «Russia» и «Russian» являются тра-

диционно применимыми в английском языке в отношении всех восточных славян и древнерусской государственности. Более того, форма «Russia» была господствующей для картографического отображения Русского воеводства старой Речи Посполитой (с центром во Львове) и в то время применялась преимущественно для описания западнорусских реалий, что было связано с польским посредничеством в передаче информации о русских землях на Запад. Никаких производных же от формы «Россия» ни в английском, ни в других западных языках так и не возникло.

Тождественность Руси и России в русском языке стала заметно нарушаться ещё в XIX в., когда всё «российское» оказалось более применимо к государственно-имперским реалиям, а «русское» — к этническим, народным. Эта линия абсолютно возобладала уже в постсоветской России, став официальной. Однако с середины 1990-х возникла теория новой «российской нации» и соответствующее интеллектуальное движение, которое условно можно назвать «российским национализмом». Его идеологи (в первую очередь В. Тишков и Р. Абдулатипов, представляющие различные его варианты) стали использовать слово «россияне» в значении проектируемой национальности, противопоставляя тем самым этническое русское имя национальному российскому. «Россиянство», как эти идеи окрестили оппоненты, быстро приобрело официальную поддержку, став основой для государственных программ и найдя своё отражение как в политическом языке, так и в текстах школьных учебников. В сущности, оно является попыткой на практике реализовать в нациостроительстве польский концепт особой российской этничности.

Однако план привития нового «российского национального» самосознания русскому большинству пока что не дал заметных результатов, а пред-

выборная статья В. Путина по национальному вопросу (январь 2012 г.) вроде даже обозначила отказ власти от активного проведения этой программы. И всё же можно констатировать, что её обсуждение в обществе заметно противопоставило друг другу имена «русский» и «россиянин». Последнее сейчас нередко употребляется в разговорной речи для замены старого понятия «нацмен», то есть для обозначения гражданина России нерусской национальности. В этом плане интересно предложение В. Тишкова дать рекомендации МИД по утверждению в своих англоязычных (и прочих иностранных) текстах новой формы «Rossian», с требованием различения её с «Russian». В таком случае русский этноним оставляется прежним донациональным этническим реалиям, а российский — новым, связанным со становлением российской нации. Однако все эти предложения пока что остаются проектами и в язык не вошли.

* * *

Помимо игр с восходящим к греческому наименованию Руси слову «Россия», не менее древним является употребление имеющего латинский корень наименования «Ruthenia». С XIII в. это слово встречается в западноевропейских текстах как наименование Руси, хотя происхождение слова спорно и оно иногда употреблялось и гораздо раньше применительно к реалиям на совсем иных территориях. Активное употребление этого экзонима связано с развитием католической миссии в Западной Руси в XVI–XVII вв., правда, использовалось оно наравне с «Russia» как синоним, без особой политической нагрузки. Первые попытки политического использования этого слова связаны с национальной политикой Австрийской (и позже Австро-Венгерской) империи середины — второй половины XIX в. В 1848 г. по решению губернатора Галиции гра-

фа Франца Стадиона «рутенами» были признаны восточнославянские жители провинции с тем именно основанием, что они должны отличаться по наименованию от русских в России. Это был первый случай переименования западнорусского населения в политических целях, впоследствии воспроизведённый в украинстве. С тех пор идея отстаивания исторического самоназвания стала фоном галицийской общественной жизни, и вскоре этот вопрос стал даже предметом судебных разбирательств.

Позже, уже в XX в., этноним «рутены» стал применяться в основном к восточнославянскому населению Закарпатья в связи с русинским национальным движением. Эта практика сохраняется по сей день, и в числе прочего можно упомянуть официальное англоязычное наименование Русинской грекокатолической церкви («Ruthenian Catholic Church»). Нередко этот этноним употребляется также в исторических текстах для описания западнорусских реалий с XIV по XX в., а также в западных переводах польских сочинений, с тем, чтобы отразить особое польское употребление слов, однокоренных с «ruski» — как относящихся только к польскому прошлому. В западной филологии им нередко называют западнорусскую литературную норму преимущественно актовых текстов XVI–XVII вв. То есть латинский термин не смог утвердиться как навязанное самосознание для части восточных славян, но служит в основном для разделения русского этнического пространства в исторических текстах.

Отдельная тема — использование в политических целях различных грамматических вариаций русского этнонима, то есть без замены корня на гречизированные или латинизированные варианты, но с использованием тех или иных суффиксов или просто способов написания.

Особый интерес представляет судь-

ба русского этнонима в русинском движении в Закарпатье. Сама форма «русин» традиционна, причём не только для Западной, но и для Восточной Руси. Однако в XIX в. можно видеть её преимущественное распространение в Галичине, на Волини и в Закарпатье. Она же вошла как основная в польский язык («Rusin»). Однако суффикс «-ин» употреблялся только в форме мужского рода: в женском — «руска», а прилагательное — «русский». Ср. «болгарин» — «болгарка» — «болгарский». При этом уже в XIX в. делаются первые попытки ввести неологизм «русинский» (для различения с «русским»). В XX в., по мере становления русинского движения в Закарпатье, утвердилась форма «русинский», для женского рода — «русинка», в западных языках, соответственно, «Rusyns» (*англ.*) и т.п. Примечательно, что в современных русскоязычных текстах, посвящённых истории Галичины и смежных областей, также нередко употребляется эта форма слова как более нейтральная по сравнению с собственно русским этнонимом.

Параллельно с нею существует и слово «руснак» (реже «русак»), однако оно никак по значению не выделяется, считаясь просто одной из местных вариаций. С ним произошли те же метаморфозы, появилась форма «руснацкий», в прежнее время также иногда встречавшаяся в разговорной речи. Однако в литературной норме воеводинских русинов, среди которых этноним «руснаки» распространён более всего, всё же прилагательное к нему зафиксировано как «руски». Не отказываются от традиционных форм этнонима и представители русинского движения в Закарпатье, Пряшевщине (Словакия) и Лемковщине (Польша). В этом плане можно говорить, что для настоящего времени в этом ареале господствует большое разнообразие форм русского этнонима и определённой национальной традиции пока что не сформировалось. Но стремление к

формированию новой нации на основе именно формы «русиньска» преобладает.

Другой вариант политических игр с русским этнонимом — придание этнического значения различным грамматическим формам написания слова «русский». Самый частый случай здесь — различие записи его с одним или с двумя «с». В принципе, это вопрос характера нормализации — принимается ли фонетический принцип записи, существуют ли какие-то ещё специфические нормы грамматики, определяющие правильное написание (например, слияние двух одинаковых шипящих). «Русский» — это форма прилагательного к корню «русь», и в разных языках она пишется по разным правилам. Для этимологического строя русского языка важно прописать и «с» в корне, и «с» в суффиксе; для фонетической записи украинского естественна форма «руський» (ведь в речи второе «с» не произносится) — при этом количество «с» в корне одно и то же, ведь это тот же самый корень. При этом в текстах до утверждения обязательных литературных норм запись этого слова могла быть разной. Бывает, и на одной странице можно встретить и тот, и другой вариант. Даже русскому языку XIX в. твёрдое следование одной норме было ещё не свойственно. Например, одно «с» предпочитал писать в этом слове Н. Карамзин, употребляя его как именно разговорную форму, что подчёркивалось просторечным окончанием «-ой» вместо «-ий» — «руской». В. Даль в своём словаре «живого великорусского языка» настаивал на сохранении обоих вариантов, при этом с явным предпочтением более старого, с одним «с».

Идея придать различным написаниям слова «русский» этнодифференцирующий смысл вряд ли могла возникнуть в славянской языковой среде, так как отражает принципиально неславянское грамматическое мышление. Неудивительно, что первые предло-

жения в этой области были высказаны австрийскими властями в Галиции. Как следует из стенограмм судебных заседаний дела Ольги Грабарь (1882 г.), форма написания «русский» с двумя «с» представлялась подозрительной и вызывающей обвинения в государственной измене именно потому, что соответствовала не польскому написанию «*ruski*» с одним «*s*», а принятому в русском языке в России. Требование к восточным славянам Галиции писать свой этноним сообразно с польскими правилами, а не российскими, вызвало орфографическое размежевание между двумя партиями — русофилами, для которых оказалось идеологически значимым именно написание согласно с московской нормой, и местными народолюбцами, утверждавшими этническую чуждость галичан и русских России.

Впоследствии в украинской националистической среде сложился миф, согласно которому украинцы якобы издревле считали себя «*руськими*» именно с одним «с». Это трудно считать хоть сколько-нибудь соответствующим историческим реалиям, так как такого грамматического мышления до века стандартизации и становления обязательной литературной нормы просто не могло быть, да и по источникам нигде не прослеживается. Однако это не мешает тому, что в ряде современных русскоязычных текстов, которые чаще всего пишутся авторами с украинской идентичностью, нередко встречается такое различие в написании «*русских*» и «*руських*» в качестве обозначения разных народов — «*российского*» и «*староукраинского*» либо «*украинско-белорусского*». Украинский национализм изначально создавался в русскоязычной среде и потому склонен задавать свои нормы словоупотребления не только в украинском, но и в русском языке. Однако на деле получается скорее смешение норм, так как грамматика русского языка не позволяет писать форму прилагательного к слову «*русь*» как «*руський*» — в этом

слове не хватает «с» в суффиксе «*ск*» и неизбежного при этом выпадения мягкого знака между двумя шипящими. Прежние возможности фиксации разговорных форм, которые ещё допускались в середине XIX в., после долгой истории утверждения стандарта ушли в прошлое. Равно как невозможно без выхода за пределы нормы украинского языка употреблять в нём слово «*русский*» с двумя «с». Однако такая «филологическая наивность» свойственна совсем не только интернет-дискуссиям или газетным статьям.

Так, украинский академик П. Толочко настаивает на употреблении особой формы — «*русский*» (с одним «с», но без мягкого знака), как одинаково чуждой грамматике и русского, и украинского языков, зато соответствующей наиболее частому написанию этого слова в древнерусских текстах. Толочко озабочен тем, что понятие «*Русский мир*» переводят на украинский как «*Російський світ*», нарушая всю смысловую нагрузку понятия. Действительно, другой вариант перевода — «*Руський світ*» — также не доносит до украиноязычной среды смысл этого выражения, так как по господствующей версии не имеет никакого отношения к России и её прошлому. Однако надо заметить, что система использования русского и российского этнонимов в украинском языке сознательно создавалась с той целью, чтобы не допустить общего имени и вынуждать при переводе переименовывать казалось бы одинаковые слова в двух языках. И введение усреднённой формы «*русский*», нарушая грамматику обоих языков, вряд ли может исправить эту ситуацию, лишь вводя новые различия: русская (российская) история всё равно номинационно отделяется от древнерусской и западнорусской — и тут уже неважно, делается это с употреблением мягкого знака или без него. Ввести же различие в современном украинском языке между «*русским*» и «*руським*» представляется тем более

невозможным, так как противоречит идеологии, положенной в основу этого языка. В современных украинских текстах этноним «русский» употребляется для обозначения исторического прошлого территорий Украины, но обыкновенно не распространяется на другие части восточнославянской общности. Это соответствует идеологической задаче разделить восточных славян на уровне этнонимов во всех прошедших столетиях, ведь какая-либо их общность хоть когда-либо полностью отрицается.

* * *

В настоящее время сложилась особая ситуация, когда русский этноним в политической сфере влечёт фантомное существование. Формально ни одно государство себя с ним не ассоциирует. Украина, утверждая русское имя как старое самоназвание украинцев, тем не менее не вводит его в язык законов, оставляя лишь историческим текстам. Россия, отрицающая вообще какую-либо этнонациональную привязку своей государственности, признаёт лишь официальный статус русского языка, но также не вводит русский этноним в сферу законодательства. Белоруссия же ограничивается своей конкретизирующей формой русского имени. Фактически русский этноним является в наши дни брошенным, политически не востребованным. Однако в области исторической и национальной политики он остаётся важнейшим предметом идеологических конфликтов. Игры с этим именем становятся основой для государственных идеологий.

Россия, отказываясь от формальной ассоциации с русским именем, тем не менее в последние годы ввела

в свою официальную лексику понятие «Русский мир». Поначалу, будучи представленным обществу в значении «русифонии», то есть как объединяющее понятие для всей сферы использования русского языка, оно приобрело дополнительную нагрузку в церковном словоупотреблении и в текстах идеологически консервативной направленности. Будучи тем не менее привязанным именно к языку, имеющему в России государственный статус, оно расширяет идентичность Российского государства, привязывая его ко всей сфере русской культуры. Тем самым употребление русского этнонима оказывается вновь (и постепенно всё более) значимым для российской политической жизни, в том числе и для международного позиционирования страны, а значит и идеологические игры с ним должны вновь войти в круг официальных интересов России. Пока что, однако, трудно говорить о какой-то сознательной политической линии Москвы в этой области. При этом надо отметить, что отсутствие формальной связи российской государственности с русским именем на данном этапе может предоставлять и дополнительные возможности для такой политики, расширяя свободу его использования.

Тем не менее всё это упирается в вопрос наличия национальной идеологии и консолидирующей национальные элиты идентичности, чего пока в России просто не наблюдается. Можно сказать, что на настоящем этапе все игры с русским именем проходят без участия собственно русских, то есть представленной в качестве политического субъекта этнической общности, которой свойственна русская идентичность.

Кирилл Титов

ПЬЕР ВАН ДЕН БЕРГЕ

Несмотря на то что ни одна работа Пьера ван ден Берге до сих пор не была переведена на русский язык, его имя хорошо известно в России каждому, кто интересовался проблемами теории наций и национализма. Положение, занимаемое ван ден Берге в современном научном сообществе Запада, уникально. «Главный представитель социобиологического подхода к этничности и национализму» — такую характеристику дал ему Энтони Смит¹. Здесь стоит внести некоторое уточнение. Ван ден Берге далеко не единственный западный ученый, разделяющий тезис о биологической природе национального². Однако в обобщающих научных трудах, когда речь заходит о современном примордиализме, как правило, упоминается лишь его имя; все остальные отнесены в категорию «расистов» и/или «параученых».

Феномен ван ден Берге в том, что в отличие от других исследователей, pokušившихся на «незыблемость» представлений о «социальном» характере наций и вытесненных в результате политической травли на обочину научной жизни, ему удалось сохранить свои позиции в академическом мире и избежать масштабного политического шельмования. Возможно, важную роль здесь сыграло мировоззрение ученого. В отличие от других «примордиалистов», плохо скрывавших свою ментальную близость к национализму, ван

ден Берге сочетает биологический детерминизм и антропоскептицизм с отчетливо леволиберальными убеждениями. Другое дело, что в его лице мы видим уже уходящий социальный тип левого интеллектуала, для которого противостояние антиинтеллектуализму и государственному диктату на порядок важнее борьбы с «расизмом» и «национализмом». Некоторые примеры нетривиальной позиции Пьера ван ден Берге, почерпнутые нами из его интеллектуальной автобиографии³, мы приведем ниже.

* * *

Пьер Луи ван ден Берге (van den Berge) — американский социолог, социальный антрополог и африканист бельгийского происхождения, профессор Университета Вашингтона (Сиэтл), родился в Бельгийском Конго в 1933 г. Стремление к академической карьере и космополитическому образу жизни будущий исследователь унаследовал от родителей. Его отец, этнический фламандец, выходец из среды франкофонной «профессиональной буржуазии» (ван ден Берге были провинциальными врачами в Генте на протяжении нескольких поколений), где на языке предков говорили только с прислугой и крестьянами на рынке. Получив медицинское образование, он порвал с семейной традицией и выбрал своей специальностью исследовательскую работу в области тропической

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. С. 271.

² См.: Дж. Ф. Раитон. Этнический национализм, эволюционная психология и теория генетического сходства // Вопросы национализма. 2014. № 18. С. 124–142.

³ Van den Berghe Pierre L. From the Popocatepetl to the Limpopo // Authors of Their Own Lives: Intellectual Autobiographies by Twenty American Sociologists. Berkeley, 1990. P. 410–431.

паразитологии. Женившись на французке, ван ден Берге-старший большую часть своей жизни провел за пределами Бельгии. Учился в аспирантуре в США, позднее на некоторое время вернулся на родину, где преподавал паразитологию в Антверпене, а после Второй мировой войны окончательно покинул Европу и перебрался в Африку. Здесь он вел исследовательскую работу в Конго, создал собственный исследовательский центр — Институт научных исследований Центральной Африки, а после выхода на пенсию поселился на своей ферме в Кении.

С материнской стороны к академической карьере Пьера подтолкнул дед — Морис Коллери, ученый-биолог, профессор Сорбонны и президент французской Академии наук. По признанию внука, именно его влияние было определяющим: «Мой дед, эталон рационалиста и позитивиста в духе великого девятнадцатого столетия, познакомил меня с биологией и объяснил, что есть настоящая наука. То, как личность этого внешне непривлекательного, субличного, мягкого, замкнутого и неразговорчивого человека исключительно силой своего интеллекта безоговорочно доминировала над его окружением, стало для меня первым уроком превосходства разума над материей»⁴.

Окончив иезуитскую школу в Бельгии и выпускные классы обычной школы в Бельгийском Конго, Пьер ван ден Берге по инициативе и примеру отца отправился получать высшее образование в Америку. Первым его университетом был Стэнфордский, тогда еще ничем не знаменитый. «После напряженной учебы у иезуитов, Стэнфорд в образовательном плане был раем для бездельников»⁵, — вспоминает ван ден Берге. В 1952 г. он получил там степень магистра социологии и подал заявку в аспирантуру Гарварда — первого «на-

стоящего университета»⁶ в Америке. Здесь на факультете социологии собрались «звезды»: Толкотт Парсонс, Питирим Сорокин, Клайд Клакхон, Гордон Олпорт. «“Святая троица” Олпорта, Клакхона и Парсонса, казалось, являла собой захватывающий синтез мира социальных наук, торжественно утверждая единство психологии, социологии и антропологии» — вспоминает ван ден Берге⁷.

В 1954 г. будущий ученый был призван в американскую армию и направлен служить в Германию: «защищать Американскую империю на Рейне», по его собственным словам⁸. Еще будучи солдатом, ван ден Берге женился на немецкой девушке, служащей американской военной базы, а после демобилизации провел год в Париже, посещая в Сорбонне лекции Леви-Стросса, Арона и др. Здесь же он принял решение специализироваться в области африканистики.

В автобиографии исследователь уделяет особое внимание своим парижским впечатлениям, которые пришлись на пик противостояния французских правых и левых и оказали определенное влияние на его позицию. «Война в Алжире и интервенция на Суэце — главные политические события момента — вызывали каждую субботу в районе полудня регулярные шумные столкновения в главном дворе Сорбонны. Соперничающие студенческие группировки кричали друг другу: “Алжир будет французским!” и “Фашизм не пройдет!”. Темно-синие грузовики с мобильными отрядами полиции стояли неподалеку, но они редко когда вмешивались. <...> И хотя и мои политические симпатии, и мой круг общения были в основном левыми, в особенности что касалось вопросов деколонизации, но именно в Париже я открыл для себя, что правые не обязательно

⁶ Ibid. P. 418.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 419.

⁴ Ibid. P. 412.

⁵ Ibid. P. 417.

группы (впечатление, с легкостью усвоенное в результате наблюдения за республиканскими политиками в Соединенных Штатах)»⁹.

Вернувшись в Гарвард, ван ден Берге написал работу о проблеме расовых взаимоотношений в Южной Африке. В 1960 г. он получил Ph.D. на факультете социологии Гарвардского университета и отправился в качестве преподавателя в Университет Наталя в ЮАР. Наблюдение за борьбой с системой апартеида привело ван ден Берге к нестандартным для левого интеллектуала выводам. «Если мое пребывание в ЮАР и оставило какой-либо нестираемый отпечаток на моих воззрениях, то таковым была твердая убежденность в пагубности любого акцентирования расовых вопросов, вне зависимости от изначально заявленных намерений. Эта убежденность позднее подтолкнула меня к публичному оппонированию политике расово-ориентированных аффирмативных действий в Соединенных Штатах и доставила мне немало неприятностей» — пишет он в своей автобиографии¹⁰.

Дальнейшая преподавательская и исследовательская карьера ван ден Берге протекала по уже накатанным рельсам: полевые исследования (Гватемала, Перу, Кения) перемежались с периодами преподавания и жизни в Африке (Найроби, Кения; Ибадан, Нигерия); Европе (Сорбонна, Страсбург, Тюбинген) и США (Государственный университет Нью-Йорка в Баффало). С 1965 г. и по сей день ученый занимает профессорскую ставку в Университете Вашингтона в Сиэттле.

Мировоззренческий нонконформизм ван ден Берге вызвал несколько серьезных коллизий в его академической биографии. Социологический факультет в Сиэттле в 1965 г. представлял собой, по словам исследователя, «оплот довольно наивного пози-

тивизма, сдобренного эмпиризмом»¹¹. Когда «старая гвардия» факультета обнаружила, что в лице молодого преподавателя им достался «скорее вольнодумец, чем позитивист», то попыталась заблокировать утверждение ван ден Берге на полной профессорской ставке. Ученый вспоминает, что его противники «утверждали, и в общем-то справедливо, что я отказываюсь признавать социологию самостоятельной наукой и что на самом деле я антрополог, маскирующийся под социолога. Я контратаковал в Совете Колледжа, заявив, что стал объектом обвинений в ереси, и победил: было принято беспрецедентное решение о пересмотре первоначального отказа в профессорской ставке»¹².

Следующее столкновение стало более серьезным. Вернувшись в США в 1969 г. после двухлетнего пребывания в Африке, ван ден Берге столкнулся с введением в своем университете системы позитивной дискриминации. «Более всего меня встревожили полный отказ от интеграционистской стратегии движения за гражданские права и возрождение мышления в расовых категориях, которые были вызваны к жизни сначала движением черных (black-power movement), а затем подхвачены и поддержаны институциональными мерами: политикой позитивной дискриминации, системой расовых квот, двойных стандартов и других форм расовой дискриминации. Я протестовал против подобных мер в Американской социологической ассоциации и по этим же причинам посчитал нужным выйти из состава некоторых ее комиссий.

Понятно, что рано или поздно информация о моем поступке дошла бы до руководства кампуса. Двойные расовые стандарты при поступлении в Университет Вашингтона неизбежно вели к проблеме двойных стандартов

⁹ Ibid. P. 420.

¹⁰ Ibid. P. 422.

¹¹ Ibid. P. 423.

¹² Ibid.

в оценке студенческих работ. Я откасался от расовой переписи своих студентов, как того требовала от меня Программа Афроамериканских исследований, а также от участия в разработке принципов двойных стандартов оценки студенческих работ. Конфликт был в самом разгаре, когда я поймал пятерых черных студентов на грубой попытке подделать ведомости с оценками. С этого момента группы орущих оскорбления студентов встречали меня и снаружи, и внутри моего офиса. «Хор» организаций различных меньшинств, возглавляемый вице-президентом университета по делам меньшинств (отставным армейским полковником без высшего образования, нанятым для того, чтобы контролировать черных студентов), требовал, чтобы я был уволен как расист. В течение двух недель меня осуждали местные газеты и телеканалы. За исключением Фрэнка Миямото, декана моего факультета, который мужественно встал на мою защиту, университетская администрация, с характерной трусостью и беспринципностью, делала вид, что ничего не происходит. Когда я попытался добиться от проректора официального заявления о поднятых мною принципиальных проблемах, он, запинаясь, ответил, что мы с вице-президентом по делам меньшинств имеем право на свои собственные взгляды на проблему борьбы с расовой дискриминацией»¹³. Для снятия остроты конфликта ван ден Берге прибегнул к проверенному способу, отправившись в полуторагодовую экспедицию в Перу. Впоследствии скандал сошел на нет, а ученый закрепил за собой роль диссидента, существующего на периферии университетской жизни.

Антиамериканские инвективы, впрочем, вполне традиционные для левого европейского интеллектуала, занимают значимую часть автобио-

графии Пьера ван ден Берге. «Мое недовольство американским обществом постоянно росло, и последние годы рейганизма (который представлял собой коалицию миллионеров, сумасшедших владельцев оружия, фундаменталистов Библейского пояса и политических идиотов, голосующих против собственных интересов) лишь усилили мое неприятие культа посредственности, пронизывавшего его насквозь, в том числе, к сожалению, и систему образования. Вся американская образовательная система непрерывно потрясалась чередующимися ударами волн антиинтеллектуализма, следовавшими то справа, то слева, и как следствие породила первое поколение практически безграмотных выпускников, впервые в истории произведенных на свет индустриальным обществом. Американские преподаватели, будучи сами по себе бастионом посредственности, находились в первой линии наступления на качество образования и дисциплину. Университет также не пощадили. В противоположность британской университетской модели, представляющей собой независимое сообщество исследователей, управляемое коллективом преподавателей и занятые умножением и распространением знаний, американский университет служит объектом приложения сил для спонсоров-капиталистов, свихнувшихся на футболе выпускников, провинциальных законодателей, вечно потрясающих Библией синодов, грозящих ракетами милитаристов, а управляется равнодушными администраторами-оппортунистами. С профессорами обращаются как с придворными шутами или отжившими свое чудаками, которым платят лишь за то, чтобы они развлекали молодежь и держали несколько лет ее подальше от улицы и трудового рынка»¹⁴.

К началу 1970-х гг. Пьер ван ден Берге был твердо убежден в «интеллекту-

¹³ Ibid. P. 425–426.

¹⁴ Ibid. P. 430.

альном банкротстве»¹⁵ современной ему социологии. В своей автобиографии он уделил немало места характеристике современного состояния этой науки¹⁶. «На самом деле я по большому счету перестал рассматривать социологию как жизнеспособную научную дисциплину. Социологи, заиклившись на методологии (причем весьма ограниченного типа), по большей части лишены каких-либо содержательных знаний и так и не смогли создать по настоящему значимую концепцию за прошедшие 50 лет. <...> Социология, похоже, упустила все перспективные в интеллектуальном плане возможности, открывавшиеся в последние полстолетия. Она поступилась большей частью своей предметной области, позволив антропологии закрепить за собой три четверти мира¹⁷. Она утратила свое историческое измерение, когда отказалась как от эволюционизма, так и от “чистого” историзма, превратившись в дурную этнографию современных индустриальных обществ. Социология потеряла последний шанс на то, чтобы стать наукой, в тот момент, когда отвергла релевантность биологии своему предмету и стала трактовать человеческое поведение через абстрактные социальные структуры и оценки. Она сохранила лишь внешний признак научности: количественный анализ, или, как метко сказал Сорokin, “числофрению”»¹⁸.

Разочарование в преподавательской деятельности, неудовлетворенность уровнем современных гуманитарных

дисциплин послужили для П. ван ден Берге дополнительным стимулом к дальнейшему интеллектуальному поиску. «Для меня становилось очевидным, что господствующие последние полстолетия в социальных науках установки обанкротились и устарели. Догматические представления об уникальности и несравнимости *Homo sapiens* с другими видами; продолжающееся рассмотрение проблемы человеческого поведения вне процесса эволюции посредством естественного отбора; взгляд на человеческую культуру и социальные структуры человеческого общества как на нечто уникальное; обусловленность, определяемая в терминах противопоставления врожденного и приобретенного, наследованного и обусловленного средой — все подобные представления казались грудой устаревшего хлама. Слишком много данных не соответствовали им»¹⁹.

Приверженность междисциплинарному подходу стимулировала интерес ван ден Берге к этологии человека и высших приматов. Поиск в этой области привел в свою очередь к знакомству с социобиологическими работами, которые стали основой его новой концепции.

Публикация в 1975 г. монографии Эдварда Уилсона «Социобиология: новый синтез»²⁰ ознаменовала революционный прорыв в развитии общественных наук. Как вспоминает ван ден Берге, «вскоре [после прочтения этой работы] я обнаружил, что части головоломки, удачно собранные Уилсоном, уже более десяти лет как существуют в работах Эрнста Мейера, Джорджа Уильямса, Уильяма Гамильтона, Джона Мейнард-Смита, Ричарда Александера и других»²¹. В 1976–1977 гг. ван ден Берге взял первый в своей карье-

¹⁵ Ibid. P. 431.

¹⁶ Стоит отметить, что в отличие от России, где социология все еще понимается как сугубо инструментальная, «техническая» наука, в современной западной традиции превалирует взгляд на нее как на главную науку об обществе.

¹⁷ В современной западной науке предмет исследования антропологии — незападные общества, социологии — западные.

¹⁸ *Van den Berghe Pierre L.* Op. cit. P. 431.

¹⁹ Ibid. P. 427.

²⁰ На русский язык работа Уилсона до сих пор не переведена.

²¹ *Van den Berghe Pierre L.* Op. cit. P. 428.

ре академический отпуск, чтобы погрузиться в труды исследователей социобиологического направления. Результатом этой работы стал целый ряд статей, в том числе публикуемая в данном номере «ВН»²², и главное —opus

²² Предлагаемая публикация является первым и единственным на сегодняшний день переводом работ Пьера ван ден Берге на русский язык.

magnum Пьера ван ден Берге, монография «Феномен этничности»²³.

²³ The Ethnic Phenomenon. N. Y., 1981. Другие его важнейшие работы: Race and Racism: A Comparative Perspective. N. Y., 1967; Man in Society: A Biosocial View. N. Y., 1975; Human Family Systems: An Evolutionary View. N. Y., 1979.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИМЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Пьер ван ден Берге

РАСА И ЭТНИЧНОСТЬ: СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В научной литературе имеют место (часто не выраженные явно) две противоположные позиции по поводу природы расы и этничности. Некоторые ученые рассматривают принадлежность к этнической и расовой группе как некую глубоко укорененную «примордиальную идентичность», полученную при рождении и практически не поддающуюся изменениям. Такой взгляд преобладал до 1920-х гг.: в то время общности с четкими этническими и расовыми границами воспринимались как нечто само собой разумеющееся; их объективная реальность в целом ни у кого не вызывала сомнения, в том числе и вне круга членов этих общностей. Эту раннюю версию «примордиалистского» подхода популярно выражали как расистские, так и националистические идеологии. В течение следующих пятидесяти лет в социологии преобладал подход культурного детерминизма. Все более настойчиво утверждалось, что этническая и расовая идентичность отнюдь не является примордиальной, а обусловлена, на самом деле, культурой и средой обитания; она подвержена изменениям, ситуационна и является предметом манипуляции в политических целях¹. В 1960-е и ранние 1970-е гг. стал, как нам кажется, преобладать такой подход к проблеме этничности, который мы бы назвали «субъективист-

ским». И лишь совсем недавно вновь началось осторожное продвижение примордиалистского подхода².

Такая примитивная дихотомия в описании интеллектуальных позиций и периодизации истории мысли может быть полезна только для предварительного знакомства с проблематикой, а мышлению многих ученых она просто вредна. В своих работах я постоянно повторял, что необходимо учитывать и объективные, и субъективные аспекты расы и этничности³; далеко не я один придерживался такого мнения⁴. Многие также соглашались со мной в том, что нельзя сводить этническую и/или расовую принадлежность к принадлежности классовой, как и наоборот. Я утверждал, что класс, этничность и раса суть абсолютно разные принципы определения принадлежности к той или иной общности, хотя каждый из этих принципов нужно рассматривать и с объективной, и с субъективной точки зрения. На данный момент я считаю, что те позиции, кото-

² Francis E.K. *Interethnic Relations*. N. Y., 1976; Keyes C.F. *Toward a New Formulation of the Concept of Ethnic Group // Ethnicity*. 1976. № 3(3). P. 202–213; Stein H.F., Hill R.F. *The Ethnic Imperative*. University Park, 1977.

³ Van den Berghe P.L. *Race and Ethnicity*. N. Y., 1970; *Class and Ethnicity in Peru* [Van den Berghe P.L. (ed.)]. Leiden, 1974; Van den Berghe P.L. *Race and Racism*. N. Y., 1978.

⁴ Hoetink H. *Caribbean Race Relations*. London, 1967; *Pluralism in Africa* [Kuper L., Smith M.G. (eds.)]. Berkeley, 1969; Schermerborn R.A. *Comparative Ethnic Relations*. N. Y., 1970.

Статья впервые опубликована: *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 1. 1978. №4. P. 401–411 (Прим. неп.).

¹ *Ethnic Groups and Boundaries* [Barth F. (ed.)]. Boston, 1969.

рые я отстаивал в своих предыдущих работах на уровне аналитических концепций и категорических суждений, можно рассмотреть в комплексе, воспользовавшись всесторонним теоретическим подходом, заимствованным из социобиологии. Это я и собираюсь сделать в данной статье.

К сожалению, объем данной статьи позволяет дать лишь набросок социобиологических концепций. Читатель найдет здесь ранние теоретические формулировки Гамильтона⁵ и Мейнарда Смита⁶, более современные и разработанные трактовки Уилсона⁷, Бараша⁸ и Докинса⁹, а также попытки приложить их к человеку, сделанные Александром¹⁰, Паркером¹¹, ван ден Берге и Барашем¹², Хартунгом¹³, Грином¹⁴, Фоксом¹⁵, Шаноном и Айрон-

сом¹⁶, Барковым¹⁷, Дайсон-Гудсоном и Смитом¹⁸. Хотя название «социобиология» только недавно вошло в обиход, в основном благодаря книге Уилсона¹⁹, эта развивающаяся новая дисциплина есть не что иное, как систематизированное применение дарвиновской теории эволюции к изучению поведения животных, особенно их социального поведения. Фактически социобиология — это ответвление этологии, которое имеет большую теоретическую базу и меньшее количество описательного материала, а также привлекает генетику поведения.

Основной вопрос, интересующий как социобиологию, так и социологию, следующий: почему животные социальные, то есть почему они сотрудничают? Почему одни виды более социальные, чем другие? Ответ долгое время был интуитивно понятен: животные социальные потому, что сотрудничество взаимовыгодно. Социобиология добавляет: основной генетический механизм общественного инстинкта животных — это *родственный отбор*, который необходим для увеличения *совокупной приспособленности*. Естественный отбор происходит посредством дифференциального воспроизведения²⁰. Различные аллели одного гена соперничают друг с другом, и те аллели, носители которых являются наиболее репродуктивно успешными, с большей вероятностью будут воспро-

⁵ *Hamilton W.D.* The Genetical Evolution of Social Behaviour // *Journal of Theoretical Biology* (7). 1964. P. 1–52.

⁶ *Maynard Smith J.* Group Selection and Kin Selection // *Nature*. 1964. №4924 (201). P. 1145–1147.

⁷ *Wilson E.O.* Sociobiology, The New Synthesis. Cambridge, 1975.

⁸ *Barash D.P.* Sociobiology and Behavior. N. Y., 1977.

⁹ *Dawkins R.* The Selfish Gene. London, 1976.

¹⁰ *Alexander R.D.* The Search for an Evolutionary Philosophy of Man // *Proceedings of the Royal Society of Victoria*. 1971. №84. P. 99–120.

¹¹ *Parker S.* The Precultural Basis of the Incest Taboo // *American Anthropologist*. 1976. №2(73). P. 285–305.

¹² *Van den Berghe P.L., Barash D.P.* Inclusive Fitness and Human Family Structure // *American Anthropologist*. 1977. № 4 (79). P. 809–823.

¹³ *Hartung J.* On Natural Selection and the Inheritance of Wealth // *Current Anthropology*. 1976. №4 (17). P. 607–622.

¹⁴ *Greene P.* Promiscuity, Paternity and Culture // *American Ethnologist*. 1978. №1(5). P. 151–159.

¹⁵ *Biosocial Anthropology [Fox R. (ed.)].* N. Y., 1975.

¹⁶ *Evolutionary Biology and Human Social Behavior [Chagnon N.A. and Irons W. (eds.)].* North Scituate, 1978 (in press).

¹⁷ *Barkow J.H.* Culture and Sociobiology // *American Anthropologist*. 1978. №1(80). P. 5–20.

¹⁸ *Dyson-Hudson R., Smith E.A.* Human Territoriality, An Ecological Reassessment // *American Anthropologist*. 1978. № 1(80). P. 21–41.

¹⁹ *Wilson E.O.* Sociobiology, The New Synthesis. Cambridge, 1975.

²⁰ Избирательного воспроизведения генотипов (*Прим. пер.*).

изведены в следующем поколении популяции. Успешные аллели являются одним из факторов в данной окружающей среде, способствующих репродуктивному успеху или «приспособленности» их носителей.

Большим теоретическим вкладом социобиологии было расширение понятия «приспособленность» до понятия «совокупная приспособленность»²¹. В самом деле, животное может прямо дублировать свои гены через свое потомство или косвенно — через потомство родичей, с которыми у него есть определенное количество общих генов. Поэтому можно ожидать, что животные будут сотрудничать, тем самым увеличивая приспособленность друг друга, если они генетически связаны. В этом смысл родственного отбора²². Короче говоря, животные являются непотистами, т.е. они отдают предпочтение родичу перед не-родичем и близкому родичу — перед дальним родичем. Как и у людей, это происходит иногда осознанно, а чаще неосознанно. Чтобы родственный отбор эффективно действовал, его вовсе не обязательно осознавать.

Склонность к «альтруизму», т.е. способствованию приспособленности «другого» (alter) за счет приспособленности «меня» (ego), прямо пропорциональна не только коэффициенту генетического сходства между «мною» и «другим», но также соотношению выгоды и цены акта альтруизма. Пример из человеческой жизни: мать, у которой уже прошла менопауза, скорее всего с большей готовностью пожертвует жизнью ради своего молодого совершеннолетнего ребенка, готового к воспроизводству, чем это сделает молодая мать ради свое-

го первого ребенка, еще находящегося в утробе (first foetus). В обоих случаях степень генетического родства одинакова (т.е. 1/2), но цена приспособленности в первом случае мала, а во втором — высока. Итак, «альтруизм» направлен в основном на родичей, особенно близких. На самом деле это явление следовало бы называть иначе. Оно является крайней формой генетического эгоизма. Это не что иное, как безудержное проявление максимизации совокупной приспособленности. Фактически, можно вывести простую формулу: проявление «альтруизма» следует ожидать, если соотношение цена/выгода «сделки» будет меньше, чем коэффициент родства между «другим» и «мною».

Нет причин сомневаться, что родственный отбор является мощной консолидирующей силой в социуме как у людей, так и у животных. Ясно, однако, и то, что в общественных инстинктах человека не все объясняется родственным отбором. По моему мнению, есть еще два дополнительных основания общественного характера человека: сотрудничество (reciprocity) и принуждение (coercion). Их рудиментарные формы есть у многих животных, но формы сотрудничества и принуждения у человека полностью затмевают по сложности и важности все, что мы знаем у других видов. Поэтому неудивительно, что даже самые маленькие и простые человеческие общества, будучи гораздо менее «совершенными», чем общества социальных насекомых (термитов, муравьев, пчел, ос), имеют гораздо более сложное устройство, чем общества любых других известных видов. Сотрудничество есть кооперация для взаимной выгоды; это действие, подразумевающее ответные действия. Сотрудничество может осуществляться как между родичами, так и между не-родичами. Принуждение есть использование силы с целью получения выгоды одной из сторон, то есть с целью внутривидового паразитизма

²¹ Hamilton W.D. The Genetical Evolution of Social Behaviour // Journal of Theoretical Biology (7). 1964. P. 1–52.

²² Maynard Smith J. Group Selection and Kin Selection // Nature. 1964. № 201 (4924). P. 1145–1147.

или хищничества. В основе всех человеческих обществ лежат все три принципа социальности: родственный отбор, сотрудничество и принуждение. Однако чем больше и сложнее становится общество, тем больше становится важность взаимодействия, а с появлением государства становится явной связь принуждения и родственного отбора.

Вот вкратце основная идея, которую я развиваю в остальных своих работах²³. В последней я излагаю такой взгляд на человеческую социальность, который фактически сводит поведение индивида, социальный базис и культурную надстройку к соперничеству между индивидуальными организмами за скудные ресурсы. В этом соперничестве каждый из индивидов осознанно или бессознательно старается извлечь как можно большую выгоду и минимизировать потери. Этот подход к человеческим взаимоотношениям противоречит многим подходам современной социологии, поэтому его с негодованием отвергали как возвращение к упрощенной теории инстинктов, биологическому редуционизму, спекулятивному эволюционизму, социал-дарвинизму, расизму, радикальным теориям наследственности и т.п. Объем данной статьи не позволяет мне подробно изложить мою теорию и тем более обозреть все возражения и опровергнуть их. Здесь достаточно сказать, что социобиология в самом деле является наукой редуционистской (как вся современная наука), эволюционистской (как вся современная биология) и материалистической (как большая часть социологии). Но она категорически не является возвращением к социал-дарвинизму, теориям инстинктов или расизму; также она не уменьшает важность факторов окружающей среды, уникальных характеристик *Homo sapiens* и значимости чело-

веческой культуры. Просто в этой теории утверждается, без всякого начетничества, что человеческое поведение является продуктом долгого процесса адаптивной эволюции, включающего в себя сложное взаимодействие факторов генотипа, экологии и культуры.

Какое отношение имеет это предисловие к расе и этничности? Мой главный тезис заключается в следующем: и этничность, и «раса» (в социальном смысле) фактически являются расширенными версиями понятия «родство» и, следовательно, их следует понимать как расширенную и смягченную форму родственного отбора. С другой стороны, классовые отношения находятся в сфере взаимной полезности, то есть имеют абсолютно иную природу. Если обобщить, то я считаю, что существуют два основных типа человеческих коллективов: коллективы *Tuna I* обычно приписывают себе общее происхождение; они часто эндогамны и принадлежность к ним обычно передается по наследству. Коллективы же *Tuna II* образуются с целью защиты общих интересов. *Tuna I* включает расовые, кастовые и этнические группы, а *Tuna II* объединяет такие разнородные ассоциации как профсоюзы, политические партии, профессиональные организации, спортивные клубы, группы соседей, родительские комитеты и т.п. На практике, конечно, некая группа может быть смешанного типа, например политическая партия, отстаивающая интересы какого-либо этноса, или наследственная профессиональная гильдия. Тем не менее, в идеале, солидарность каждого вида групп основана либо на родстве, либо на защите интересов.

Группы *Tuna I*, как правило, эндогамны либо по собственным предпочтениям, либо в силу обычая, но внутри они подразделяются на экзогамные группы родичей: нуклеарные семьи, роды, кланы и т.д. Несомненно, что, не считая последних нескольких тысяч лет человеческой истории, к

Tupa I принадлежали все без исключения человеческие общества. Это были маленькие инбредные популяции из нескольких сот индивидов, прототипичные «племена», считающие себя «народом», имеющим общее происхождение, реальное или мнимое, и считающим себя детьми мифической пары прародителей или бога-творца. Члены племени, хотя и разделенные на маленькие группы родичей, считали себя единым народом, сплоченным против внешнего мира. Они были связаны между собой сетью родства и брачных уз, что делало племя фактически суперсемейством. Высокий коэффициент имбридинга гарантировал, что большая часть супругов является в то же время родственниками. Такие культурные нововведения, как прямое родство (unilineal descent) и экзогамия (lineage exogamy), позволили расширить примордиальную модель социальной организации до гораздо большего объема, до обществ, включающих десятки тысяч людей, при том, что там почти полностью отсутствовали общества *Tupa II* (за исключением социальных групп, состоящих из людей одного возраста).

На протяжении почти всей истории человечества этнические группы представляли собой инбредные популяции, фактически инбредные суперсемьи, которые имели не только гораздо большую связь друг с другом, чем даже с ближайшими соседями, но которые, практически без исключений, вполне осознавали этот факт и поддерживали четкие территориальные и социальные границы с другими такими же этническими группами. Это, конечно, не отменяет ни того, что регулярно имели место миграция, завоевания и интербридинг, ни того, что общий предок «народа» всегда был отчасти фикцией. Все это также верно и по отношению к меньшим группам родичей: *отец* — не обязательно *прародитель*. Не имело большого значения, что расширенное родство этнической группы иногда

было скорее мнимым, чем реальным. Как и в малых группах родичей, родство часто было достаточно реальным, чтобы стать основой для таких сильных настроений, которые мы называем национализмом, трайбализмом, расизмом и этноцентризмом. Та легкость и скорость, с которыми эти настроения могут быть активизированы даже в современных индустриальных обществах, где им приходится конкурировать со многими группами *Tupa II*, безудержная ярость конфликтов, к которым могут привести эти настроения, невосприимчивость этих настроений к рациональным аргументам — лишь некоторые факторы, которые указывают на их примордиальность и непреходящую жизненную силу.

Мое предположение состоит в том, что этноцентризм эволюционировал в течение миллионов или, по крайней мере, сотен тысяч лет, как расширенная версия родственного отбора. В процесс также было включено сотрудничество, особенно в плане обмена женщинами для заключения браков, но поскольку супруги обычно также были родственниками, строгого разграничения между родственным отбором и сотрудничеством не было.

Поскольку гоминиды становились все более грозными соперниками и хищниками по отношению и к себе подобным, и к ближайшим видам, имело место сильное давление отбора²⁴ для формирования больших по размеру и могуществу групп. Конечно, размер группы, промысляющей охотой, и возможность для такой группы сформироваться в общество сдерживались экологическими факторами. Тем не менее группы родичей имели

²⁴ Давление отбора — показатель интенсивности действия естественного отбора с точки зрения изменения генетического состава популяций в ряду поколений. Чем интенсивнее отбор, тем выше скорость эволюционных изменений в популяции (*Прим. пер.*).

очевидное преимущество при отборе: они могли сформировать те сплоченные суперсемейства, которые мы называем племенами; в свою очередь это, как ясно показал Бигелов²⁵, неизбежно подразумевает сплочение против других конкурирующих групп и, следовательно, удержание и защиту этнических границ.

О группах *Tuna II* здесь не место говорить подробно. За исключением групп людей одинакового возраста, они обычно являются составными частями больших по размеру и сложности обществ, которые устроены как государство. Следовательно, они появились в процессе человеческой эволюции гораздо позже и по преимуществу обусловлены культурой. Конечно, они тоже важны, особенно в индустриальных обществах, но они не примордиальны, их легче собрать и распустишь, они более подвержены холодным рациональным подсчетам выгод, и они не так просто дают волю разгулу страстей. И уж конечно они не вытеснили группы *Tuna I*. Еще одно фундаментальное различие между группами *Tuna I* и *Tuna II* заключается в том, что первые, как правило, являются взаимоисключающими в плане членства; таким образом, они формируют основу наиболее первичных и важных взаимоотношений. Вторые же сегментированы и не являются взаимоисключающими. Миллионы людей в индивидуалистических обществах принадлежат к многообразным группам *Tuna II* и редко бывают глубоко и постоянно вовлечены в деятельность этих групп. Конечно, некоторые люди изгоняются из своего этноса, занимают пограничное положение, легко могут менять этническую самоидентификацию либо просто произошли от смешанного брака. Но большинство людей всю жизнь принадлежит к одной этнической группе или подгруппе. Даже принимая

во внимание все сложности реального мира и существование групп смешанного типа, принципиальное различие, тем не менее, несомненно.

Вернемся к группам *Tuna I*, которые мы здесь в основном и рассматриваем. Я предположил, что они развивались в процессе родственного отбора и, судя по всему, имеют отчасти биологический базис, в том же смысле, что и все системы человеческого родства. Разумеется, эту точку зрения с жаром оспаривают такие антропологи как Салинз²⁶, который заявляет, что человеческое родство обусловлено культурой, а не биологией. Почти любой аспект человеческого поведения принимает культурные формы, от чихания и испражнений до писания стихов и езды на мотоцикле. Но это не значит, что некоторые из этих вещей *также* не имеют биологического базиса. Я определенно не утверждаю, что у нас есть ген этноцентризма или ген для опознавания родичей²⁷. Я также не утверждаю, что те общества, которые институализировали нормы nepoтизма и этноцентризма, имеют большое преимущество при отборе перед обществами, которые этого не делали (если признать, что такие вообще существовали), по той причине, что родственный отбор был основной моделью социальности у животных. Привлекать культуру, чтобы объяснить универсальность этноцентризма и организации по признаку родства в человеческих обществах — значит совершать логическую ошибку «предвосхищение основания». Культура — лишь *при-*

²⁶ *Sahlins M.* The Use and Abuse of Biology. Ann Arbor, 1976.

²⁷ Наличие таких механизмов на генетическом уровне было экспериментально доказано Дж. Ф. Раштоном. См.: *Rushton J.P.* Ethnic nationalism, evolutionary psychology and Genetic Similarity Theory // Nations and Nationalism. №11 (4). 2005. P. 489–507 (на рус. яз.: Вопросы национализма. 2014. №18. С. 124–142) (*Прим. пер.*).

близительное объяснение того, почему люди действуют с позиций этноцентризма и непотизма. Как известно любому этнографу, когда туземцев спрашивают, почему они ведут себя определенным образом, они отвечают: потому, что таков обычай. Далее это интерпретирует антрополог: потому, что такова его культура; социолог говорит: потому, что он живет согласно нормам своего общества; а психолог возражает: потому, что таков его накопленный опыт. Они все в известной мере правы, но никто из них не объяснил, почему все человеческие общества практикуют родственный отбор и являются этноцентричными.

До сих пор, рассуждая о группах *Tupa I*, я делал акцент скорее на этнической принадлежности, чем на принадлежности к расе или касте. Каста — совершенно особый случай, даже если понимать ее в самом широком смысле слова и считать, что касты могут иметь место только в обществах с высокой степенью дифференциации и стратификации. Касты можно рассматривать как крайний случай переноса принципа профессиональной специализации в группы, изначально относящиеся к *Tupu I*. Касты — не единственный вариант профессионально специализированных групп *Tupa I*. Становиться таковыми вполне могут также и этнические и расовые группы²⁸. Каста является просто предельным случаем профессиональной специализации в сочетании со строгой эндогамией и иерархичностью.

Другое дело — раса. Сразу надо пояснить, что, несмотря на то что я привожу отчасти биологическую аргументацию, я принципиально не использую слово «раса» в смысле «подвид *Homo sapiens*». Под «расой» я имею в виду социологическое понятие, которое по-разному определяют в разных обществах. «Социальная» раса обычно

включает в себя людей с биологически тривиальными фенотипами; также она обычно не вполне соответствует генетически изолированным популяциям. Таким образом, биология не имеет для «социальной» расы существенного значения. На это указывает тот факт, что в мире лишь небольшое число обществ разграничивает своих и чужих на основе главным образом морфологических фенотипов.

На первый взгляд это опровергает мой тезис о том, что этнические и расовые настроения отражают развертывание родственного отбора. Если это так, то почему большая часть человеческих сообществ в основном придает такое значение таким очевидно передающимся через культуру характеристикам, как язык или диалект, религиозные верования, одежда, прически, манеры, шрамирование и т.п. в качестве опознавательных знаков для идентификации членов различных групп? Если суть дела состоит в том, чтобы идентифицировать родича для повышения чьей-либо совокупной приспособленности, тогда почему вместо приобретенных культурных черт в качестве опознавательных сигналов не используются врожденные физические характеристики? Иногда, конечно, такие морфологические фенотипы, как цвет кожи, черты лица, телосложение, тип волос, цвет глаз и т.д. используются не только для того, чтобы определить членство в группе, но также уже внутри группы в качестве теста на отцовство (которое всегда может вызывать сомнения). Однако обычно признаки членства, передающиеся через культуру, играют гораздо большую роль, чем признаки физические, если те вообще используются. Общества, в которых физический фенотип более значим, чем культурные характеристики, являются исключениями. Почему?

Ответ опять нужно искать в нашей истории эволюции. До нескольких последних тысячелетий, то есть до воз-

²⁸ *Hechter M. Ethnicity and Industrialization // Ethnicity. 1976. № 3 (3). P. 214–224.*

вышения государств-завоевателей, внезапная широкомасштабная миграция людей была редкостью и инбредные человеческие популяции были малы. Миграция и интербридинг имели место только на уровне индивидов и, в основном, между соседними группами. Поэтому соседние популяции не были, как правило, резко дискретными в плане генотипа. Относительные пропорции аллелей одного гена часто устанавливали градиент по мере того, как этот ген путешествовал через несколько инбредных популяций. Хороший пример — цвет глаз у европейцев. Чем дальше идти на север, скажем от Сицилии до Швеции, тем больше становится доля слегка пигментированных глаз. Тем не менее ни разу за все путешествие мы не встретим заметной дискретности. Поэтому цвет глаз является плохим критерием для определения национальной принадлежности в Европе. В самом деле, цвет глаз намного больше варьируется *внутри* национальных групп, даже внутри семей, чем *между* группами.

Конечно, в настоящее время европейцы используют некоторые морфологические фенотипы, чтобы различать разные этнические группы. Они расплывчато говорят о «нордических», «средиземноморских», «еврейских» и других типах. В отсутствие другого четкого критерия часто делаются вероятностные догадки в отношении этнического происхождения чужака на основе внешности. Вероятно, большинство групп имеет то, что Хетинг²⁹ определил как «образ соматической нормы» («somatic norm image»), то есть ментальную картинку того, как выглядит образцовый член группы. Однако дело в том, что морфологические фенотипы обычно используются либо в отсутствие более надежных культурных ориентиров (например, языка), либо когда внешность

сильно отличается от изображения соматической нормы (как, например, европейцы отличают азиатов или африканцев).

Задача хорошего теста на групповую принадлежность с целью определить родственную связь состоит в том, чтобы скорее провести надежное различие *между* группами, чем различие *внутри* групп. То есть выбранный критерий должен определять скорее *межгрупповую*, чем *внутригрупповую* дисперсию. До недавнего времени культурные критерии отвечали этому условию намного надежнее, чем критерии физические. Для маленьких групп было проблемой отличить себя от ближайших соседей, а не от неведомых популяций за тысячи километров. Даже самые банальные отличия в акценте, диалекте, лексике, украшениях и т.д. были гораздо более надежным критерием для определения *биологической* связи или ее отсутствия, чем любой физический фенотип³⁰. Поэтому использовали такой тест, какой было легче применить и который лучше отображал родственную связь. Не имело значение, что взаимосвязь была иллюзорной. Имело значение то, что она позволяла провести точное различие.

Эта теория объясняет не только общее преобладание культурных отличий в оценке членства в группе. Она также объясняет появление расизма (если он появляется) лучше, чем любые конкурирующие теории. Теория родственного отбора предсказывает, что физи-

³⁰ Классический пример из истории — резня французских оккупантов фламандцами в Брюгге (1203 г.). Фламандские повстанцы резали врагов ночью в их постелях. Чтобы случайно не убить фламандца, людей заставляли повторить слова «schilde ende vriend» («щит и друг». — *Прим. пер.*), содержащие звуки, практически непроецируемые для франкофона. Я полагаю, что этот тест на родственный отбор имел эффективность более 99%, и никакой тест на физические черты не сравнился бы с этим тестом в надежности.

ческие критерии будут бросаться в глаза в той мере, в которой они позволяют быстро и качественно отличить родича от не-родича. Очевидно, это происходит вследствие широкомасштабной, миграции на большие расстояния в результате завоевания, нашествия, рабства, контрактов или добровольной иммиграции. Несомненно, чрезвычайно важным событием в генетике нашего биологического вида является колониальная экспансия Европы, начавшаяся около пятисот лет назад, и все колоссальные перемещения популяций, которые она принесла. Разумеется, это повлекло за собой большой подъем расизма, поскольку внезапно стало возможно производить весьма точное суждение касательно родственного отбора с дистанции в несколько сот метров. Голландец на Мысе Доброй Надежды, португалец в Бразилии, англичанин в Кении не имел нужды задавать вопросы и вдаваться в нюансы акцента, чтобы определить степень родственной связи. Судя просто по пигментации кожи, он буквально мог выстрелить, а уж потом задавать вопросы, не опасаясь, что убил родича.

Соперничающие теории расизма, основанные на аргументах о природе капитализма или нормативных различиях между католицизмом и протестантизмом, мало что объясняют по сравнению с простым доводом о родственном отборе. Люди, как и другие животные, предпочитают родичей, и они будут использовать именно тот критерий, который позволяет производить быстрое, простое и точное различие между родичем и не-родичем. В большинстве случаев и до недавнего времени преимущественно использовались культурные критерии. Физические критерии стали заметны только после того, как большие, разительно различающиеся по внешности популяции неожиданно и надолго оказались вовлечены в постоянные контакты.

История западного расизма не оставилась после внезапного контак-

та с большим числом иначе выглядящих людей. Как только чужаки встретились, они начали смешиваться, как и должны были бы поступить любые члены одного вида. В свою очередь, интербридинг начал смазывать физические различия между человеческими группами; очевидно, вследствие этого произошло снижение значения физических черт как критерия родственной связи. Иногда утверждалось, что «расовое кровосмешение» есть свидетельство относительного отсутствия расовых предрассудков. Это вздор. Расизм никогда не препятствовал доминирующей группе мужчин спариваться с подчиненной группой женщин. Но, наверно, не наоборот. Требуется специально культивировать и поддерживать расизм, если большая часть твоих ближайших родственников принадлежит к презираемой расе, то есть когда фенотипы становятся плохим показателем генетической связи. Становятся размытыми не только физические маркеры рас, это размытие касается и родственных уз. Одним словом, целиком институционализированный расизм может поддерживаться только в обществах типа Южной Африки и Соединенных Штатов, т.е. в государствах, где удерживается высокий уровень расовой эндогамии или где расовая эндогамия была возобновлена после периода расового кровосмешения во время рабовладельческого строя.

Термин «рабство» в Соединенных Штатах XIX в. заменяли эвфемизмом «особый институт». На самом деле не было ничего «особого» в рабстве как таковом, так как оно существовало в подавляющем большинстве стратифицированных доиндустриальных обществ. Особой была в данном случае разновидность расового рабства в Западном полушарии. Все рабовладельческие системы подразумевали активный интербридинг между господами-мужчинами и рабынями-женщинами. Сексуальная эксплуатация неизбежно сопутствует ситуации доминирования, характер-

ной для рабовладения. Однако особенностью рабовладения с расовой подоплекой было неотъемлемое внутреннее противоречие — стремление сохранить расовую границу между родственниками. В Бразилии, как и во всей Латино-Карибской Америке, расовые линии были настолько смешаны, что, даже несмотря на то, что некоторые из этих обществ остаются расово сознательными, нельзя сказать, что остались хоть какие-то определенные объединенные расовые группы. В Соединенных Штатах рабство было отменено как раз вовремя, чтобы сохранилось строгое расовое разделение посредством установления сегрегированной системы эндогамных расовых групп после Гражданской войны.

Американская рабовладельческая плантация представляла собой как бы большую семью, хотя и совершенно ненормальную. Господа, надсмотрщики и рабы населяли маленький мирок, в котором, с одной стороны, существовало предельное неравенство, а с другой — все находилось в очень близких отношениях. Рабы готовили господам пищу, нянчили их законных детей и рожали им незаконных. Неудивительно, что легитимизирующая идеология плантационного рабства была патерналистской. Патернализм был не нов для рабства; в самом деле, это одно из самых распространенных рационалистических обоснований для тирании и эксплуатации. Как лучше всего убедить угнетенных принять свою участь? Для этого нужно замаскировать паразитизм под родственный отбор. Эксплуатация, мол, осуществляется в интересах угнетенных, поскольку деспот — это суррогатный отец, который этих несчастных любит. Однако если в традиционных деспотических государствах патернализм был фикцией, которую поддерживали, во-первых, разработанный миф о происхождении и, во-вторых, всеохватывающая фамилистская идеология (например, конфуцианство), то патернализм в рабо-

владельческой системе часто отражал действительные родственные связи. Дети-рабы от господина часто получали лучшее обращение и имели больше шансов получить свободу. Тем не менее между институтом рабства, сущность которого заключалась в паразитизме, и родственным отбором существовала фундаментальная несовместимость.

Патернализм просто не являлся пригодной идеологией для рабовладения. Если рабовладелец не был отцом для своих рабов, то не имело значения, что он на это претендовал (это никого бы не обмануло, т.к. вел он себя как эксплуататор). Если же он был для своих рабов отцом, дедом или сводным братом, то трудно было поддерживать отношения «господин-раб» и цветной барьер.

Мы предположили вначале, что существуют три основных механизма человеческой социальности: родственный отбор, сотрудничество и принуждение. Этнические и расовые группы требуют от нас иррациональной лояльности, так как фактически или, по крайней мере, в теории, они являются надсемействами. Но этнические и расовые отношения не сводятся к сотрудничеству и дружбе внутри группы; не менее важны конкуренция и конфликты между группами. Тогда как внутригрупповые отношения в основном диктуются родственным отбором, реальным или мнимым, межгрупповые отношения обычно антагонистичны. Иногда этнические группы могут завязать симбиотические, взаимовыгодные отношения, основанные, например, на эксплуатации двух специализированных и неконкурентных ниш в одном и том же месте обитания. Таковы отношения между некоторыми скотоводческими и оседлыми группами. Но чаще имеет место открытое соперничество и конфликт за скудные ресурсы и, довольно часто, установление многоэтнических государств с доминированием одной этнической группы за счет дру-

гих. В таком случае основой межэтнических (или межрасовых) взаимоотношений становится принуждение.

Родственный отбор и сотрудничество не требуют оправдания, потому что они содействуют приспособленности всех участников в системе. Зато принуждение, приводящее к асимметричному паразитированию, часто делает попытки себя легитимировать. Интересно, что существуют всего две основные идеологии, поддерживающие принуждение. Одна стремится замаскировать принуждение под родственный отбор: отсюда происходят многочисленные разновидности патернализма и фамилизма. Их использовали для оправдания почти всех доиндустриальных форм деспотизма. Другая идеология пытается представить принуждение как взаимное сотрудничество и обмен: это свойственно различным «демократическим» идеологиям индустриальных обществ последних двух веков, от либерализма до социализма. Почему же в течение последних двух столетий происходит это идеологическое смещение для оправдания тирании — от патернализма к *liberte, egalite, fraternite*?

Возможно, это идеологическое смещение отчасти отражает рост инкорпорированности маленьких национальных государств в государства многонациональные. Патернализм — очень подходящая идеология для маленького, этнически гомогенного национального государства. Неудивительно, что патернализм независимо друг от друга заново открыли в столь отдаленных друг от друга обществах, как Китай, Япония, Перу инков, царская Россия, Древний Египет, османская Турция, ренессансная Европа и бесчисленные африканские царства. Патернализм работает в моноэтнических государствах потому, что нация, по сути, есть расширенное осуществление родственного отбора. По той же причине патернализм перестает работать в полиэтничных государствах.

Одно дело — когда японский крестьянин смотрел на своего императора как на великого отца, живое воплощение Японии, и совсем другое — когда индийский крестьянин осознавал, что сакрально нечистая поедательница говядины королева Виктория является живым символом матери-Индии. С другой стороны, идеология, основанная на сотрудничестве, может существовать поверх этнических границ. Поэтому эта идеология подходит для 90% нынешних государств, которые являются полиэтничными конгломератами. Кроме того, будучи этнически нейтральной, она отлично экспортируется как революционная идеология. Не случайно Франция вошла в наиболее империалистическую фазу своей истории сразу после Революции.

Идеи, представленные в данной статье, являются лишь предварительным наброском. Они не столько вытесняют другие теории этничности и расы, сколько дополняют их, помещая их в более широкий контекст эволюционистского мышления. Они не претендуют на исчерпывающее объяснение этих феноменов; они ни предсказывают в деталях исторических событий, ни объясняют тонких культурных различий. Однако они предлагают «экономную» (*parsimonious*) гипотезу о том, как объяснить те особенности феномена расы и этничности, которые до сих пор оставались неуловимыми и неясными. Правдоподобность моих идей для читателя целиком зависит от того, принимает ли он в принципе фундаментальную парадигму эволюции форм жизни и общественной организации на нашей планете (т.е. теорию эволюции Дарвина) и желает ли он применить эту невероятно продуктивную модель к нашему собственному виду или предпочитает признавать некий особый акт сотворения человечества.

Сергей Коростелев

НАЦИОНАЛИЗМ ФУТБОЛЬНОЙ Европы

В прошлом году в «ВН» вышла моя статья «Российский футбол как арена межэтнической борьбы». Примерно тогда же возник более глобальный замысел: рассмотреть национальные противоречия, существующие в европейском футболе.

Данная статья ставит своей целью показать то, что, несмотря на глобализацию, космополитизм и толерантность, национализм в футбольной Европе по-прежнему процветает.

Олимпийские игры–2012: страсти вокруг сборной Великобритании

В большинстве видов спорта, за исключением футбола или, например, его исторического «побратима» регби, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии представляет единая команда. Футбол же — игра особенная, игра великая. К тому же — зародившаяся на острове Великобритания, который исторически и географически разделен на четыре части. Одним из условий, поставленных футбольными ассоциациями Великобритании при вступлении в международную футбольную федерацию, было право выставлять четыре сборные. И во всех турнирах, проводимых под эгидой ФИФА (чемпионаты мира — с 1930 г.) и УЕФА (чемпионаты Европы — с 1960 г.) Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия всегда выступали отдельно.

Однако на Олимпийских играх футбольный турнир проводится под эгидой *Международного олимпийского комитета*, который требует наличия единой сборной Великобритании,

как и во всех остальных видах олимпийской программы. Олимпийская футбольная команда Великобритании и Северной Ирландии¹ (англ. *Great Britain and Northern Ireland Olympic football team*) является трехкратным олимпийским чемпионом — 1900, 1908 и 1912 годов. В 1900 г. в качестве сборной выступал любительский футбольный клуб «Аптон Парк», и тот турнир имел лишь показательный статус. Официально футбол вошел в программу Игр в 1908 г., поэтому сборная Великобритании считается первым олимпийским чемпионом.

В дальнейшем Великобритании так ни разу и не удалось выиграть олимпийские медали, а в 1964, 1968 и 1972 гг. единая команда не доходила и до финальной стадии, прекращая выступления в квалификации.

Итак, за исключением двух товарищеских матчей со сборной континентальной Европы в 1947 и 1955 гг., сборную Великобритании можно было увидеть только на Олимпийских играх. Впрочем, в 1974 г., когда футбольная ассоциация Англии упразднила понятия «профессионал» и «любитель» и перестала различать игроков, которые зарабатывают футболом на жизнь, и тех, для кого спорт — не более чем хобби, единая команда перестала выступать вообще. С 1984 г. в Олимпийских играх могут участвовать и профессионалы, но британцы ни разу не восполь-

¹ Как правопреемница сборной Великобритании и Ирландии. Республика Ирландия обрела независимость в результате вооруженного конфликта 1919–1921 гг.

зовались этим правом. В 2007 г. Англия дошла до полуфинала молодежного чемпионата Европы для игроков младше 21 года и тем самым квалифицировалась на Олимпийские игры—2008. Но три другие нации, являющиеся частями Великобритании, отказались от идеи создания единой сборной.

На самом деле проблема зрела еще раньше — с 2005 г., когда Лондон выиграл право на проведение Олимпийских игр—2012, а *Великобритания*, следовательно, получила право выставить свою сборную команду *без отбора* как *страна-хозяйка*. Впервые с 1972 г. британский олимпийский комитет должен был всеми правдами и неправдами созвать единую футбольную сборную Великобритании.

Идею создания такой команды поддержал сам экс-премьер-министр государства Дж. Г. Браун. Но и противников сборной Великобритании нашлось немало, особенно среди шотландцев² — во главе с первым министром Шотландии А. Сэлмондом. К примеру, один из высокопоставленных чиновников УЕФА Д. Тейлор заявил, что создание единой команды поставит под сомнение самостоятельность шотландского футбола и будет означать «самый быстрый путь к исчезновению Шотландии с международной сцены».

— Мы не должны соглашаться на то, что может повлиять на нашу футбольную независимость, — вторил Тейлору шотландский парламентарий П. Вишарт. — К тому же Олимпийские игры — бессмысленное соревнование, не стоящее таких жертв.

К шотландской точке зрения присоединились валлийцы и ирландцы. Футбольные ассоциации Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии выступили с заявлением, в котором сообщили о том, что не намерены делегировать своих игроков в сборную Великобритании для участия в Играх 2012 г.: «[мы] еди-

ногласно против участия своих игроков в сборной Великобритании, о чем заявил британский олимпийский комитет в СМИ. Мы четко сформулировали причину отказа: наша задача — беречь независимость и самобытность каждой национальной ассоциации. Поэтому мы не можем поддержать инициативу футбольной ассоциации Англии».

В то же время никакая местная федерация юридически не могла запретить игроку выступать за Великобританию. Тем более что ФИФА дала письменные гарантии, что участие сборной Великобритании в олимпийском турнире не скажется на статусе национальных сборных всех стран Соединенного Королевства. В то же время министр спорта Великобритании Дж. Сатклифф заявил, что сборная Великобритании примет участие в олимпийском футбольном турнире даже в том случае, если команду придется формировать исключительно из английских игроков.

Формально демарш был продиктован чисто футбольными причинами, хотя всем было очевидно, что страсти вокруг единой сборной Великобритании нагнетаются еще и национально-политическими разногласиями. Так, 30 ноября 2009 г. в Шотландии была опубликована белая книга предлагаемого закона, установившая четыре возможных варианта голосования по вопросу о независимости Шотландии. Проект был инициирован Шотландской национальной партией (ШНП). 10 января 2012 г. региональное правительство объявило время проведения референдума — 18 сентября 2014 года.

Но вернемся к футболу. Противостояние Англии и Шотландии на футбольных полях насчитывает уже более 140 лет! Еще в феврале 1870 г. одна из лондонских газет опубликовала объявление, что Футбольная ассоциация Англии³ планирует провести встречу между английскими и шотландскими фут-

² Справедливости ради отмечу, что Браун — тоже шотландец.

³ Основана в 1863 г.

болистами, проживающими в Лондоне. На приглашение откликнулось немало шотландцев, но матч пришлось отложить из-за сильных морозов. Он состоялся только 5 марта и закончился вничью — 1:1. Затем англичане и лондонские шотландцы провели в Лондоне еще несколько игр. Официальными они не были, да и международными их можно назвать с большой натяжкой, раз все футболисты жили в одном городе.

То, что первый вызов был брошен именно шотландцам, неслучайно. Футбол завоевывал всё больше сторонников уже не только в самой Англии, но и в других частях Соединенного Королевства. Прежде всего как раз в Шотландии, где в 1867 г. был основан клуб «Куинз Парк». Правда, поначалу многие шотландцы не испытывали симпатий к первой футбольной команде, которая появилась у них в Глазго. Причина крылась в неприязни, которую шотландские националисты издавна испытывают к англичанам, перенося ее на всё, что с ними связано. Создателей «Куинз Парк» обвиняли в том, что они играют в игру завоевателей.

И всё-таки уже 30 ноября 1872 г. на стадионе «Хемилтон Крешент» в Глазго состоялся матч сборных команд Англии и Шотландии — первый в мире футбольный поединок на уровне национальных сборных⁴. Несмотря на нулевой счет, игра, по свидетельству очевидцев, выдалась живой, ибо на поле шло увлекательное противоборство двух разных тактик. Англичане предпочитали индивидуальные действия и дриблинг, а шотландцы играли в пас. Этот исторический матч положил начало великой традиции: с тех пор английские и шотландские футболисты встречаются каждый год, и только во время двух мировых войн эти игры отменялись.

Международные встречи, пусть пока проводившиеся лишь на Британских островах, обогащали футбол.

Примеру Англии и Шотландии вскоре последовали футболисты Уэльса и Северной Ирландии. В Уэльсе футбольная ассоциация была основана в 1876 г., в Северной Ирландии — в 1880-м⁵. Вершиной всеобщей «футболизации» Британских островов стал чемпионат Великобритании с участием сборных команд Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, проводимый с 1883 г. А в 1888 г. было разыграно звание чемпиона среди клубных команд: победитель Кубка Англии «Вест Бромвич Альбион» уступил победителю Кубка Шотландии «Рентону».

И по сей день футбол — страсть многих шотландцев, поистине национальная игра, какой не удалось стать, например, гольфу. Во время международных матчей, особенно если Шотландия играет против Англии, едва ли не все жители страны превращаются в ярых националистов. Неудивительно, что предложение вновь объединиться с англичанами в рамках единой сборной Великобритании — тем более на фоне предстоящего референдума — было встречено в Шотландии в штыки.

Однако, несмотря на противодействие Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, команда Великобритании была воссоздана. В итоговый состав из 18 игроков попали 13 английских и 5 валлийских футболистов, в том числе капитан сборной — легендарный игрок «Манчестер Юнайтед» Р. Гиггз⁶. Игроки из Шотландии и Северной Ирландии включены не были. Тренер сборной англичанин С. Пирс⁷

⁵ В создании ассоциации участвовали футбольные клубы Белфаста и его окрестностей. Изначально создавалась для организации соревнований по этому виду спорта во всей Ирландии

⁶ <http://www.telegraph.co.uk/sport/olympics/8404386/London-2012-Olympics-Gareth-Bale-and-non-English-players-have-legal-right-to-play-for-Team-GB.html>

⁷ Занять пост наставника Великобритании на время Игр предлагали великому тренеру

заявил, что решение это было чисто футбольным:

— Я не выбирал по личностным качествам, по продажам билетов и, разумеется, не выбирал по национальности.

Пирс также добавил, что, когда он поддерживает британских атлетов как болельщик, он никогда не пытается разобраться в их национальности — англичанин, валлиец, шотландец ли?

Но все политкорректные формулировки не могли скрыть того факта, что шотландцы отказались выступать за Великобританию. И если достойных футболистов, способных конкурировать с англичанами, в Северной Ирландии немного, то шотландские игроки единую сборную усилить могли бы.

Соревнования начались 26 июля 2012 г. и проходили в 4 английских городах (Лондоне, Манчестере, Ньюкасле и Ковентри) и в 2 неанглийских (Глазго и Кардиффе). На групповой стадии Великобритания обыграла ОАЭ и Уругвай и сыграла вничью с Сенегалом, но затем, выйдя в четвертьфинал с первого места, уступила по пенальти Южной Корее.

Как известно, итоги референдума не принесли сторонникам независимости Шотландии желаемого результата⁸. Увидим ли мы последствия этой неудачной попытки отделения на шотландских и европейских футбольных полях и что будет со сборной Великобритании на Олимпийских играх–2016 в Рио-де-Жанейро — большой вопрос.

Сербия и Черногория: вместе и врозь

История югославского футбола почти так же многогранна, сложна, за-

«Манчестер Юнайтед» шотландцу А. Фергюсону, но тот отказался, и более того — усомнился, что создать единую сборную удастся. Де-факто так и произошло.

⁸ Разочарованный Сэлмонд заявил об уходе с поста премьер-министра Шотландии и лидера ШНП (http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/09/140919_rn_scotland_salmond_resigned.shtml).

путанна и противоречива, как и история самого государства Югославия. Первую игру сборная страны, которая называлась Королевством сербов, хорватов и словенцев (1920–1929) провела в 1920 г. В дальнейшем сборная представляла Королевство Югославия (1929–1941), Федеративную Народную Республику Югославия (1946–1963) и Социалистическую Федеративную Республику Югославия (1963–1992) вплоть до распада последней на несколько независимых государств⁹.

Полуфиналист первого чемпионата мира в 1930 г. (одна из четырех европейских команд, рискнувших отправиться в плавание на другой конец света — в Уругвай); финалист первого чемпионата Европы (поражение в финале от сборной СССР) и победитель олимпийского турнира в 1960-м; завоевание белградской «Црвены Звезды» Кубка европейских чемпионов в 1991-м.; попадание в финальную стадию чемпионата Европы в 1992-м (сборная не приняла в нем участие из-за развала государства и была заменена командой Дании, которая в итоге одержала сенсационную победу) — и это еще не все и лишь в общих чертах обозначенные вехи в истории югославского футбола.

Правопреемником единой сборной Югославии стала команда, с 1994 по 2003 г. представлявшая в футболе Союзную Республику Югославия. К участию в отборе на чемпионат Европы 1996 г. сборная не была допущена из-за войн на Балканах. Отборочный турнир к чемпионату Европы–2004 команда начала как югославская, а закончила как сербско-черногорская: в 2003 г. был утвержден свободный союз двух этих республик. Согласно его конституции, каждая страна имела право получить полную независимость в результате референдума.

Одним из лидеров движения за не-

⁹ Этот распад, по сути, начался именно с футбольного матча (подробнее см. ниже).

зависимость Черногории стал легендарный футболист сборной Югославии, бомбардир «Црвены Звезды» и «Милана», уроженец Титограда (Подгорицы) Д. Савичевич. На собраниях и митингах он выступал вместе с черногорским премьер-министром М. Джукановичем, лицо Савичевича было на плакатах с надписью «YES!», убеждавших черногорцев голосовать на референдуме за независимость. Чаяния Савичевича воплотились в жизнь 21 мая 2006 г., а 5 июня государственный Союз Сербии и Черногории официально прекратил свое существование.

Тем не менее сборная Сербии и Черногории всё-таки приняла участие в финальной стадии чемпионата мира 2006 г. в Германии, который стартовал 9 июня. Но выступление получилось провальным — были проиграны все три матча в группе (0:1 Нидерландам, 0:6 Аргентине и 2:3 Кот-д'Ивуару).

Правопреемницей сборной Сербии и Черногории стала, разумеется, Сербия, а Черногории пришлось формировать свой собственный футбольный союз только в сентябре 2006 г. Так как квалификация к Евро-2008 уже началась, сборная Черногории не смогла принять в ней участие. В УЕФА Черногория вступила 26 января, а в ФИФА — 31 мая 2007 г. Первый товарищеский матч Черногория провела в Подгорице 24 марта и победила Венгрию со счетом 2:1, а в первом официальном матче была зафиксирована боевая ничья с Болгарией — 2:2.

И если в первом своем отборочном турнире — к чемпионату мира-2010 — Черногория выступила не слишком удачно, то уже во втором — к Евро-2012 — новая сборная сыграла более чем хорошо, уступив в стыковых матчах Чехии (0:2 в гостях и 0:1 дома) и остановившись в шаге от попадания в финальную стадию.

Результат этот был неслучаен. Многие футболисты, выступавшие когда-то за Союзную Республику Югославия, а затем — за Сербию и Черногорию,

были именно черногорцами по национальности, так что достаточно сильная команда на европейской футбольной арене возникла не на пустом месте.

Граждан Сербии и Черногории, выступавших за российские клубы, журналисты и болельщики — по понятным причинам — по умолчанию записывали в сербы. Но в 2006–2007 гг., когда формировалась черногорская федерация, а черногорская сборная проводила первые матчи, выяснилось, что многие из тех, кого в России считали сербами, на самом деле — черногорцы! Так было с полузащитником раменского «Сатурна» (2006–2007) С. Вукчевичем, который до переезда в Россию успел поиграть за белградский «Партизан», но который гордо заявил, что он — черногорец и выступать будет за свою родину. Так было и с полузащитником пермского «Амкара» (2007–2009) Н. Дринчичем, и с защитником нальчикского «Спартака» М. Джудовичем (2006–2013).

Другой защитник, выступавший за московское «Динамо» (2003–2005, 2007–2009) и «Ростов» (2006), Й. Танасиевич, родился в 1978 г. в Приштине — тогдашней столице автономного края Косово и Метохия в составе социалистической республики Сербия и государства Югославия. Воспитанник одноименного футбольного клуба — «Приштина» — Танасиевич, что любопытно, успел поиграть за клуб «Войводина» из Нови-Сада (столицы другого автономного края в составе Сербии — Воеводины). Сначала Танасиевич провел 3 матча за сборную Сербии и Черногории, а затем — в 2007–2009 гг. — сыграл 13 матчей за сборную Черногории. В тот момент многие поклонники «Динамо» были сильно удивлены: Танасиевич, которого все считали сербом, на поверку тоже оказался черногорцем! В результате, однако, выяснилось, что Танасиевич — действительно серб по национальности, который принял решение выступать за сборную Черногории. Танасиевич понимал, что конкурен-

ция за место в составе сербской сборной выше и что у него больше шансов продолжить международную карьеру именно в Черногории.

Интересно складывалась эта самая международная карьера у защитника М. Баши, в 2008–2011 гг. представлявшего московский «Локомотив». Пока существовало государство Сербия и Черногория, проблемы выбора перед защитником не стояло. Баша выступал за молодежную сборную Сербии и Черногории, в составе которой в 2004 г. завоевал серебряную медаль чемпионата Европы и принял участие в олимпийском футбольном турнире в Афинах. Но когда в июне 2006 г. две страны стали жить врозь, Баша оказался на перепутье...

16 августа Баша получил вызов в сборную Сербии на первый после распада государства матч против Чехии, но не приехал — якобы из-за травмы. Больше официальных вызовов от сербов он не получал, а его принадлежность к определенной сборной стала объектом спекуляций в прессе.

В 2007 г. Баша постоянно заявлял в черногорских СМИ, что хочет играть за Черногорию. Тем не менее, когда в марте того же года его позвали на уже упоминавшийся выше матч против Венгрии, Баша *снова не приехал*, сославшись на некие «объективные обстоятельства». В конце мая представители федерации Черногории предприняли еще одну попытку связаться с Башей, которую он также проигнорировал.

В августе 2008 г. заинтересованность в сильном футболисте в преддверии отборочной кампании к чемпионату мира–2010 — первой для черногорцев в независимом статусе — вынудила чиновников предпринять очередную попытку «заиграть» Башу. Главный тренер сборной З. Филипович пригрозил, что Башу больше не вызовут в сборную, если он не приедет на эту встречу. Однако игрок опять не явился в расположение команды и даже не связался с федерацией. В одном из ин-

тервью Баша объяснил свое отсутствие в обеих сборных проблемами с чиновниками федераций, а не конфликтами с тренерами или партнерами. Позднее защитник озвучил и другие причины.

— Я принял решение не играть ни за Сербию, ни за Черногорию, — заявил Баша. — Мой отец — черногорец, а мать — сербка. Они живут в Подгорице, и я не хотел бы, чтобы у них возникли какие-то проблемы. Во всяком случае, я не хочу рисковать. Для меня это вообще одна и та же страна. Я воспринимаю Сербию и Черногорию как единое целое¹⁰.

Как ни странно, после всех отказов и неявок в марте 2009 г. Баша был вновь приглашен в сборную Черногории — и дебют состоялся! В матче против Италии Баша провел на поле все 90 минут.

Похожие разногласия и «нестыковки» с федерацией футбола Черногории возникали и у воспитанника белградского «Партизана» А. Делибашича, родившегося в черногорском городе Никшич. Делибашич вызывался в молодежную сборную Сербии и Черногории, а после разделения принял решение выступать за родную Черногорию. Однако в первом матче новой команды 24 марта 2007 г. Делибашич не сыграл, не сумев вовремя связаться с представителями футбольного союза и запросить право выступать за Черногорию. Импульсивный полузащитник пригрозил игнорировать все последующие вызовы в сборную, если его не пригласят на следующий тренировочный сбор. Дебютировать за Черногорию Делибашичу удалось только 10 октября 2009 г.: выйдя на замену в матче с Грузией, он забил победный гол. А 7 октября 2011 г. Делибашич и вовсе стал едва ли не национальным героем, сравнив счет в поединке с Англией. Та сенсационная ничья позволила Черногории выйти в стыковые матчи Евро–2012.

¹⁰ <http://www.lokomotiv.info/blogs/220808/14902/>

Таким же неожиданным, как и в России, было «появление» черногорских футболистов в Европе — во главе с капитаном сборной М. Вучиничем, известным по выступлениям за итальянские клубы «Рома» и «Ювентус». Помимо Вучинича, не на последних ролях в Европе сейчас также нападающий С. Йоветич («Манчестер Сити»), защитник С. Савич («Фиорентина»).

Высшим достижением всех «постъюгославских» сборных стали бронзовые медали, завоеванные великолепной сборной Хорватии на чемпионате мира 1998 г., то есть уже довольно давно. Однако и до сих пор обилие высококлассных футболистов, родившихся в союзной Югославии, а ныне представляющих разные национальные сборные, впечатляет. За европейские гранды выступают, к примеру, серб Н. Матич («Челси»), хорват Л. Модрич («Реал»), словенец С. Ханданович («Интер»), босниец Э. Джеко («Манчестер Сити»), македонец Г. Пандев («Наполи»)¹¹. Теоретически единая сборная Югославии была бы сейчас чрезвычайно сильна. Но и в одиночку «постъюгославские» сборные умудряются достигать неплохих результатов. В финальные стадии двух последних чемпионатов мира пробивались Сербия и Словения (2010), Хорватия и Босния и Герцеговина (2014). Черногория, как мы уже говорили, была близка к попаданию в финальную стадию чемпионата Европы (2012).

В 2008 г. независимость от Сербии провозгласили албанские власти Косова¹², где вскоре также была организована футбольная федерация.

¹¹ И это не говоря уже про одного из сильнейших нападающих мирового футбола З. Ибрагимовича, родившегося в семье югославских эмигрантов в Швеции и выступающего за сборную этой страны. Его отец — босниец из Тузлы, а мать — хорватка из Задара.

¹² Сделано это было в одностороннем порядке, при поддержке западных стран.

22 октября 2011 г. ФИФА отклонила косовскую заявку на вступление, мотивировав это тем, что членом ФИФА может быть только *независимое* государство¹³. В сентябре 2012 года косовский футбол предпринял новую попытку добиться признания. Президент федерации Косова Ф. Вокри рассказал о том, что он и 12 футболистов, имеющих косовское происхождение (в том числе 3 футболиста сборной Швейцарии — В. Бехрами, Дж. Шачири и Г. Джака), обратились в ФИФА с просьбой разрешить косовским сборным играть международные матчи.

— Мы только хотим отстоять свое право на проведение матчей с теми сборными и клубами, федерации которых дадут на это свое согласие, в частности — с теми странами, которые признали независимость Косова, — заявил Вокри. — Мы работаем над тем, чтобы стать полноправными членами ФИФА и УЕФА.

В результате Косово всё же удалось получить разрешение от ФИФА играть товарищеские матчи с некоторыми странами. Разумеется, за исключением Сербии¹⁴ и других бывших югославских республик¹⁵. 5 марта 2014 г. Косово сыграло с Гаити — 0:0. Косовские власти придали этому матчу, на котором присутствовало более 17 тыс. зрителей, огромное политическое значение. В Сербии же поединок саркастически окрестили «наркодерби», указывая на то, что и Гаити, и самопровозглашенное Косово имеют в своих регионах репутацию крупных транзитных «наркоузлов»¹⁶.

Видимо, полноправное вступление

¹³ На данный момент независимость Косова признали больше половины государств — членом ООН.

¹⁴ <http://www.sports.ru/football/143688292.html>

¹⁵ <http://news.sport-express.ru/2014-02-12/668719/>

¹⁶ http://www.eurosport.ru/football/friendlies/2010/story_sto4162080.shtml

в ФИФА и УЕФА федерации Косова уже не за горами. Неужели еще одна «постъюгославская» сборная заявит о себе в ближайшие годы?!

Каталония: футбол как индикатор независимости

Помимо Косова, в мире есть немало других непризнанных футбольных федераций и сборных¹⁷. Но одной из старейших, самых представительных и сильных, — хоть сейчас боролась бы за выход на чемпионат мира! — является сборная Каталонии. Первый свой матч эта команда провела 21 февраля 1912 г. в Париже и уступила Франции со счетом 0:7. Для сравнения: первый официальный поединок прародительницы *нашей* национальной команды состоялся на несколько месяцев позже: в рамках футбольного турнира на V Олимпийских играх в Стокгольме 30 июня того же года Россия уступила Финляндии 1:2¹⁸. С тех пор минуло больше ста лет. Наша сборная представляла разные государства — Российскую империю, Советский Союз, Российскую Федерацию... А Каталония оставалась Каталонией.

Правда, членом УЕФА и ФИФА Каталония, в отличие от России, так и не стала и ни разу не принимала участия в чемпионатах мира и Европы. Более того, за всю историю Каталония провела только 80 матчей, причем больше половины — с клубными командами. Каталонцы ссылаются на прецедент Великобритании, о котором мы писали выше; но если на Британских островах футбольная самостоятельность Ан-

глии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии давно узаконена и вошла в норму, то испанская федерация футбола «отпускать» Каталонию не желает. Здесь не только чисто футбольные интересы, но и, разумеется, политика: Мадрид прекрасно понимает, что *футбольная* независимость ведущей автономии может стать катализатором или, по крайней мере, символом *подлинной* независимости Каталонии.

В 1915–1916 гг. Каталония 6 раз встречалась с другим «сепаратистским» регионом Испании — сборной Страны Басков, речь о которой пойдет ниже, а в 1921 г. провела два матча с французским Провансом. Всё это можно считать этапами подготовки к первому поединку со сборной (остальной) Испании, который состоялся 13 марта 1924 г. и закончился сокрушительным поражением Каталонии 0:7. Не смогли выиграть каталонцы и 10 лет спустя: 2 февраля 1934 г. Испания снова победила, пусть и скромнее — 2:0. Только после Второй мировой войны — 19 октября 1947 г. — Каталония добилась исторической победы над Испанией — 3:1. А в последнем матче между принципиальными соперниками — 9 августа 1953 г. — Испания взяла убедительный реванш — 6:0.

После этого Каталония не участвовала в официальных матчах больше 20 лет. В июне 1976 г. — через полгода после смерти Ф. Франко — каталонцы сыграли в Барселоне со сборной СССР — 1:1. Затем снова последовал 20-летний перерыв. И только с 1997 г. нашлось традиционное время проведения, как правило, единственного в году матча сборной Каталонии — последние числа декабря. Когда-то за Каталонию играли голландец Й. Кройф, венгр Л. Кубала и даже «мадридист» А. Ди Стефано. Но после того как в 2009 г. тот же Кройф — легенда «Барселоны» — был назначен главным тренером, от практики приглашения именитых иностранцев решили отказаться. Благо, что с 2010 г. за Каталонию

¹⁷ См.: Головин А. Вне закона. Шесть национальных команд, не признанных ФИФА // Еженедельник «Футбол», 10–17 января 2014. № 2 (2792).

¹⁸ Сборная Финляндии, которая на тот момент являлась частью Российской империи, выступала под российским триколором. Добавим, что сборная Испании дебютировала и вовсе только 28 августа 1920 г. на Олимпийских играх в Антверпене, обыграв 1:0 Данию.

играют настоящие звезды мирового футбола — чемпионы мира и Европы в составе сборной Испании А. Иньеста, В. Вальдес, Х. Пике, С. Фабрегас, С. Бускетс, П. Родригес (подробнее см. ниже).

Если на уровне сборных противостояние Испании и Каталонии завершилось много десятилетий назад, происходило крайне редко, имело не признанный ФИФА, т.е. неофициальный, характер, то в рамках «Примеры»¹⁹ — высшей испанской лиги — оно продолжается, причем регулярно. Минимум два раза за сезон²⁰ в главном дерби страны — так называемом «Эль Класико» — сражаются одни из сильнейших, популярнейших и богатейших клубов мира — «Реал» (Мадрид) и «Барселона». Белые против сине-гранатовых. На стадионе «Сантьяго Бернабеу» — в Мадриде; на стадионе «Камп Ноу» — в Барселоне.

«Эль Класико» считается одним из самых ярких и принципиальных противостояний мира. Его феномен уходит глубоко в социально-политическую историю Испании. Столица *государства* против столицы амбициозной, жаждущей независимости *провинции*. Мадрид — место правительства и королевского семейства — как воплощение консервативных *центропримитивных* сил. Барселона — центр гордой автономии и в каком-то смысле родина испанского республиканизма и федерализма — как воплощение сил *центробежных*.

В 1902 г. братьями П. и Х. Паласио-сами был образован футбольный клуб «Мадрид» (*Madrid Football Club*). 29 июня 1920 г. клубу был присвоен титул *Королевский*, что по-испански звучит как *Real* — отсюда нынешнее назва-

ние клуба (*Real Madrid*). В столице Каталонии профессиональный футбольный клуб появился в 1899 г. Его основатель и первый президент Ж. Гампер назвал клуб в честь города — «Барселона» (*FC Barcelona*)²¹.

24 июня 1925 г. Гампер был обвинен в содействии каталонскому национализму, а стадион, где играла «Барселона», был закрыт на 3 месяца за то, что болельщики освистывали гимн Испании. Гампера изгнали из страны. Спустя некоторое время власти всё же позволили ему вернуться обратно в Барселону, но при условии, что он прекратит все контакты со своим детищем, которое он безмерно любил. В результате Гампер впал в депрессию, а 30 июля 1930 г. застрелился. В 1955 г. руководство «Барселоны» предложило назвать строящийся «Камп Ноу» в честь Гампера, но режим Франко резко пререк эту попытку.

В эпоху правления М. Примо де Риверы (1923–1930) и Ф. Франко (1939–1975), когда национальные меньшинства, их языки и культуры находились в угнетении, успехи «Барселоны» сплавивали противников режима. В 1968 г. президентом каталонского клуба стал Н. де Каррерас Гитерас. Однажды он произнес фразу: «Барса — больше, чем клуб» («*El Barça es más que un club*»), и она сразу стала

²¹ В 1900 г. в Барселоне был основан второй по значимости клуб города — «Эспаньол». Он стал первым в Испании клубом, основанным исключительно испанцами, а не иностранцами (в первую очередь англичанами). Отсюда название, которое переводится как «испанский». «Эспаньол» — один из нескольких в стране клубов, которые пользуются покровительством королевской власти, имеют «приставку» «Реал» и королевскую корону в своем логотипе. Эта привилегия была дарована «Эспаньолу» в 1912 г. королем Альфонсом XIII. С тех пор (за исключением 1931–1939 гг.) полное официальное название клуба — «*Real Club Deportivo Español*».

¹⁹ Исп. *Primera División* — первый дивизион.

²⁰ Иногда — с учетом матчей Кубка Короля, т.е. Кубка Испании, и Лиги чемпионов — даже чаще. Так, в апреле–мае 2011 г. команды установили своеобразный рекорд, проведя 4 игры за 18 дней.

официальным девизом²². «Барселона» ассоциировалась с антифранкистскими настроениями и поэтому пользовалась популярностью у многих оппозиционеров и диссидентов.

13 июня 1943 г. в более чем столетней истории противостояния «Реала» и «Барселоны» состоялся выходящий из ряда вон матч: в ответном полуфинальном поединке Кубка Короля²³ «Реал» разгромил «Барселону» с хоккейным счетом 11:1. В первой встрече в Каталонии «Барселона» победила *всего лишь* 3:0, и по сумме двух матчей в финал вышел «Реал». За матчем тянется целая вереница темных слухов. Согласно одному из них, перед поединком в раздевалку «Барселоны» ворвались представители Франко и напомнили каталонским футболистам, что «они играют только благодаря щедрости нынешнего режима, который простил их за отсутствие патриотизма». Расценив это как прямую угрозу себе и своим семьям, игроки «Барселоны» на поле уже не сопротивлялись: уже на перерыв «Реал» уходил с более чем комфортным преимуществом — 8:0!

Как гласит легенда, Франко вывел из себя не столько само поражение «Реала» в Барселоне 0:3, сколько атмосфера, царившая на том матче. Местные болельщики устроили гостям «теплый» прием: как писала на следующий день мадридская газета «Ya», каталонские хулиганы «весь матч освистывали мадридских игроков с одной-единственной целью — нанести оскорбление представителям Испании». Ответную же встречу в Мадриде Франко решил превратить в возмездие: всем пришедшем поболеть за «Реал» раздавались свистки, а глав-

ное, к игрокам «Барселоны» заранее применили меры воздействия...²⁴

Пока по общему числу побед (учитываются матчи во всех турнирах) «Реал» немного превосходит «Барселону». Однако в последние 10 лет успех чаще сопутствует сине-гранатовым: 6 раз «Барселона» опережала «Реал» в «Примере» и становилась чемпионом Испании (2004/05, 2005/06, 2008/09, 2009/10, 2010/11 и 2012/13), 2 раза брала Кубок Короля (2008/09 и 2011/12), 6 раз — Суперкубок Испании (2005, 2006, 2009, 2010, 2011 и 2013) и, наконец, 3 раза выигрывала Лигу чемпионов (2005/06, 2008/2009 и 2010/11).

Летом 2010 г. сборная Испании впервые в истории выиграла чемпионат мира. Перед стартом турнира в ЮАР букмекеры называли испанцев главным фаворитом, но... в первом же матче Испания сенсационно проиграла средней сборной Швейцарии 0:1. Отступать было уже практически некуда. Плей-офф для испанцев стартовал, таким образом, уже, по сути, со второго и третьего матчей в группе. В своеобразной «1/32 финала» Испания победила Гондурас 2:0, а в «1/16 финала» — Чили 2:1 и всё-таки вышла из группы с первого места. В самом же настоящем и реальном плей-офф испанцы обыграли всех своих соперников с убийственно хладнокровным счетом 1:0 (в 1/8 финала — Португалию, в 1/4 финала — Парагвай, в 1/2 финала — Германию, а в финале — Нидерланды).

Балансирование на грани фиаско, совершенно киношный путь к финалу и

²² Часто девиз сокращают всего до трех слов: «Больше, чем клуб». Именно эти слова видны на разноцветных трибунах стадиона «Камп Ноу».

²³ Тогда назывался Кубком Генералиссимуса.

²⁴ Действительно ли «Барселона» испытала перед тем матчем нефутбольное давление? Вопрос этот, скорее всего, никогда уже не получит однозначного ответа. Разумеется, со всеми подобными «обвинениями» не согласны сторонники «Реала». Так, испанский журналист М. Гомес опровергает тот факт, что Франко оказал влияние на ход встречи (см. <http://blancos.info/forum/showthread.php?t=3584>).

героическая победа в дополнительное время — всё это могло стать поводом для великой радости и гордости, но вместо того чтобы сплотить население, раскололо общество по национальному и идеологическому признакам.

«Казалось, историческая победа ошастливила всю нацию. Тысячи людей высыпали на улицы испанских городов, чтобы отпраздновать успех. Увы, народное единение оказалось иллюзией.

Впрочем, в Мадриде радость была искренней. <...> Красно-желтые кастильские знамена <...> развевались из окон каждой второй машины»²⁵.

Однако в Каталонии чемпионство Испании была расценено как триумф «великой “Барселоны”», делегировавшей в сборную львиную долю игроков, выступавших в основном составе²⁶. «Все началось с заголовка газеты AS “Visca España!”. “Visca” в данном случае — каталонский аналог кастильского “viva” и переводится как “да здравствует!” или “ура!”. Короче говоря, победный клич. То ли журналисты хотели отметить роль футболистов “Барселоны”, то ли, совместив несовместимое, подчеркнуть, что эта радость — одна на всех. Эффект получился прямо противоположным.

В комментариях к заметке о победе сборной Испании на интернет-странице издания развернулась бурная полемика <...>. Одни уверяли, что всеми последними достижениями <...> Испания обязана исключительно “Барселоне”, вторые, понятное дело, были с этим не согласны. <...> Иногда складывалось впечатление, будто радовались все, кроме самих жителей Испании, занятых междоусобицей»²⁷.

И если двумя годами ранее, во время победы Испании на Евро-2008,

Кастилия еще могла ответить голом Ф. Торреса, забитым в решающем матче в ворота немцев, то в ЮАР «невооруженным глазом» были видны разве что прекрасные спасения вратаря-«мадридиста» И. Касильяса. Если же смотреть на очевидные факты (такие, как, например, количество барселонских футболистов на поле) и не брать в расчет более «тонкие материи» (сплоченность всего состава, командные взаимодействия каталонцев, кастильцев и не только, тренерскую расстановку и т.д.), то «похвастаться» Кастилии было действительно нечем. Победный гол в полуфинале забил защитник «Барселоны» Пуйоль, победный гол в финале — полузащитник «Барселоны» Иньеста... Роль и вклад каталонцев в победу Испании стали предметом для дискуссий и спекуляций в СМИ, в частности газетной войны между ведущими спортивными изданиями — мадридской «Marca» и барселонской «El Mundo Deportivo».

Футбольная полемика подогревалась еще и кризисом испанской экономики. Каталония относится к самым развитым регионам Испании. Ее 7-миллионное население производит почти четверть валового национального продукта. Каталония — промышленный регион, где расположены текстильная отрасль, химическая, фармацевтическая и автомобилестроительная промышленность. Каталонцев не устраивает то, что большая часть взимаемых с них налогов остается не в самом регионе, а уходит в центр.

Добытая силами игроков «Барселоны» победа Испании на чемпионате мира лишней раз убедила многих каталонцев в том, что они и самостоятельно заживут прекрасно — как в футбольном, так и в экономическом плане. Об этом они прямо и заявили, что вызвало негодование в кастильских регионах.

Летом 2012 г. сборная Испании выиграла третий крупный турнир подряд — очередной чемпионат Европы — и утвердила свое мировое

²⁵ Зеленов Д. Испания: Победа — яблоко раздора // Спорт-экспресс. 9.07.2010.

²⁶ Так, в финале в стартовом составе на поле вышли 7 футболистов «Барселоны».

²⁷ Зеленов Д. Испания: Победа — яблоко раздора...

превосходство. В финальном матче, в котором была разгромлена Италия 4:0, в стартовом составе снова вышло больше половины каталонских игроков — шестеро. В сентябре того же года по всей Каталонии прокатилась массовая манифестация под лозунгом: «Каталония — новое государство Европы». 11 сентября²⁸ более полутора миллионов каталонцев выстроились живой цепью, длина которой составила 400 километров. 25 ноября состоялись региональные выборы, убедительной победы на которых добились партии — сторонники независимости, а 23 января 2013 года парламент провозгласил Декларацию о суверенитете. Как и в Шотландии, референдум об отделении был запланирован на осень 2014 года. 9 ноября на рассмотрение граждан должны быть вынесены два вопроса: «Хотите ли Вы, чтобы Каталония стала государством?» и «Если да, то хотите ли Вы, чтобы Каталония стала независимым государством?».

Премьер-министр Испании М. Ражой воспротивился идее каталонского референдума и долгое время не давал ответа «на запрос правительства Каталонии о проведении формальных переговоров по “легализации” референдума — подобно тому, как Лондон разрешил Шотландии провести референдум о независимости»²⁹.

Теперь — в преддверии плебисцита — о независимости Каталонии го-

ворится как о наиболее массовом и близком к реализации сепаратистском движении в Европе. Исторически мощная националистическая идея каталонизма связана не только с культурными и языковыми, но и экономическими причинами. Футбольные достижения Каталонии — могущество «Барселона» в чемпионате Испании и Лиге чемпионов, победы каталонских игроков на чемпионатах мира и Европы — стали своеобразным индикатором силы каталонизма.

Тем не менее, проведение референдума, против которого выступило правительство Испании, было отложено. После обращения в Конституционный суд Испании президент Каталонии А. Мас вынужден был заморозить подготовку к референдуму, а 14 октября — после 10-часовых прений с руководителями трех националистических партий региона — и вовсе признать тот факт, что «голосование не может быть проведено по причине отсутствия правовых гарантий»³⁰.

И всё-таки Каталония намерена продолжить борьбу за независимость. Не собирается опускать рук и давнишний флагман борьбы за идеи каталонизма — футбольный клуб «Барселона», который 11 октября целиком поддержал идею проведения референдума. На официальном сайте клуба было помещено соответствующее заявление, под которым подписалось всё руководство, в том числе президент Х. Бартомеу. Наиболее яркими сторонниками независимости Каталонии выступили защитник Пике и бывший наставник команды Х. Гвардиола, ныне тренирующий «Баварию». И это несмотря

²⁸ Национальный день Каталонии. 11 сентября 1714 года король Испании Филипп V разбил в сражении каталонскую армию — эта дата является центральной в региональной самоидентификации и обычаях каталонцев. Праздник проводился регулярно с XIX в. И только в эпоху правления Франко был запрещен. Празднования были возобновлены в 1978 г.

²⁹ <http://sputnikipogrom.com/translated/stratfor/5080/spain-catalonias-independence-bid-one-year-later/>. Более подробно об отношении к отделению в каталонском обществе и внутривнутрипартийной борьбе см. там же.

³⁰ <http://lenta.ru/news/2014/10/14/catalonia/>. С точки зрения Мадрида, референдум в Каталонии противоречит статье 1.2 Конституции Испании и нарушает права всех жителей страны. Испания — унитарное государство, поэтому «вопросы суверенитета должен решать весь испанский народ, а не жители одного региона».

на то, что отделение Каталонии де-юре грозит исключением «Барселоны» и «Эспаньола» из чемпионата Испании, так как единственными иностранными клубами, которым разрешено участвовать в этом турнире, являются клубы из Андорры.

...Всякого, кто бывал в Барселоне, поражают красочная архитектура, дикие попугаи, живущие там, словно голуби или воробьи в городах нашей средней полосы, и, конечно, полосатые желто-красные флаги Каталонии, которые видишь буквально на каждом шагу. Их вывешивают у себя на балконах простые жители, в отличие от нашего бело-синие-красного, который водружается гастарбайтерами на фасад зданий только в канун государственных праздников. Стоит ли поэтому удивляться, что в последних числах декабря «десятки тысяч билетов ценой в двадцать пять евро разлетаются, как горячие пирожки, а зрители скандированием “независимость” на каталанском языке гонят своих кумиров вперед»³¹.

«Атлетик» из Бильбао: баски и только баски!

Еще одним регионом Испании, где распространены этнонационалистические воззрения, является Страна Басков, или Баскония. Это — автономия на севере государства и часть исторического региона, территория которого распространяется также на испанскую провинцию Наварру и Северную Страну Басков на юге Франции.

Названный Страной Басков автономный район был создан в январе 1936 г. после победы Народного фронта на парламентских выборах в Кортесы. Большая часть басков оказала ожесточенное сопротивление войскам генерала Франко. С падением республики в 1939 г. самоуправление в Басконии было снова упразднено. При Хуане Карлосе I Страна Басков получила сначала временную, а с ян-

варя 1980 г. — постоянную автономию. В августе 1992 г. баскская лево-националистическая партия и Союз наваррских народов поднял вопрос о присоединении Наварры к Басконии, но идея так и не была реализована.

В первые десятилетия XX в. футбол в Басконии был, очевидно, развит сильнее, чем в Каталонии. Так, главный клуб Страны Басков «Атлетик» из Бильбао (столицы одной из трех провинций автономии) был основан раньше, чем «Барселона», — в 1898 г. Футбол в Бильбао появился благодаря двум группам людей, связанным с Англией: студентам — детям баскской интеллигенции, уезжавшим в Великобританию обучаться инженерному делу и коммерции; и самим англичанам — шахтерам, работникам верфей из Саутгемптона и Портсмута, отправлявшимся в крупный порт Бильбао на заработки. Клуб был назван на английский манер — «*Athletic*»³².

Уже к началу 1920-х гг. «Атлетик» славился воспитанием высококлассных игроков. Из 21 футболиста, входившего в заявку сборной Испании на Олимпийских играх 1920 г., баски составляли ровно две трети — 14 человек! Заметим, что, как и Каталония, Баскония провела свой первый официальный матч раньше сборной Испании — как раз с каталонцами 3 января 1915 г.

Летом 1937 г. силу баскского футбола ощутили на себе советские спортсмены. В разгар гражданской войны в Испании сборная Басконии отправилась в европейское турне с целью заработать денег для семей погибших воинов. Побывав во Франции, Чехословакии и Польше, баски не отказались от приглашения посетить еще и СССР³³.

³² В начале XX века баскские студенты создали и команду «Атлетик Мадрид». В дальнейшем этот клуб превратился в «Атлетико».

³³ С войсками Франко сражались многие футболисты сборной Испании, участники чемпионата мира 1934 г. — Л. Силаурен,

Несмотря на то что поездка носила в основном дружеский, символический, агитационный характер, спортивная составляющая тоже присутствовала и сыграла важную роль. В 9 матчах в Советском Союзе Баскония одержала 7 побед (над московским «Локомотивом», московским «Динамо», сборной общества «Динамо», киевским «Динамо», тбилисским «Динамо», сборной Грузии и сборной Минска). Оказать баскам сопротивление удалось только сборной Ленинграда, сыгравшей вничью 2:2, и московскому «Спартаку», победившему 6:2³⁴. Форвард гостей Лангара забивал в каждом матче — на его счету 17 мячей из 32. Матчи с басками оказали огромное влияние на развитие футбола в СССР, наглядно продемонстрировав его отсталость в сравнении с лучшими европейскими образцами.

Из СССР баски окружным путем (через Скандинавию) отправились в Париж, а затем — в Мексику. Последним местом их многомесячных скитаний по Европе и Америке стала Куба. Домой баски так и не вернулись, завершив спортивную карьеру в мексиканских и аргентинских клубах.

В дальнейшем удел сборной Басконии стал напоминать удел каталонской команды — редкие матчи, не проводимые под эгидой УЕФА и ФИФА.

Но вернемся к клубам. В 1928 г.

Х. Мугуэрс, Х. Ирарагорри и др. По приезду в Москву нападающему Басконии И. Лангаре сообщили, что его родители погибли. А вратарь Г. Бланко уже накануне одной из игр узнал, что в предместье Бильбао франкисты убили отца, мать и двоих его детей.

³⁴ О скандалах, связанных с проведением матчей Басконии в СССР, о том, какими подлыми, иезуитскими методами (как футбольными, так и нефутбольными) советское партийное руководство, придававшее соперничеству с иностранцами чрезвычайное политическое значение, пыталось ослабить басков, см. Летопись Аксея Вартаняна. Год 1937. — Части 3–6 // Спорт-экспресс, 13.02.2004; 05.03.2004; 26.03.2004; 09.04.2004.

«Атлетик» принял активное участие в основании испанского чемпионата. Наряду с «Барселоной» и «Реалом» он является одним из 3 клубов, никогда не покидавших «Примеру»³⁵. Кстати, в первых ее розыгрышах участвовало 10 клубов, и 5 из них базировались именно в Басконии.

И до сих пор, как и в 1928–1930 гг., представительство баскских команд в «Примере» достаточно велико. Помимо «Атлетика», это «Реал Сосьедад»³⁶ из Сан-Себастьяна — столицы другой провинции Басконии — и «Осасуна»³⁷ из Памплоны — столицы Наварры³⁸. Относительно недавно в «Примере» выступал также клуб из Витории — столицы всей автономии и третьей провинции Басконии Алавы — «Алавес»³⁹, который прославился тем, что в Кубке УЕФА 2000/01 дошел до финала, где в невероятном поединке уступил только опытному кубковому бойцу «Ливерпулю» 4:5 в дополнительное время.

Но «Атлетик» стоит в этом ряду особняком. И дело не только в количестве завоеванных трофеев. Уникальность «Атлетика» в том, что это — едва ли не единственный в мировом футболе клуб высочайшего уровня, который формирует свой состав по *этнонациональному признаку*. Ни «Реал Сосьедад», ни «Алавес» не исповедуют такой радикальный *футбольный национализм*, приглашая в свои ряды и кастильцев, и иностранцев. А вот право

³⁵ Кроме того, «Атлетик» один из самых титулованных клубов Испании: он 24 раза выигрывал Кубок Короля и 8 раз становился чемпионом Испании, правда, в последний раз уже давно — в сезоне 1983/84.

³⁶ Исп. *Real Sociedad de Fútbol*; «королевское футбольное общество».

³⁷ Исп. *Club Atlético Osasuna*; «Osasuna» в переводе с баскского — «здоровье, сила».

³⁸ По итогам сезона 2013/14 «Осасуна» покинула «Примеру». Более того, клуб оказался на грани банкротства.

³⁹ Исп. *Deportivo Alavés*; «спортивный клуб Алавы».

выступать за «Атлетик» имеют только баски по национальности. Сразу оговоримся, что правило это касается только футболистов и не распространяется, к примеру, на тренерский штаб: наставниками команды были немец Ю. Хайнкес, француз Л. Фернандес и др.

Ориентация исключительно на национальную «кантеру»⁴⁰ восходит своими корнями как к росту баскского национализма в начале XX в., так и к лидирующему положению Басконии на ранней стадии развития футбола в Испании. Успехи «Атлетика» давали баскам повод для гордости, а поддержка клуба, активное боление на трибунах становились легальным способом выражения баскских националистических идей, особенно в годы правления Франко⁴¹. Более того, «Атлетик» был связан с основанной в 1895 г. Баскской националистической партией (БНП), некоторые из членов которой состояли также в клубе «Атлетик». А член БНП Х.А. Агирре, защищавший цвета «Атлетика» в 1920-х гг., был и вовсе избран первым президентом Страны Басков в 1936 г.

В 1941 г. клуб вынужден был сменить название на «Атлетико», следуя лингвистической политике Франко, согласно которой все неиспаноязычные имена и названия были запрещены. Обструкции подверглось и главное правило комплектования состава, которое тогда звучало предельно жестко: за клуб из Бильбао могли выступать только баски, родившиеся на территории Басконии. Любым иностранцам, даже если они родились и вырос-

ли в Стране Басков, доступ в команду был закрыт. В дальнейшем правило смягчили: в «Атлетик» стали приглашать сначала басков из любых других регионов Испании, а затем — любых футболистов баскского происхождения, даже если они родились далеко от исторической родины и являются иностранными гражданами.

5 декабря 1975 г. — уже через 15 дней после смерти Франко — капитаны клуба из Бильбао и «Реала Сосьедад» Х.А. Ирибар и И. Кортабарриа вышли на поле, держа в руках всё еще запрещенный баскский флаг, и торжественно положили его в центре поля⁴². Это была первая публичная демонстрация флага с момента смерти Франко. В 1977 г. клуб достиг финала Кубка УЕФА и с тех пор выступает под историческим названием.

В 1996 г. тренировать «Атлетик» был приглашен француз Фернандес, и именно он максимально либерализовал условия политики кантеры. Сфера влияния была расширена на Наварру и Риоху⁴³. Наконец, «Атлетик» впервые обратил серьезное внимание на французскую часть Басконии. Стараниями Фернандеса сезон 1996/97 в «Атлетике» отыграл защитник Б. Лизаразю — будущий чемпион мира (1998) и Европы (2000) в составе сборной Франции. Кроме того, в «Атлетик» перешли уроженец провинции Гипускоа (столица — Сан-Себастьян), воспитанник «Реала Сосьедад» полузащитник Х. Эчеберриа и уроженец Наварры, воспитанник мадридского «Реала» нападающий И. Урсаис — игроки, которым предстояло стать легендами клуба.

В первой половине 2000-х гг. «Атлетик» скатился до уровня середняка «Примеры», а затем ему пришлось и вовсе бороться за сохранение места в

⁴⁰ Кантера (исп. *Cantera*, «карьер») — используемый в Испании термин для обозначения молодежных академий в спортивных клубах. Также в географическом (и, как в случае с «Атлетиком», национальном) плане термин обозначает место, откуда клубы могут набирать игроков в состав.

⁴¹ Точно так же «Камп Ноу» являлся де-факто легальным местом выражения каталонского национализма при Франко.

⁴² <http://www.elmundo.es/cronica/2000/CR270/CR270-01.html>

⁴³ Риоха, или Ла-Риоха (исп. *La Rioja*, баск. *Errioxa*) — автономное сообщество и провинция на севере Испании.

элите. В сезоне 2005/06 спастись от вылета удалось в предпоследнем туре, а в сезоне 2006/07 — только в последнем. Но перспектива понижения в классе большинство болельщиков «Атлетика» не испугала: согласно исследованию, проведенному газетой «El Mundo», 76% опрошенных предпочли бы расставание с «Примерой», нежели отказ от политики «кантеры». Баски убеждены: уникальность «Атлетика», его традиции важнее сиюминутных успехов или провалов.

В начале 2010-х гг. «Атлетик» начал набирать силу. Команда вновь стала регулярно участвовать в еврокубках. В сезоне 2011/12, обыграв в плей-офф «Локомотив», «Манчестер Юнайтед», «Шальке 04» и «Спортинг», «Атлетик» дошел до финала Лиги Европы, где уступил своим куда более богатым одноклубникам из Мадрида.

Ограничения *по гражданству* были и есть везде, в том числе у нас⁴⁴. Но толь-

ко «Атлетик» ввел ограничение *по национальному признаку*, и то, что оно до сих пор действует в современном глобализированном мире, иногда кажется невероятным. Парадокс состоит еще и в том, что Бильбао не считается самым националистически настроенным городом Басконии, уступая пальму первенства Сан-Себастьяну, где местные жители нет-нет да и вывешивают почти метафизические транспаранты, такие как: «Franco murió pero su régimen no» («Франко умер, а его режим — нет!»)⁴⁵.

Конечно, и в случае с «Атлетиком» дело порой доходит до курьезов. Появившиеся в конце прошлого года слухи об интересе клуба из Бильбао к нападающему А. Дзюбе, выступавшему тогда за «Ростов», вызвали некоторое недоумение в российской прессе и массу шуток в Интернете: какие же баскские корни удалось отыскать в родословной Дзюбы?!

Франция: лимит на темнокожих или «утечка ног»?

Говорят, поводом к этой скандальной истории послужило провальное выступление на чемпионате мира-2010: сборная Франции заняла последнее место в группе, сыграв в нулевую ничью с Уругваем и проиграв Мексике 0:2 и ЮАР 1:2.

Началось всё с банального замечания в перерыве матча с Мексикой, когда счет был еще равным, помыслы — чистыми, а планы — далеко идущими. Главный тренер Р. Доменек пожурил нападающего Н. Анелька. Воспитательный момент оказался зажигательным: футболист обругал тренера, и Доменеку ничего не оставалось, как заменить невежу и хама на А.-П. Жиньяка.

Извинений от Анелька не последовало, возможно, их даже не ждали; 19 июня нападающий был отчислен из

дивизионе.

⁴⁵ Большинство жителей автономии двуязычно, и исключительно на баскском говорят только в глухих деревнях.

⁴⁴ Так, еще в 1912 г. только что созданный Всероссийский футбольный союз, организуя единый чемпионат Российской империи, ввел ограничение на количество англичан в составе команд — не больше трех человек! В советском первенстве, находившемся, как и весь СССР, за «железным занавесом», вето на иностранцев существовало до 1989 г., когда президиум Федерации футбола СССР официально разрешил советским командам заявлять «в пределах штатного расписания» двух иностранных футболистов, оставив за собой право принимать окончательное решение исходя из интересов отечественного футбола (Симонов Д. Доживет ли лимит до столетия? // Спорт-экспресс. 27.05.2010). Появление в 1989 г. в куйбышевских «Крыльях Советов» болгарского защитника Т. Минчева стало настоящей сенсацией! За Минчевым последовали и другие: в «Локомотив» прибыл живой символ окончания холодной войны американец Д. Малхолланд, душанбинский «Памир» спасало от вылета трио из Замбии, а в Туле едва не появился футболист из Польши. А в современной России легионеры, т.е. неграждане РФ, полностью запрещены во Втором

команды. «Последнюю волю» Анелька — общение с журналистами с глаз на глаз — не исполнили: федерация футбола Франции (ФФФ) категорически запретила Анелька раздувать скандал. Однако избежать волнений внутри команды не удалось.

20 июня, перед последним поединком группового этапа с ЮАР, команда — в знак протеста против отчисления Анелька — отказалась выходить на плановую тренировку, вручив пресс-атташе сборной соответствующую ноту. Вскоре коллектив остался еще и без тренера по физической подготовке Р. Дюверне, который не выдержал беседы на повышенных тонах с капитаном команды П. Эвра. Дюверне в ярости сорвал с себя аккредитацию и покинул расположение сборной. Доменеку удалось пресечь лишь банальный мордобой.

Затем не выдержал заместитель директора ФФФ и по совместительству главный менеджер сборной Ж.-Л. Валантен, отправившийся в Париж и написавший заявление об отставке:

— Эти малолетки позорят Францию и самих себя. Никто не запрещает им выражать собственное мнение, но надо знать время и место. Не вижу смысла работать в таких условиях⁴⁶.

Сообщения о бунте в стане любимой команды попали в прессу (в частности в ведущее спортивное издание «L'Equipe») и взбудоражили всю французскую общественность, в том числе специалистов.

— Они не понимают, куда попали. Ниже упасть уже не получится. Приехать на мировое первенство и заниматься подобным — значит, расписаться в полном отсутствии профессионализма... Я бы крепко задумался над глобальным обновлением коллектива. Очевидно, что такие люди, как Анелька, разлагают его изнутри, — заявил тренер

Э. Жаке⁴⁷, под руководством которого французы единственный раз в истории стали чемпионами мира — в 1998 г.

Репутацию крайне неуживчивого, страдающего последней стадией «звездной болезни» человека Анелька заработал задолго до чемпионата мира-2010. Во-первых, весьма часто менял команды: до того как стать футболистом «Челси», в статусе которого Анелька и поехал на турнир, сменил за 16 лет профессиональной карьеры 8 клубов. Во-вторых, нередко вел себя вызывающе: так, попав ненадолго в «Реал», Анелька кичился тем, что является самым дорогим приобретением клуба, пока не услышал от легендарного Рауля в ответ, что некоторые вообще не продаются.

Однако далеко не все во Франции, осуждая футболистов, встали на сторону Доменека. Репутация тренера тоже не была безупречной. На чемпионате мира-2006 Доменек вывел Францию в финал, но успех той команды многие связывали с гением З. Зидана, который был и лидером в раздевалке, и своеобразным тренером на поле. Евро-2008, казалось, полностью подтвердило эти опасения и поставило квалификацию Доменека под сомнение: Франция заняла последнее место в группе, сыграв в нулевую ничью с Румынией и уступив Нидерландам 1:4 и Италии 0:2. Но ФФФ увольнять тренера не решилась — по слухам, не желая платить Доменеку неустойку за досрочное расторжение контракта.

Кроме того, Доменек вошел в историю как тренер-астролог. Он не слишком доверял скорпионам по знаку зодиака, и именно поэтому (а не по футбольным причинам) не взял на мировое первенство 2006 года Л. Жюли и Р. Пиреса. И в дальнейшем Доменек порой закрывал двери сборной (для Д. Трезеге, Ф. Мексеса) ввиду гороскопных «несоответствий». Словом, запятнанная репутация была в той

⁴⁶ <http://fannet.org/nations/france/description-5677>

⁴⁷ Там же.

сборной не только у Анелька, но и у Доменека и многих других. Само попадание Франции на чемпионат мира-2010 получилось более чем скандальным: превзойти Ирландию в стыковых матчах французы смогли только благодаря вопиющему нарушению правил, которое просмотрел судья. Культовый нападающий Т. Анри подыграл себе рукой, прежде чем отдать голевой пас на В. Галласа. Этим поступком Анри разочаровал едва ли не миллионы болельщиков, а сам Доменек вынужден был лишить игрока капитанской повязки и места в стартовом составе.

Еще один бесславный матч — с хозяевами чемпионата мира командой ЮАР — стал для Доменека последним. Впрочем, о том, что Доменек покинет свой пост, было известно изначально — контракт истекал, а продлевать его никто не собирался. Но позорное выступление вынудило уйти в отставку еще и президента ФФФ Ж.-П. Эскалетта, который успел создать комиссию по расследованию скандала в сборной.

Члены комиссии получили право допрашивать футболистов и тренеров, а также других членов французской делегации. В середине августа 2010 г. на дисциплинарные слушания в Париж были вызваны пять игроков, которых сочли виновниками скандала: Анелька, Эвра, Э. Абидаль, Ж. Тулалан и Ф. Рибери. В прессе еще одним зачинщиком конфликта назывался Анри, но он объявил об уходе из сборной еще до начала разбирательства.

На слушания явились только трое: Эвра, Абидаль и Тулалан. Рибери в Париж не отпустила мюнхенская «Бавария», руководство которой заявило, что — по правилам ФИФА — клуб обязан отпускать игрока только на официальные матчи сборной, а на заседании в футбол играть явно не собирались. Вместо футболиста на слушания в ФФФ приехал адвокат. Что касается Анелька, то он свое отсутствие на слушаниях объяснять не стал.

В результате наказания избежал

только Абидаль; Тулалан был дисквалифицирован на 1 матч, Рибери — на 3, Эвра — на 5. Жестче остальных наказали Анелька, которого отлучили от сборной Франции аж на 18 официальных игр! На тот момент Анелька был уже 31 год, и столь длительная дисквалификация была равносильна завершению карьеры в сборной.

Впрочем, самого нападающего вердикт ФФФ нисколько не расстроил: решение федерации он прокомментировал примерно в той же манере, в которой общался с Доменеком. Анелька заявил, что «умирает со смеху», а руководителей ФФФ назвал «настоящими клоунами».

Скорее всего, Анелька даже не предполагал, что «клоуны» могут пойти дальше и сделать из провала на чемпионате мира глобальные выводы. 8 ноября 2010 г. состоялось закрытое заседание ФФФ, а секретные договоренности, которые были на нем якобы достигнуты, стали достоянием общественности в апреле 2011-го. Новый скандал затмил скандал предыдущий.

Согласно версии интернет-издания «Mediapart» (www.mediapart.fr), которое провело собственное расследование, ведущие функционеры тайно договорились о введении лимита на «некоренных» французов. Руководители ФФФ якобы одобрили 30-процентную квоту на арабов и чернокожих и уже отправили соответствующую директиву во все футбольные школы Франции! Сменивший Доменека новый главный тренер сборной Л. Блан и технический директор ФФФ Ф. Блакар, по словам издания, одобрили программу, целью которой «является ограничение числа футболистов из Африки <...>. Начинать отсеивать ребят будут с возраста 12–13 лет. Следует уточнить, что <...> программа рассчитана исключительно на футбол»⁴⁸. Эта информация

⁴⁸ Карташов А. Франция хочет играть белыми // http://www.gazeta.ru/sport/2011/04/a_3598749.shtml

появилась от человека, принимавшего непосредственное участие в заседании ФФФ и пораженного дерзостью нововведения.

Многие посетители сайта «Mediapart» связали такое решение ФФФ с недостатком патриотизма у большинства темнокожих французов, наиболее ярким и вопиющим проявлением которого стал бунт на чемпионате мира. О «моральном облике» зачинщика конфликта — Анелька — я уже писал. Второй главный бунтарь — уроженец Сенегала Эвра — снискал славу человека, крайне болезненно реагирующего на все — реальные и мнимые — проявления расовой дискриминации в нынешней гипертотерантной Европе. Самый скандальный случай с участием Эвра произошел 18 октября 2011 г. в матче «Манчестер Юнайтед» — «Ливерпуль». Эвра повздорил с уругвайцем Л. Суаресом, а по окончании поединка обвинил того в оскорблении «на расовой почве»⁴⁹. Кроме того, Эвра не раз подозревался болельщиками в корыстолюбии — в том, что выступает за Францию только ради денег.

Обладательница черного пояса по каратэ, министр спорта Франции (ноябрь 2010 — сентябрь 2011) Ш. Жуанно потребовала от ФФФ как можно быстрее прояснить ситуацию и заявила, что у людей всех рас и любого цвета кожи во Франции всегда будут равные возможности для занятий спортом:

— Конечно, я, как и все, была в шоке... В спорте не может быть места дискриминации. И неважно, о чем идет речь — о трибунах стадионов или о детско-юношеских школах.

Разумеется, ФФФ назвала появившуюся в Интернете статью «уткой». Сменивший Эскалетта новый президент

⁴⁹ Суарес свою вину отрицал, но строгая английская федерация наказала его 8-матчевой дисквалификацией и штрафом в 40 тысяч евро. Подробнее см. <http://www.liverbird.ru/blogs/ingumsky/2012/1/suares-i-evra-fakty-poluchivshie-oglavku>

федерации Ф. Дюшоссуа в интервью радиостанции RMC отметил, что не отрицает, что все члены ФФФ собирались на традиционной встрече, но что подобная тема там даже не обсуждалась — и не могла обсуждаться в современной космополитичной Франции!

Тем не менее, Блакар был временно отстранен от занимаемой должности, а с участников совещания снимали показания сразу две комиссии (от ФФФ и от министерства спорта), договорившиеся, впрочем, действовать сообща.

Несмотря на все опровержения, некоторые специалисты вспомнили, что слухи о подобных ограничениях ходили и раньше. Так, бывший глава одного из национальных тренировочных центров А. Мерелл признался, что ФФФ уже давно пыталась ограничить число футболистов с африканскими корнями:

— Это началось еще во времена Ж. Улье [известного тренера]. Правда, тогда были скорее рекомендации, никаких официальных бумаг не было. Но ФФФ уже [давно] выказывала обеспокоенность растущим количеством черных и арабов⁵⁰.

— Я не знаю, правда ли то, что написано в скандальной заметке, но почему-то я не удивлен, — отметил в свою очередь бывший президент «Марселя» П. Диуф (чернокожий). — Правда в том, что французский футбол — это отражение нашего общества.

Кстати, что касается общества: за две недели до появления скандальной статьи на «Mediapart» в силу вступил закон, касающийся ношения паранджи. Французским мусульманкам запретили появляться на улицах (в общественных местах) в одежде, закрывающей лицо. Штраф — 150 евро. В июле и сентябре 2010 г. за данный закон проголосовали обе палаты французского парламента, а в октябре закон получил одобрение конституционного совета. Власти уже хорошо знали, что шутить с

⁵⁰ Карташов А. Франция хочет играть белыми...

мусульманскими гражданами не рекомендуется. Все еще очень живо помнили массовые беспорядки, начавшиеся в Париже 28 октября 2005 г.; поводом к ним послужила гибель двух подростков североафриканского происхождения, пытавшихся скрыться от полиции. Грабежи, насилия и погромы — этот бунт мусульманской и чернокожей молодежи, к которой примкнули и другие «деклассированные элементы», — продолжались до 15 ноября и охватили — вслед за Парижем — другие города страны. Потомки иммигрантов из бывших колоний составляют сейчас едва ли не 10% всего населения Франции⁵¹.

По версии, выдвинутой Бланом и чиновниками ФФФ, на ставшем скандальном совещании 8 ноября 2010 г. не принимались какие-либо дискриминационные законы, а обсуждались меры по защите системы подготовки молодежи. Система эта должна обслуживать национальные интересы, а не поставлять игроков в сборные других стран, — таков был побудительный посыл. На сегодняшний день среди воспитанников французских футбольных школ 45% тех, кто в будущем может получить второе гражданство и пополнить ряды какой-нибудь другой национальной команды⁵².

Воспитанник «Метца» Л. Обраньяк в 24-летнем возрасте решил играть за Польшу, из которой во Францию переехал его дед. Одно время к смене футбольного гражданства был близок и Л. Косьельни из «Арсенала», который, понятное дело, исконно Кошелны. В 2009 г. приглашение выступать за Португалию получил воспитанник «Страсбура» К. Гамейро, однако нападающий отказался, заявив, что у него нет тесной связи с родиной дедушки,

и при Блане дебютировал за Францию. Для Мексеса «португальский вопрос и не вставал. Точно так же Испания обошлась без М. Вальбуэна, Ж. Меназа и Ю. Ллориса, который, строго говоря, Льорис. <...> И именно Африка стала сейчас потребителем французской футбольной “продукции” вопреки всё еще распространенному мнению, что бывшая метрополия ее грабит»⁵³.

Первым чернокожим футболистом сборной Франции был уроженец Гвианы Р. Диань, которого привлекли в национальную команду еще в 1931 г. Таким образом, «цветные» традиции во французском футболе куда более давние, чем, к примеру, в Англии: только в 1978 г. за сборную этой страны сыграл первый чернокожий — В. Андерсон. К тому времени гваделупец М. Трезор уже два года был капитаном сборной Франции.

Французы еще до Второй мировой войны принялись вовлекать жителей колоний в спорт. Историк П. Бланшар объясняет это тем, что в стране сделали выводы из итогов Олимпийских игр 1936 г. в Берлине, где четверть медалей для США обеспечили афроамериканцы. В Западную Африку была направлена специальная миссия, члены которой устроили отбор спортивно одаренных мальчишек. Быстрых плодов это не принесло, однако сама идея была признана удачной: «на источник дешевых игроков и добротного исходного “материала” обратили внимание профессиональные футбольные клубы»⁵⁴.

И до недавнего времени в рядах футболистов сборной Франции можно было найти немало выходцев из Африки, уехавших оттуда в том или ином юном возрасте. М. Десайи — ганец, усыновленный французским дипломатом, П. Виейра родился в Сенегале, Ж.-А. Бумсонг — в Камеруне, Р. Боли — в Кот-д’Ивуаре, К. Макелеле — в Заире (ныне ДР Конго). Од-

⁵¹ Филиппова Е.И. Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 20–38.

⁵² Просветов А. Франция: футболисты на экспорт // Спорт-экспресс. 7.05.2011.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

нако в настоящий момент процесс, по сути, повернулся вспять. Французская система воспитания игроков превратилась в поставщика для сборных множества африканских государств.

Из 23 футболистов, попавших в заявку сборной Алжира на чемпионат мира–2010, лишь пятеро родились в этой стране, а остальные 18 — во Франции (в первую очередь в районе Парижа, а также в Лионе, Гренобле, Страсбурге, Дижоне)⁵⁵. Х. Йебда в 2001 г. стал даже чемпионом мира среди команд до 17 лет в составе французской команды. А в 2009 г. Йебда принял футбольное гражданство Алжира. Всего же среди участников чемпионата мира–2010 оказалось 9 футболистов, которые выступали за французскую «молодежку», а потом «вспомнили» о своих африканских корнях. Это те люди, на которых Франция, наверное, действительно могла бы рассчитывать.

Неудивительно, что именно по предложению федерации Алжира ФИФА в июне 2009 г. внесла поправку в регламент, разрешив менять футбольное гражданство *в любом возрасте*, если человек не заигран за первую сборную. Как показывает практика, многие игроки проявляют себя не сразу. Так, талантливый нападающий М. Сов, выигравший в составе Франции Евро–2005 для 19-летних, не удостоился внимания тренера основной команды (Доменека) и в 2009 г. выбрал сборную Сенегала, хотя является уроженцем парижского предместья Мант-ля-Жоли. И Блан приводил этот случай как наиболее яркий пример «утечки ног».

— ФИФА продалась с потрохами африканским странам. Это предвыборный трюк... Во Франции игроков упрекают за то, что они не знают слов «Марсельезы». Но знают ли сменившие футбольное гражданство хоть мелодию гимна?! Меня шокирует то, что мы

проделываем большую работу, а кто-то приходит и просто забирает то, что сделано, — сказал отстраненный Блаклар в интервью газете «Le Monde»⁵⁶.

Власти ФФФ рассчитывали подкорректировать регламент ФИФА и запретить двойное гражданство хотя бы на клубном уровне. В этом случае, выбрав Африку, урожденный француз потеряет статус европейца и станет менее привлекательным на рынке. Расчет был на то, что Францию поддержат другие страны, в частности Германия, в юношеских сборных которой велико представительство турок.

Французские проблемы — как футбольные, которые попытался решить Блан и руководство ФФФ, так и нефутбольные — не понаслышке знакомы и другим европейским странам, имевшим имперско-колониальное прошлое. Так, 2 декабря 2012 г. матч юниорского турнира, проходившего в голландском городе Алмере, закончился побоями, причиненными 41-летнему боковому судье Р. Ньювенхайзену. Несколько игроков амстердамской команды «Ньюв-Слотен», состоящей из футболистов 15–17 лет, возмутились неправомерным, по их мнению, решением, повалили Ньювенхайзена на газон и колотили его руками и ногами по голове до тех пор, пока не выбежали шокированные родители. Судья был немедленно доставлен в больницу, где на следующий день скончался от полученных травм⁵⁷. Трое нападавших были марокканского происхождения, но об этой «детали» во всей Европе написали, что показательно, только два издания: одна голландская газета и одна немецкая. В остальных же СМИ на национальности убийц внимания не сконцентрировали.

⁵⁶ *Просветов А.* Франция: футболисты на экспорт...

⁵⁷ Пас из-за границы // Спорт-экспресс. 4.12.2012. См. также *Фролов В., Максимов С.* Судью на мыло // <http://www.newizv.ru/sport/2013-01-18/176094-sudju-na-mylo.html>

⁵⁵ На чемпионате мира–2014 в Бразилии в заявке сборной Алжира было 17 футболистов, родившихся в Европе.

Армения и Азербайджан, Сербия и Албания, или Ошибки УЕФА

26 января 2006 г. в швейцарском Монтре состоялась жеребьевка отборочного турнира к чемпионату Европы–2008. В одну группу попали сборные команды Португалии, Польши, Сербии и Черногории, Бельгии, Финляндии, Казахстана и, по несчастливой случайности, Армении и Азербайджана. И если о том, что противостояние закавказских соседей не сулит ничего хорошего в плане безопасности, атмосферы на трибунах и «политического оттенка», который оно приобретет, власти УЕФА еще, возможно, догадывались, то представить, что матчи между Арменией и Азербайджаном *попросту не состоятся*, тогдашнее руководство европейского футбола не смогло.

Видимо, до сведения президента УЕФА Л. Юханссона⁵⁸ не успели довести, чем закончился проходивший в Москве за несколько дней до жеребьевки — 20 января — полуфинальный матч Кубка чемпионов Содружества⁵⁹ «Пюник» (Ереван) — «Нефтчи» (Баку). «Пюник» играть с «Нефтчи» отказался — просто не вышел на поле. Оргкомитет турнира, во-первых, присудил армянскому клубу техническое поражение, а во-вторых, не допустил его к участию в следующем розыгрыше. «Нефтчи» же, выйдя в финальный матч без борьбы, выиграл в итоге золотые медали.

Уже в последних числах января футбольные федерации обеих стран определились со своими позициями, причем — по сравнению с матчем «Пюник» — «Нефтчи» — ситуация изменилась с точностью до наоборот: на уровне сборных решительно была настроена именно Армения. Исполнительный директор федерации А. Минасян заявил, что Армения готова сы-

грать в Баку и что он вообще не видит причин, которые могли бы нарушить классическую схему: «матч дома — матч на выезде». А вот азербайджанская сторона выразила мнение, что поединки стоит провести на нейтральном поле, и уже 1 февраля вице-президент федерации Грузии Г. Кавтарадзе предложил Тбилиси.

Генеральный секретарь федерации Азербайджана Ф. Асадов усомнился, что удастся обеспечить безопасность обеих матчей, и признался, что боится стать мишенью дашнакцаканов:

— Вы представляете, что будет твориться, если в Баку прозвучит национальный гимн Армении и возвысится армянский флаг?! На данный момент армянские войска контролируют восемь захваченных территорий. В зоне конфликта же по-прежнему идет перестрелка. Предположим, я прибыл в Ереван. Однако нет никаких гарантий, что в аэропорту члены «Дашнакцутюн» [Армянской революционной партии] не откроют огонь... даже видя радушный и теплый прием со стороны моих армянских друзей.

Асадов добавил, что положительно вопрос о проведении матчей в Баку и Ереване могут решить только президенты двух стран — Р. Кочарян и И. Алиев⁶⁰.

10 февраля в Брюсселе состоялось собрание представителей всех сборных группы «А», на котором обсуждался календарь отборочного турнира⁶¹. Матчи между Арменией и Азербайджаном назначили на 8 и 12 сентября 2007 г., однако прийти к консенсусу относительно места их проведения представители федераций так и не смогли.

23 марта на конгрессе УЕФА в Бу-

⁶⁰ <http://www.regnum.ru/news/584574.html>

⁶¹ Календарь матчей в каждой группе утверждается в течение 90 дней с момента жеребьевки. Если в этот срок федерации не достигают согласия, календарь составляется администрацией УЕФА.

⁵⁸ Занимал этот пост в 1990–2007 гг.

⁵⁹ В этом ежегодном турнире принимают участие лучшие команды 15 стран — республик бывшего СССР.

дапеште президент азербайджанской федерации Р. Мирзоев признался, что его ведомство не сможет обеспечить безопасность матча с Арменией и не исключил возможность «насилия со стороны азербайджанского народа»⁶². УЕФА пришлось брать дело в свои руки: вице-президент П.Р. Омдаль, генеральный секретарь М. Штрудер и член исполкома европейской ассоциации М. Спренгерс составили специальную комиссию для решения вопроса о месте проведения матчей между Арменией и Азербайджаном.

А уже в начале апреля по приглашению президента армянской федерации Р. Айрапетяна в Ереван с официальным визитом приехал исполнительный директор УЕФА Л.К. Ольсон, который — во время беседы с Айрапетяном и председателем госкомитета по физической культуре и спорту при правительстве Армении И. Закарян — озвучил глубокую и глобальную мысль о необходимости тесного сотрудничества между федерациями всех бывших республик СССР. И только затем перешел к живо интересовавшей всех конкретной проблеме, заверив, что УЕФА сделает всё возможное, чтобы матчи состоялись на территориях Армении и Азербайджана.

Правда, именно тогда в заявлениях чиновников впервые зазвучали нотки пессимизма. Айрапетян подчеркнул, что неспособность Азербайджана обеспечить безопасность — исключительно *его проблема*, а Ольсон заявил, что если федерации не придут к общему знаменателю, то поединки могут и вообще не состояться:

— Если страна твердит, что она не готова обеспечить безопасность, то УЕФА просто бессильна⁶³.

11–12 мая в штаб-квартире УЕФА в швейцарском Ньоне состоялась специальная трехсторонняя встреча: Армения (Айрапетян, Минасян и глава

общественного телерадиовещания А. Арутюнян) — Азербайджан (Мирзоев, Асадов и министр спорта А. Рагимов) — УЕФА. Однако сдвинуться с «мертвой точки» снова не удалось: Азербайджан по-прежнему настаивал на проведении матчей только на нейтральном поле.

11 октября за отмену матчей, по сути, «проголосовали» болельщики Армении и Азербайджана. Во время поединка Бельгия — Азербайджан в Брюсселе около 200 азербайджанцев, приехавших из разных городов Бельгии и Голландии, развернули на своем секторе большой флаг Азербайджана. На матче присутствовало и несколько представителей армянской диаспоры, которые не преминули поднять в ответ флаг Армении и начали «непристойно жестикулировать»⁶⁴ в адрес азербайджанских болельщиков. В результате вспыхнула драка, предотвращать которую пришлось бельгийским полицейским. Впору было задаться резонными вопросами: что же будет во время *очно-го* противостояния двух «принципиальных» соперников, и не за тысячи километров, а на родине кого-то из них?!

В январе 2007 г. проблема перешла «по наследству» к новому президенту УЕФА М. Платини, который, имея множество других, более важных дел, пошел по пути наименьшего сопротивления и намеченные на сентябрь поединки отменил. Нет матчей — нет проблемы.

16 октября в Ереване состоялась пресс-конференция с участием Платини и президента ФИФА З. Блаттера⁶⁵. Платини косвенно обвинил своего предшественника Юханссона:

— На самом деле ситуация была предельно проста: два года назад УЕФА

⁶⁴ <http://www.regnum.ru/news/721578.html>

⁶⁵ Это был первый случай, когда главы ФИФА и УЕФА находились с совместным визитом в одной стране! Блаттер и Платини встретились с президентом Армении Кочаряном и премьер-министром страны С. Саргсяном.

⁶² <http://www.regnum.ru/news/618038.html>

⁶³ Там же.

допустил серьезную ошибку, включив сборные двух конфликтующих стран в одну группу. Намного проще было бы развести Армению и Азербайджан по разным группам. Исполком УЕФА вынужден был обратиться к экспертам, которые рекомендовали не проводить эти матчи. Почему сборные получили ноль очков? Ноль матчей — ноль очков⁶⁶.

Во избежание повторного попадания Армении и Азербайджана в одну группу при жеребьевке отборочного турнира к чемпионату мира–2010 УЕФА рекомендовал ФИФА включить сборные в одну корзину. На логичный вопрос, что будет, если прогрессирующая, показывающая хорошие результаты сборная Армении улучшит свои позиции в рейтинге ФИФА и переместится в другую, более сильную корзину, Блаттер ответил, что этот вопрос будет контролироваться ФИФА особо:

— Мы сделаем так, чтобы Армения и Азербайджан оказались в разных группах. Доверьтесь мне, я с 1972 года провожу жеребьевки и знаю, как это сделать⁶⁷.

На следующий день, 17 октября, Блаттер и Платини направились в Баку, где приняли участие в открытии штаб-квартиры азербайджанской федерации. Блаттеру пришлось затронуть совсем уж неприятную тему:

— Мы не можем помочь Азербайджану в разрешении Карабахского конфликта. УЕФА и ФИФА находятся вне политики. Мы можем предотвратить жертвы на стадионах. В футбол играют не ради жертв⁶⁸.

Таким образом, ФИФА утвердил тот факт, что противостояние Армении и Азербайджана на футбольных полях не состоится *никогда*⁶⁹.

Азербайджан в итоге занял последнее место в группе, но, судя по всему, остался доволен решением руководства европейского и мирового футбола. Блаттер в бакинской Академии физкультуры и спорта удостоился звания почетного доктора спорта, а Платини получил из рук президента Алиева одну из высших наград страны — орден «Шохрат».

Армения же заняла *пред*последнее место в группе и, уступив одно очко Казахстану, сыгравшему на 2 матча больше, посчитала себя пострадавшей стороной. Впрочем, 31 августа 2010 г. Платини стал обладателем еще и государственной награды Армении — ордена Почета.

Причины такой уверенности в себе, которую продемонстрировали армянские футбольные власти, и наоборот неуверенности их азербайджанских коллег следует искать, на мой взгляд, не только в спортивной сфере. Итоги карабахской войны 1992–1994 гг. и более стабильное — по сравнению с экономически развитым Азербайджаном — геополитическое положение, которое занимает сейчас Армения⁷⁰, обусловили боязнь азербайджанской федерации потерпеть поражение *еще и в футболе*.

Повлекшая за собой нарушение спортивного принципа отмена матчей между Арменией и Азербайджаном стала опасным прецедентом. По иронии, уже в следующей отборочной кампании — к чемпионату мира–2010 — Армения попала в одну группу

23 февраля 2014 года, при жеребьевке отборочного турнира к Евро–2016, Армения была в 4-й корзине, а Азербайджан — в 5-й. Но и в том, и в другом случае даже теоретической вероятности попадания команд в одну группу уже не существовало. Наконец, 30 июля 2011 года, при жеребьевке отборочного турнира европейской зоны к чемпионату мира–2014, Армения и Азербайджан были в 5-й корзине.

⁷⁰ См. Шмулевич А. Армения и Азербайджан: стратегия новой войны // <http://www.apn.ru/publications/article27130.htm>

⁶⁶ <http://www.regnum.ru/news/900462.html>

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ <http://www.regnum.ru/news/900960.html>

⁶⁹ 7 февраля 2010 года, при жеребьевке отборочного турнира к Евро–2012, Армения была в 5-й корзине, а Азербайджан — в 6-й;

с... Турцией. И Платини пришлось уверять футбольную общественность, что *уж эти матчи* (несмотря на историко-политические противоречия, связанные с проблемой признания геноцида армян) состоятся точно!⁷¹

При желании указать на сложные взаимоотношения между определенными странами можно практически всегда, ибо нет народов, не воевавших когда-то с соседями за выживание либо не конкурирующих с ними за процветание сегодня. В футбольной Европе⁷² «конфликтных зон» хватает и без закавказских республик, которые стали членами УЕФА сравнительно недавно. Это и Израиль⁷³, и Греция с Турцией, и

⁷¹ Впоследствии в регламент жеребьевок стали вносить особые пункты, оговаривающие «искусственное» разведение определенных стран. Так, в отборочном турнире к чемпионату мира–2014 в одну группу ни при каких условиях не могли попасть сборные России и Грузии, хотя Россия была «посеяна» во 2-й корзине, а Грузия — в 4-й.

⁷² Границы ее не везде совпадают с Европой географической.

⁷³ В январе 2013 г. о скандальных трансферах договорились иерусалимский «Бейтар» и... грозненский «Терек» во главе с Р. Кадыровым. Несмотря на яростные протесты болельщиков израильского клуба, выступавших против подписания мусульманских игроков, в «Бейтар» на правах аренды перешли З. Садаев и Д. Кадиев. Поначалу болельщики сопровождали распеванием антимусульманских гимнов каждую тренировку любимой команды, в которой принимали участие чеченцы. А в феврале даже подожгли клубный офис. 4 марта Садаев забил первый — и единственный на пару с Кадиевым — гол, который был встречен свистом и проклятиями; затем болельщики «Бейтара» демонстративно покинули стадион. Через пару недель во время одного из матчей Кадиев был удален со скамейки запасных за то, что, не выдержав провокаций со стороны болельщиков, запустил на трибуну бутылку с водой. Воинствующие болельщики начали угрожать не только неугодным футболистам, но и инициатору

Сербия с Хорватией, и, как я уже отмечал выше, Сербия с Косово... И скорее всего, в ближайшем будущем по разным группам будут «искусственно» разводить уже не только Армению и Азербайджан, но и, к глубокому сожалению, Россию и Украину. Тем более что российские и украинские клубы уже были разведены при жеребьевке Лиги чемпионов и Лиги Европы сезона 2014/15.

— В свете текущей политической ситуации, — значилось в специальном заявлении УЕФА, — Российский футбольный союз и Федерация футбола Украины выразили опасения по поводу безопасности проведения матчей между российскими и украинскими командами в турнирах УЕФА. Рассмотрев заявления и изучив уровень безопасности в регионе, рабочая группа УЕФА по чрезвычайным ситуациям решила, что российские и украинские команды не могут пересекаться в турнирах УЕФА до дальнейших распоряжений⁷⁴.

К сожалению, печальный опыт Армении и Азербайджана не уберет УЕФА от новой ошибки. 14 октября 2014 г. отборочный матч к чемпионату Европы–2016 Сербия–Албания не был доигран и завершился грандиозным скандалом. В конце первого тайма над полем стадиона «Партизан» в Белграде был запущен так называемый дрон — беспилотный летательный аппарат — с флагом, на котором были изображены

сделки с «Тереком» — владельцу «Бейтара» миллиардеру А. Гайдамаку, который вскоре вынужден был продать клуб. Срок арендного соглашения заканчивался в мае, но Садаев и Кадиев самовольно покинули расположение клуба в середине апреля, не поставив в известность ни руководство, ни тренерский состав. О планах чеченских игроков знал лишь телохранитель, сопровождавший их в тель-авивский аэропорт «Бен-Гурион» (Саидов М. «Бейтар» капут? // <http://wordyou.ru/kolonki/bejtar-kaput.html>).

⁷⁴ Зырянкин Е., Симонов Д. Россия и Украина: Euro развод // Спорт-экспресс. 18.07.2014.

очертания «Великой Албании» и портрет «хитро улыбающегося»⁷⁵ И. Кемали (1844–1919) — основателя независимого албанского государства в 1912 г. В состав «Великой Албании», по мнению националистов, должны входить не только Косово, которое ныне является спорной территорией, но и южные регионы Сербии, северо-запад Македонии, юг Черногории, а также часть Греции — то есть все районы проживания этнических албанцев.

Кто управлял дроном — неясно, ибо, по решению УЕФА, на матче официально присутствовали только болельщики сборной Сербии (на ответной игре в Албании аналогичный запрет на посещение поединка должен был коснуться сербов). Покружив над трибунами и подразнив зрителей красным черным флагом, дрон опустился на поле. Защитник Сербии С. Митрович не выдержал и сорвал флаг. На Митровича набросились игроки Албании и отобрали полотнище. Через несколько секунд албанцу Балажу досталось пластиковым стулом по голове от выбежавшего на поле фаната. Албанские футболисты (в сборной, кстати, семеро уроженцев Косова) бросились бежать, но на пути к туннелю, ведущему в раздевалку, разъяренные сербские фанаты успели напасть еще на нескольких игроков. Как сообщил позднее тренер Албании итальянец Дж. де Бьязи, пострадали пятеро его подопечных.

Пока сербская полиция унимала разбушевавшихся болельщиков, один из них умудрился прорваться в комментаторскую кабину, откуда в прямом эфире, транслируемом на Сербию и несколько сопредельных государств, нецензурно обругал премьер-министра страны А. Вучича. Тем временем игроки Сербии во главе с голландским тренером Д. Адвокатом несколько раз выходили на поле, демонстрируя готовность

продолжить игру, однако албанцы покинуть подтрибунные помещения наотрез отказались. Сначала Албании предлагали просто доиграть оставшееся время матча, затем — вывести зрителей и доиграть матч при пустых трибунах, наконец — отложить встречу и доиграть ее на следующий день, 15 октября. На все эти предложения албанская делегация ответила отказом.

Вскоре сербское телевидение сообщило, что на трибуне для почетных гостей был задержан О. Рама, брат албанского премьер-министра. У находившегося всего в нескольких метрах от президента Сербии Т. Николича и главы МВД Н. Стефановича Рама якобы обнаружили пульт дистанционного управления дроном. Однако уже через час из-за вмешательства дипломатов гражданина США Раму отпустили.

На родине албанских футболистов встречали как героев: в аэропорту Тираны собралось 5 тыс. ликующих болельщиков во главе с министром спорта. А возбужденные случившимся жители города Косовска-Митровица, где река Ибар разделяет сербские кварталы и албанские, изо всех сил пытались сойтись стенка на стенку на мосту, но полиция бойни не допустила. Агрессия исходила именно со стороны албанского населения. В дальнейшем беспорядки и конфликты на национальной почве продолжились и прокатились сразу по нескольким странам, причем не только на Балканах⁷⁶.

— Наша игра должна объединять людей. Не советую мешать ее с политикой любого рода. События, произошедшие в Белграде, недопустимы⁷⁷, — оправдывался Платини. — Этот случай не только постыден сам по себе. Представьте, что к дрону был привязан не флаг, а бомба! Это всё очень опасно.

⁷⁶ См. Бобров А. Сербия просят присудить албанцам поражение // Спорт-экспресс. 17.10.2014.

⁷⁷ Папенков Ф. Скандал, которого ждали все. Кроме УЕФА...

⁷⁵ Папенков Ф. Скандал, которого ждали все. Кроме УЕФА // Спорт-экспресс. 16.10.2014.

Особенно в странах, где существует политическая напряженность⁷⁸.

Эксперты же сочли весьма странным, что, разведя при жеребьевке сборные Испании и Гибралтара (!), УЕФА не догадался сделать то же самое с Албанией и Сербией.

Федерация футбола Сербии выступила с заявлением, в котором назвала инцидент в матче с Албанией не только «провокацией, оскорбляющей чувства всех граждан Сербии, Черногории, Македонии и Греции», но и террористическим актом, направленным против интересов республики Сербия:

— То, что произошло, — хорошо спланированная политическая диверсия. Судья Аткинсон остановил матч для того, чтобы посторонний предмет [флаг] был убран с поля. Стефану Митровичу удалось поймать его, и, как видно на видео, игрок спокойно начал сворачивать его для передачи резервному рефери. В это время абсолютно все сербские игроки и официальные лица на скамейке запасных находились на своих местах. Они были спокойны и не намеревались продемонстрировать свою силу или гнев в связи с инцидентом. Однако албанские игроки действовали очень агрессивно... Мы считаем, что они [албанцы] напрямую виновны в прекращении матча, и надеемся, что контрольно-дисциплинарный комитет УЕФА утвердит счет 3:0 в пользу Сербии⁷⁹.

Албанская же федерация пожаловалась на оскорбительные кричалки, всё время доносившиеся с трибун, а также на то, что автобус с футболистами сборной Албании хулиганы забросали камнями⁸⁰.

⁷⁸ Бобров А. Сербь просят присудить албанцам поражение...

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ В итоге Албании присудили техническое поражение со счетом 0:3, а Сербию лишили 3 очков и обязали провести 2 ближайших официальных матча без зрителей. Федерации футбола обеих стран были оштрафованы на 100 тыс. евро каждая.

Остается добавить, что беспорядки на футбольных матчах на Балканах — дело, к сожалению, настолько привычное, что очередной просчет УЕФА, который не предусмотрел разведение сборных Сербии и Албании, предстает еще более вопиющим. Напряжение «между клубами Сербии, Хорватии и Боснии начало нарастать с 1970-х гг. XX в. Накануне распада Югославии уже ни один выезд фанатов “Црвени Звезды” или “Партизана” в Сплит, Загреб, Тузлу или Сараево не обходился без серьезных инцидентов»⁸¹.

Печально известный случай произошел в апреле 1990 г., когда в гости к загребскому «Динамо» приехала «Црвена Звезда». Эта игра вошла в историю под названием «матч ненависти». К тому моменту отношения двух республик уже были далеки от идеальных. К тому же на состоявшихся в Хорватии за пару недель до матча первых многопартийных выборах победила крайне правая партия ХДЗ, провозгласившая своей целью «окончательное решение сербского вопроса» и отделение от Югославии. Копившееся в зрителях и игроках напряжение быстро вырвалось наружу: после обмена оскорбительными речевками болельщики двух клубов вырвались на поле. Побоище продолжалось около часа. Прекратить насилие удалось лишь когда к стадиону подъехали специальные машины, оснащенные водометами. В результате беспорядков сотни человек получили травмы различной степени тяжести.

Примечательно, что массовая драка на загребском стадионе «Максими́р» дала повод властям Хорватии устроить чистку среди сотрудников МВД: милиционеры-сербь были обвинены в нелояльности новым властям и уволены. «Матч ненависти» стал прологом к разгоревшейся вскоре гражданской войне, закончившейся распадом Югославии.

⁸¹ Широков А. Кто к нам с мячом придет // <http://lenta.ru/articles/2014/10/16/football-violence/>

АНТОН ЧЕМАКИН

«РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ»

История национал-демократической группы

ВАСИЛЬЕВА–ЖЕЛУДКОВА

В октябре 1911 г. в Санкт-Петербурге поэтом и журналистом газеты «Новое время» Д.Н. Вергуном был издан сборник «Ладо»¹. В данном сборнике были представлены как публицистические, так и художественные произведения почти двух десятков авторов, касающиеся самых разнообразных тем — от проблем русских в Галиции до развития сокольского движения. Среди этих публикаций была примечательная статья полковника М.Я. Баясного «Чего ожидать от русского национализма?», содержащая проект программы, «объединяющей русских народных националистов» (национал-демократов)². Автор сообщил читателям, что «в последнее время зародились национал-демократические кружки среди национальной интеллигенции в Киеве, Москве и Петербурге» и что московской группой «выработан проект платформы, долженствующий заместить давно ощущаемый пробел»³. Программа эта была весьма либеральной и в чем-то даже радикальной по своему содержанию, что заставило Баясного огорчиться, что документ этот «отражает на себе спешность выработки,

страдающая неумением разграничить минимальные требования от максимальных и недостатком распределения задач по времени», а потому едва ли способен «удовлетворить те круги национально мыслящего русского общества, которые ощущают потребность ясной формулировки требований национальной партии и развития национальных начал в сторону разумного демократизма»⁴. Советский историк А.Я. Аврех отметил, что «проект этот весьма любопытен», так как «он предлагал объединить старые националистические лозунги с требованиями, которым могли позавидовать кадеты»⁵.

Возможно, программа эта и осталась бы незамеченной, если бы не лидер кадетов П.Н. Милюков. На собрании ЦК кадетской партии он заявил, что «изданный националистами сборник “Ладо” является показателем, что среди них существует группа лиц, пытающихся вложить душу в национализм», и призывал «показать всю неискренность этой идеологии»⁶. 2 но-

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М.: Наука, 1968. С. 412.

⁶ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 462.

¹ Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911.

² Баясный М.Я. Чего ожидать от русского национализма? // Ладо. С. 175–179.

³ Там же. С. 174–175.

ября 1911 г. с трибуны Государственной Думы Милюков начал атаку на националистов и персонально на одного из их лидеров, графа В.А. Бобринского: «Вот у меня в руках только что вышедший сборник “Ладо”, сборник “литературно-общественный, посвященный народжению русской национал-демократии” с ее “искренней” и неизменной программой. Тут в числе сотрудников значится, между прочим, и гр. Владимир Бобринский, сидящий против меня. Здесь, гг., есть “проект платформы, объединяющей русских народных националистов”, и вот на стр. 175 я читаю: “в видах государственных необходимо снятие черты еврейской оседлости” <...>. Но, гг., неужели же не ясно, какая огромная пропасть между этими попытками “платформы”, программными заявлениями — и той печальной действительностью, при которой вы здесь присутствуете?»⁷ Основной упор Милюков делал на несоответствие теоретических положений данной программы с практическими лозунгами партии националистов⁸. При этом слова его были ложью (и скорее всего, намеренной), так как «Ладо» вообще не имел никакого отношения к Всероссийскому национальному союзу, за исключением того, что два видных члена партии — В.А. Бобринский и Д.Н. Чихачев — предоставили свои статьи для сборника, причем публикации эти касались исключительно проблем Галиции и Холмщины.

Но Милюкова это не смутило, и он во всеуслышание заявил, что лидерами ВНС были «экспроприированы отрывки кадетской программы в программу “национал-демократов” сборника

“Ладо”, для специальной цели “привлечения простонародья”»⁹. Милюкова поддержал Д.В. Философов, писавший, что «если неопытный юнец возьмется за чтение сборника *Ладо*, он невольно придет в удивление. С благоговения гр. В.А. Бобринского московская группа национал-демократов выработала политическую программу, которая, на первый взгляд, способна удовлетворить довольно притязательные вкусы... Всеобщее, равное, тайное... Снятие исключительных положений... Свобода слова, собраний... Свобода совести... Несменяемость судей... Свобода рабочих организаций... И т.д., и т.д. <...> При свете дня, забыв всякое подполье, пользуясь роскошным помещением всероссийского национального клуба, где даже швейцар напоминает сановника, можно заняться пропагандой основ радикализма, организацией профессиональных союзов, кооперативов. И ни один синий мундир тебя не арестует. Как не порадоваться!»¹⁰

Публицист А.А. Столыпин на страницах «Нового времени» попытался защитить В.А. Бобринского от нападков, заметив, что «то обстоятельство, что Бобринский дал статью в сборник, где совершенно другой автор осуждает московский кружок за желание снять черту оседлости, толкуется г. Милюковым как солидарность Бобринского с какими-то “соблазнительными обещаниями”»¹¹. Милюков на это ответил: «Я, конечно, не сомневаюсь, что подобная программа не может быть ни программой-минимум, ни программой-максимум для гр. В. Бобринского. Но было бы лучше, если бы заявил об этом он сам. А иначе факт сотрудничества в сборнике,

⁷ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 5. Часть 1. Заседания 1–41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. Ст. 1052.

⁸ Лекция П.Н. Милюкова // Минский голос. 1912. 11 мая. № 762. С. 3.

⁹ Милюков П.Н. «Новый курс» // Голос (Ярославль). 1911. 28 ноября. № 268. С. 2.

¹⁰ Философов Д.В. Сирены // Речь. 1911. 12 декабря. № 341. С. 2.

¹¹ А. Ст-н. Заметки // Новое время. 1911. 5 ноября. № 12806. С. 13.

“посвященном нарождающейся русской национал-демократии”, не может не набросить на нашего официального националиста тень идейного сочувствия “широкой программе, которая вмещала бы как минимальные реформы, диктуемые неотложными требованиями жизни, так и максимальные цели, *годные для привлечения не только “сливок” общества, но и простонародья и предубежденных слоев интеллигенции*”. Разумеется, то, что “годно для привлечения”, не всегда годно для цитат с кафедры Гос. Думы. Если гр. Бобринский непричастен к “соблазнительным обещаниям”, предназначенным для уловления “простонародья” и интеллигенции, то он всегда может публично отказаться от “солидарности” с товарищами по сборнику, не прибегая к посторонним услугам»¹².

Не менее бурная реакция была и со стороны крайне правых. Сотрудник черносотенного «Русского знамени» писал с возмущением: «Вот компания видных националистов уже заговаривает о какой-то национал-демократии. Господа, подумайте хорошенько, что это за милая штука демократия и к чему принадлежность к оной обязывает. Нельзя говорить, что мы, мол, под словом демократия подразумеваем нечто иное, а не то, что под сим названием существует и действует на Западе. Такого рода объяснение никуда не годится: понятие — другое, ну и слово для выражения его должно быть другое. А так очень уж похоже на подготовку новой эволюции влево. Невольно напрашивается шутка (вполне признаю, что в настоящее время это еще только шутка): националисты стали конституционалистами, националисты стали демократами — следовательно, националисты стали конституционалистами-демократами»¹³. «Русское знамя», как

и кадеты, приписывало программу перу графа Бобринского: «Не дальше как вчера Милюков с трибуны цитировал составленную гр. Бобринским <...> и напечатанную в сборнике “Ладо” программу “русской национально-демократической партии”, в которой имеется, между прочим, пункт — о желательности уничтожения черты еврейской оседлости»¹⁴.

В конце концов В.А. Бобринский, атакуемый и слева, и справа, «поспешил отгородиться от своих более юных и наивных сотоварищей-теоретиков»¹⁵.

Так кто же был составителем этой программы, вызвавшей переполох в политических кругах России в конце 1911 г. и заставившей высказываться о себе ведущих политиков страны? Во время обсуждаемых событий о настоящих авторах программы ничего не говорили, и лишь только А.С. Изгоев заметил, что «созданный на субсидии полуказенный “национальный клуб” выступал в сборнике «Ладо» «в роли патрона национально-демократической программы, созданной двумя-тремя московскими интеллигентами, чуть ли не из бывших революционеров, определенно поставивших своей задачей окрасить кадетскую программу в национальные цвета»¹⁶.

В действительности авторство программы принадлежало группе национал-демократов во главе с Петром Васильевичем Васильевым и Иваном Захаровичем Желудковым. Узнать подробности об их кружке удалось благодаря сохранившемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) делу московского Охран-

союз (К сведению провинциальных националистов) // Русское знамя. 1911. 19 ноября. № 260. С. 1.

¹⁴ Государственная Дума. В комиссиях // Русское знамя. 1911. 4 ноября. № 247. С. 4.

¹⁵ [Передовая статья] // Речь. 1913. 5 апреля. № 93. С. 1.

¹⁶ Изгоев А.С. Новая партия // Русская мысль. 1914. № 6. С. 130.

¹² Милюков П.Н. «Для привлечения простонародья» // Речь. 1911. 6 ноября. № 305. С. 2.

¹³ Прилучанин. Октябрю-национальный

ного отделения. Обратимся к этому документу и посмотрим, что установило полицейское расследование.

* * *

В середине июня 1911 г. Департаментом полиции было перехвачено письмо П.В. Васильева в Екатеринослав к С.А. Цорну. Васильев писал: «Дружище, Степан Андреевич. Сколько лет, сколько зим не виделись. Сейчас я в Москве и еду на Волгу. В Москве организуется партия, программу ее посылаю. Просмотрите ее и пришлите как скорейшее свое о ней мнение и буде найдутся поправки. Напишите о ней в “Приднепровский Край”. Далее — в Москве будет выходить национально-демократический журнал. Напишите статейку о евреях, вы их хорошо знаете, и выскажите мне от чистого русского сердца. Можете и не подписываться. Письмо пришлите скоро и по адресу: Москва, Тверская, дом Бахрушина, Кнво “Полезь” И.З.Желудкову»¹⁷. Также он сообщал, что «маленький Хаэт¹⁸ в Петербурге организует еврейско-социал-демократическое бюро, которое рассылает свои статьи по национальным вопросам провинциальным газетам бесплатно. Делается это в целях борьбы с русским прогрессивным демократическим национализмом, который несомненно появится у нас и захватит общество, подобно английскому империализму и германскому патриотизму в Англии и Германии»¹⁹. Вместе с письмом Цорну был отправлен «Проект “платформы”, объединяющей русских национал-демократов», набранный при помощи пишущей машинки «Ремингтон».

14 июня Департамент полиции обратился в московское Охранное отделение с просьбой «добыть агентур-

ным путем копию приложенного к документу проекта “платформы”»²⁰, и с этого момента началась разработка русских национал-демократов.

18 июня 1911 г. начальник охранного отделения г. Екатеринослава сообщил своим московским коллегам подробности об адресате письма: «...Степан Иоганн Цорн, 27 лет²¹, католик; откуда и когда прибыл — неизвестно; проживает в меблированных комнатах “Петергоф”, по Провиантской улице, в доме №24; заявлен был по паспорту, выданному неизвестно когда за №266 Херсонским Губернатором; показан выбывшим за границу 9 сентября 1910 года; в редакции местной газеты “Приднепровский край” не работает около двух лет. По имеющимся в делах Отделения сведениям, означенный Цорн принадлежал к местной эс-дековской организации — к фракции меньшевиков, в коей был известен под кличкой “Алексей”; состоял председателем союза печатников в Екатеринославе. В 1907 году, по агентурным сведениям, ездил в Финляндию на всероссийский съезд печатников. 2 декабря 1907 года был обыскан, но безрезультатно. 15 июня 1909 года вторично был обыскан, арестован и передан в распоряжение Начальника Екатеринославского Губернского Жандармского Управления, коим привлечен к переписке о профессиональных союзах гор. Екатеринослава. 1-го Февраля 1910 года Цорн, совместно с другими, выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на три года»²².

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Екатеринославская «охранка» прислала ошибочные сведения. Цорн родился в 1869 г., следовательно, в 1911 г. ему было около 42 лет. Происходил из мещан г. Одессы, в революционном движении с 1905 г., бывший участник Петербургского союза печатников. Интересно, что, несмотря на фамилию и вероисповедание, считал себя русским (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3186. Л. 1–2).

²² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 6–6 об.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 3.

¹⁸ Вероятно, речь идет о ком-то из деятелей меньшевистской фракции РСДРП.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 3.

Московская «охранка» тоже не тратила времени даром. Некоторое время спустя она установила типографию, в которой была отпечатана программа, и 11 июля допросила в качестве свидетеля Я.М. Белоусова, тридцати лет, иудейского вероисповедания, купеческого сына, заведующего типографией «Труд». Белоусов сообщил, что предъявленный ему «экземпляр “Проекта платформы, объединяющей русских народных националистов” печатался в типографии “Труд”. Заказ на 200 экземпляров этого “проекта” был сделан неким Иваном Захаровичем Желудковым, служащим книгоиздательства “Москва”. Печатался “Проект” с разрешения Цензурного комитета, в чем у меня имеется надлежащее удостоверение. Заказ полностью исполнил и сдал И.З. Желудкову, кажется, около месяца тому назад. В случае надобности могу дать точную справку, когда именно сдал заказ. Делать заказ Желудков приходил один, а получать — вместе с неизвестным мне господином»²³.

Таким образом, был установлен основной круг подозреваемых — петербургский мещанин П.В. Васильев, живший по поддельному паспорту под именем Михаила Платонова²⁴, и вятский крестьянин И.З. Желудков. Также «охранку» заинтересовало, не имеют ли какого-то отношения к национал-демократам В.А. Бобринский и П.Б. Струве²⁵.

4 августа Департамент полиции обратился к начальнику Московского охранного отделения с предложением «выяснить инициаторов возникшей в Москве партии русских национал-демократов и приблизитель-

ную численность ее состава»²⁶. 1 сентября 1911 г. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве полковник П.П. Заварзин на основании агентурных сведений, полученных от сотрудника «Техник», сообщил в Департамент полиции всю имеющуюся информацию о национал-демократах:

«...В Москве возникла идея учредить партию “русских национал-демократов”. За это дело взялись Желудков и Васильев. Они составили и отпечатали программу и старались ее легализовать. Для ознакомления общества с новой программой Васильев поместил несколько статей в московском журнале “Русская Жизнь”, который теперь прекратил свое существование из-за недостатка средств. Кроме того, основатели партии хотели объединиться с крестьянским союзом (возникшим на почве 17 октября), но из этого ничего не вышло, а в “Русском Слове” появилась по этому поводу заметка, в которой “русские национал-демократы” подвергаются осмеянию.

Вообще, “русские национал-демократы” скорее представляют из себя не строго организованную партию, а бесформенное движение, которому одинаково не сочувствуют как крайние правые, так и крайние левые элементы русского общества. Попытка легализовать партию до сих пор не удалась, точно так же ничего не вышло и из стремления заручиться симпатиями у прогрессивной интеллигенции. Причина всему этому — какая-то двойственность программы: властям партия говорит о своем национализме, государственности и патриотизме, а обществу, наоборот, рекомендует себя как демократическую организацию. Поэтому-то и получается всеобщее недоверие к этой партии, с которым ей приходится очень серьезно считаться.

О новой партии следует сказать сле-

²³ Там же. Л. 11.

²⁴ Васильев пользовался фальшивыми паспортами на имя Михаила Николаевича Платонова и Василия Федоровича Игнатьева (ГАРФ. Ф. 102. «Центральный справочный алфавит» Департамента полиции МВД. Карточка на Васильева П.В.).

²⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 12.

дующее: настоящее ее название “Русские Национал-Демократы”. Основатели партии Желудков и Васильев. Успехи партии, в смысле ее численности, пока ничтожны. Организации партии еще никакой не имеет.

О С.А. Цорне, проживающем в Екатеринославе, и его участии в организации партии ничего не известно. Одно только можно сказать с достоверностью, что к выработке программы он не имеет отношения.

Отделов партии в настоящее время нет.

Так как партия фактически не существует, то об участии в ней графа Бобринского и Струве ничего не известно.

Печатных органов у партии не имеется совсем, если не считать прекратившегося журнала “Русская Жизнь” Ф.М. Чеботарева (Б. Бронная ул.), который поместил всего две или три статьи.

Литературы о партии нет»²⁷.

Теперь остановимся подробнее на биографиях лидеров этой группы, а также на тех событиях, которые не упомянуты в вышеприведенном документе.

Петр Васильевич Васильев (он же Северянин, Васильев-Северянин, А. Новгородский, Н. Волховской, Н.Е. Веров)²⁸ родился 14 января 1885 г. в Петербурге. Отец был чернорабочим, мать прачкой, оба неграмотные. Петр окончил 3 класса низшей школы, учился на вечерних Технических курсах, готовился по предметам среднего учебного заведения, посещал лекции в Высшей вольной школе, орга-

низованной Лесгафтом. В 13 лет был отдан в учение в переплетную Гутмана, а затем поступил учеником в типографию князя В.П. Мещерского сперва на книжное отделение, а затем на газетное. По окончании учения работал сначала там же, а потом во множестве других типографий²⁹. Как отмечал он сам в автобиографии, «сознательную революционную жизнь начал с 1904 года, когда <...> посещал социал-демократические кружки»³⁰. В 1905 г. стал «членом избранной после 9-го января тарифной комиссии петербургских рабочих печатного дела, а затем был членом комиссии по выработке устава первого профессионального союза печатников, секретарем организационного бюро этого союза и членом редакции органа этого союза — “Печатный вестник”»³¹. В октябре 1905 г. избран членом петербургского Совета рабочих депутатов от Союза печатного дела. Был одним из организаторов захвата типографий для печатания «Известий Совета рабочих депутатов». 15 июля 1906 года организовал дневной вооруженный захват типографии Бусселя, где было отпечатано 180 000 экземпляров Выборгского воззвания. В 1907 г. организовал с группой товарищей издание первых рабочих юмористических журналов «Балда» и «Топор». В феврале 1907 г. арестован, просидел 7 месяцев в «Крестах», а затем, после суда за напечатание «Манифеста Союза» в «Рабочем голосе», был выслан на север Тобольской губернии. В 1909–1910 г., бежав из ссылки, жил нелегально на Юге России, работал в Екатеринодаре, Харькове, Баку и других городах, где участвовал в выпускаемых рабочих журналах³². Время от времени приезжал в Петербург и Мо-

²⁷ Там же. Л. 13–14.

²⁸ Интересно отметить, что в словаре псевдонимов И.Ф. Масанова П.В. Васильев отмечен дважды: как «славянофил, 1910-е гг.», и как «социал-демократ, наборщик» (*Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 96*). В действительности это один и тот же человек.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9703. Л. 60.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ 1905. Воспоминания членов СПб Совета Рабочих Депутатов. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1926. С. 155.

³² ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9703. Л. 60–61.

скву по фальшивым паспортам. Если говорить о его взглядах, то Л.Г. Орчакова полагает, что он был анархо-синдикалистом³³. На наш взгляд было бы более корректным назвать его беспартийным социалистом, работающим в первую очередь в профсоюзном движении, и лишь во вторую взаимодействующим с теми или иными партийными организациями.

Иван Захарович Желудков (в полицейских сводках проходил под прозвищами «Налим»³⁴ и «Орел»³⁵) родился 21 ноября 1883 г. в Яранском уезде Вятской губернии. Происходил из семьи «захудалых крестьян»³⁶. Окончил только начальную школу, но занимался самообразованием. С 1899 г. служил типографским наборщиком в Самаре, Томске и Санкт-Петербурге³⁷. Во время событий 1905 г. был одним из лидеров петербургских печатников. В 1930 г. на судебном процессе меньшевик В.В. Шер сообщил следующую информацию: «Желудкова я знал давно, когда-то он был меньшевиком в очень давние времена, был учеником Мартова, он рабочий типографщик.<...> Вместе с ним мы работали в профсоюзе печатников <...> но уже тогда он занимал крайне правую позицию и в 1905 г. был редактором единственной в те времена кадетской газеты, которая выходила в 1905 году во время существования Совета рабочих депутатов. Я не помню ее названия, она издавалась группой Горшкова, Желудкова и Северянина»³⁸. Сам Желудков расска-

зал, что был членом РСДРП с 1898 г., в 1903–1905 гг. примыкал к меньшевикам. Летом 1905 г. вышел из партии и занялся исключительно профсоюзным движением. Желудков называл себя «профессионалистом»: «Можно сказать так: в социальных вопросах я был левее [меньшевиков], а в политических — правее. Я был сторонником легальных профсоюзов»³⁹. Также он отмечал про свое окружение, что «идеологически это была довольно неустойчивая группа, потому что у нас были поиски платформы, поиски ориентации»⁴⁰. После революции 1905 г. отошел от активной деятельности. В 1908–1915 гг. служил в издательстве В. Антика «Польза» на должности заведующего серией «Университетская библиотека»⁴¹. Так как в 1902–1903 гг. Желудков задерживался и даже бежал из-под стражи, он продолжал находиться под наблюдением. 27 марта 1911 г. «был обыскан и арестован при ликвидации Российской социал-демократической рабочей партии, но по безрезультатности обыска и по выяснении обстоятельств дела 29 того же марта был из-под стражи освобожден без дальнейших последствий»⁴². Несмотря на упоминание РСДРП, скорее всего Желудков привлекался по делу так называемых «русских национальных социалистов» (Ф.Ф. Аристова и группы русских студентов-галичан)⁴³.

* * *

К сожалению, у нас нет информации о том, как Васильев и Желудков пришли к национал-демократическим идеям. Если верить словам Шера, то определенный «правый уклон» у их группы

³³ Орчакова Л.Г. Анархисты в Москве и Московской губернии (1905 — февраль 1917 года). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2004. С. 7.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. «Центральный справочный алфавит» Департамента полиции МВД. Карточка на Желудкова И.З.

³⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 3214.

³⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 501. Л. 7–8.

³⁷ ГАРФ. Ф. А-44. Оп. 13. Д. 631. Л. 1 об.

³⁸ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта–9 марта

1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М.: Советское законодательство, 1931. С. 150.

³⁹ Там же. С. 152.

⁴⁰ Там же. С. 153.

⁴¹ ГАРФ. Ф. А-44. Оп. 13. Д. 631. Л. 1 об.

⁴² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 501. Л. 16.

⁴³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 767.

был уже в 1905 г. Достоверно установить можно лишь время, когда они публично заявили о своих идеях. 12 июня 1911 г. в московском журнале «Русская жизнь» появилось сообщение о том, что «русское национальное течение усиливается» и «наряду с разными национальными организациями оформляется новая — союз русских национал-демократов»⁴⁴. Союз должен был объединить всех разделяющих следующие принципы:

«1) Единство и неделимость русского государства. Нераздельность единого во всех его ветвях русского народа. Господство русской культуры и русского государственного языка.

2) Укрепление русского национального государства на основах конституционной монархии и дальнейшее развитие его в порядке, предуглазанном Основными Законами.

3) Создание экономической и военной мощи русского государства.

4) Развитие русского национального самосознания и самостоятельности. Предоставление русскому народу гражданских прав, способствующих развитию национальной культуры»⁴⁵.

Также читатели журнала узнали, что «национал-демократическое течение находит себе многих сторонников», «в недалеком будущем будет подан на регистрацию устав новой политической партии под именем: “Русский национал-демократический союз” и опубликована его программа», а «в Москве и в Киеве предполагается издание печатного органа»⁴⁶.

Очевидно, что как таковой структуры национал-демократов летом 1911 г. не было; они даже до конца не определились с названием организации — «Русский национал-демократический союз» (РНДС), «Русский народный на-

циональный союз» (РННС) или «Русские национал-демократы» (РНД).

Национал-демократы решили сосредоточиться на трех вещах: 1) составлении и публикации программы партии, 2) привлечении новых членов, в первую очередь из знакомой Васильеву и Желудкову среды печатников, деятелей профсоюзного и меньшевистского движения, 3) переговорах об объединении с «Крестьянской партией на почве манифеста 17 октября».

Первая задача была решена, программа напечатана. Охранное отделение, как было показано выше, заинтересовалось этой программой и даже провело расследование, но в итоге не нашло в ней ничего предосудительного и к ответственности так никого и не привлекло. Один из экземпляров программы ныне хранится в Российской национальной библиотеке и, хотя формально считается книгой или брошюрой, по сути представляет собой сложенную пополам листовку большого формата, напечатанную на твердой плакатной бумаге. Также планировалось через графа В.А. Бобринского передать 4 экземпляра программы председателю Совета министров П.А. Столыпину⁴⁷. В любом случае благодаря тому, что программа была напечатана в сборнике «Ладо», она стала известна широким кругам политизированной публики и вызвала значительные споры на страницах прессы.

О привлечении новых членов сказать что-то сложно. По всей видимости, Васильеву и Желудкову удалось привлечь на свою сторону нескольких своих бывших соратников по профсоюзному движению, но этим все и ограничилось.

Также неудачей завершились и переговоры с крестьянской партией, о которых вышла язвительная заметка в газете «Русское слово»:

«Недавно в крестьянском союзе, объединенном на почве манифеста

⁴⁴ Национал-демократическая партия // Русская жизнь. 1911. 12 июня. № 21–22. С. 707.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 325. Л. 4.

17-го октября, происходило в Москве интересное заседание.

Из Петербурга приехал делегат от какого-то нового “русского народного национального союза”, недавно организовавшегося. Цель приезда — убедить крестьян покинуть свою партию и перейти в “национальный союз”.

— Наши программы ведь совершенно одинаковы, — говорил он.

— Кто же у вас в союзе?

— К национальному союзу примкнули знаменитые профессора, писатели, журналисты...

— Назовите фамилии.

— Ну, например, профессор Локоть⁴⁸.

Больше фамилий делегат не назвал.

Стали обсуждать принципы “национального союза”. Оказалось, что он во всем разнится от “крестьянского союза”.

— Должно быть единство языка, — сказал делегат. — Обязательным языком должен быть русский...

Один из крестьян ему возразил:

— Неужели наш русский язык такой плохой, что его силой надо распространять. Кто хочет, — говори на русском, а не хочет: Бог с ним, плакать не будем. Слава Богу, нас, русских крестьян, более 80-ти миллионов в России... Мы — сила.

Заговорили о равноправии национальностей. Делегат опять наклонил

вопрос в сторону преимущественного положения русских. Но один из крестьян решил вопрос по-своему, “по-крестьянскому”:

— Рано говорить о правах инородцев. Сначала нам, крестьянам, дайте права. А когда вы их нам дадите, мы будем так сильны и могучи, что никаких инородцев не побоимся.

В вопросах о национальностях, языке, форме правления (“национальный союз” стоит за “конституционную монархию”) делегат и крестьяне еще могли согласиться. Но когда они подошли к коренным “крестьянским” вопросам, то выяснилась разность взглядов.

Делегат называл закон 9-го ноября⁴⁹ “мудрым актом”. Крестьяне были иного мнения... Он стоял за косвенные налоги. Крестьяне на своих спинах чувствуют тяжесть этих налогов.

В конце концов делегат, не добившись соглашения, должен был уехать в Петербург ни с чем⁵⁰.

Сложно сказать, кто был этим делегатом. Дело в том, что 28 июля 1911 г. Васильев, скрывавшийся под фамилией Игнатъев и работавший на тот момент секретарем редакции газеты «Ярославские новости», был разоблачен, арестован и 8 августа отправлен в распоряжение начальника тобольского жандармского управления⁵¹. Вполне возможно, Васильев заезжал в Москву перед арестом. Также может быть, что этим делегатам был журналист и поэт Д.Н. Вергун, как раз в то время занимавшийся созданием национал-демократического кружка в Санкт-Петербурге и опубликовавший «московскую программу» в своем сборни-

⁴⁸ Т.В. Локоть (1869–1942), профессор, общественный деятель, депутат I Государственной Думы, редактор газеты «Киев», лидер киевского кружка национал-демократов. (Подробнее см.: *Иванов А.А.* Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение. 2008. №3 (17). С. 75–80.) Прямых свидетельств о том, что Локоть, близкий в то время к лидерам «Союза 17 октября», был членом структуры Васильева и Желудкова, нам найти не удалось. Скорее всего, они использовали его фамилию по той причине, что она была хорошо известна общественности и ассоциировалась с идеей национал-демократии.

⁴⁹ Имеется в виду указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., положивший начало столыпинской аграрной реформе.

⁵⁰ А.П. В крестьянском союзе // Русское слово. 1911. 9 августа. №182. С. 2.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 5 ч. 94 л. Б. Л. 45.

ке «Ладо». Несомненно, что Васильев и Вергун были знакомы, но надежных источников, подтверждающих принадлежность последнего к РННС (РНДС), у нас нет. По сути, арест Васильева поставил крест на всех планах по созданию национал-демократической партии летом 1911 г. Правда, был выработан партийный устав, но его не подали на регистрацию «по некоторым обстоятельствам»⁵².

Понять дальнейшие события помогает перлюстрированное полицейей письмо, отправленное Желудкову 3 января 1912 г. Письмо было написано Матвеем Львовичем Горшковым (псевдонимы «Горин», «Остриков»), тоже печатником, бывшим наборщиком «Финляндской газеты» и членом группы Васильева и Желудкова в 1905 г. Он сообщал следующее: «Петр пишет, что ты поступил по отношению к нему очень легкомысленно, и если бы ты пожелал нажать на графа, то граф бы выхлопотал ему легализацию; а затем пишет, что ему надоело 7 месяцев ждать милости и он спрашивает, надо ли ему рассчитывать на легализацию или нет. Он чувствует свое ложное положение в ссылке и ему неловко перед публикой. Вообще парень совсем повесил нос, и я думаю, что тебе не грех бы было написать ему письмо с видами на будущее, как оно тебе рисуется»⁵³. Вряд ли могут быть какие-то сомнения по поводу того, что «граф» — это В.А. Бобринский, с которым Желудков поддерживал контакты в это время⁵⁴. Одновременно

Горшков сообщал о перспективах русской национал-демократии в Финляндии: «Говорил я здесь и пропагандировал идею национального возрождения России. Увы, пустота. Две противоположности здесь. Одна — жми-дави, другая — не тронь. С типами, подобными нашим, очень трудно говорить, и я уверен, что национальные течения здесь не привьются. Только раз по введении закона об уравнивании прав русских с финнами может что-либо выйдет. Тогда скажется неопределенность закона и его трудная приемлемость, и раз потребуется урегулировать закон с жизнью, я думаю тогда и надо будет пропагандировать партийное слияние и отстаивание интересов обывателей через партию. Может быть, этот закон раскачает офинившихся и даст толчок к пробуждению национализма, а пока что мертвая зыбь и поголовное пьянство доминируют над головами русских людей в Финляндии»⁵⁵. Стоит отметить, что и Горшков был выходцем из кружка петербургских печатников. Будучи мещанином г. Самары, в 1905 г. он «наблюдался <...> по сношениям с членами партии социалистов-революционеров», а к началу 1910-х гг. «как член Русского отделения при Финской социал-демократической партии состоял некоторое время под негласным наблюдением»⁵⁶. У него были и более серьезные проблемы с законом: так, с 19 декабря 1905 г. по 24 января 1906 г. он «содержался в Доме предварительного заключения, но по какому делу, сведений не имеется»⁵⁷.

⁵² К регистрации национал-демократической партии // Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. СПб., 1914. С. 114.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 533. Л. 46.

⁵⁴ Подтвердить знакомство Бобринского и Желудкова в какой-то степени могут слова Н.И. Нестерович, допрошенной по делу «национал-социалистов»: «Я знаю Желудкова, но имени и отчества не знаю, так как с ним встречалась только два раза: на вокза-

ле Брестской железной дороги когда провожала депутата Клофача, а затем в зале Синодального училища на лекции о Холмской Руси. Там был и граф Бобринский, Владимир Алексеевич» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 767. Л. 26).

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 533. Л. 46.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. Д. 36 (1912 г.). Л. 11–11 об.

⁵⁷ Там же. Л. 11 об.

Еще одно интересное письмо было обнаружено в 1913 г. при обыске у «нелегала» В.М. Сокварелидзе в Томске. Написано оно было типографским работником из Санкт-Петербурга А.Ф. Севастьяновым и адресовано бывшему члену Совета рабочих депутатов И.Л. Гольнскому⁵⁸. Севастьянов сообщал следующие новости «из питерского движения»: «Из старых “борцов” многие сделались хозяевами, управляющими, а из соц.-дем. — яркими черносотенцами»⁵⁹. Он описал кратко всех общих знакомых: Горшков — хозяин типографии в Гельсингфорсе, Васильев-Северянин — секретарь Национального клуба в Петербурге, Желудков — секретарь книжного магазина в Москве⁶⁰. Действительно, в конце 1912 г. Васильев вернулся из ссылки⁶¹ и, если верить словам Севастьянова о его трудоустройстве, высока вероятность того, что помощь в освобождении и получении работы в Национальном клубе В.А. Бобринский все-таки оказал. После 1912 г. пути Васильева и Желудкова окончательно расходятся, и попыток объединить бывших печатников на базе национал-демократических идей они больше не предпринимают. Дальнейшая судьба их сложилась по-разному.

К началу Первой мировой войны Желудков разбогател, стал совладельцем издательства «Труд» и типографии, приобрел дом на Якиманке⁶². Интересно отметить, что 17 сентября 1917 г. он присутствовал на учредительном собрании созданной П.Б. Струве Лиги русской культуры⁶³. В 1919 г. его

типография была национализирована⁶⁴. В 1920–1921 гг. служил в Главполитпросвете и газете «Гудок», с объявлением НЭПа организовал кооператив «Печатный техник», взял в аренду свою бывшую типографию, затем взял в аренду еще одну типографию (бывшую «печатню Яковлева»). В 1928 г. во второй раз остался без своего предприятия, и в последующие годы работал полиграфистом-конструктором в Мосполиграфе и консультантом Всероссийского полиграфического объединения, занимаясь разработкой единой методологии составления прейскуранта за типографскую работу⁶⁵. 7 декабря 1930 г. был арестован по делу так называемого «Союзного бюро ЦК РСДРП» и обвинен в «контрреволюционной деятельности». Самому Желудкову вменялось в вину то, что он сознательно сдавал свою квартиру для собраний подпольной меньшевистской организации и хранил у себя газету «Социалистический вестник», прокламации и листовки⁶⁶. Однозначного мнения по поводу этого процесса нет, но скорее всего вряд ли можно говорить о существовании подпольной меньшевистской организации в СССР в конце 1920-х гг. По всей видимости, Желудкова просто назначили на роль содержателя явочной квартиры и заставили выучить показания⁶⁷. 25 апреля 1931 г. он был приговорен к десяти годам заключения с конфиска-

ба пророка в России. СПб.: Акрополь, 1999. С. 73.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. А-44. Оп. 13. Д. 631. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же; *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. С. 393.

⁶⁰ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М.: Советское законодательство, 1931. С. 152–155.

⁶¹ *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. С. 12, 21.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. Д. 266 (1913 г.). Л. 2–3.

⁵⁹ Там же. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Л. 3.

⁶¹ ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9703. Л. 61.

⁶² *Меньшевистский процесс 1931 года*. Сб. документов: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 393.

⁶³ *Дойков Ю.В.* А.А. Евдокимов: судь-

цией имущества⁶⁸. Не совсем понятно, что происходило с ним в заключении, которое он отбывал на стройке Беломорско-Балтийского канала, но 20 сентября 1937 г. он был осужден тройкой при НКВД КАССР по статье 58–6 («шпионаж») и вскоре, 28 сентября 1937 г., расстрелян в лесном урочище Сандармох, находящемся в Медвежьегорском районе Карелии. Реабилитирован в 1955 г.⁶⁹.

Васильев с конца 1912 г. жил в Петербурге, редактировал газеты «Славянин» и «Славянское дело», сотрудничал в ряде других изданий⁷⁰. В конце 1913 г. стал сотрудником еженедельника «Дым Отечества», который в тот момент находился на пике популярности благодаря близости к Г.Е. Распутину. Здесь Васильев вернулся к идее создания партии, познакомив издателя «Дыма Отечества» А.Л. Гарязина с лидером «Независимой группы» в Государственной Думе М.А. Карауловым. На протяжении первой половины 1914 г. Васильев под разными псевдонимами напечатал целый ряд статей, посвященных разработке национал-демократической идеологии, вошел в руководство «Общества имени крестьянина И.Т. Посошкова» и занимался организационным строительством национал-демократической «Народной партии». После начала Первой мировой войны работал редактором газеты «Деловая Россия», посвященной развитию производительных сил России, кооперации и борьбе с немецким засильем. В марте 1917 г. приветствовал Февральскую революцию, провозглашая, что «быстро и легко Великая Россия сбросила с себя иго царизма и из тисков самодура самодержца и

его сатрапов вырвалась на свободу»⁷¹. Тогда же был избран в петроградский Совет рабочих депутатов⁷². Освобожденный по болезни от военной службы, Васильев некоторое время работал в кооперации. С октября 1919 по 1921 г. находился в расположении Красной армии в качестве продовольственного агента и художника. Затем снова работал в кооперации, собирал материалы по истории профсоюзного движения, занимал должность корректора в типографии⁷³. В партию так и не вступил, хотя и о своих национал-демократических взглядах старался не вспоминать, говоря о том, что в 1910-е гг. «работал журналистом, участвуя в кооперативной и общей прогрессивной печати»⁷⁴. В июле 1938 г. был арестован НКВД; в октябре 1939 г. освобожден за прекращением дела, но при этом лишен персональной пенсии республиканского значения⁷⁵. В 1939–1941 гг. занимался культурной работой при Клубе для пенсионеров. За свою деятельность в период войны удостоен медалей «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁷⁶. С 1942 по 1946 г. был председателем Кассы взаимопомощи пенсионеров Петроградского района. Уйдя с работы по состоянию здоровья, собирал материалы по истории печатного дела⁷⁷. Скончался 8 ноября 1953 г.⁷⁸.

Матвей Горшков во время революции 1917 г. вернулся к меньшевикам. В марте был избран в члены Совета де-

⁷¹ Новгородский П.В. [Васильев П.В.]. Новая жизнь // Деловая Россия. 1917. 12 марта. №104. С. 1.

⁷² 1905. Воспоминания членов СПб Совета рабочих депутатов. С. 156.

⁷³ ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9703. Л. 62.

⁷⁴ Там же. Л. 71.

⁷⁵ Там же. Л. 97–98.

⁷⁶ Там же. Л. 24.

⁷⁷ Там же. Л. 25.

⁷⁸ Там же. Л. 16.

⁶⁸ Там же. Кн. 2. С. 391.

⁶⁹ Поминальные списки Карелии, 1937–1938. Уничтоженная Карелия. Ч. 2: Большой террор. Петрозаводск, 2002. С. 951.

⁷⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1694. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

путатов Гельсингфорса и редакционной коллегии газеты «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов». 12 апреля он фактически взял в свои руки редакцию, где и отстаивал точку зрения меньшевистской фракции Совета и местного комитета партии. Баллотировался в Учредительное Собрание от Петрограда по спискам РСДРП (объединенной). Дальнейшая судьба неизвестна⁷⁹.

Степан Цорн состоял в меньшевистской партии до 1922 г. В 1917 г. был избран товарищем председателя городской думы Екатеринослава от Совета рабочих депутатов. В 1924 г. ему было отказано во вступлении во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев⁸⁰, по всей видимости, по причине меньшевистского прошлого. Дальнейшая судьба неизвестна.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что программа «московского кружка национал-демократов» была продуктом деятельности небольшой группы бывших профсоюзных деятелей. Граф В.А. Бобринский, а тем более Всероссийский национальный союз как партия, несмотря на обвинения и справа, и слева, прямого отношения к данной программе не имели и под ней никогда не подписывались. Скорее всего, граф Бобринский оказывал определенную протекцию национал-демократам, не разделяя при этом в полной мере их идей.

По сути, это был проект социал-либеральной и в то же время русской национальной партии, попытка создания своеобразного «русского национального меньшевизма», если мож-

но так выразиться. П.В. Васильев, И.З. Желудков и ряд других выходцев из меньшевистской среды пытались создать организацию, которая одновременно занимала бы умеренно левые позиции в экономике (находясь между меньшевиками и кадетами) и умеренно правые в национальном вопросе (между октябристами и националистами). По всей видимости, национал-демократов не устраивал интернационализм меньшевиков и их относительный радикализм, а будущее они видели в легальной национальной социал-демократической партии, которая бы отстаивала в первую очередь интересы русских крестьян и рабочих. На тот момент реализация такой идеи вряд ли была возможна — не было ни финансовых, ни информационных ресурсов, а об их деятельности сегодня мы можем узнать лишь благодаря сборнику «Ладо» и архивам полиции.

Приложение

Проект платформы, объединяющей русских народных националистов (1911 г.)⁸¹

1. Народные задачи и национальная политика

Россия — государство национально-русское, единое и неделимое. Господствующая культура — русская и

⁷⁹ Семенова Т.А. Горшков Матвей Львович // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 г. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/15.htm> (дата обращения 28.10.2014).

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3186. Л. 5.

⁸¹ Текст приводится по экземпляру, хранящемуся в РНБ (Проект платформы, объединяющей русских народных националистов. М., 1911), и сборнику «Ладо» (С. 175–179). В сборнике «Ладо» данный текст фигурирует под двумя названиями: «Проект платформы, объединяющей русских народных националистов» (в статье М.Я. Баясного), «Проект платформы национал-демократов» (в оглавлении). Стоит также отметить, что в варианте программы, приведенном в «Ладо», отсутствует последний параграф, в котором говорится о способах борьбы за проведение реформ.

государственный язык русский. Населяющие Россию нерусские нации имеют возможность развивать свою местную культуру. Обучение русскому языку обязательно во всех инородческих школах со 2-го или 3-го года обучения.

Русская нация во всех ее ветвях одна и неделима. Коренное русское население Западного края должно вновь стать экономически и культурно хозяйником на своей русской земле.

Общие национальные интересы вызывают необходимость тесного национально-культурного единения с зарубежной Червонной Русью.

Широкое покровительство русскому национальному искусству и творчеству является заботой русского государства.

Историческими задачами России являются укрепление своего культурного влияния в Азии и активная политика на Славянском востоке.

Для выполнения этих исторических задач Россия должна быть сильна и могущественна: необходимо воссоздание боевого флота, усиление технической части армии и развитие военного воздухоплавания.

Достоинство России требует также неукоснительной энергичной защиты интересов российских граждан, проживающих вне России. Нужен тщательный и целесообразный подбор дипломатического и консульского персонала.

2. Польша, еврейский вопрос и Финляндия

Введение местного областного самоуправления в Польше в этнографических границах польского народа, т. е. с выделением Холмской и Подляшской Руси в коренную русскую Холмскую губернию и обособлением Сувалкской губернии, как населенной литовским народом.

Русский язык обязателен в официальных учреждениях Польши наряду с польским языком и преподается

в польских школах начиная с 3-го года обучения.

В видах государственных необходимо снятие черты еврейской оседлости.

Экономическая борьба коренного русского населения с инородцами возможна лишь посредством создания национальных экономических организаций: артелей, кооперативов, союзов и проч.

Русские, проживающие в Финляндии, пользуются действительным равноправием с финляндскими уроженцами.

Государственные интересы России требуют: уничтожения финляндской таможни и перенесения ее на шведскую границу, введения в Финляндии русской монеты, соединения финляндских железных дорог с имперскими, введения обязательного русского языка в официальных учреждениях Финляндии, наряду с финским языком, и преподавания его в финских школах с 3-го года обучения.

Привлечение финляндцев к отбыванию воинской повинности наряду с русскими, участие Финляндии в общих по Империи расходах.

Избрание депутатов от финляндского населения в Государственную Думу посредством разделения страны на избирательные округа. Избрание депутатов в Государственный Совет от финляндского сейма.

3. Государственное устройство и управление России

Конституционная монархия, причем дальнейшее развитие представительного строя должно происходить в порядке, предуказанном основными Законами. Правовые начала должны лежать в основе деятельности всех государственных учреждений и таким путем входить в народное сознание.

Законодательные учреждения: Государственная Дума и Государственный Совет.

Необходимо расширение бюджетных прав Г. Думы.

Введение всеобщего равного и тайного избирательного права для выборов в Г. Думу (в губерниях Западного края с *обязательным* голосованием).

Выборы членов в Государственный Совет также и от крупных городов.

Насущной потребностью и залогом успешного национального и государственного развития России является:

Снятие всех исключительных положений в стране и установление нормального порядка управления с соблюдением строгой законности.

Неприкосновенность личности и жилищ.

Уничтожение административной ссылки, вносящей разложение и дезорганизацию как среди администрации, так и среди местного населения.

Свобода слова, печати, союзов, собраний — с установлением ответственности только по суду.

Уравнивание всех сословий перед законом и судом.

Ответственность административных лиц перед общим судом.

Реформа паспортной системы и государственной полиции (отдельного корпуса жандармов), особенно же охранного отделения.

Уничтожение ремесленного и мещанского сословий.

4. Местное самоуправление

Распространение на все местности России, Кавказа и Сибири земского и городского самоуправления, с обеспечением на окраинах интересов русского меньшинства.

Скорейшее удовлетворение ходатайств жителей крупно-населенных пунктов о предоставлении им городского самоуправления.

Реформа положения о земском и городском самоуправлении. Расширение избирательных прав местного населения. Распространение выборных прав на женщин. Введение всеобщего равного и обязательного избирательного права при выборах в городские и земские самоуправления, предвари-

тельно в местностях с преобладающим русским населением.

Передача некоторой части государственных налогов земствам и городам. Содействие со стороны государства городам и земствам в их культурной работе.

Реформа городской и сельской полиции. Передача ее в ведение местного самоуправления, предварительно в местностях с преобладающим русским населением.

5. Армия и воинская повинность

Необходимо сокращение срока военной службы в армии до 2-х лет и вместе с тем отмена льгот по образованию.

Отмена сословных ограничений для поступления в военно-учебные заведения.

Уничтожение института денщиков с заменой — выдачею офицерам денежного вознаграждения на наем прислуги.

Установление прогрессивного налога на лиц, не отбывающих воинской повинности.

Решение вопроса об евреях и духоборах в армии.

6. Религия и Церковь

Свобода вероисповеданий.

Православная церковь имеет за собою исторические заслуги по созданию и развитию русской национальной культуры и русского национального государства. Полное просвещенное внимание нуждам православной церкви.

Восстановление прихода, проведение начал выборности в церковной иерархии и созыв церковного собора.

7. Суд

Действительная несменяемость судей.

Изъятие из ведения жандармов политического следствия и передача его суду.

Уничтожение судебных функций земских начальников.

Распространение суда присяжных и института мировых судей на те губернии и области, кои этого лишены.

Отмена смертной казни (кроме театра военных действий). Отмена телесных наказаний для преступников.

8. Народное образование.

Немедленное введение всеобщего народного образования с 4-летним курсом и густой сетью 2-классных школ.

Поощрение частной инициативы в деле устройства школ и культурных организаций.

Насаждение низшего и среднего ремесленного механико-технического, сельскохозяйственного и коммерческого образования.

Увеличение числа специальных высших учебных заведений. Уничтожение служебных привилегий, даваемых высшей школой.

Введение в школах (низших и средних) сокольской гимнастики.

С целью развития у юношества национального чувства и патриотизма необходимо обратить особое внимание на пересмотр учебников с целью ознакомления детей с родиной и ее историей. При содействии государства, земств и городов должны быть устраиваемы для учащихся экскурсии и поездки по России и в славянские земли.

Автономия высшей школы в вопросах преподавания.

9. Культурные и экономические задачи

Охранение народного здоровья. Субсидии земствам и городам на борьбу с эпидемиями. Привлечение населения к самодеятельности в деле защиты народного здоровья. Борьба с пьянством.

Расширение сети шоссейных и железных дорог, почтово-телеграфных сообщений и междугородных телефонов. Устройство подъездных путей. Упорядочение водяных сообщений и устройство внутренних каналов.

Борьба с пожарами в деревне. Урегулирование жилищного вопроса в

городах. Развитие потребительных обществ, промышленных товариществ и кредитных учреждений.

Содействие развитию русской торговли и промышленности. Выполнение заказов военного и морского ведомств в России и из русских материалов.

Пересмотр таможенного устава в целях содействия гармоническому развитию торговли, промышленности и сельского хозяйства в России.

Пересмотр устава об акционерных обществах в смысле приспособления его для развития мелкой промышленности. Явочный порядок учреждения акционерных обществ.

В целях ограждения интересов населения от искусственного поднятия цен на продукты — контроль государственной власти над деятельностью союзов предпринимателей (синдикатов, картелей).

Введение прогрессивного подоходного налога.

10. Крестьянский вопрос и переселение

Развитие частной мелкой земельной собственности.

Содействие переходу крестьян на отруба и хутора. Содействие крестьянскому землеустройству.

Льготная распродажа мелкими участками земельного фонда Крестьянского Банка.

Сосредоточение агрономической помощи в руках земства.

Широкое развитие мелкого кредита и сельскохозяйственных обществ и коопераций.

Упорядочение положения сельскохозяйственных рабочих.

Рациональная и усиленная колонизация наших окраин. Бесплатное наделение переселенцев землей. Устройство на местах переселения за счет государства школ, больниц, врачебных и питательных пунктов, проведение дорог, каналов орошения и осушения, устройство складов сельскохозяйственных орудий и семян, агрономиче-

ская помощь и льготные беспроцентные ссуды переселенцам.

11. Рабочий вопрос

Учреждение министерства труда.

Распространение независимой фабричной инспекции на все предприятия с механическими двигателями и ремесленные — имеющие не менее 10 человек рабочих.

Государственное страхование рабочих — с участием в нем рабочих и предпринимателей — на случай болезни, увечья, инвалидности, старости и смерти.

Свобода профессиональных рабочих организаций и экономических стачек.

Установление между рабочими и предпринимателями срочных тарифных договоров.

Организация обязательных — выборов от рабочих и предпринимателей — арбитражных судов.

Законодательная охрана труда и здоровья рабочих, и в особенности охрана женского и детского труда.

Законодательная нормировка рабо-

чего дня в зависимости от существующих различий в условиях промышленности. Скорейшее осуществление 8-часового рабочего дня в тех отраслях труда, где это возможно и допускает иностранная конкуренция.

Установление праздничного отдыха.

Урегулирование положения торговых служащих.

Способы борьбы за проведение реформ, признаваемых русскими народными националистами неотложными и необходимыми для России:

1) Организация политической партии под названием Русский Народный Национальный Союз.

2) Распространение путем устного и печатного изложения политических взглядов народных националистов.

3) Культурная работа народных националистов в общественных организациях, участие по выбору в земских и городских самоуправлениях.

4) Проведение кандидатов партии народных националистов в члены Государственной Думы и Государственного Совета.

rosndp.org — официальный сайт Национально- Демократической партии

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

Владимир Близнеков

ВЕЛИКАЯ ЛИТВА И ИДЕЯ НОВОЙ РУСИ

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЛОДЫ ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОГО ПРОЕКТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Из многочисленных балтийских племен Средневековья в настоящее время существуют только два современных балтских народа — литовцы и латыши. Оба эти народа с большим воодушевлением приняли проект европейской интеграции, по умолчанию считая себя в духовном, политическом и культурном отношении неотъемлемой частью Европы и противопоставляя себя при этом своим восточнославянским соседям — русским, украинцам и белорусам, которые в их глазах до сих пор остаются преимущественно нецивилизованными варварами, не способными принять европейские ценности и нормы. Гордость от принадлежности к европейской идентичности, от членства их государств в Евросоюзе, от собственного европейского гражданства и Шенгена ведет к упорному подсознательному желанию многих представителей литовского и латышского народов цивилизационно отделиться от своих восточнославянских соседей-неудачников, забыть как общее этническое, языковое, культурное родство, так и совместное историческое и политическое прошлое, значение которого трудно переоценить.

Балты и славяне — общие корни

Современная историческая наука говорит о балто-славянской этнической, языковой и религиозной общности, существовавшей в Восточной

Европе с I тысячелетия до н.э. Около двух тысяч лет назад постепенно происходит процесс разделения общей этнической общности на два этноса — балтов и славян, причем значительная часть племен обоих «новых» этносов продолжает жить по соседству друг с другом, так что на протяжении I тысячелетия н.э. имела место взаимная ассимиляция обоих родственных этносов — в первую очередь славянизация балтов, но также была возможна и балтизация славян.

Засвидетельствованное историками ближайшее этническое родство славян и балтов в полной мере подтверждается современными генетическими исследованиями. Так, по результатам современных российских генетических исследований двух групп русских популяций — северной и центрально-южной — было выявлено наиболее сильно выраженное сходство всех популяций русского Севера с балтами, а не с финно-уграми, как считалось ранее, в то же время подавляющее большинство русских популяций Центра и Юга России генетически практически идентичны белорусским, украинским и польским популяциям¹.

Современные балтские народы име-

¹ См. *Oleg Balanovsky a.a. Two Sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context / Am J Hum Genet // 2008. T. 82. №1. С. 236–250.*

ют не только близкородственное этническое происхождение с восточными славянами, но и общую политическую и культурную историю существования в одном государстве. Если для латышского народа это была только двухсотпятидесятилетняя история общего существования в составе Российской империи и СССР, то для литовского народа, кроме того, еще имела место и совместная более чем пятисотлетняя история существования Литвы и Руси в едином государстве — Великом княжестве Литовском (далее ВКЛ), сыгравшем чрезвычайно важную роль в политической, национальной и религиозной истории Центральной и Восточной Европы.

Литва и Русь возникли в средневековой Восточной Европе как конкурирующие между собой национальные, политические и религиозные проекты, характеризующиеся сильнейшим взаимным притяжением друг к другу. Так, Русь после монгольского погрома середины XIII века воспринимала Литву как просто другую форму собственного государственно-политического устройства, а Литва, в свою очередь, в политическом отношении представлявшая собой мощное восточноевропейское государство, официально именовавшееся «Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское», открыто претендовала на поглощение всех русских княжеств и желала стать политическим наследником Московского государства, т.е. Державой всея Руси. Эту политическую интенцию уже после присоединения ВКЛ к Российской империи гениально выразил великий литвин Адам Мицкевич, так определив сущность того, что есть Литва: «Литва — в основе та же Русь».

Проблема происхождения этнонима «Литва»

Если мы, как представители русского народа, в подавляющем большинстве знаем или хотя бы имплицитно имеем более или менее правильное

представление о том, чем была и что представляет собой в настоящее время Русь в национальном, политическом, религиозном, историческом, культурном и т.д. отношениях, то вопрос о том, чем являлась в каждом из этих отношений Литва, необходимо достаточно подробно проанализировать, чтобы правильно осмыслить длительное историческое взаимоотношение двух данных восточноевропейских проектов, а также их национальные, политические и религиозные плоды.

Чем изначально являлась Литва? Этот вопрос подобен вопросу: чем изначально являлась Русь? С одной стороны, очевидно, что эти два феномена были подобными друг другу и первоначально не означали ни государство, ни религию. С другой стороны, понятно, что как Литва, так и Русь с самого начала означали некий этнос, а также территорию его проживания, или, соответственно, территорию, на которую он распространил свою власть. И если в случае Руси историческая наука не сумела однозначно доказать этническое происхождение народа Руси и по этому вопросу имеется несколько, хотя и сильно идеологизированных, но все-таки научно обоснованных подходов, то по вопросу этнического происхождения Литвы наука вообще не смогла предложить какой-либо достаточно хорошо верифицируемой научной теории, и поэтому данный вопрос оказался в большой степени политически и идеологически ангажированным. Поскольку этим вопросом занимались в первую очередь литовские и белорусские историки, то их подходы по сути кардинально отличаются друг от друга и оба ориентированы на «привязку» происхождения Литвы к современной литовской или соответственно белорусской территории, а также к поиску доказательств преимущественно балтского или соответственно славянского этнического происхождения народа Литвы.

Литовские исследователи послед-

них десятилетий предпочитали искать истоки происхождения этнонима «Литва» в гидронимах на территории современной Литвы, утверждая, что для балтских народов характерна следующая модель происхождения этнонимов: гидроним → название края → этноним. Наиболее обоснованной версией литовских ученых является подход литовского историка К. Кузавиниса, который полагает, что начало для названия Литва (лит. *Lietuva*) дал гидроним *Lietáuka* — правый приток реки Виляя (лит. *Neris*). Эта небольшая речка находится недалеко от Кярнаве — одного из главных политических центров древнего литовского государства. Кузавинис считает, что владельцем местности Кярнаве, в 35 км к северо-западу от Вильнюса, был князь Рингаудас — отец основателя Литовского государства Миндаугаса (Миндовга).

Для современных литовских политиков и ученых в целом характерна упомянутая выше, явно политически ангажированная интенция цивилизационно отделиться от своих недостаточно европеизированных восточнославянских соседей, прежде всего белорусов, открыто претендующих на первенство в создании и развитии совместного балто-славянского проекта ВКЛ, и поэтому любой ценой доказать приоритет балтийского этноса и современной территории Литвы в истории генезиса народа Литва и политического процесса государства ВКЛ.

Напротив, современные белорусские историки и публицисты предпочитают видеть источник происхождения Литвы на территории современной Западной Белоруссии, так называемой Черной Руси, и Восточной Литвы — Аукшайтии. В их представлении территориально «Литва» — это клин, идущий по диагонали из современной Западной Белоруссии в современную Восточную Литву. В свою очередь, современная Западная Литва — Жемайтия не являлась изначально «Литвой», так же как не была Литвой и современ-

ная Восточная Белоруссия — земля кривичей.

Кривичи — один из самых крупных племенных союзов Руси, были, по мнению одних историков, славянами, по мнению других — славянизированными балтами, имеющими балтский субстрат и славянскую доминанту. Кривичи обитали в VIII–XII веках на территориях современной Витебской, Могилёвской, Минской, Тверской, Смоленской, Псковской, частично Московской, Новгородской и Ярославской областей, а также восточной Латвии. Главные города кривичей — Псков, Смоленск, Тверь, Полоцк, Витебск, Минск, Могилев. Этот племенной союз Руси являлся ближайшим соседом Литвы, первоначальная территория которой, по мнению белорусских исследователей, располагалась к западу от кривичских Минска и Логойска и к северу от кривичских Полоцка и Витебска.

Современные белорусские историки, в отличие от литовских, смогли предложить также две интересные, хотя и недостаточно научно обоснованные версии этнического происхождения народа Литвы.

Согласно первой из них, Литва была изначально балтским этносом, возникла на территории ятвягов в Черной Руси и по сути являлась производной от искаженного названия балтского племени ятвягов — «ятва» — «литва». По данной гипотезе Литва появилась, когда ятвяги сошли с исторической арены после похода великого князя Руси Владимира Красное Солнышко на «ятву» в X веке и подчинения «ятвы» Руси. Поход Руси на ятвягов в древнерусских летописях появляется под 983 г. Хотя хронологически эта версия подтверждается тем, что впервые название «Литва» письменно зафиксировано в Кведлинбургских анналах под 1009 годом и можно было бы предположить, что Литвой стала часть не покорившихся Руси ятвягов. Но русские летописи умалчивают о факте присо-

единения ятвяжской земли к Руси, а более поздние летописи XI–XII веков повествуют о новых и новых походах Руси на ятвягов. Кроме того, название «ятвяги» отнюдь не исчезает с появлением в начале XI века название «Литва», и на протяжении еще нескольких веков после этого названия «Литва» и «ятвяги» вместе появляются в летописях и исторических хрониках.

Другая гипотеза этнического происхождения Литвы, которая присутствует у некоторых белорусских исследователей, исходит из возможности того, что Литва могла получить свое название во время исхода полабских славян — лютичей — с территории современной Восточной Германии в X–XII веках. Литва заявляет о себе как об этносе и политическом образовании именно в период миграции лютичей из бассейна Эльбы под давлением германских саксов и переселения части из них на территорию Черной Руси и современной Аукшайтии. Согласно данной гипотезе, на территории современных Западной Белоруссии и Восточной Литвы в X–XII веках проживало славянское племя велетов-лютичей, вытесненное германскими племенами с территории современных немецких федеральных земель Мекленбург — Передняя Померания и Бранденбург. По некоторым историческим данным, город Вильно был крепостью лютичей и изначально назывался Вильда, что собственно и означало «крепость».

Само название «лютичи» толкуется из праславянского как «лютые, злые, жестокие», этот этноним однозначно подчеркивает храбрость, воинственность и свирепость этого западнославянского племени. Средневековые германские хроники сохранили огромное количество свидетельств жестокой борьбы лютичей с германским натиском на восток, на земли полабских славян. С конца VIII века вплоть до середины XII века, т.е. на протяжении почти четырехсот лет лютичи вели жесточайшую, непримиримую вой-

ну с германской экспансией на их земли. Из всех полабских славянских племен только лютичи вызывали у германцев неподдельный ужас. Предельное отчуждение лютичей от германцев было вызвано не только их славянской культурой и патриотизмом, но и их страстной приверженностью к собственной языческой религии со святилищами в городах Ретра и Аркона, до основания разрушенных германскими крестоносцами. В глазах германцев лютичи были жестокими и фанатичными язычниками, не признававшими никаких компромиссов с завоевателями, что и обусловило большую трудность, почти невозможность их ассимиляции в германскую культуру после постепенного захвата их земель Священной Римской империей германской нации в X–XII веках. Если другие племена полабских славян после оккупации их земель германцами выражали им повиновение, принимали христианство от германских священников и сразу же давали своим детям германские имена, что означало их тотальную ассимиляцию, то для лютичей оставался один путь — миграция на юг и на восток. Согласно сохранившимся историческим свидетельствам, основные волны миграции лютичей шли на юг в направлении Чехии через земли их соседей, лужицких сербов, и на восток — в будущую Литву через земли их соседей — поморян.

По мнению группы белорусских историков, переселенцы-лютичи получают на новом месте от их славянских и балтских соседей имя «литва» как искажение их традиционного славянского именованья «лютва» и вместе с ятвягами и кривичами принимают участие в создании Великого княжества Литовского. В поддержку этой гипотезы говорит некоторая преемственность характера этноса Литвы по отношению к лютичам. Литву, так же как и лютичей, отличали беспредельная храбрость и воинственность, ненависть к германцам и их страстная при-

верженность народной языческой религии. Если принять гипотезу этнического происхождения Литвы от лютичей, то жесточайшую перманентную войну ВКЛ с немецкими крестоносцами на протяжении более 200 лет, с начала XIII века и вплоть до Грюнвальдской битвы 1410 года, можно рассматривать как продолжение 400-летней этнической и религиозной войны лютичей с германцами.

В соответствии с «лютичской» гипотезой происхождения Литвы придется признать, что, придя на землю будущей Литвы, эмигранты-лютичи поселились на первоначально балтских землях, а кривичи как славяне или соответственно славянизированные балты были их соседями. Как упоминалось выше, в силу общего происхождения балтов и славян процесс ассимиляции этих этносов мог идти в обоих направлениях. И если в истории этого периода много говорится о славянской ассимиляции балтов, наиболее ярким примером которой считается появление кривичей, то ясно, что вполне вероятен был и обратный процесс, когда славянские переселенцы-лютичи на балтийских землях по каким-то причинам могли принять балтскую ассимиляцию. Основной причиной такого исхода могло быть то, что балты не были включены в преимущественно славянское государство Русь, поэтому славяне-лютичи политически и культурно должны были ориентироваться на своих «сородичей» балтов, а не на соседей — славянских кривичей.

Литва и кривичи

Тем не менее некоторые исследователи полагают, что первое знакомство этносов Литвы и кривичей произошло отнюдь не на территории будущей Великой Литвы в X–XII веках, но имело место уже на исторической родине полабских славян. По одной из авторитетных точек зрения, славянские предки кривичей пришли на Русь, проделав, начиная с V века н.э., дол-

гий путь от Дуная в районе озера Балатон в направлении на север на территории современных Чехии и Польши и далее до Одера, так что значительная часть предков кривичей расселилась в VI–VIII веках н.э. на территории полабских славян, и их соседями были лютичи. Но из-за натиска германских племен кривичи уже в VIII веке начали переселяться на восток в бассейны рек Неман, Виляя и Западная Двина, а в последующие годы и далее на Восток, на будущие земли их племенного союза. Мигрируя под натиском германцев на новые места по времени раньше лютичей, кривичи заняли огромные территории по Западной Двине, Верхнему Днепру и Верхней Волге, населенные балтскими племенами. Ассимиляция автохтонного балтского населения привела к формированию политического племенного союза кривичей.

Поэтому с большой вероятностью ни кривичи, ни Литва не были однородными славянскими или соответственно балтскими племенами, а были в разной степени смешением обоих этносов, но в случае кривичей этническим субстратом были балты, а в случае Литвы — славянская идентичность полабских славян-мигрантов, прежде всего лютичей, была ассимилирована балтской культурой, хотя вполне вероятно, что именно потомки славян-мигрантов образовали правящий слой Литвы.

Данная гипотеза происхождения Литвы многое объясняет в будущей политической, национальной и религиозной истории ВКЛ, поскольку и Литва, и кривичи до образования ВКЛ имели долгую общую историю, они были очень хорошо знакомы друг с другом, имели общую культуру, даже с большой вероятностью общую языческую религию с центром в балтском Ромове, в истории не сохранилось свидетельств о каких-либо войнах или конфликтах между этими этносами до конца X века — времени становления государства Русь. Фундаментом государства ВКЛ стал политический союз

Литвы и кривичей как представителей народа Руси.

Взаимоотношения ВКЛ и Руси до Кривской унии

Великое княжество Литовское возникает в середине XIII века, точнее — в 1252 г. как реакция на бурные политические события первой половины XIII века — прежде всего на экспансию немецких крестоносцев на балтийские земли и монгольское нашествие на Русь. Прошлые взаимные притяжения Литвы и Руси, основанные на общем этническом происхождении и взаимном культурном влиянии, приобретает теперь мощное политическое измерение — оба народа оказываются сильно заинтересованными в обоюдном политическом союзе перед лицом общих врагов — немцев на западе и монголов на востоке. Но разница между политическим статусом этих народов обнаруживается достаточно быстро: Литва — единственный из народов Балтии оказывается способным в жестоких войнах с крестоносцами отстоять свою независимость, а почти вся Русь оказывается либо покоренной Ордой, либо, как Новгородская земля, заключает с Ордой союз. В таких условиях будущий политический союз Литвы и Руси не мог быть равноправным — если Русь не желала выразить полную покорность Орде, она должна была искать себе другого сильного покровителя, реально обладающего политическим суверенитетом и способного отстоять свой суверенитет с помощью военной силы. Именно так и произошло, когда Западная Русь, не желавшая окончательно стать вассалом Орды, стала политически все более и более ориентироваться на Литву, что в конце концов привело к присоединению большинства западнорусских княжеств к ВКЛ.

Политический класс Литвы, со своей стороны, прекрасно отдавал себе отчет в том, что именно вхождение всей Руси в состав ВКЛ является залогом будущего политического успеха государ-

ства. Общая мощь Литвы и Руси в составе единого государства могла бы не только успешно противостоять внешнему врагу как на западе, так и на востоке единого государства, но и могла бы стать своего рода новым рождением погибшей под ударами монголов Киевской Руси, где роль правящей династии Рюриковичей должна была сыграть новая династия Гедиминовичей, а на основе этнического синтеза Литвы и Руси должен был возникнуть новый единый балто-славянский народ, политический суверенитет которого обеспечивало бы мощное единое государство ВКЛ. После тысячелетнего этнического разделения балтов и славян национально-политический проект ВКЛ стал бы своего рода возвращением на круги своя — восстановлением утраченной балто-славянской этнической, языковой и религиозной общности.

Очевидно, что и политический класс Руси сознательно или подсознательно ожидал от рождения государства ВКЛ именно такого сценария. Политический проект ВКЛ виделся русскому боярству в качестве Божьей милости к несчастному народу Руси, ставшему вначале жертвой распри собственных князей-Рюриковичей и разделения единого государства на отдельные суверенные княжества, а затем и жертвой завоевания кочевым азиатским народом. Несомненно, что не только все русское боярство, но и большинство русских князей было готово присягнуть на верность литовским Гедиминовичам, чтобы навсегда избавиться от ужасов ордынского ига и вернуться назад в Новую Киевскую Русь под названием ВКЛ.

Причем в таких ожиданиях русского боярства середины XIII века нельзя видеть измену собственной государственной и национальной идентичности. Князья-Рюриковичи реально утратили после монгольского завоевания Руси государственный суверенитет в своих княжествах. Ожидалось,

что именно Литва поможет им восстановить свой княжеский политический статус. Нельзя также забывать, что национальное самосознание народа Руси в XIII веке по сути еще только начало формироваться. Феодальная раздробленность русских княжеств начиная с середины XII века резко затормозила процесс развития национального самосознания Руси. Русь была в это время для большинства народа еще скорее политической, культурной, религиозной, чем национальной идентичностью. Только к концу XII века из русских летописей исчезают большинство племенных этнонимов, по меньшей мере два из которых — кривичи и голядь — были связаны с балтской этнической общностью. Русь как новая национальная идентичность в начале XIII века сразу же переживает мощную национальную и политическую катастрофу в виде вторжения монголов и завоевания ими всей страны.

Поэтому создание ВКЛ в середине XIII века и ее мощная экспансия на Русь не воспринимались на Руси в качестве нашествия врага и угрозы для государства и народа Руси. И поначалу ВКЛ вполне соответствовала такому образу ее восприятия на Руси.

С самого начала своего возникновения государство ВКЛ возникает в качестве политического объединения балто-славянских племен (литва, ятвяги, полоцкие кривичи). Уже в правление первого великого князя ВКЛ Миндовга (1252–1263) Литва подчиняет себя ятвягов Черной Руси и кривичей Полоцкого княжества, включая города Полоцк, Витебск, Минск. В правление великих князей ВКЛ Витеня (1293–1315) и Гедимины (1316–1341) к ВКЛ была присоединена уже вся территория современной Белоруссии. Великий князь Ольгерд (1345–1377) присоединяет к ВКЛ огромную территорию бывшей Киевской Руси, куда входила почти половина современной Украины вместе с Киевом, а также обширные территории современной России. Про-

цесс экспансии ВКЛ на Русь заканчивает знаменитый правитель ВКЛ Витовт (1392–1430), присоединив к своему государству значительные территории бывшей Киевской Руси, находящиеся на юго-востоке современной Украины, а также Смоленское княжество.

На всем протяжении этого длительного во времени процесса присоединения к ВКЛ всей Западной Руси сама Русь по сути не оказывает ВКЛ заметного сопротивления, поскольку военные походы великих князей ВКЛ на Русь бросают прежде всего вызов суверенитету ордынских ханов над русскими княжествами, хотя и управляемыми, как и прежде, князьями-Рюриковичами, но уже в качестве вассалов Орды. Большинство русских князей, видевших в Литве своего освободителя от ордынского ига, приветствовали экспансию ВКЛ на Русь. Только жестокий разгром Ордой войска ВКЛ под командованием Витовта в битве на Ворскле в 1399 году положил конец продвижению ВКЛ на восток Руси и означал для Витовта конец его мечте о присоединении всей Руси к ВКЛ.

Было совершенно очевидно, что долговременная успешность политического проекта государства ВКЛ зависит прежде всего от эффективности политической, национальной и религиозной интеграции народов Литвы и Руси в единое целое. Достижение внутреннего единства государства и его народа должно было стать абсолютным приоритетом великих князей ВКЛ, все остальные политические цели, препятствующие достижению этого внутреннего единства, должны были быть отодвинуты на задний план. Надо сказать, что почти все великие князья ВКЛ до Ягайло понимали приоритетный характер данной цели в политике ВКЛ и делали многое для ее осуществления.

Великие князья ВКЛ старались любой ценой избегать конфликтных ситуаций во взаимоотношениях подвластного им населения Литвы и Руси.

Они не оказывали никакого политического, национального или религиозного давления на бывшее население русских княжеств, признавших их верховную власть. В ВКЛ в неприкосновенности сохранялась бывшая русская политическая, религиозная и административная организация, только немногие русские земли, присоединенные к ВКЛ еще при Миндовге, стали частью собственно Литвы, получив собственно литовскую политическую и административную систему управления. Подавляющее большинство бывших русских земель по-прежнему управлялось князьями-Рюриковичами, признавшими верховную власть великого князя ВКЛ.

Политический класс Литвы охотно принял более высокую культуру своих новых русских подданных. Западно-русский язык стал официальным государственным языком ВКЛ. Литовская знать стала называть себя боярами по русскому образцу. Столица ВКЛ Вильна являлась преимущественно русским городом.

Хотя собственно этническая Литва оставалась языческой, но ее политический класс, не желавший принимать от немецких крестоносцев католичество, был дружелюбно настроен к православию, которое в отличие от католичества никогда не насаждалось в Литве силой. Переход многих представителей литовских князей и бояр в православие происходил преимущественно по причине их браков с русской знатью, что вело также к усвоению Литвой русского языка, культуры и обычаев.

Таким образом, имел место медленный, но верный процесс ассимиляции Литвы Русью, осуществлявшийся при полном покровительстве великих князей ВКЛ! Великая Литва действительно должна была стать Новой Русью, воскресить Русь Святослава, Владимира Красное Солнышко, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Никто из русской знати не мог в XIII–XIV веках даже и помыслить, какие черные вре-

мена ожидают в будущем Русь в ВКЛ и кто станет виновником того, что ВКЛ превратится в будущем не в Новую Русь, а в нового злейшего врага Руси, и уже в этом качестве через несколько веков будет побеждено Русью.

Кревская уния Ягайло — цивилизационная катастрофа Руси в ВКЛ

Великий князь ВКЛ Ольгерд (1345–1377), захвативший из всех остальных князей Великой Литвы самую большую территорию Руси, был одним из самых горячих сторонников объединения Литвы со всей Русью. По этому поводу он выражался предельно лаконично: «Вся Русь должна принадлежать Литве». Ольгерд совершил три похода на Москву, но так и не смог добиться своей цели военной силой. Видя настойчивость русской политики Ольгерда, великий князь московский Дмитрий Донской в 1377 году разработал очень смелый план, демонстрировавший его выдающийся политический талант. Дмитрий Донской решил договорным путем обратить в православие наследника великого князя Ольгерда Ягайло, с тем чтобы добиться долговременного политического сближения ВКЛ и Москвы.

Хотя некоторые великие князья ВКЛ в прошлом переходили в православие, как, например, второй великий князь Литвы Войшелк (1263–1268) и его зять великий князь Шварн Данилович (1268–1270), и за ними следовало также большое количество ближайших родственников других великих князей Литвы, самих не принявших христианство, в целом переход в православие великих князей и членов их семей оставался в ВКЛ частным делом и никак не должен был влиять на внутреннюю политику государства.

Дмитрий Донской, понимая, что язычество великого князя Литвы остается непреодолимым препятствием для долговременного династического союза ВКЛ с Московской Русью, решил

предложить Ягайло, наследнику язычника Ольгерда, некоторые из детей которого уже приняли православие, публичное обращение в православие за право женитьбы на своей дочери. Причем в случае согласия на этот династический брак Ягайло должен был «...креститься в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди».

Если бы этот план реализовался, Северо-Восточная Русь могла бы объединиться с ВКЛ в одном могущественном православном государстве, навсегда освободиться от ордынского ига и преодолеть политический раскол между Западной и Восточной Русью. Но этому династическому союзу не суждено было состояться, поскольку Москва была разорена в 1382 году ордынским ханом Тохтамышем, снова стала вассалом Орды, и Ягайло сразу же утратил интерес к предложению Дмитрия Донского, так как для него династический союз с Москвой при ее вассальном статусе в Орде стал бы неравноправным.

Вскоре Ягайло получил точно такое же по сути предложение из Польши и навсегда отвернулся от Москвы, поскольку сближение с Польшей не только давало ему шанс на польский королевский престол, но и сулило реальную помощь в борьбе с основным врагом ВКЛ — Тевтонским орденом. По условиям Кревской унии — соглашения о династическом союзе между ВКЛ и Королевством Польским, заключенного 14 августа 1385 года в замке Крево (ныне поселок Крево Сморгонского района Гродненской области Белоруссии), являвшемся наследственным доменом Ягайло, само название которого указывает на связь с племенным этнонимом кривичей, великий князь ВКЛ должен был сам обратиться в католичество и обратиться весь свой народ в римскую веру, предоставить в распоряжение Польши литовские войска и объединить свои земли с Польшей.

Не все условия Кревской унии Ягайло смог выполнить, хотя и безусловно стремился к их выполнению. В частности, он не смог обратиться в католичество весь народ ВКЛ и даже все его боярство, но добился обращения в католичество силой государственной власти только Литвы, остававшейся языческой, а также не смог достичь полного политического объединения ВКЛ с Польшей, хотя сам и получил при этом польский королевский престол.

Кревская уния Ягайло перевернула судьбу народа ВКЛ. В подлинное доверительное взаимоотношение народов Литвы и Руси, стремящихся к достижению внутреннего единства, единой национальной общности в результате унии Ягайло вторгся чужой третий лишний — Польша, которая фактически, выражаясь аллегорическим языком, расторгла состоявшуюся «помолвку» Руси и Литвы и, сама желая «заключения брака» с Литвой, оттолкнула Русь в качестве своего равноправного партнера, «субъекта диалога», с намерением в будущем превратить ее в свою рабыню или соответственно объект своей политической власти. Именно такой фактический смысл имела Кревская уния, навсегда положившая конец мирному сосуществованию народов Литвы и Руси в ВКЛ. Православное население, составлявшее 8/10 жителей ВКЛ, после заключения Кревской унии впервые в истории этого государства почувствовало себя униженным и дискриминируемым. В частности, на Городельском сейме 1413 года были введены серьезные дискриминационные ограничения имущественных и гражданских прав русской знати, сохранившей верность православию. По сути, чтобы стать верноподанным и до конца лояльным гражданином ВКЛ, православный русин должен был теперь отречься от своей веры и национальной идентичности и превратиться в католика-литвина, что было немыслимо для подавляющего

большинства русского народа ВКЛ. Но некоторые представители русского боярства из-за страха потерять свой социальный статус приняли католичество, польско-литовский образ жизни и традиции. После чего они полностью ассимилировались в культуру Литвы, стали литвинами (славянское название народа Литвы) — в качестве своей национальной идентичности. За границей теперь все жители ВКЛ воспринимались уже в качестве литвинов, а не Руси, что выражало их гражданскую или политическую идентичность.

Это означало, что после Кревской унии не Литва должна была быть ассимилирована Русью, а Русь подлежала тотальной ассимиляции со стороны Литвы и Польши. Православная вера в качестве религиозной идентичности Руси после Кревской унии вообще должна была исчезнуть. В стратегическом смысле из всего этого следовало только одно — после Кревской унии Литва уже не может быть Новой Русью, поскольку превратилась в цивилизационный антипод существующей Северо-Восточной Руси, начавшей в этот период свое политическое объединение вокруг Москвы.

Национальная и религиозная идентичность в ВКЛ после Люблинской и Брестской уний

После Кревской унии ВКЛ стало политической марионеткой в руках поляков, открыто использовавших новообращенных ими литовских католиков в своих корыстных политических, национальных и социальных целях. Поляки не только открыто боролись с национальной и религиозной идентичностью русского населения ВКЛ, могущей составить конкуренцию их собственному религиозно-политическому проекту для ВКЛ, но и всемерно старались политически ослабить саму ВКЛ, для того чтобы это государство никогда не могло даже и помышлять о том, чтобы в будущем составить политическую конкуренцию для самой поль-

ской Короны, т.е. собственно польского королевства. Для польского политического класса идея унии с ВКЛ выражала интенцию превращения ВКЛ не в равноправного субъекта, а в зависимый от Польши объект ее собственной политики. Исторические примеры такого неравноправного взаимоотношения Польши и ВКЛ в истории личной унии обоих государств были буквально на каждом шагу. Чего стоит только почти криминальный случай с похищением поляками короны, посланной папой Римским умирающему Витовту, в результате чего ВКЛ так никогда и не обрело более высокий для Европы того времени государственно-правовой статус королевства, навсегда оставшись только Великим княжеством, крепко политически и религиозно привязанным к польской Короне. О том же свидетельствует долговременное препятствие поляками открытию католической архиепископской кафедры в Вильне, чтобы осуществлять свою религиозную власть над литвинами-католиками с помощью церковной кафедры в польском Гнезно. Устранив с помощью Кревской унии своего главного политического конкурента в борьбе за влияние на литвинских князей — русскую православную шляхту, поляки при помощи своего основного политического инструмента — унии — продолжили осуществлять свою политическую, национальную и религиозную экспансию внутри государства ВКЛ.

Заключенная в 1569 году между Польшей и ВКЛ Люблинская уния с польской стороны преследовала цель снятия всех политических барьеров для польской национальной, политической, религиозной и культурной экспансии на всей территории бывшего ВКЛ. Польша и ВКЛ становились теперь официально единым государством — Речью Посполитой, хотя Корона и Великое княжество продолжали сохранять на своей бывшей территории собственную административную

юрисдикцию, ВКЛ обязывалось передать в юрисдикцию Польши так называемое Великое княжество Русское, северная граница которого с ВКЛ почти полностью совпадала с современной границей между Украиной и Белоруссией. Таким образом, именно Люблинская уния положила начало процессу будущего разделения национального самосознания русского населения в ВКЛ и стала краеугольным камнем будущей белоруссизации и украинизации Западной Руси. Кроме того, Люблинская уния создала все политические предпосылки для будущей ассимиляции поляками не только русского, но и литовского населения Речи Посполитой, реализовав введение католичества и польского языка в качестве единственно официальных религии и государственного языка на всей территории единого государства и слияние всех трех основных национальных культур Речи Посполитой — польской, русской и литовской — в единую польскую культуру.

Если Кревская уния стала политическим инструментом ассимиляций Литвой русского населения ВКЛ, то Люблинская уния стала точно таким же инструментом для ассимиляции уже не только русских, но и литвинов, в первую очередь представителей политического класса обоих народов, поляками с целью превращения всего народа Речи Посполитой в единую польскую нацию.

После Люблинской унии в ВКЛ появился любопытный феномен расщепления национальной, религиозной и культурной идентичности, характерный прежде всего для знати как русского, так и литвинского происхождения. Правящее сословие ВКЛ — шляхта — превратилась после Люблинской унии в народ с литвинским национальным самосознанием, польским родным языком и православной либо католической религиозной идентичностью. Понятно, что только религиозная идентичность литовской шляхты

указывала теперь в большинстве случаев на национальную идентичность ее предков, на их принадлежность в прошлом к Руси или Литве.

В отличие от шляхты простой народ ВКЛ русского происхождения чаще всего вообще не нуждался в литвинском национальном самосознании, для него было достаточно религиозной и культурной идентичности — соответственно православной и русской. Понятие «литвин» в ВКЛ в среде простого народа зачастую не имело ярко выраженного этнического содержания, являлось либо гражданской и политической идентичностью населения, либо своего рода культурной идентичностью людей, не желавших принимать, с одной стороны, польскую культурную идентичность по примеру своей шляхты, либо русскую культурную и православную религиозную идентичность. Поэтому литвины в ВКЛ после Люблинской и Брестской уний представляли довольно пеструю картину, особенно в отношении своей религиозной идентичности: католики, протестанты, униаты — литовского и русского происхождения. Само собой разумеется, что людей с польской национальной идентичностью среди литвинов не было. При этом за русскими в ВКЛ до Брестской унии 1596 года признавалось полное право иметь собственную национальную и религиозную идентичность.

Брестская уния 1596 года представляла собой со стороны польского политического класса Речи Посполитой политический и религиозный акт, открыто направленный на полное уничтожение русской национальной и религиозной идентичности на территории всего государства. Понятно, что польская Римо-Католическая церковь желала полного исчезновения православия в Речи Посполитой. Но Брестская уния была не только актом своего рода религиозного геноцида православия, но и актом этноцида русского населения государства. Брест-

ская уния означала тотальную ассимиляцию русских в ВКЛ литвинами и поляками. Именно после Брестской унии большинство бывшей православной шляхты ВКЛ приняло польскую национальную и религиозную идентичность, а большинство простого русского народа приняло униатство и утратило русскую национальную идентичность, хотя и не приняв при этом полностью литвинскую национальную идентичность. По замыслу польских творцов Брестской унии, русский униат из ВКЛ должен был фактически полностью ассимилироваться своей новой религиозной и культурной идентичностью, чтобы он полностью утратил свое русское национальное самосознание. Приняв Брестскую унию, большинство русского населения в ВКЛ было ассимилировано не этнически, а культурно, религиозно и политически. В большинстве случаев русские ВКЛ не приняли литвинской этнической идентичности, но и утратили при этом русскую. Заменой этнической идентичности у них стала религиозная, политическая, племенная и даже региональная. На вопрос: кто вы такие — люди могли ответить: «Мы — католики, православные, тутэйшы, кривичи, литвины, полещуки...»

Гибель русской национальной идентичности в ВКЛ

Этнонациональные плоды трех великих уний — Кревской, Люблинской и Брестской — стали настоящей катастрофой для русской национальной идентичности ВКЛ. Даже после завоевания Российской империей Речи Посполитой и присоединения всей тер-

ритории бывшей территории ВКЛ к России после Второго раздела Польши в 1793 году русская национальная идентичность на этих землях в отличие от православия так и не смогла больше возродиться. Царское правительство Российской империи фактически пошло на компромисс с местной интеллигенцией с конца XIX века, допустив развитие нового белорусского национального самосознания, которое было политически всесторонне поддержано как кайзеровской Германией в годы оккупации Белоруссии немецкими войсками во время Первой мировой войны, организовавшими провозглашение независимости Белоруссии от Российской империи, так и большевистским правительством России, создавшим Белорусскую ССР и поддерживавшим ее право на государственный суверенитет и национальное самоопределение.

Из-за собственной униатской политики с Польшей ВКЛ не стало ни осуществлением идеи Новой Руси, ни новой цивилизационной альтернативой Руси. Политико-религиозный проект ВКЛ привел в конце концов к катастрофе как идею Великой Литвы, так и русскую национальную идентичность в Западной Руси. В настоящее время Литва — это всего лишь маленькая восточноевропейская страна, член Европейского союза, гордящаяся своей новой европейской идентичностью. Отказавшись от своей миссии стать Новой Русью, ВКЛ стало только политическим вызовом, но не подлинной альтернативой Руси. Интенция Великой Литвы так и не достигла своего осуществления.

Василий Молодяков

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ В ЯПОНИИ: СЛОВО И ДЕЛО ОКАВА СЮМЭЙ

Памяти Анны Алексеевны
Коваленко

В японском политическом лексиконе XX века важное место занимают термины *кокка сякайсюги* и *коккасюги ундо*, переводить которые и легко, и трудно. Так, *кокка сякайсюги* обычно переводится как «государственный социализм». Если следовать значению составляющих его иероглифов, это наиболее точный перевод, но применительно к конкретным идеологическим и политическим феноменам он верен лишь отчасти. В отечественной литературе его также переводили как «национальный социализм», что тоже верно, но опять-таки отчасти. Причина в том, что единого явления, будь то доктрина или движение, именуемого *кокка сякайсюги*, не существовало, по крайней мере начиная с 1920-х гг. Одно и то же понятие охватывало два разных учения и два разных политических движения: национальный социализм и государственный социализм существовали в Японии порознь, причем второй фактически выделился из первого. Государственных социалистов (которых было значительно меньше, чем национальных) отличал много больший политический радикализм. Можно сказать, что в Японии государственный социализм стал крайней, популистской и экстремистской формой национального социализма, что со временем привело к их полному размежеванию.

Понятие *коккасюги ундо*, исходя из значения составляющих его иероглифов, следует переводить как «этатистское движение» или «движение государственников», но применительно к конкретным явлениям это не дает требуемой степени точности. Государственниками в той или иной степени были все члены японской правящей элиты, включая сторонников сохранения status quo, в то время как деятелям *коккасюги ундо* был присущ безусловно радикальный, если не прямо революционный характер. *Коккасюги ундо* традиционно переводят как «националистическое движение», что влечет за собой не менее существенную ошибку: в его состав механически включаются не только все национальные социалисты, но и все националисты вообще — от радикалов до охранителей. Поэтому я считаю наиболее корректным и с лингвистической, и с исторической точки зрения перевод «национал-этатистское движение». Сущность *коккасюги ундо* именно в сбалансированном сочетании национальных и этатистских начал, а не в преобладании одних за счет других: соотношение если не 50:50, то 60:40, но никак не 90:10. У разных представителей этого политического и идеологического спектра одни начала могли преобладать, но другие тоже играли существенную роль.

Крупнейшим идеологом и организатором японского национального

социализма был **Окава Сюмэй** (1886–1957), публицист, философ, историк, аналитик и заговорщик. Он не занимал никаких постов в государственном аппарате, но был вхож в «коридоры власти» и оказался единственным частным лицом среди 28 бывших лидеров страны, преданных весной 1946 г. суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ). Окава был успешным администратором и бизнесменом, но отдавал все силы радикальной реформе системы, в которую столь успешно интегрировался, не останавливаясь перед насильственными, революционными методами. Он написал много ученых трудов и преподавал в престижных университетах, но запомнился современникам как публицист и трибун национальной революции. Он считался фанатичным националистом и врагом «белых», но превосходно знал западную культуру и предпочитал строгий европейский костюм традиционному кимоно. С начала 1920-х гг. и до конца Второй мировой войны Окава оставался в числе самых популярных и читаемых авторов японского национализма, хотя не все его сочинения и идеи соответствовали официальному идеологическому и пропагандистскому канону. На скамье подсудимых Токийского процесса он сидел — хоть и недолго — рядом с представителями режима, которые в 1932 г. отправили его в тюрьму как вдохновителя и идеолога антиправительственного мятежа. Тот факт, что победители поместили его в общество бывших премьеров, министров и генералов, показывает, что ему не просто придавалось большое значение, но, возможно, отводилась роль «японского Розенберга». Умелая симуляция душевного расстройства увела невротика Окава со скамьи подсудимых в психиатрическую клинику и избавила от суда. По окончании процесса он без лишнего шума был «прощен» и выпущен из клиники, но не козырял годами, проведенными в заключении, и не изо-

бражал жертву. Издание семитомного собрания сочинений (основательного, но неполного) в 1960-е гг. сделало тексты Окава — многие из которых после войны были изъяты из библиотек и из продажи — доступными для изучения, но его наследие не привлекло того внимания, которое выпало на долю его бывшего друга, а затем соперника — идеолога государственного социализма Кита Икки, казненного в 1937 г. и посмертно прославленного в качестве борца с милитаристским режимом.

Долгое время Окава оставался кумиром маргинальных националистических групп, в основном из числа бывших учеников, а в исторических трудах упоминался «за компанию» с другими «ультраправыми», «фашистами» и «военными преступниками», без различия нюансов и оттенков. Ситуация начала меняться только в 1990-е гг. благодаря работам историка Оцука Такэхиро, показавшего неприменимость к Окава идеологических дихотомий «левый — правый» и «прогресс — реакция»¹. В новом тысячелетии произошел всплеск интереса к его идеям о возрождении и единстве Азии, об экономических корнях японско-американских противоречий, о причинах и неизбежности межцивилизационных конфликтов, о чем он говорил много раньше Хантингтона². Писавшие о нем ученые и литераторы японско-

¹ *Оцука Такэхиро*: 1) Окава Сюмэй то киндай Нихон (Окава Сюмэй и современная Япония). Киото, 1990; 2) Окава Сюмэй: ару фукко какусинсюгися-но сисо (Окава Сюмэй: философия консервативного реформатора). Токио, 1995

² *Сато Масару*. Нитибэй касйэн-но синдзицу. Окава Сюмэй тэ «Бэй-эй Тоа синрякуси» о ёмитоку (Правда о начале японско-американской войны. Читая и комментируя книгу Окава Сюмэй «История американско-британской агрессии в Восточной Азии»). Токио, 2006; *Сэкиока Хидэюки*. Окава Сюмэй-но дайадзиасюги (Паназиатизм Окава Сюмэй). Токио, 2007.

го мейнстрима до сих пор с опаской относятся к *кокка сякайсюги*, хотя именно эта часть идейного и политического наследия Окава является наиболее интересной с точки зрения как интеллектуальной, так и политической истории. В монографии «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (1999) автор этих строк показал, что идеи и деятельность Окава отлично вписываются в общемировую парадигму национального социализма и «третьего пути».

* * *

Сын врача из префектуры Ямагата, Окава принадлежал к старинной и известной, но незнатной семье³. С детства отличался тягой к гуманитарным знаниям и отказался идти по стопам отца, мотивировав это в восемнадцать лет в почтительном «Послании к родителю». Перед поступлением в Пятую высшую школу (аналог колледжа) в Токио Окава решил, что будущей университетской специальностью изберет религиозную философию, а пока активно изучал европейские языки (он неплохо владел английским и французским и как минимум читал по-немецки) и культуру. В юности он оказался под сильным влиянием христианского социализма, позволявшего сочетать социалистические идеи, понимаемые в гуманистическом аспекте, с теизмом (Окава никогда не был атеистом). В годы учения на философском отделении Токийского университета он специализировался по индийской и китайской классической философии, которым позднее посвятил ряд интересных работ⁴, и стал членом «Японской церкви» (Нихон кёкай) и «Общества пути» (Докай). Основатель

«Японской церкви» Мацумура Кайсэки, стремившийся создать «японскую форму» христианства, не противоречащую национальной Традиции, стал его духовным наставником; сведениями о крещении Окава по обряду одной из христианских церквей мы не располагаем. Со временем в его «социализме» стали доминировать этические и религиозные мотивы, что подкрепилось университетскими занятиями и самообразованием. В эти же годы он начал внимательно следить за политическими событиями и серьезно изучать историю и мифологию Японии. Трудно представить, что такой «националист», как Окава, до двадцати пяти лет был едва знаком с древними мифолого-историческими хрониками «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»). Однако это так.

В середине 1910-х гг. во взглядах Окава формируется концепция пан-азиатизма. В конкретной исторической ситуации он считал Японию единственным возможным лидером и руководителем будущей «возрожденной Азии» (фукко Адзия). Относясь с уважением к индийской и китайской культуре (а на раннем этапе признавая их первенство по отношению к японской) и национальному движению в этих странах, Окава понимал, что ни в военном, ни в политическом отношении они не могут повести за собой других — им еще надо «проснуться». Япония уже «пробудилась» во время *Мэйдзи исин* и не только выдержала борьбу с Западом, но, овладев его технологией и не поступившись «японским духом», нанесла ему поражение в лице России. Успех Японии в войне Окава рассматривал не столько как военно-политический или стратегический, сколько как моральный, духовный, видя в нем пример для других азиатских народов в борьбе против «белого империализма». Одним из его вдохновителей стал Рабиндранат Тагор, первый неевропеец, получивший Нобелевскую премию по литературе

³ Биография Окава излагается по его мемуарам «Врата умиротворения» (*Окава Сюзэй. Дзэнсю* (Полное собрание сочинений). Токио, 1961. Т. I. С. 714–878) и книгам Т. Оцука.

⁴ Собраны: *Окава С. Дзэнсю*. Т. III. Токио, 1962.

(1913). Окава познакомился с Тагором в 1916 г., когда тот посетил Японию, и даже выполнял при нем роль переводчика.

Японские впечатления Тагора отразились в его книге «Национализм» (1917) (переведенной на многие языки, включая русский), которая заслуживает внимания не только в контексте нашей темы. Сила Японии, по Тагору, в сочетании древнего и нового, но он неизменно подчеркивал, во-первых, примат духа над материей (если вспомнить формулу времен *Мэйдзи исин*, «японский дух» не отверг «западную технику», но доминировал над ней и одухотворял ее), а во-вторых, сугубую оригинальность пути Японии, несмотря на все внешние заимствования. «Я, по крайней мере, не могу поверить, что Япония стала тем, что она есть, путем подражания Западу... Япония заимствовала для себя у Запада пищу, но не свою природу (т.е. сущность. — В.М.)... Восточная Азия шла по своему собственному пути, развивая свою особую цивилизацию, цивилизацию не политическую, но социальную, не хищническую и механическую, но духовную, основанную на всем разнообразии глубоких начал человеческой природы... Япония, это дитя древнего Востока, дерзко потянулась за всеми дарами современности. Это и было тем, что обнадежило остальной Восток... [Япония] влила надежду в сердце народов всей Азии... Вы (японцы. — В.М.) должны вложить в дело ваше восточное умонастроение, вашу духовную силу... Весь мир ждет, как этот великий народ Востока выполнит обязательства и использует возможности, открытые перед ним современностью»⁵. К каждой из этих цитат можно подобрать аналогичные из сочинений Окава, например, из книги «Проблемы возрождения Азии» (1922). Последнюю он считал в числе

своих важнейших трудов, а заложенные в ней идеи развивал вплоть до последних лет Второй мировой войны.

Другим идеологом паназиатизма этих лет несколько неожиданно оказался француз — поэт и философ-мистик Поль Ришар (1874–1966), который еще до Первой мировой войны отверг европейскую цивилизацию ради восточной и перебрался в Индию, выступая за ее освобождение от английского колониального господства. В 1916–1920 гг. Ришар и его жена Мирра Альфасса — будущая сподвижница Шри Ауробиндо Гхоша и «Мать» его ашрама (духовного центра) в Пондичерри — жили в Японии, которой оба искренне восхищались. Окава стал их близким другом: они долго жили в одном доме, и Мирра Ришар занималась с Окава французским языком — и единомышленником, перевел на японский язык некоторые сочинения Ришара и познакомил его со многими националистами и традиционалистами. С отъездом Ришара из Японии в Индию (где осталась Мирра), а затем в Европу в первой половине 1920-х гг. общение прервалось, однако, работая в 1953 г. над воспоминаниями, натурализовавшийся к тому времени в США философ тепло вспомнил старого приятеля и сам продолжал называть Японию «страной богов». Они успели обменяться несколькими письмами, но возраст и расстояние помешали им еще раз встретиться в этой жизни. После смерти друга Ришар прислал письмо издателям собрания его сочинений, куда вошли переводы его произведений, сделанные Окава⁶.

⁵ Тагор Р. Национализм. Пг., 1922. С. 39–44, 51–52.

⁶ См. воспоминания Ришара, изданные под редакцией и с дополнениями его сына: *Michel Paul Richard. Without Passport: The Life and Work of Paul Richard*. N.Y.–Bern, 1987. См. также: *Оцука Т.* Окава Сюэмэй. С. 73–84, 194–195; *Молодяков В.* Окава Сюэмэй-но сэкай, сэкай-но Окава Сюэмэй (Мир Окава Сюэмэй. Окава Сюэмэй в мире); 2. Окава Сюэмэй то Пору Рисяру (Окава Сюэмэй и Поль Ришар)//

В годы Первой мировой войны Окава из кабинетного интеллектуала, ученого и публициста постепенно превращается в политического активиста. Он познакомился и сблизился с Тояма Мицуру, Утида Рёхэй и другими идеологами радикального национализма, принимал участие в деятельности Кокурюкай («Общество реки Амур», название которого пугающе, но неверно переводили как «Общество черного дракона») и связанных с ним организаций, хотя многие консервативные националисты с подозрением относились к его социалистическим увлечениям, оправданию индивидуализма, знакомствам с «белыми», пристрастием к европейским книгам, костюмам и стилю жизни. На начальном этапе политической деятельности он помогал индийским революционерам, нашедшим приют в Японии, пропагандировал их идеи (скорее всего, именно он первым познакомил японского читателя с биографией и идеями Ганди), издавал на японском и английском их книги и брошюры, выступал с лекциями в их пользу, собирал средства, а порой и переступал закон.

Японский национальный социализм возник не на пустом месте. Идеи и организационные основы *кокка сякай-сюги* заложили два человека — выдающихся, но затененных своими последователями. Они были непохожи друг на друга и, казалось, мало подходили для той роли, которую уготовила им история. Это профессор права Токийского императорского университета Уэсуги Синкити и социалист Такабатакэ Мотюки.

Первый был националистом, традиционалистом и метафизиком, второй пытался создать собственную версию марксизма, снабдив свой перевод «Капитала» критическими комментариями. Уэсуги преподавал на юридическом факультете Токийского университета — «кузнице кадров»

правительственной бюрократии, что обеспечивало ему немалое влияние, и считался восходящей звездой среди правоведов-националистов. Одновременно он читал лекции по конституционному праву в академиях армии и флота и приобрел популярность в военных кругах. Заурядный теоретик оказался энергичным организатором и умелым полемистом, привлекавшим националистически настроенных молодых интеллектуалов. В 1918 г. он основал «Общество по изучению государственной деятельности» (Кэйрин гакумэй), которое просуществовало не более года, но положило начало целому ряду других, в том числе всех основных обществ и школ национального и государственного социализма. Писатель и разведчик Роман Ким в одной из первых советских работ о «японском фашизме» отнес Кэйрин гакумэй к «пассивным фашистам», пояснив, что Уэсуги «прочат на пост отца японского фашизма», но сделал оговорку: «У японских фашистов еще нет видных, популярных лидеров, нет прочного объединения, согласованности действий и какой-либо программы»⁷. Уэсуги вряд ли можно назвать национальным социалистом и консервативным революционером, поскольку он был прежде всего традиционалистом-консерватором, но именно он собрал вокруг себя всех потенциальных союзников, показал общее направление деятельности, а затем сформировал тот круг националистов, который стал активным союзником национальных социалистов. Сам он был равнодушен к идеям национального и государственного социализма, что сделало недолговечным и непрочным его союз с Такабатакэ.

Уже в конце 1900-х гг. Такабатакэ считался видным деятелем социалистического движения, изучал и переводил Маркса, но вскоре пришел к вы-

⁷ Ким Р.Н. О фашизме в Японии // Новый Восток. 1923. № 4. С. 416–417.

воду, что марксизм — по крайней мере, применительно к Японии — нуждается в существенной коррекции. Именно он ввел в обиход термин *кокка сякайсюги*: в данном конкретном случае он включал и «национальные», и «государственные», этатистские составляющие, еще не отделившиеся друг от друга. Такабатакэ принадлежал к тому поколению японских социалистов, которое сформировалось под воздействием победы в войне с Россией и отличалось гораздо более националистической ориентацией, нежели предшествующее (Катаяма Сэн) и последующее, из которого вышли почти все основатели компартии. Он не столько отвергал идеи Маркса — ибо с неизменным восхищением говорил о его оценках исторического развития капитализма и роли пролетариата в обществе будущего — сколько старался дополнить их, подправить применительно к национальным особенностям Японии. В отличие от большинства собратьев по социалистическому движению, Такабатакэ с середины 1910-х гг. был убежденным этатистом. Он писал: «Среди большей части японских социалистов существует ярко выраженный уклон в анархизм. Такие вещи, как государство, власть, политика, вообще рассматриваются исключительно как инструменты воздействия буржуазной морали... Теперь я решительно не могу согласиться с этим»⁸. В отличие от националистов и национал-этатистов, он последовательно декларировал приверженность к марксизму и социализму, отказываясь видеть непреодолимую пропасть между ними: «Рабоче-крестьянский коммунизм — прямой наследник марксистского социализма, а построение марксистского социализма — не что иное, как доведенный до конца этатизм, в том числе в экономике»⁹.

⁸ Такабатакэ Мотоюки. Марукусусюги хихан (Критика марксизма). Токио, 1929. С. 178.

⁹ Там же. С. 75–76.

«Марксизм есть исконный этатизм» — вот лейтмотив его работ, собранных в посмертном сборнике «Критика марксизма» (1929). Такабатакэ приветствовал большевистскую революцию как торжество «государственного контроля», но в то же время называл ее только «политической революцией», необходимым условием и предпосылкой главного — «социальной революции»¹⁰. Марксизм и этатизм для него не тождественны, но неотделимы друг от друга: «Я государственный социалист. Я государственный социалист, потому что я социалист. Я социалист, потому что я государственный социалист»¹¹.

В 1918 г. Такабатакэ решительно повернул от интернационалистического социализма к национальному, так что его взгляды можно назвать «национал-государственным социализмом». Он считал националистический характер японского социалистического движения необходимым в силу духовных и исторических национальных особенностей, вроде императорской системы или «государственного организма» *коккутай*, против которых никогда не выступал. Более того, именно в силу наличия императорской системы он как этатист считал Японию уже готовой для «государственного социализма» и выступал против разрушительной идеологии анархизма, поэтому его союз с Уэсуги не кажется удивительным. Однако авторитетным идеологом Такабатакэ не стал. Социалисты высмеивали его как перебежчика, неспособного отстаивать свои взгляды. Р. Ким назвал его «автором удручающе сумбурных статей на тему о том, что в Японии необходимо осуществить “государственный социализм”, но так, чтобы на троне был император»¹². Националистам казалось подозрительным его интернационалистское прошлое. Позднее Такабатакэ только дополнял сказан-

¹⁰ Там же. С. 34–35.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² Ким Р.Н. Указ. соч. С. 419.

ное ранее, например, в последней книге «Марксизм и этатизм» (1927), но ни он, ни узкий круг его учеников самостоятельной роли не играли.

Результатом союза Уэсуги и Такабатакэ стало создание в 1918 г. «Общества старых и молодых» (Росокай) — первой организации японского национального социализма. Оно было скорее дискуссионным клубом, нежели объединением единомышленников, способным к конкретным действиям, поэтому просуществовало недолго. Причинами его распада стали как разность доктрин основателей и активистов, так и масштаб их амбиций: националистам и национальным социалистам стало «тесно в одной берлоге». Формально общество прекратило свое существование в 1922 г., но уже в течение 1919 г. его покинули и группа Такабатакэ, и группа Окава, который, став его членом, быстро выдвинулся на первый план.

В это время Окава узнал, что бывший социалист Кита Икки составил некий «Генеральный план переустройства Японии» в духе радикального национал-этатизма и тайно знакомит потенциальных единомышленников со своим трудом, полный текст которого не мог быть разрешен цензурой¹³. О книге, автор которой тогда жил в Китае, Окава услышал скорее всего

от своего друга и единомышленника Мицукава Камэтаро, знакомого Кита. Разочаровавшись в Росокай и выйдя из него, Окава в августе 1919 г. создал небольшое замкнутое общество единомышленников — Юдзонся, в котором стал единоличным лидером¹⁴. Перевести это название, заимствованное из древнекитайской классики, непросто. Наиболее верным будет «Общество остающихся», что говорит о стойкости и верности. Вслед за этим Окава отправился в Шанхай, чтобы познакомиться с Кита и привезти его в Японию: тот имел готовую концепцию, потому ему отводилась роль главного теоретика. С этого началось их знакомство и недолгое, но горячее сотрудничество. В декабре 1919 г. Кита окончательно возвратился домой.

Программа общества выглядела многообещающе: «1. Строительство революционной Японии (какумэй Нихон-но кэнсэцу; обратим внимание: *какумэй*, не *исин*. — В.М.). 2. Идею совершенствования японского народа. 3. Рациональная организация японского народа. 4. Народное освободительное движение. 5. Осуществление моральной внешней политики. 6. Связь с движением за реорганизацию. 7. Духовное воспитание борцов-воинов». Историк японского национализма Х. Киносита приводит еще один вариант программы, состоящий из шести «целей»: «1. Движение за создание великой революционной империи (какумэй дайтэйкоку). 2. Созидательная революция народного духа. 3. Провозглашение моральной внешней политики. 4. Создание военного потенциала для освобождения Азии. 5. Изучение и оценка реформаторского потенциала

¹³ *Кита Икки*. Нихон кайдзо хоан тайко (Генеральный план переустройства Японии). Токио, 1923. Первое издание было запрещено и распространялось подпольно; позднее вышли несколько цензурированных легальных изданий и полных подпольных. Полный текст с вариантами: *Кита Икки*. Тёсакусю (Собрание сочинений). Токио, 1972. Т. II. С. 215–396. Перевод фрагментов: Sources of the Japanese Tradition. Ed. Tsunoda Ryusaku, Wm. Theodore de Bury, Donald Keene. N.Y., 1958. P. 775–784. Японская литература о Кита обширна и неравноценна; зарубежная малочисленна и не представляет интереса за исключением книги: *George Wilson*. Radical Nationalist in Japan: Kita Ikki, 1883–1937. Cambridge MS, 1969.

¹⁴ *Киносита Хандзи*. Нихон коккасюги ундо си (История японского национал-этатистского движения). Т. 1. Токио, 1952. С. 41–45; *Оцука Т.* Окава Сюмэй. С. 103–115; *Richard Storry*. The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism. London, 1957. P. 39–45; *Wilson G.* Op. cit. P. 95–105.

в других странах. 6. Духовное воспитание борцов-воинов»¹⁵.

Программам японских обществ такого рода традиционно были присущи неконкретность и тяга к высокопарным формулам. Однако изучение теории и практики Юдзонся позволяет сделать вывод о его национально-социалистическом и консервативно-революционном характере: радикальный национализм, ориентация на Традицию и преобладание (хотя бы формальное!) этического начала совмещаются с политическим радикализмом и стремлением к общественным преобразованиям как дома, так и за пределами страны. «Общество остающихся» первым из национально-социалистических организаций в Японии объединило только единомышленников. Деятельность Юдзонся была не слишком заметной, да общество и не стремилось к этому. Едва ли не единственным зримым проявлением его активности стал издававшийся с конца 1920 г. журнал «Отакэби» («Мощный призыв» или «Бранный клич»). В центре работы стоял Окава, без устали выступавший с лекциями и статьями, писавший книги (в это время вышли «Проблемы возрождения Азии»), создававший филиалы в университетах и других городах и, наконец, занявший видное положение в компании Южно-Маньчжурской железной дороги, где он состоял членом правления. Однажды он обмолвился: «Если мне перестанут платить жалованье, революционное движение (в Японии. — В.М.) заглохнет»¹⁶. Одновременно Окава стал одним из руководителей Института общественного образования (Сякай кёйку кэнкюдзё), совмещающая исследовательскую работу с преподавательской. Получая помощь от министерства просвещения и сочувствующих лиц, институт поставил целью воспитать молодое

поколение радикальных националистов для будущей «реорганизации», хотя не все его преподаватели стремились к социальным преобразованиям. Можно сказать, он жил двойной жизнью: с одной стороны, приобретал все большую известность как философ и публицист, с другой — погружался в политические интриги.

Союз Окава и Кита оказался недолгим, а их разрыв привел Юдзонся к краху. Они радикально разошлись по вопросу об отношении к Советскому Союзу, что проявилось во время «инцидента Иоффе». В феврале 1923 г. мэр Токио, известный политик Гото Симпэй пригласил в Японию советского дипломата А.А. Иоффе для проведения частных переговоров о восстановлении и урегулировании двусторонних отношений. Радикальные националисты развернули бешеную антисоветскую кампанию против Иоффе, угрожая ему и его японским партнерам физической расправой. Кита принял активное участие в кампании, написав и распространив в количестве 30 000 экземпляров «Открытое предупреждение Иоффе». Называя большевиков бандитами, которые хуже царского империалистического правительства, он попутно грубо оскорбил ряд японских политиков. Окава и Мицукава были категорически против письма, потому что считали необходимым установление с СССР отношений доброжелательного нейтралитета: они понимали, что у него сейчас нет реальных сил для новой, угрожающей Японии экспансии, а заручиться спокойной границей с таким соседом необходимо¹⁷.

С начала русской революции Окава внимательно и не без симпатии следил за действиями Ленина, которого считал одним из величайших наци-

¹⁵ Цит. по: *Киносита Х.* Указ. соч. Т. I. С. 43–44.

¹⁶ Цит. по: *Wilson G.* Op. cit. P. 108.

¹⁷ *Кита И.* Тёсакусю. Т. II. С. 397–407. О переговорах Гото–Иоффе см: *Молодяков В.* Россия и Япония в поисках согласия. М., 2012. Гл. 8.

ональных революционеров современности наряду с Ганди и Ататюрком. По его мнению, ни российская, ни индийская, ни турецкая модели преобразований не подходили Японии в качестве примера для подражания, поскольку основывались на национальных особенностях этих стран и культур, но их изучение было необходимым для создания собственной японской модели. Большевистскую модель он считал последним словом европейской национальной революции в действии, как турецкую — воплощением исламской национальной революции¹⁸. Можно предположить, что отношение Окава к Ленину основывалось и на его уважении к сильным личностям, творцам истории, «любимцам веков», одним из которых он, бесспорно, считал самого себя. Письмо Кита и особенно оскорбления в адрес людей, чьей дружбой Окава дорожил, сделали разрыв неминуемым. Впрочем, по мнению историка Р. Скалапино, это было скорее поводом — причиной стал экстремизм и догматизм Кита, что вкупе с его эгоцентризмом и нетерпимым характером сделало дальнейшую совместную работу невозможной¹⁹. Окава и позже высказывался против перспектив японско-американского союза и протестовал против жесткого курса в отношении СССР. После разрыва Кита прекратил активную деятельность, практически ничего не писал и не предпринимал, позволив узкому кругу верных последователей подпольно переиздавать «Генеральный план переустройства Японии», который

стал «руководством к действию» для заговорщиков-террористов 1930-х гг.

* * *

Взамен распавшегося «Общества остающихся» Окава создал новую организацию единомышленников, получившую название Гётися. Оно тоже происходит из китайских классических текстов и отсылает к выражению «сокутэн гёти» — «осуществить путь Неба на Земле». Обычно его переводят как «Общество действия», и я принимаю этот вариант. Создание Гётися было провозглашено 11 февраля 1925 г., в день особенно чтимого националистами праздника Кигэнсэцу, «Дня основания Империи»²⁰. Программа общества похожа на программу Юдзонся: «1. Создание обновленной Японии (*исин* Нихон). 2. Установление народных идеалов. 3. Установление свободы в духовной жизни. 4. Установление равенства в политической жизни. 5. Установление гармонии в экономической жизни. 6. Освобождение “цветных” народов. 7. Моральное объединение мира»²¹. Т. Оцука предложил трактовку этой программы в виде схемы, где два первых пункта являются главными, а последующие раскрывают их: третий, четвертый и пятый относятся к первому, а шестой и седьмой — ко второму²². Эта программа в наиболее чистом виде отражает взгляды лично Окава²³. Сам он несколько позже разъяснил их в небольшой работе «Принципы свободы, равенства, гармонии» (1927).

Для понимания этих общих формул необходимо хотя бы кратко охарактеризовать философско-этическую

¹⁸ Окава С. Дзэнсю. Т. I. С. 382–387. Подробнее: Молодяков В. Окава Сюмэй-но сэкай, сэкай-но Окава Сюмэй (Мир Окава Сюмэй. Окава Сюмэй в мире); Окава, Коминтерн то сэкай какумэйю (Окава, Коминтерн и мировая революция) // Синнихонгаку. № 12 (2009).

¹⁹ Robert A. Scalapino. Democracy and the Party Movement in Pre-war Japan: the Failure of the First Attempt. Berkeley, 1953. P. 358.

²⁰ Киносита Х. Указ. соч. Т. I. С. 43–50; Оцука Т. Окава Сюмэй. С. 115–128; Storry R. Op. cit. P. 311 (список членов). Статьи этого периода собраны: Окава С. Дзэнсю. Т. 4. С. 452–622.

²¹ Цит. по: Киносита Х. Указ. соч. Т. I. С. 51.

²² Оцука Т. Окава Сюмэй. С. 129.

²³ Окава С. Дзэнсю. Т. I. С. 80–104.

систему Окава, его «исследование японского духа», нашедшее воплощение в одноименной книге²⁴ и курсах лекций, которые он читал в Институте общественного образования (преобразованном в сугубо учебное заведение под названием Дайгакурё), а также в других местах, включая военные и военно-морские школы и академии. Его система создавалась под влиянием этики Владимира Соловьева, прежде всего «Оправдания добра». Мир, в котором человек живет, состоит из трех уровней: высшего (по отношению к человеку), равного и низшего, что не случайно соответствует триаде дух–душа–тело (по нисходящей). Высший уровень — мир японских божеств *ками* и императорского дома, равный уровень — люди, низший — материальная природа. Это соотносится с духовной, политической и экономической жизнью, о которой идет речь в программе Гётися — программе не столько политической, сколько этической и метафизической. Главный принцип этики Окава — «знание законов природы» явно отсылает к учению «школы национальных наук» об «истинном сердце». Знание законов природы и следование им — залог гармонии небесного, человеческого и материально-земного, всеобщей гармонии, где нет ничего лишнего и каждый компонент занимает свое место. Принцип гармонии фундаментален и имеет всеобщий характер, поэтому Окава переносил его из сферы чистой метафизики сначала в этику, затем в общественные и даже экономические отношения — разумеется, при постоянном предпочтении духа материи и соблюдении иерархии уровней и ценностей. Таким образом, этика Окава становится практической, и этим он снова напоминает Соловьева, а может, и сознательно следует ему²⁵.

²⁴ Перепечатано: *Окава С. Дзэнсю*. Т. I. С. 108–324.

²⁵ В 1928 г. Окава опубликовал в журнале «Гэккан Нихон» (орган Гётися) статью «Уче-

Эти идеи он изложил в ряде статей и книге «Принципы моральной жизни» (1926).

Окава-моралист мирно уживался с Окава-конspirатором, что стало дежурной темой у его обличителей. Именно к годам существования Гётися относится его окончательное превращение в заговорщика — на сей раз против собственного правительства. Как отметил историк Р. Сторри, «примечательной чертой Гётися было то, что оно стало первым обществом, установившим рабочий контакт с молодыми офицерами армии»²⁶. С конца 1920-х гг. Гётися и лично Окава находились в центре подпольной и полуподпольной деятельности группы «молодых офицеров», ключевой фигурой которой стал подполковник Генерального штаба, разведчик и аналитик Хасимото Кингоро. Под названием «революция под императорским флагом» «молодые офицеры» замыслили переворот по нехитрому сценарию: массовые антиправительственные демонстрации, которые должны были организовать лидеры национальных социалистов и сочувствующих им профсоюзов; вывод войск на улицы; окружение парламента; требование немедленной отставки правительства, лишившегося народного доверия; провозглашение правительства с преобладанием военных во главе с военным министром генералом Угаки Кацусигэ; введение военного положения; роспуск парламента и политических партий, закрытие оппозиционных газет. Лидеры заговора демонстрировали верность

ние Соловьева о войне» — изложение главы «Смысл войны» из «Оправдания добра»; перепечатана: *Окава С. Дзэнсю*. Т. IV. С. 543–560. Подробнее: *Молодяков В.* Окава Сюэмэ-но сэкай, сэкай-но Окава Сюэмэ (Мир Окава Сюэмэ. Окава Сюэмэ в мире); Окава то Соробийёфу: дотокурон то сэнсорон (Окава и Соловьев: этика и учение о войне) // Синнихонгаку. № 10 (2008).

²⁶ *Storry R.* Op. cit. P. 42.

своему непосредственному начальнику — военному министру, но рассчитывали сами занять ключевые посты в новом правительстве²⁷. Главными организаторами были Хасимото и Окава, в задачу которого входили мобилизация союзников из числа гражданских лиц и обеспечение финансовой поддержки, поскольку он имел хорошие связи в деловом мире.

Переворот был назначен на 20 марта 1931 г. (почему известен в японской литературе как «мартовский инцидент»), но не состоялся, потому что Угаки в последнюю минуту отказался от участия в рискованном предприятии, над организаторами которого он не имел никакого контроля. Генерал рассчитал, что имеет реальные шансы возглавить правительство, не прибегая к заговору, а выйдя в запас и став главой партии Сэйюкай, как сделал четыре-мя годами ранее генерал Танака Гиити. Кроме того, кандидат в премьеры испытывал личную антипатию к Окава. Не склонный к риску Угаки стал требовать гарантий, что войска и демонстранты воздержатся от кровопролития. Окава не сдавался и 6 марта послал ему письмо, побуждая Угаки «исполнить великий труд реставрации Сёва» (*Сёва исин*) во имя императора и родины и взять на себя руководство «преобразованиями»²⁸. Министр уклонился от ответа и сделал все, чтобы свернуть готовившийся переворот — запретил самовольные действия подчиненным, которые подчинились, но не смирились. Если слухи о заговоре распространились только в конце года, после провала второго, «октябрьского инцидента», то отсутствие единства в руководстве армии обнажилось сра-

зу. При смене кабинета в 1931 г. Угаки пришлось подать в отставку и принять пост генерал-губернатора Кореи.

Национальные социалисты и «молодые офицеры» по главе с Окава и Хасимото принялись за разработку нового плана, в котором были бы учтены ошибки предыдущего. На повестке дня снова возникла «революция под императорским флагом». Надежда на высший слой армейской бюрократии оказалась несостоятельной, хотя заговорщики понимали, что без генерала (генералов) им не обойтись. Они остановили свой выбор на генерал-лейтенанте Араки Садао, который уже получил известность как идеолог и пропагандист традиционалистской и радикально-националистической доктрины «императорского пути» (кодо), но не питал симпатий ни к какой форме социализма и не имел никакого отношения к конспиративной деятельности²⁹. Одновременно с подготовкой военного переворота в стране тот же круг людей планировал и готовил военную оккупацию Маньчжурии силами Квантунской армии, о чем в Токио не знали ни в МИД, ни в военном министерстве и Генеральном штабе, не говоря о прочих ведомствах и тем более императорском дворце (может показаться невероятным, но это факт). Идеологическое обеспечение аннексии было возложено на Окава, формально не зависевшего от бюрократических или армейских структур. С 1929 г. он без устали разъезжал по всей стране с лекциями о «жизненной важности» Маньчжурии для Японии, о ее «особых правах» в Китае, о необходимости «активной» и «позитивной» (читай: экспансионистской) внешней политики наряду с воспитанием национального духа, почитанием императора как абсолютно-го монарха и т.д. По данным Р. Сторри, с мая 1929 по сентябрь 1931 г. Окава

²⁷ Киносита Х. Указ. соч. Т. I. С. 115–120.

²⁸ Представлено обвинением МВТДВ: International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings. Ed. R. John Pritchard and Sonia M. Zaide. P. 1610–1613; местонахождение оригинала неизвестно.

²⁹ Араки Садао. Фуун сандзюнэн (Шторм и штиль тридцатых годов). Токио, 1975. С. 33–57.

выступил в 85 городах Японии, а за два месяца непосредственно после начала «Маньчжурского инцидента» 19 сентября 1931 г. — в 50 городах³⁰. Таким образом, 1931-й — год объединения радикальных националистов с национальными социалистами.

Лето и осень 1931 г. прошли для заговорщиков под знаком «реставрации Сёва», которая начала наполняться содержанием. Эта расплывчатая формула вызывала резкие и язвительные комментарии иностранных наблюдателей, которые игнорировали ее духовное содержание и даже претензию на его наличие. Много лет живший в Японии американский журналист В. Флейшер в 1941 г. утверждал: «Сторонники этого движения хотят пустить часы назад и вернуть Японию в то средневековье, из которого ее вывел император Мэйдзи. Дело даже не в “восстановлении” власти императора, но в восстановлении тех условий, которые, по мнению японских суперпатриотов, лучше чужеземных путей современной истории. Японские фашисты, выступающие в последние годы за “реставрацию Сёва”, не имеют никакого конкретного представления, что же они хотят восстанавливать. Это движение более деструктивно, чем конструктивно... Они хотят изгнать все иностранное “зло”, ограничить мир для Японии только Азией, но добиться здесь господства. А некоторые из них хотят вернуться к сёгунату, или военной диктатуре, вдохновляясь не одной только японской историей, но и европейскими примерами Гитлера и Муссолини»³¹.

«Октябрьский инцидент» 1931 г., одним из главных организаторов и вдохновителей которого был Окава, во многом отличался от «мартовского» и более походил на позднейшие военные мятежи 15 мая 1932 г. и 26 февраля 1936 г.: в них не были вовлечены

руководители армии (правда, заговорщики надеялись на поддержку хотя бы нескольких генералов после захвата власти), тем более крупные бюрократы и политики; их основу составляли радикалы из среднего и даже младшего офицерства и гражданских лиц; националисты объединились с национальными социалистами и выдвинули радикальные социальные и экономические требования; новые планы в гораздо большей степени допускали насилие и кровопролитие. Не надеясь на генералов и тем более не собираясь доверять им реальную власть, заговорщики составили «теневой кабинет». Премьером должен был стать генерал Араки, но основные министерские посты предназначались действительным организаторам, включая Хасимото (министр внутренних дел) и Окава (министр финансов). В военные министры, по разным источникам, прочили Араки (по совместительству) или участника «мартовского инцидента» генерал-майора Койсо Куниаки³². Позднее историк Дж. Кроули иронически заметил: «Более всего впечатляют простота и наивность этих планов — трудно поверить, что кто-то кроме самих заговорщиков всерьез мог вообразить себе подобный кабинет»³³.

Заговор рухнул в один момент и при довольно странных обстоятельствах. 16 октября Араки ужинал с военными заговорщиками во главе с Хасимото и выбрал их за несерьезность затеи, за склонность к непродуманным и насильственным действиям. В ту же ночь все девять офицеров были арестованы военной полицией «кэмпэйти», но вскоре выпущены. Окава и другие заговорщики из числа гражданских лиц остались на свободе. Никаких официальных сообщений не последовало, прессе было запрещено даже намекать

³⁰ *Storry R.* Op. cit. P. 72.

³¹ *Wilfrid Fleisher.* Volcanic Isle. N.Y., 1941. P. 2–3.

³² *Киносита Х.* Указ. соч. Т. I. С. 121–134.

³³ *James B. Crowley.* Japan's Quest for Autonomy: National Security and Foreign Policy, 1930–1938. Princeton, 1966. P. 132.

на какой-либо «инцидент», о котором шептались по всей столице.

В январе 1932 г. Окава официально распустил Гётися и 11 февраля, снова в день праздника Кигэнсэцу, объявил о создании новой организации — «Общества Дзимму» (Дзиммукай), названной в честь первого легендарного императора Японии. Трудно было подобрать более «национальное» и «патриотичное» название. Обнародованная программа Дзиммукай практически не отличалась от программы Гётися и содержала следующие пункты: «1. Разъяснение духа строительства Японии, основ японского государства и народных идеалов; исправление дурных обычаев — просвещения, смешивающего главное и второстепенное; создание национальной (в данном случае “ококутэки”, дословно “имперской” — В.М.) системы просвещения, призванной правильно воспитать японский народ. 2. Следование принципам императорского правления (“синсэй” — личное правление императора! — В.М.); искоренение порочной [много]партийной системы, приносящей государственную политику в жертву выгодам партий; создание национальной политической системы, призванной распространить на четыре моря дело императора, объединив в одно мириады душ и сердца (оба равноправных значения иероглифа *ко-коро*. — В.М.). 3. Верность принципу единства народа и императора; устранение капиталистической экономической эксплуатации, приносящей интересы народа в жертву личной выгоде; создание национальной экономической системы, призванной стабилизировать жизнь всего народа»³⁴. Столь же многозначительно, высокопарно и неконкретно, как и предыдущие творения Окава, который остался верен трехчастной философско-этической

системе мораль–политика–экономика в соответствии с триадой дух–душа–тело. Следует отметить, что, когда ровно через три года после основания, 11 февраля 1935 г., было обнародовано заявление о самороспуске Дзиммукай (Окава находился в заключении, отбывая срок за причастность к «инциденту 15 мая» 1932 г.), целями его деятельности назывались «реставрация Сёва», «освобождение народов Азии» (от «белого империализма»), распространение «императорского пути» по всему миру и борьба с политическими партиями и финансовой олигархией³⁵, т.е. нечто куда более конкретное.

Программа Дзиммукай и немногочисленные статьи периода до 15 мая 1932 г. стали последним словом Окава в области проектов национальных реформ³⁶. Разочаровавшись в перспективах легального участия радикальных националистов и национальных социалистов в политике: созданная в июне 1931 г. популистская Производственная партия Великой Японии (Дай Ниппон сэйсанто) во главе с патриархом националистического движения Утида Рёхэй на парламентских выборах в феврале 1932 г. не смогла получить ни один депутатский мандат, — Окава поддержал инициаторов нового военного переворота, хотя в данном случае оказался скорее идеологом и вдохновителем, нежели организатором и лидером³⁷. После подавления мятежа, который фактически развалился сам из-за отсутствия поддержки со стороны как военных, так и гражданского населения, Окава был арестован. На суде, который состоялся только в конце 1934 г. при закрытых дверях, его признали виновным в идейном подстрекательстве мятежников и приговорили к семи годам тюрьмы, но через год он был уже на свободе. Не берусь судить, заключил ли он некий «пакт» с

³⁴ Киносита Х. Цит. соч. Т. I. С. 134–139; Оцука Т. Окава Сюэмэй. С. 156–160; Storry R. Op. cit. P. 117–119, 310 (список руководства).

³⁵ Storry R. Op. cit. P. 117.

³⁶ Окава С. Дзэнсю. Т. IV. С. 623–633.

³⁷ Оцука Т. Окава Сюэмэй. С. 152–160.

властями, но с политической деятельностью было покончено навсегда. Чуть ли не ежегодно Окава выпускал новые книги и брошюры о «2600-летней истории Японии», «возрождении Азии», «англо-американской агрессии» и т.д., которые приносили неплохие гонорары, читал лекции — но больше никакого национального социализма, никаких реформ и преобразований, кроме определенных властями.

* * *

2 декабря 1945 г. имя Окава появилось в опубликованном Штабом оккупационных войск списке «военных преступников категории А» (главной). 12 декабря за его спиной закрылись ворота тюрьмы Сугамо. У него начала развиваться психопатия, привлекая внимание психиатров, задачей которых было довести «пациентов» до начала открытого процесса. 3 мая 1946 г., в первый день работы трибунала, сидевший на скамье подсудимых Окава непрерывно вертелся, пытался снять не только пиджак, но и рубашку, а затем ударил ладонью по голове сидевшего перед ним бывшего премьер-министра Тодзио Хидэки³⁸ и начал выкрикивать бессвязные фразы по-японски и по-английски (сохранились фотографии и киносъемка). Случившееся скандализовало публику и подпортило торжественную картину «суда народов». Заседание немедленно прервали и возобновили уже без Окава, который был подвергнут психиатриче-

ской экспертизе. Американские врачи признали его невменяемым, а потому неподсудным. Трибунал согласился с их вердиктом.

Формально оставаясь под арестом, Окава был переведен в психиатрическую клинику с условиями несравненно лучше тюремных. Ему разрешили частое общение с женой и младшим братом, врачом-психиатром по специальности. Был ли Окава сумасшедшим? Директор Международной клиники в Токио, доктор Евгений Аксенов, в те годы регулярно наблюдавший его, утвердительно говорил автору этих строк, что Окава был холериком и невротиком, но умело симулировал такую степень сумасшествия, которая позволила признать его невменяемым. Советы брата-психиатра оказались как нельзя к месту. Пациент вел себя спокойно, много читал и писал и лишь иногда демонстрировал болезненное состояние, особенно когда в 1947 г. в прессу проникли слухи о его выздоровлении и возможном привлечении к суду. После казни в ночь с 23 на 24 декабря 1948 г. семи «главных военных преступников» во главе с Тодзио оккупационные власти освободили девятнадцать оставшихся «военных преступников категории А», которые находились в заключении, но так и не были преданы суду. Окава оказался в их числе.

Что ждало его в новой, оккупированной Японии? Семья окружила Окава заботой и вниманием, но он остался практически без средств к существованию, поселившись с женой в префектуре Канагава, в старом деревенском доме, отремонтированном друзьями. Состояние, заработанное бизнесом и гонорарами, «съели» послевоенная инфляция и разруха. Надеяться на переиздание старых книг не приходилось, равно как и на чтение публичных лекций, некогда приносявших хороший доход. Формальному запрету на выступления в печати Окава не подвергся, хотя по освобождению был

³⁸ Беседа в начале сентября 1952 г. с неназванным иностранным журналистом, Окава так объяснил свой поступок: «Обвинитель Кинан произнес утомительную тираду о правосудии и гуманности, а все 27 военных преступников, сидевшие перед ним, имели столь рабский и жалкий вид, будто совершенно забыли, как гордо они держались в годы войны. Их идиотский вид внушал мне такое отвращение, что я вопреки собственной воле хлопнул Тодзио по лысой голове. Возможно, это было какое-то помутнение рассудка, но серьезных проблем с мозгами у меня не было».

ограничен в правах. Мало кто отважился бы издавать и продавать новые книги столь одиозного автора, однако надеяться оставалось только на них и на связи в журнальном и издательском мире. В заключении Окава написал большую часть полумемуарной, полуфилософской книги «Врата умиротворения» и перевел на японский язык Коран, пользуясь переводами на китайский и европейские языки, так как не знал арабского (опубликован в 1950 г.). Японские мусульмане не считают этот перевод аутентичным, но с уважением вспоминают Окава как идеолога единства Азии и сторонника сотрудничества Японии с миром ислама.

Несколько больший интерес вызвала публикация «Врат умиротворения», начатая в феврале 1950 г. журналом «Сэкай сьундзю»; в 1951 г. книга вышла отдельным изданием, но особого успеха не имела. Как будто выговорившись, после нее он написал лишь несколько небольших статей. 6 августа 1951 г. оккупационные власти сняли ограничения в правах с двух с половиной тысяч «ультранационалистов», рассчитывая использовать их в борьбе с коммунистическим и социалистическим движением. Окава был восстановлен в правах только в апреле 1952 г., причем с сохранением негласного надзора над ним. Он никогда не выступал против оккупационных властей, но и не предпринимал попыток сотрудничать с ними. Даже по окончании оккупации он предпочитал не высказываться об актуальных проблемах, а предаваться воспоминаниям о революционном прошлом или в общих фразах критиковать коррупцию и упадок нравов в послевоенной Японии, призывая к духовному возрождению в традиционном духе³⁹,

за что некоторые молодые радикалы дерзнули объявить его «лжепатриотом».

Окончание оккупации в апреле 1952 г. не внесло серьезных изменений в жизнь Окава. Деятели возрождавшегося националистического движения, полностью утратившего консервативно-революционный, «третьепутейский» характер, почитали его как патриарха и пытались вовлечь в свою деятельность, но в качестве «свадебного генерала», а не активного участника. С одной стороны, это отвечало традициям японской политики, требующей присутствия почетных «старейшин» в любой организации. С другой — Окава, которому в 1952 г. исполнилось 66 лет, не находил себе места в послевоенных националистических кругах, еще более раздробленных и окончательно маргинализированных по сравнению с довоенным периодом. Все попытки объединения многочисленных, но ничтожных по количественному составу «ультраправых» организаций различных толков закончились провалом: громкие заявления и воинственные призывы «вождей» не получили никакой массовой поддержки — и новой волной расколов и взаимных обвинений.

Незадолго до его смерти, 10 октября 1957 г., Окава получил официальное приглашение в индийское посольство на встречу с премьер-министром Джавахарлалом Неру, прибывшим в Токио с официальным визитом. Связь Окава с индийским национально-освободительным движением, которому он всегда сочувствовал и по мере сил помогал, насчитывала более сорока лет: его первая большая работа, выпущенная отдельным изданием в 1916 г., называлась «Настоящее и будущее национального движения в Индии». Премьер, возможно, предпочитал не вспоминать, что ему была посвящена одна из центральных глав в книге Окава «Строители Азии», изданной в 1941 г., хотя через несколько месяцев после ее

³⁹ Сэйдзи-но фухай то Нихон какумэй (Коррупция политики и японская революция) // Нихон сьохо. 1953. № 4; Яматокогочоро-э-но фукки (Возвращение к «духу Ямато») // Фудзи. 1954. № 5; Кита Икки кун-о омоу (Думая о господине Кита Икки) // Фудзи. 1958. № 2.

выхода Неру — как лидер Индийского национального конгресса — отказался принять сторону Японии в войне против Англии. Тем не менее он пожелал встретиться с давним соратником, пусть даже получившим клеймо «военного преступника категории А». Однако Окава с марта 1957 г. тяжело болел и не смог принять приглашение индийского лидера, глубоко тронувшее его⁴⁰.

⁴⁰ Окава Сюэмэ канкэй мондзё (Документы Окава Сюэмэ). Токио, 1998. С. 697–698.

24 декабря 1957 г. Окава Сюэмэ скончался. На церемонию захоронения урны с его прахом собралось около трех тысяч человек. Лидеры враждовавших между собой националистических организаций и групп пришли отдать последний долг патриарху национально-социалистического и консервативно-революционного движения. Как заметил один иностранный наблюдатель, такое единство они демонстрируют только на похоронах и юбилеях.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

К истории современного русского движения (1991–2014)

Статья первая

Вступление

Что такое Русское движение

Русское движение есть мировой политический авангард 150-миллионного русского народа, сознающий, выражающий и защищающий его этнические права и интересы. Русское движение — растущий и уже весьма заметный в наше время политический фактор, уходящий своими корнями далеко в доперестроечные времена.

Судя по динамике его развития, следует ожидать, что в ближайшем десятилетии этот фактор будет многое определять в жизни России. Процесс роста русского национального самосознания, отождествляемый с русским национализмом, объективно имеет необратимый характер и не может быть остановлен произвольно. Ему так или иначе принадлежит будущее.

Как известно, национализм обладает огромным как созидательным, так и разрушительным потенциалом.

Для того чтобы правильно распорядиться этим потенциалом на благо России, использовать его выгоды и избежать рисков, следует понять, что собой представляет Русское движение (русский национализм) в его развитии от истоков до наших дней.

Что такое русский национализм и как он возник

Начать нужно с правильной дефиниции: национализм есть инстинкт

самосохранения этноса (племени, народа, нации).

На персональном уровне национализм проявляется как любовь к своему народу и забота о нем.

Национализм глубоко коренится в биологической природе человека. Попытки его искоренить противоестественны и чреватые гибельными для этноса последствиями.

Для русских национализм всегда был органичен, не случайно герои сказок и былин спрашивают друг друга: «Ты какого роду-племени?» Именно национализм — иногда под маской патриотизма — помог русским выжить и победить во многих смертельных этнических войнах: с татарами, поляками, шведами, французами, немцами и т.д.

В 1905–1907 гг. именно массовым организациям русских националистов (Союзу русского народа и мн. др.) удалось разгромить революционных боевиков из числа социал-демократов, эсеров и бундовцев — и погасить революцию, не допустить гибели России. Однако царский режим не сделал нужных выводов и не поддержал русское движение, разошелся с ним. В результате этого трагического разминовения в 1917 году обуздать революцию уже было некому.

После Октября 1917 г. русских националистов, в том числе всех членов Союза русского народа, истребляли

беспощадно, планомерно и целенаправленно, благо списки организаций сохранились. Сочинения великих русских националистов начала XX века (Меньшиков, Родионов, Ковалевский, Строганов, Пуришкевич и мн. др.) попали под тотальный запрет и оказались изъяты из умственной сферы русского народа. Преимущество в развитии естественного русского национализма оказалась надолго разрушена.

Коммунистический интернационал правил бал. В СССР вплоть до 1934 г. русский (как и любой другой) национализм преследовался и подавлялся, поскольку противоречил официальной доктрине советского и пролетарского интернационализма.

Однако в предвоенные и военные годы (с 1934 г.) русский национализм пережил колоссальный подъем в рамках новой политики ВКП(б), ориентированной на безусловную победу в германо-славянской войне. Сталин отлично понимал этнический характер этой войны и даже провозгласил весной 1945 г. новую и неожиданную цель: Союз славянских государств вместо Коминтерна, парадоксально охарактеризовав при этом себя и своих товарищей как «славянофилов-большевиков». Славянофильское и русофильское направление новой партийной политики было с энтузиазмом подхвачено массами по естественной причине (как и антисемитское, и антизападное).

Однако стоило скрытому русскому национализму обрести призрачную политизированность, Сталин отреагировал на это как на угрозу своему всевластию: последовало т.н. «Ленинградское дело», уничтожившее потенциальных политических лидеров русского народа и покончившее на корню с попыткой придать русским субъектность (пусть и с приставкой «квази-», в виде ЦК ВКП(б) РСФСР, АН РСФСР и т.д.).

После смерти Сталина интернационализм вновь стал официальным зна-

менем СССР, дойдя при Брежневе до абсурдной формулы «советский народ — новая историческая общность людей». Всю ее диковинную нелепость ярко высветил крах Советского Союза и развал страны именно по этническим границам на национальные государства отчетливо этнократического толка.

Тем не менее в 1960–1970-е гг. латентный (скрытый) русский национализм вошел в наш обиход под маской русского и даже советского патриотизма. Официальным выразителем которого стало Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК, 1965), насчитывавшее до 5 млн. членов. А неофициальным — т.н. «Русская партия» внутри КПСС и ВЛКСМ (об этом писали: Николай Митрохин, Александр Байгушев, Сергей Семанов, Станислав Куняев, Александр Самоваров и др.). Это было мощное истинно народное движение и влиятельное лобби, располагавшее большой материальной базой и сильным пропагандистским аппаратом.

В мае 1968 г. в Новгороде прошла организованная ВООПИК конференция «Тысячелетние корни русской культуры», на которой выступили десятки видных деятелей русской культуры. После чего при ВООПИК была создана секция по комплексному изучению русской истории и культуры, получившая негласное название «Русский клуб».

По всей стране быстро возникла сеть русских клубов, ведших колоссальную работу по возрождению русского национального сознания посредством лекций и диспутов о русской культуре и истории. Эти клубы или кружки были практически во всех крупных городах с преимущественно русским населением. Некоторые из них, как, например, кружок художника Ильи Глазунова, возникали вокруг крупных писателей, деятелей культуры.

Неполитическая по своему статусу, эта клубная сеть на деле мобили-

зовала русскую национально мыслящую интеллигенцию и вела, по сути, политическую пропаганду, направленную против космополитическо-интернационалистического воспитания, против целенаправленного вытравливания русских духовных начал. Политическая проекция культурно-деятельности привела к тому, что в партийно-бюрократических и журналистских сферах сложилось довольно влиятельное русское лобби. Как пишет Александр Байгушев, РП имела в своем распоряжении мощный пропагандистский аппарат: «Огонек», «Литературную Россию», «Молодую гвардию», «Москву», «Наш современник», «Кубань», «Волгу», издательства «Молодая гвардия», «Современник», «Советская Россия», Воениздат, а также такие массовые журналы, как «Роман-газета», «Театральная жизнь», «Пограничник» и многомиллионный журнал «Человек и закон».

Идейным знаменем советско-русского национализма был пестрый комплекс воззрений, где причудливо перемешивались советский и имперский патриотизм, патриархальщина (недаром превозносились т.н. писатели-деревенщики) и гордость научно-техническими достижениями СССР, православный монархизм и верность идеалам социализма, умеренное диссидентство и упование на благую волю ЦК КПСС. Собственно националистического во всем этом было мало.

Все эти настроения плохо коррелировали с ведущими настроениями интеллигенции мегаполисов, творящей историю сегодня (увлечь ее за собой Русской партии не удалось). Однако они еще и вызывали опасения и неприязнь у могущественного шефа КГБ еврея Юрия Андропова, который ставил задачей своего ведомства покончить с «русистами». Что он и попытался осуществить еще при «позднем Брежнев», а потом в годы своего правления в Политбюро.

Надо отметить в этой связи, что

наряду с полуофициозным лоялистским русским национализмом, базировавшимся на ВООПИК и Русской партии, существовал и национализм диссидентский, непримиримо настроенный по отношению к советской власти по причинам в основном религиозно-нравственного характера. Националисты-диссиденты были белыми воронами дважды: в диссидентском движении из-за своего русского национализма, воспринимавшегося большинством диссидентов в штыки, а в массовом национал-патриотическом движении — из-за своей акцентированной оппозиционности, радикализма.

Следует назвать ряд организаций радикального национал-диссидентского толка, стремившихся к свержению советского строя: одновременно созданные в Москве «Народно-демократическая партия» (кружок, создан в 1956 г. молодыми москвичами Поленовым и Пироговым) и «Российская национал-социалистическая партия» (возглавил Алексей Добровольский); в начале 1964 г. в Ленинграде был создан «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН, во главе встали Игорь Огурцов и ряд его единомышленников). Все эти организации рано или поздно попадали в поле зрения КГБ и были разгромлены, а их руководители и активисты отправлялись на длительные сроки в лагеря с клеймом ярых врагов-антисоветчиков (И. Огурцов, В. Осипов, А. Иванов, А. Бородин и др.). Численность этого крыла была невелика, широкой известности они не достигли.

Понятно, что в глазах Андропова и большинства его офицеров тень от диссидентствующего крыла «русистов» падала и на их официозно-лояльное большинство, придавая всему национал-патриотическому движению характеристику враждебности. Вот и боролись, вместо того чтобы сотрудничать на благо страны. Русский народ всегда был главной скрепой (помимо

центральных органов управления и спецслужб), удерживающей в единстве весь Советский Союз. Но органы, отвечавшие за безопасность страны, видеть и понимать этого принципиально не желали. Они приписывали эту главную роль себе, делиться ею не собирались и наивно и самонадеянно полагали, что справятся со своей задачей и сами, не опираясь на русский народ.

За эту принципиальную ошибку пришла закономерная расплата. Вина в этом КГБ СССР очевидна, неоспорима и весьма велика.

К 1991 г. русские националисты, несмотря на многочисленность и неплохую материальную базу, подошли в подавленном, плохо организованном, неконсолидированном и неструктурированном состоянии. Они не сгодились на роль лидирующей и организующей силы общества, не дали ему привлекательной альтернативы, не заразили своими идеалами. Они не смогли ни предотвратить падение советской власти, ни перехватить власть, падающую в грязь.

Точно определил главную причину полного провала «Русской партии» Байгушев: «Не знаю, простит ли нам когда наш тяжелый грех молодое поколение, — но, привыкнув к тридцатилетнему стереотипу своего существования в роли теневого русского крыла внутри КПСС, мы, оказавшись перед новой реальностью, испугались самостоятельного политического плаванья». И затем — еще вернее и жестче: «Это неизлечимый СПИД национал-большевизма, въевшийся в наши души за полвека общей борьбы под его маской».

«Русисты», как видим, допустили ошибки стратегические, роковые. Руководящая и представительская верхушка РП, во-первых, оказалась связана по рукам патронажем советской власти, а во-вторых — привязана к коммунистической идеологии. От патронажа власти, положим, отказать не было возможности: пере-

рвать пуповину было не по силам. Но основной секрет поражения РП в том, что она проиграла главную ставку эпохи — ставку на высоколобых. У РП не нашлось для них ни привлекательных идей и лозунгов, ни даже художественно привлекательной упаковки; либералы-космополиты казались талантливее, интереснее, острее и современнее, они шли навстречу мечтам, интересам и вкусам интеллигенции.

Сочетание национализма с консерватизмом оказалось провальным. Старая истина — нельзя идти вперед с головой, повернутой назад — нашла новое подтверждение в неуспехе РП.

Поражение России и русских, а равно триумф либералов-западников в 1991–1993 гг., повергли в шок советских русских националистов, выбили их из седла. Их аппарат рассыпался, материальная база была утрачена, влияние рухнуло. Довольно быстро они либо вовсе растеряли свои ресурсы и человеческий резерв, либо доверили все это Проханову, Зюганову, Константинову, Фронту национального спасения и КПрФ и тому подобным политическим пустоцветам. А в итоге — слили в песок. Из всех былых возможностей до нашего времени кое-как дотянули лишь журналы «Наш современник», «Москва» и газета «Литературная Россия», да еще Союз писателей России. Но КПД этих ресурсов чрезвычайно низок, их социальная база дефективна и не устремлена в будущее, лишена перспектив. Они не в силах создать противовес влиянию либеральных СМИ.

Управление Россией надолго перешло в руки крайнего толка либералов, принципиальных и последовательных противников русского национализма. Однако провозглашенные оными демократические права и свободы позволили Русскому движению выйти из скрытого состояния на свет и самому заявить о себе широковещательно и во всех подробностях и нюансах.

Русский национализм, таким об-

разом, родился заново в 1991 г., имея поначалу на себе все советско-антисоветские родимые пятна рухнувшей власти, избавление от которых заняло затем не менее десяти лет. С этого времени имеет смысл подробнее анализировать данный феномен, чтобы лучше понять смысл текущего момента и скрытые в нем возможности.

Основные факторы русского национализма

Итак, национализм есть инстинкт самосохранения нации. В эпохи относительного благополучия, когда нация с уверенностью смотрит в будущее, этот инстинкт может спать. Но в годину бедствий, когда существование нации оказывается под угрозой, он просыпается и властно диктует поколениям образ мысли и действий.

Сегодня мы имеем дело именно с таким поворотом русской народной судьбы.

Объективными факторами, непрерывно воспроизводящими русский национализм в современной российской действительности (помимо естественной любви к своему родному народу), являются следующие вызовы и угрозы:

— всемирно-историческое поражение Советского Союза и коммунистического проекта, который одновременно являлся и «русским проектом», национальной русской «творимой утопией», национальным планом жизни;

— всемирно-историческое поражение в Третьей мировой («холодной») войне России и русских, оказавшихся в униженном, «опущенном», ограбленном, порабощенном, «обезглавленном», беззащитном и, что немаловажно, разделенном положении;

— установление по всему периметру границ России не просто национальных, а этнократических государств (Украина — для украинцев, Молдавия — для молдаван, Казахстан — для казахов, Эстония — для эстонцев и т.д.), где русские стали гражданами второго сорта;

— установление такой же негласной этнократии, только уже в национально-территориальных образованиях внутри самой России (Татария, Башкирия, Адыгея, Якутия и др.), где русские также стали гражданами второго сорта или вовсе были уничтожены или выдавлены (Ингушетия, Чечня, Дагестан, Тува);

— неполноправие русских де-юре по отношению к ряду других народов России, имеющих, вопреки ст. 19 Конституции, ряд правовых преференций, в первую очередь — свой суверенитет и государственность внутри России (21 народ), но также и другие права (например, малочисленные коренные народы, репрессированные народы);

— неполноправие русских де-факто по отношению ко многим нерусским народам, проявляющееся на уровне взаимодействия с коррумпированными властями и органами правопорядка;

— обвальное изменение национальных пропорций в городах и селах под воздействием наплыва инородцев в места традиционного проживания русских, что воспринимается в массах как иноплеменное нашествие, вторжение, оккупация;

— отчетливо нерусский вид и происхождение доброй половины новоявленных «хозяев жизни», вызывающих как социальное, так и национальное неприятие; успешная до наглости деятельность различных национальных лобби и ОПГ; отсутствие нормальных условий для развития малого и среднего бизнеса, русского по преимуществу;

— острая фаза демографического и социального неблагополучия русских, всесторонняя физическая и духовная деградация и утрата пассионарности, ощущаемые всеми непосредственно;

— упадок национальной культуры и морали, деградация русского языка;

— ощущение русскими утраты своего государства, исторического оплота своего национального бытия, ибо государство перестало их защищать,

блюсти и представлять их права и интересы, перестало организовывать русских как нечто целое;

— осознание унижительной и убийственной политики денационализации русских, насильственно и искусственно проводившейся в Советском Союзе и приведшей к временному вытеснению русской идентичности — идентичностью советской. Поэтому попытка вновь отнять у русских национальную идентичность и подменить ее идентичностью «российской» (а такие попытки со стороны Кремля не прекращаются все время) воспринимается как угроза и как оскорбление национального чувства. Русские — не «россияне», «россияне» — это нерусские жители России: так понимает дело нормальный русский человек;

— поскольку государство всегда заменяло русским все другие формы национальной организации, а теперь перестало, то у русских начался заметный процесс атомизации, их распада как национальной общности — и это остро ощущается как угроза. В наиболее крайнем выражении возникает осознание России как нерусского и антирусского государства, что порождает явление национал-анархизма и регионального сепаратизма;

— наконец, до русских в массовом масштабе стало доходить понимание того прискорбного факта, что их права и интересы никто не изучает, не выражает и не защищает ни в целом мире, ни в самой России. Русский народ не правосубъектен, он не имеет своего полноправного представительства.

Все вышеуказанное ежедневно и ежеминутно порождает русский национализм во всех его формах — от самой интеллектуальной до самой brutальной и от индивидуальной до массовой.

Основные этнические проблемы русского народа

У каждого народа есть свои специфические этнические проблемы, по-

рожденные всем ходом его истории и взаимоотношениями с другими народами.

Есть они и у русского народа. Но они не только не решаются, а даже как бы и не замечаются властями предрежущими. Нерешенность многочисленных русских проблем также обуславливает рост русского национализма и непрерывно питает Русское движение.

Каковы же основные этнические проблемы (права и интересы) русского народа, нуждающиеся в понимании, выражении и защите? Самые главные, основные давно выкристаллизовались в идейных спорах и в жизненных коллизиях, они известны наперечет:

1. Отсутствие у русского народа правосубъектности (в т.ч. суверенитета и государственности). Нет ни во всем мире, ни в России такой инстанции, которая бы на законном основании выражала и защищала права и интересы русских.

2. Необходимо признание, в соответствии с международными стандартами, России — мононациональной страной русского народа, составляющего абсолютное большинство (значительно более двух третей, как того требуют общепризнанные международные нормы) ее населения.

3. Необходимо признание и законодательное утверждение исторической роли и фактического значения русского народа не только в качестве коренного и титульного (всю Россию назвали по имени русских), но и как единственной государствообразующей нации России. Ибо русские — не только создатели России, но и единственная (!) нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства в ее настоящих границах.

Решение проблем, обозначенных в пп. 1–3, необходимо для законного обоснования государственного попечения (его формы здесь не обсуждаются) о русском народе, от физического, духовного и политического самочув-

ствия которого зависит благополучие всей России и всех 192 других этнических, зафиксированных в ней последней переписью.

4. Необходимо признание права русского народа на национально-пропорциональное представительство во всех органах государственной власти и местного самоуправления России. Эта проблема острейшим образом стоит в первую очередь во всех национально-территориальных образованиях, но не только там.

5. Необходимо не только признание права на воссоединение единой русской нации, оказавшейся не по своей вине и воле в разделенном положении, но и практические шаги в данном направлении.

6. Необходимо признание факта этнодемографической катастрофы русского народа и законодательное утверждение мер, в том числе чрезвычайных, направленных против депопуляции его как государствообразующей нации, против снижения его удельного веса в составе населения России.

7. Необходимо сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому. В противном случае есть риск вскоре потерять такие субэтноты русского народа, как казаки, поморы, семейские, старожилы, кержаки и т.д., точно так же, как мы уже потеряли малороссов и белорусов, еще недавно считавшихся частями триединого русского народа.

8. Необходимо запрещение русофобии во всех ее проявлениях, защита человеческих и гражданских прав русских людей в любой точке земного шара.

9. Необходимо признание факта геноцида русского народа в XX–XXI вв. и преодоление его последствий.

Добавить к этому списку можно многое, но убавить — ничего.

Почему надо изучать историю Русского движения

Русскому движению принадлежит будущее, это аксиома. Однако никто не гарантирует, что это будущее будет светлым. В значительной степени это зависит от того, повлекут ли русские люди с собою в грядущее все ошибки и недоразумения, накопленные Русским движением в прошлом, или сумеют извлечь нужный урок и расстанутся с ними.

Пока что налицо опасность расплаты за невежество. Отсутствие пособий и справочников, слабые познания в истории русского национализма приводят к тому, что все новые поколения националистов, относясь к своим предшественникам по образцу библейского Хама, постоянно ломятся в давно открытые двери, изобретают давно изобретенные велосипеды и наступают на одни и те же грабли.

Хотя известно, что умные люди предпочитают учиться на чужих ошибках, а дураку не идут в научение даже свои собственные, но русские общественные деятели, как правило, все искренне убеждены (и не стесняются об этом кричать!), что Русское движение началось именно с их приходом в политику. Особенно досадно наблюдать такой подход в области теории национализма, которая уходит своими корнями в XVIII в., а систематическое оформление впервые получила в начале XX в. в трудах Михаила Меньшикова и других русских националистов его круга.

Все это идейное богатство, весь исторический опыт, однако, оказываются, как правило, невостребованными. Не зная, не изучая своих предшественников, современные лидеры русских националистов совершают досадные, глупые промахи, обречены повторять все старые ошибки.

Беда еще в том, что проблемы национального бытия в принципе не решаются методами спекулятивной философии, «из головы», они требу-

ют выверенных подходов, доступных для проверки на истинность. А такую проверку, как известно, предоставляет только практика, то есть история — «практическая философия, обучающая нас с помощью примеров» (лорд Болингброк).

Вот почему настало время прочесть и осмыслить историю современного Русского движения. Черновой очерк таковой предлагается читателю ниже в расчете на массовое участие ныне здравствующих участников РД в подготовке исправленного и дополненного варианта. Автор просит направлять в адрес журнала «Вопросы национализма» или в его собственный адрес mail@sevastianov.com все замечания и добавления, возникшие по ходу чтения, но обязательно подтвержденные либо документально, либо собственным свидетельством очевидца. Тогда в итоге мы сообща сможем создать первый на свете краткий курс истории Русского движения, столь необходимый нашему народу.

1991–1995 гг. Первые образцы

С чистого листа

Ростки нового национализма в этот период почти не видны. Процесс его зарождения и развития происходил полностью в тени противоборства других концептов.

Из советской жизни на арену политической борьбы вышли две основные силы.

Во-первых: атакующая и побеждающая сила либерально-демократического западнического настроения, представленная интеллигенцией мегаполисов. Во главе данного течения стояли т.н. «шестидесятники», люди диссидентского закала и околодиссидентского круга, а также «прогрессивно мыслящие» экономисты и технократы. Еврейская составляющая данного сектора была велика и весома, занимала лидирующие позиции и во многом определяла направление борьбы. В на-

циональном вопросе она была крайне активна, лоббируя права меньшинств и свободу въезда-выезда из страны. Представители разнообразных иных нацменьшинств России, вдохновленные отделением советских республик, занимали позиции яро националистические, вплоть до сепаратистских.

Во-вторых — обороняющаяся сила коммунистов, сторонников советского образа жизни, с треском проигравших либералам историческую битву.

Русские же как этнос и как политическая сила в этой битве не участвовали. Они еще были либо национально-индифферентны, либо придерживались абстрактных демократических и гуманистических идей, в «лучших» (т.е. худших) традициях дореволюционной образованной, «интеллигентной» публики, либо поддерживали исторически проигравшую сторону по принципу наименьшего зла. И вообще плохо понимали, что происходит, не осознавали своего тотального национального поражения. У многих русских в умах еще торжествовали интернационалистские бредни, трудно сводимое выжженное тавро советского воспитания.

Вот ярчайший пример. Когда в 1986 г. социологи решили выяснить, кто кем себя считает, выявилась вся мера чудовищной денационализации русского народа. Ибо в то время, как, например, 90% паспортных эстонцев заявили «мы — эстонцы!», 78% паспортных русских ответили «мы — советские», лишь 15% осмелились сказать «мы — русские», а остальные вообще не знали, куда приткнуться. Таким было тяжкое психологическое наследие советской власти к 1991 г., которое в течение последующего двадцатилетия пришлось преодолевать русским националистам.

Как третья сила на тот момент русский национализм еще не сложился. Оказавшиеся впервые в «свободном плавании» русские националисты должны были выбирать между двумя

главными противоборствующими силами либо искать что-то свое, новое. Не имея еще сложившейся собственной идеологии, они вынуждены были топтаться в кругу обветшалых идей и выбирать из прошлого, кому что было поближе, лишь бы оно противостояло обрыдлому и обанкротившемуся интернационализму.

Выбор поиска был ограничен теми тенденциями, которые сформировались в недрах СССР. Общим для них было присутствие диссидентской, антисоветской основы как реакция на диктат интернационала, на политику дерусификации, денационализации, исторического нигилизма. Неудивительно, что антисоветизм преимущественно проявлялся как дублер основных исторических противников советской власти: монархизма и нацизма.

Естественной и органической частью антисоветизма был антисемитизм, который вернее было бы именовать юдофобией — страхом перед евреями, создавшими коммунистическую интернационалистскую доктрину и организовавшими Октябрьскую революцию и последующее убийство России и рождение СССР. Страхом вполне оправданным исторически, к тому же подкрепленным наблюдениями за авторами краха СССР и «прорабами перестройки». Юдофобия была и остается существенной чертой большинства течений русского национализма. Онтологически, так сказать.

Однако внутри этой общей платформы легко увидеть наличие трех доминант: 1) модернистской демократической, пребывавшей в зачаточном состоянии; 2) цветущей право-консервативной православно-монархической, 3) лево-консервативной социалистической.

Социалистическая составляющая, в свою очередь, распадалась на две: просоветского и антисоветского (национал-социалистического, гитлеристского) характера.

Кроме того, налицо явились раз-

личные симулякры русских националистических объединений, на деле представляющие собой модификации традиционного патриотизма и государственничества, лишь мимикрирующие под национализм.

Как видим, современной подлинно русской националистической доктрины в тот момент еще не существовало. Ее только предстояло выработать, избавляясь при этом от ветхой шелухи иных (доминантных) доктрин.

Понятно, что противоестественное положение, когда абсолютное национальное большинство страны — русский народ — было безгласно и бесправно, не имело ни своей правосубъектности (полномочного представительства), ни иной возможности выразить и защитить свои этнические права и интересы, не могло длиться вечно и настоятельно требовало своего разрешения.

Русский национализм как спасительное защитное мировоззрение был выстрадан нашим народом за долгие годы национального бесправия и донорства.

1. Первые образцы. Православные монархисты, консерваторы

Отсутствие доктрины русского национализма не могло помешать, однако, русским людям искать платформу для национального объединения и создавать национальные союзы, каких не было и быть не могло при советской власти. О наиболее значительных из них рассказ пойдет ниже.

1.1. Общество «Память»

Организация отлично иллюстрирует православно-монархическую составляющую в русском движении 1990-х. Она возникла в Москве в 1980 г. как филиал ВООПИКа. К концу 1986 г. «Память» стала на страницах СМИ и экране ТВ олицетворять новое русское националистическое движение. В мае

1987 г. на Манежной площади активистами Общества был проведен один из первых неформальных митингов протеста «против угнетения русского народа». Участникам удалось добиться встречи с тогдашним первым секретарем Московского горкома КПСС Борисом Ельциным, который обещал учесть их пожелания. Обещания он не исполнил. Демократическая общественность была в шоке и на всякий случай принялась пугать свою аудиторию близящимися погромами, взывать к Ельцину с традиционным требованием «раздавить гадину». После всего этого против «Памяти» начались репрессии: ее членов увольняли с работы, исключали из КПСС и комсомола. Отобрали у «Памяти» и помещение.

В 1987–1989 гг. «Память» раздробилась на несколько групп: Национально-патриотический фронт «Память» (Дмитрий Васильев), Национально-патриотический фронт «Память» (Н. Филимонов — И. Кварталов), Православный национальный патриотический фронт «Память» (А. Кулаков — С. Воротынцев), Русский Народно-демократический фронт — Движение «Память» (И. Сычев), Союз за национально-пропорциональное представительство «Память» (К. Смирнов-Осташвили), Всемирный антиссионистский и антимасонский фронт «Память» (В. Емельянов), Координационный совет патриотического движения «Память» (братья Вячеслав и Евгений Поповы), Русское собрание «Память» (И. Щеглов) и др. Все они, кроме первой и основной, с течением лет измельчали, сошли в небытие и забылись.

Главной причиной, по которой «Память», располагавшая одно время большими ресурсами, стала раскалываться и терять положение в политике, была ее акцентированная дремучая архаичность. Сознательно и уперто Д.Д. Васильев, сам в недавнем прошлом ярый национал-большевик, взялся культивировать православно-

монархический идеал в самом ортодоксальном и эксцентрическом виде¹, а в результате организация приобрела черты карикатурные и опереточные, словно срисованные с комедий Кеосаяна о приключениях «неуловимых мстителей». Это была закономерная, хотя запоздалая и обреченная на неудачу реакция на 70 лет советского образа жизни. Но в глазах человека нашего времени «Память» казалась жестоко деформированным осколком дореволюционного прошлого, нежизнеспособным реликтом.

В посмертном панегирике Д.Д. Васильеву сказано: «Именно Дмитрий Васильев формулирует и развивает идеологию “Памяти”. Хотя сам он всегда говорил, что “ничего нового я не сказал, я просто повторяю мудрость наших Великих предков”. Тем не менее, он первым в советской России поднял знамя национального возрождения на основе Православной Веры. Идеалом государственной власти назвал Самодержавную монархию. Раскрыл тайну ритуального убийства Царской Семьи».

Но суть дела-то в том, что новое время требовало новых идей и идеалов, дать которых Васильев просто не мог.

Осенью 1993 г. «Память» поддержала Бориса Ельцина по поводу роспуска парламента, хотя в вооруженном противостоянии участия не принимала. Все это также отрицательно сказалось на ее репутации.

Кроме того, значительное количе-

¹ К примеру, в феврале 1994 г. «Память», совместно с Российским консервативным союзом, движением «Русь державная», Инновационным социологическим центром (все эти организации насчитывали всего по несколько человек), учредила Движение национального возрождения России, целями которого были объявлены возрождение в России «триединства Бога, Царя и Нации» — в наивном расчете на установление через 10–15 лет монархического строя. Перспективы ДНВР не получило, что вполне естественно.

ство русской молодежи, притекая в «Память», не находило там реализации своим политическим амбициям, тратя силы и время на сельскохозяйственные (!) и реставрационные работы. Дух вчерашнего дня витал над ними, а молодость хотела иного. Определенное отрицательное воздействие оказывала и личность самого Васильева, страдавшего синдромом фюреризма и отличавшегося показным антиинтеллектуализмом.

Журналист Павел Хлебников в книге «Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России», ссылаясь на Олега Калугина, пишет, что «националистическая группа “Память”... образовалась при помощи КГБ». Однако бывший глава ПГУ КГБ Леонид Шебаршин в одном из интервью уточнил, что Пятый отдел КГБ СССР (ориентированный на «внутреннего врага») целенаправленно расколол организацию.

Одно здесь вовсе не исключает другого. Но надо ясно понимать, что расколоть организацию не удалось бы, если бы к этому не было предпосылок внутри ее самой, из которых главная — отсутствие плодотворной и современной идеи, удовлетворявшей растущий массовый запрос на русский национализм.

В итоге в результате ряда расколов в 1990 г. из НПФ «Память» Дмитрия Васильева выделились две весьма заметные в дальнейшем организации: Русское национальное единство (Александр Баркашев, заместитель Васильева и начштаба «Памяти») и Республиканская народная партия России (Николай Лысенко, Ленинград). А также организация, исповедовавшая в чистом виде идеи гитлеризма, — Национальный социальный союз (Виктор Якушев).

Подробнее о них будет сказано ниже, а здесь надо отметить, что их появление было закономерной реакцией русской молодежи на попытку законсервировать ее в лоне патриархальщи-

ны, вернуть ее в прошлое, удержать в нем, как муху в янтаре. На начальном постсоветском этапе такой возврат в «светлое прошлое» был в чем-то даже привлекателен, поэтому через культурно-исторические инициативы «Памяти» прошли некоторые известные впоследствии русские националисты (например, Игорь Артемов, Валерий Соловей, Сергей Сергеев). Но в целом для молодой столичной русской поросли идеалы православной монархии казались чересчур архаичны и недостижимы, маргинальны и неактуальны в целом. А потому были малопривлекательны. Хотя определенный романтизм и идеализация прошлого свойственны националистам всех наций, все же молодежь космической эры стремится к трезвому, реалистическому взгляду на жизнь. Для нее важны критерии успеха, достижительности, она хочет смотреть вперед, а не назад, хочет при жизни увидеть политические плоды своего труда и подвига, хочет успеть побывать во власти.

Вот почему консервативное православно-монархическое движение не получило перспективного развития в столицах и скоро сокротилось и сошло в довольно узкую нишу. После смерти Д.Д. Васильева (2003) наряду с реликтовой и малочисленной «Памятью», унаследованной на какое-то время Георгием Боровиковым, в этой нише оказался «Союз русского народа», созданный бывшим участником «Памяти» скульптором Вячеславом Клыковым (2005), но вскоре после его смерти (2006) распавшийся на четыре карликовые организации. А также ряд других менее заметных организаций типа «Союза христианского возрождения» Владимира Осипова.

Весьма характерно, что спустя двенадцать лет после первого раскола, в 2002 г., также именно выходцем из «Памяти» Александром Поткиным-Беловым (он с 14 лет был адъютантом у Васильева) будет создана наиболее многочисленная и

успешная русская организация нового столетия — Движение против нелегальной миграции (ДПНИ). В ней от православно-монархической идеи не останется и следа — пример радикальной трансформации движения, где у руля встало новое поколение с новыми принципами.

В 2011 г. «Память» присоединилась к коалиции националистических организаций — «Русские», где идеи православной монархии не акцентируются.

1.2. Организация «Черная сотня»

Сформировалась летом 1992 г., провела учредительную конференцию 9 апреля 1993 г. Во многом аналогична РОНСу, выступает «за все хорошее против всего плохого». Но больше напоминает «Память» (откуда вышел ее бессменный лидер Александр Штильмарк), сохранив все родимые пятна, в первую очередь — ортодоксальное православие и сугубый монархизм. С 1992 г. издает газету-бюллетень «Черная сотня». Девиз газеты: «За Веру, Царя и Отечество!».

Вот центр тяжести программы «Черной сотни»: 1) православная церковь — основа духовного здоровья народа; введение церковной цензуры, следящей за недопущением пропаганды насилия и разврата; запрещение деятельности сект и иностранных проповедников на территории России; запрещение деятельности масонских лож и иных тайных или сатанинских обществ; 2) воссоздание единой и неделимой России в прежних, т.е. дореволюционных границах; 3) реальная поддержка отечественных предпринимателей; земля передается в собственность тем, кто ее обрабатывает, без права продажи, но с правом наследования; предприятия тяжелой промышленности, оборонных отраслей, а также транспорт и банки переходят в собственность государства; телевидение и радио должны быть государственными; 4) поощрение рождаемости коренных народов России,

особенно русского народа; введение смертной казни за незаконную продажу наркотиков и оружия.

Как видим, перед нами традиционно архаический комплекс русского патриота советской формации, соединяющий в себе идеалы православной монархии и империи (да еще в имперских границах) — с рядом принципов социалистического характера. Собственно русско-националистического здесь немного: только демографический аспект, да и тот подан в сильно «разбавленном» виде, стыдливо прикрытый заботой о коренных народах.

Численность «Черной сотни» невелика. Практическая деятельность сводится к восстановлению храмов, распространению православной и патриотической литературы, охране богослужений, борьбе с сектами, занятию русским рукопашным боем и участию в акциях протеста против «преступного демократического режима».

1.3. Русский общенациональный союз (РОНС)

Единственная сколько-нибудь многочисленная и серьезная организация, сохраняющая верность православно-монархической идее и достойно представляющая консервативный сектор в русской политике до наших дней, — это Русский общенациональный союз (РОНС) во главе с Игорем Артемовым. Наиболее развернутый и подробный рассказ об этой организации принадлежит самому Артемову и опубликован в интернете под названием: «Русский ОбщеНациональный Союз (РОНС) в борьбе за Россию и русских в 1990–2005 годах».

Не пользуясь серьезной поддержкой в Москве, РОНС имеет более прочные позиции в провинции (Владимир, Новосибирск, Иркутск и др.), что в целом соответствует социальному контексту ее движущей идеи. Недостатком организации является сектантская позиция по отношению к другим русским организациям, союзы с которыми

носят у РОНС сиюминутный тактический характер и отличаются зыбкостью и ненадежностью. Что вызвано гипертрофированным сознанием собственной исключительной правоты по всем вопросам (издержки сугубо религиозного образа мысли). Рассказами о несостоявшихся альянсах с разными русскими организациями, начиная с 1990 г. («Память» Васильева, «Отечество» Аполлона Кузьмина, НРПР Николая Лысенко), недаром исполнена биография организации, написанная Артемовым.

Краткая историческая справка. В 1989–1990 гг. начала действовать и выпускать газету «III-й Рим» группа «Возрождение России», возглавляемая аспирантом Института востоковедения Игорем Артёмовым. Учредительное собрание состоялось 1–2 декабря 1990 г. в Москве. В РОНС вошли организации: «Возрождение России», «Верность» (Иркутск, председатель А. Турик), «Союз русских националистов» (Краснодар) и др. В конце 1990 — начале 1991 г. были образованы региональные отделения РОНС в Краснодаре, Нижнем Новгороде, Твери, Таганроге, Челябинске, Киеве и в Киргизии. По словам Артёмова, в настоящее время отделения РОНС созданы в 63 регионах России.

Фундаментом идеологии РОНС, как указывается на сайте организации, стали труды классиков русской христианской философии: митрополита Илариона, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, А.С. Хомякова, И.А. Ильина, И.Л. Солоневича, И.Р. Шафаревича и др. Православное христианство — основная идейная константа Союза и лично его бессменного главы Игоря Владимировича Артемова, играющая для него роль водораздела, критерия, по которому заключаются (или не заключаются) тактические союзы.

Основная идея РОНСа — возрождение Российской империи в лоне православного христианства. Характерно приистекающее из идеи «православной

империи» неприятие России как мононационального светского государства русского народа («Русь — православная цивилизация, один из ведущих мировых этнокультурных центров; Россия — русское многонациональное государство»).

Во время противостояния президентской и парламентской группировок в сентябре — начале октября 1993 г. РОНС в силовых акциях не участвовал и не поддержал ни Ельцина, ни парламент.

В 2001 г. съезд РОНС принял решение о преобразовании в политическую партию. Однако Минюст в регистрации отказал на основании ст. 9 закона «О политических партиях», запрещающей создавать партии, основанные на религиозной или национальной принадлежности их членов. В декабре 2006 г. Европейский суд по правам человека отклонил жалобу Артёмова на запрет Минюста РФ зарегистрировать союз как политическую партию. Более того — суд призвал российские власти «особо бдительно» относиться к националистическим организациям и принимать «решительные меры» для борьбы с ними.

Основной профиль организации — борьба в сфере общественной морали (проводятся акции против гей-парадов, аборт, ювенальной юстиции, введения в школах уроков «полового воспитания» и т.п.) и поддержка учебного православного курса «Основы православной культуры». Максимум достигнутого — несколько депутатов в различных областных парламентах, в т.ч. сам Артемов побывал депутатом во Владимирской областной думе. Ни в одном регионе, однако, эти немногочисленные ласточки не сделали погоды, хоть и украсили отчетность РОНСа рядом хороших, правильных дел, не получивших, однако, ни всероссийской известности, ни широкой поддержки.

Но и такие скромные достижения националистов встревожили власть.

В 2009 г. программные документы и агитационные материалы РОНСа были признаны экстремистскими и включены в Федеральный список экстремистских материалов от 5 марта под номерами 319, 597, 598, 599, 600. В 2011 г. состоялась попытка запрета РОНС со стороны Владимирской прокуратуры. Суд признал запрет РОНСа, но из-за того, что РОНС является общероссийской организацией, по закону запретить такую может только Верховный, а не областной суд. Последний запретил лишь межрегиональную организацию РОНС, которой по документам не существует, потому руководство РОНС признало запрет недействительным и организация продолжает свое существование.

Самостоятельного значения в политике РОНС добиться не сумел, невзирая на чрезвычайное политическое честолюбие лидера, да и в блоках (его постоянный партнер — Российский общенародный союз Сергея Бабурина) никаких успехов не достиг. Однако личная порядочность всего руководства РОНСа позволяет организации, оставаясь вполне маргинальной, пользоваться хорошей репутацией в Русском движении и оставаться на плаву вот уже двадцать лет без особых побед, но и без ущерба.

* * *

В целом РОНС служит наглядным подтверждением, с одной стороны, относительной жизнеспособности православно-консервативной идеи в чистом виде, а с другой — ее весьма ограниченных возможностей в современной политике.

Данный пример позволяет обойтись без анализа карликовых организаций подобного профиля, имеющих в наличии в столицах и провинции. Примечательной чертой является их принципиальное нежелание объединиться в одну, более-менее значительную структуру, несмотря на полное совпадение основных ценностей. Это связа-

но с лидерскими амбициями, в первую очередь, поскольку сама монархическая идея рождает смутные надежды, как говаривал еще Васильев, на «правильный выбор» народа в пользу лидера или, в крайнем случае, на роль персоны, особо приближенной к престолу.

Маргинальность православно-монархических русских организаций, с беспощадной ясностью выявившаяся уже в 1990-е гг., парадоксальным образом сочетается со в целом положительным отношением в русском обществе к самой идее православной монархии. Что говорит о том, что в современном русском сознании проходит четкая грань между желаемым и действительным, между мечтой и реальностью. Русский человек любит помечтать, но он, однако, — реалист по натуре и не ставит себе недостижимых задач, пусть и симпатичных.

При этом определенный потенциал самой идеи сохраняется, но реализован может быть скорее в деятельности тайных православно-монархических братств, организованных наподобие ордена иезуитов или масонских лож. Такие братства существуют, но освещение их жизни не входит в задачи данного очерка.

2. Первые образцы.

Национал-социалисты

2.1. Национал-социалистический союз

Организация, не оставившая следа в настоящем времени, но исторически первая из национал-социалистических. Ее основатель и лидер, выпускник экономического факультета МГУ Виктор Якушев еще старшеклассником в начале 1980-х гг. встал на позицию «Гитлер был прав» и сумел найти и объединить более десятка единомышленников своего возраста. В 1989–1990 гг. Якушев состоял в Национально-Патриотическом фронте «Память» (Николая Филимонова), в конце 1989 г. основал группу

«Третий Рим» (был с Игорем Артемовым соредактором и основным автором первого номера одноименной газеты, но с третьего номера Артемов редактировал ее единолично², Якушев же был из группы вытеснен, если верить Артемову — за попытку присвоить часть выручки). Потом недолгое время был в «Памяти» у Васильева.

В сентябре 1990 г. Якушев вместе с Баркашевым, выйдя из «Памяти», создал организацию «Национальное единство за Свободную Сильную Справедливую Россию» (NB: аббревиатура — СССР). Но затем, рассорившись с Баркашевым, в ноябре того же года создал Национал-Социальный союз (НСС), официальной датой образования которого считается 9 ноября — годовщина Мюнхенского «пивного путча».

НСС не добился заметных успехов в политике и вскоре сошел со сцены, не выдержав конкуренции с менее одиозным РНЕ, где нацистские аллюзии носили не столь откровенный характер, а организационные и финансовые возможности стояли на порядок выше. Возможно, это связано с тем, что какое-то время Якушев провел в местах лишения свободы и не мог эффективно руководить организацией.

2.2. Русское национальное единство

В 1990 г. из «Памяти» вышел и образовал свою организацию заместитель Васильева и его начтштаба Александр Петрович Баркашев³. Русское национальное единство (РНЕ) быстро становится самой крупной, заметной и грозной в глазах противника русской организацией. Сегодня она не имеет политического веса, но носит характер легенды.

В руководство РНЕ входили люди, имеющие опыт организационный, фи-

нансовый, юридический, в т.ч. кадровые разведчики, офицеры МВД и КГБ.

Точных данных о численности РНЕ нет. 15 октября 1995 г. на Учредительной конференции (съезде) Всероссийского общественного патриотического движения Русское Национальное Единство (ВОПД РНЕ), присутствовало 304 делегата из 37 региональных организаций. А всего через полтора года, 15–16 февраля 1997 г. в Подмоскowie прошел Учредительный всероссийский съезд РНЕ, где присутствовало уже более 2 тысяч делегатов из 57 регионов.

Баркашев говорил, что всего по России насчитывается 20 тысяч «соратников», но эта цифра ничем не подтверждена. Количество бойцов, защищавших «Белый Дом», колеблется от 200 (данные журналистов) до 500 (свидетельства самих боевиков). Однако, когда в 2000 г. встала задача собрать 2 млн. подписей для выдвижения Баркашева кандидатом в президенты, она была выполнена, что свидетельствует о немалых возможностях, прежде всего человеческих.

Основной костяк РНЕ состоял из годных к военной службе мужчин, многие из которых отслужили в различных структурах армии, милиции и спецслужб⁴. В книге Баркашева «Азбука русского патриота» (во втором издании — уже «Азбука русского националиста») говорилось, что «самоорганизация должна проходить по принципу выделения наиболее здорового, национально мыслящего и чувствующего ядра нации с последующим сплочением вокруг него всех русских людей». Таким ядром — «наиболее дееспособным и политически актив-

² В 1991 г. редактированием «Третьего Рима» занимался С.М. Сергеев. — *Ред.*

³ Именно так, через «е», написана его фамилия в паспорте, чему свидетель автор.

⁴ В списке отряда РНЕ, участвовавшего в защите «Белого Дома» в 1993 г., упомянуты не только отставные, но и действующие офицеры армии, МВД и КГБ. Внутренняя служба безопасности РНЕ была создана бывшим агентом спецподразделений МВД Александром Денисовым, до того воевавшим в Приднестровье.

ным слоем общества» он именовал рабочих и военных («рабочие и военные хорошо организованы по профессиональному признаку и в основном однородны по своему национальному составу — это славяне»), а также молодежь.

Создавая из подобного контингента многочисленные ЧОПы, Баркашев и его команда брали на себя охрану предприятий и фирм, включая такие крупные объекты, как Октябрьская железная дорога и др. Тем самым решалось сразу несколько задач: создавались военизированные отряды, трудоустраивались преданные русскому делу бойцы, наполнялся бюджет организации (часть зарплаты неофициально отчислялась в общую кассу). Денег хватало на аренду помещений и транспорта, зарплату функционерам и охране, выпуск газеты «Русский порядок», символику и атрибутику, организацию массовых мероприятий и т.д.

Характерным принципиальным отличием РНЕ от других организаций и его ахиллесовой пятой был подчеркнутый антиинтеллектуализм. Ставка на людей, чей удел — лишь физическая активность, была не случайна. Если в «Памяти» это свойство проявлялось на уровне инстинктивном (Васильев имел многие комплексы), то у Баркашева таков был сознательный принципиальный выбор. «Интеллигенция — враг», — излагал, не обинуясь, свое кредо Александр Петрович в той же книге, служившей настольным путеводителем для соратника РНЕ. И добавлял простодушно: «Интеллигентность — тяжелая болезнь ума» (сам он данной болезнью не страдал.) В этом Баркашев явно равнялся на Гитлера, который был убежден, что «в борьбе между умом и силой последняя всегда побеждает. Социальный слой, у которого есть только голова, как бы чувствует, что у него совесть нечиста. И когда действительно начинаются революции, он не отваживается встать в первых рядах». При этом сам Барка-

шев по своему интеллекту годился на роль лишь Рема, но не Гитлера. О том, что в наше время ум — это и есть главная сила, он не догадался.

Если «Память» и ее разнообразные аналоги относятся к право-консервативному сектору, ориентированному на воссоздание православной монархии, то РНЕ и его аналоги можно отнести к сектору лево-консервативному. То есть так же мечтающему вернуть прошлое, но сравнительно недавнее, советское или германское. Конкретно, РНЕ было ориентировано на немецкий национал-социализм (отсюда и черная форма, и закамуфлированная «богородичной звездой» свастика в символике, и «римское» приветствие, и способы внешних проявлений и т.д.). Но встречались и поклонники советского социалистического прошлого, в большей или меньшей степени националистического толка.

Так или иначе, но все основные национал-социалистически настроенные силы на десять лет сосредоточились в РНЕ, серьезную конкуренцию которому на данном поле не могла составить ни одна другая организация. Созданная в 1993 г. Национал-большевистская партия, хотя и содержит в своем наименовании некую заявку на национализм, однако представляет собою в действительности просто крайне левую организацию, сочетающую в себе черты андерграунда и молодежной моды на бунтарство и экстремальность. Не случайно НБП Эдуарда Лимонова никогда не блокировалась с националистами, но легко нашла общий язык с либералами.

Разгромленный, уничтоженный, казалось бы, русским народом в Великой Отечественной войне противник — немецкий социально-политический проект — неожиданно воскрес в самой России. В этом факте парадоксальным образом проявилось стихийное отрицание советского интернационалистического проекта, осознанного

молодыми русскими как губительный для нашей нации. Именно осмысление опыта Советской Красной империи как антирусского, поставившего русских на край могилы, привело к воскрешению, востребованию самого грозного и самого недавнего по времени врага Советской власти — гитлеризма.

Увлечение гитлеризмом, национал-социализмом, свойственное РНЕ сверху донизу и даже отчасти культивировавшееся в организации⁵, в конечном счете сыграло против нее. Как и Гитлер, Баркашев делал главную ставку на людей физического труда и военных, рассчитывая, что они проложат ему путь к власти. Баркашев не раз говорил, что отбор кадров в РНЕ соответствует не митингам и выборам, а борьбе «в экстремальной ситуации». Он не понял, не осознал, что в наши дни во всех развитых странах появился новый класс-гегемон. И что сегодня судьбами страны заправляет исключительно интеллигенция мегаполисов.

Но даже если бы он и понял это, подходов к интеллигенции (а значит и шансов на победу) у него не было. Как поручик Ржевский в анекдоте, он

⁵ Сам Баркашев неоднократно именовал нацистами себя и своих соратников. Для новых членов РНЕ читались лекции по ряду учебных дисциплин, они должны были смотреть фильмы и читать соответствующую литературу, преимущественно сочинения самого А. Баркашева, а также «классику» — «Майн кампф» А. Гитлера и «Мифы XX-го столетия» А. Розенберга. В «Азбуке русского патриота» (1992) в разделе «Рекомендуем почитать» представлен список из двенадцати работ, посвященных исключительно масонскому и еврейскому вопросу, в т.ч.: Г. Бостунич. Масонство, его сущность и проявление, Г. Форд. Международное еврейство, С. Нилус. Протоколы сионских мудрецов и т.д. Внутри РНЕ существовала своего рода «кузница кадров» — Национальный клуб, куда принимали только отличившихся знанием именно фашистской идеологии молодых активистов.

искренне недоумевал, отчего интеллигенция не ходит строем, если она такая умная... Соответственно, националистически настроенная интеллигенция, в том числе блестящие умы, некогда наполнявшие ВООПИК, платила Баркашеву взаимностью и массово отшатнулась от РНЕ. Результатом чего явилось скорое истощение интеллектуального ресурса организации, его непоследовательность и бедность, идейный сумбур, увлечение верхушки не только нацизмом, но и мистицизмом, и оккультизмом и т.п. — жалкое подражание немецкому образцу.

А между тем РНЕ как крупнейшая организация в 1990-е гг. стала во многом олицетворять все движение русских националистов в целом. Таким образом, заметное падение интеллектуального уровня всего Русского движения, его умственное «обезвоживание», бросающееся в глаза по сравнению с 1960–1980-ми гг., явилось следствием принципиальной социальной установки Баркашева и его приближенных. Стоит ли говорить, какие козыри в руки получили ведущие антирусскую контрпропаганду либеральные силы, живописующие «звериный оскал» русского национализма!

Вышеуказанный выбор социальной базы РНЕ имел свои плюсы и минусы (помимо главного, указанного выше). С одной стороны, он обеспечивал хорошую структурированность организации, ее высокие мобилизационные возможности, дисциплину, способность к массовым действиям, в т.ч. военным. Этому содействовали постоянные бесплатные тренировки соратников в боевых искусствах и стрельбе, что особенно привлекало молодежь.

С другой стороны, бесконечные тренировки и марши в ожидании «экстремальной ситуации» (читай: национального восстания, революции и т.п.), которая, однако, все никак не наступала, разочаровывали и расхолаживали людей. В реальности им доводилось

лишь раздавать газеты⁶ и расклеивать листовки, зазывая все новых людей в организацию, которым, в свою очередь, ничего иного делать, по большому счету, не предлагалось.

Таким образом, ложная установка наглядно входила в противоречие с жизнью, обрекая РНЕ на бездействие и загнивание. Отсюда возникла основная проблема РНЕ: текучка кадров, которые быстро и в большом количестве приходили — и так же уходили, не зная, чем заняться, и не видя перспектив.

Польза от этого все же была в том смысле, что РНЕ играло роль «школы молодого бойца», пройдя через которую, молодые люди выносили не только бойцовские навыки, но и начатки русского националистического мировоззрения. Эта прививка часто оставалась на всю жизнь. В дальнейшем кадры, прошедшие через РНЕ (за 20 лет это десятки тысяч человек), нередко зарекомендовывали себя лучшим образом в рядах других русских национальных организаций.

Еще одной стратегической ошибкой было решение Баркашева о «нецелесообразности и вреде одновременного существования нескольких националистических партий и организаций, даже если они находятся в тесном союзе между собой... Наличие нескольких отдельных организаций, действующих раздельно или в коалиции, не просто глупо, но и опасно». В итоге РНЕ встало на позиции сепаратизма и сектантства, что впоследствии ускорило его уход с политической сцены и не дало вернуться на нее. О чем никто из

национал-патриотических организаций не пожалел. А Николай Лысенко (НРПР) даже сделал специальное заявление, в котором отказал Баркашеву в каком-либо значении вообще в Русском движении.

Правду сказать, РНЕ не однажды было близко к тому, чтобы включиться в пресловутую «экстремальную ситуацию». Так, еще в феврале 1991 г. Александр Баркашев обратился с воззванием от РНЕ к солдатам и офицерам Советской Армии, призывая их взять власть в свои руки. А 19 августа того же года послал телеграмму Геннадии Янаеву с одобрением действий ГКЧП. Однако в обоих случаях бойцы РНЕ не вышли на улицы и не вмешались в события.

В чем была причина подобной сдержанности и нерешительности? Здесь уместно сделать одно предположение.

По свидетельству ветерана Русского движения Юрия Беляева (СПб), вблизи Баркашева всегда находились представители спецслужб. А когда он заметил это Баркашеву, тот признался: «Юра... вот сейчас эти спецслужбы начали давать деньги... Я хочу на их деньги подняться, создать мощные структуры, а потом свернуть им голову».

Осведомленная газета «Стрингер» уточняет: РНЕ изначально контролировалось службой собственной безопасности МВД.

Если вся эта информация соответствует действительности, она очень многое объясняет. В том числе показывает всю меру политической наивности главы РНЕ.

Между тем известные из других источников данные говорят о том, что многие решения руководителя РНЕ принимались им не добровольно, а под давлением неких структур, от которых зависело благополучие организации и его лично. Что позволяет предположить участие РНЕ в политическом спектакле, где его роль (включая костюмы и атрибутику) была заранее расписана и утверждена.

⁶ Центральным органом была газета «Русский порядок», которая в 1992–1993 гг. выходила ежемесячно, а в последующем нерегулярно. Тираж издания доходил до 500 000 экземпляров, летом 1995 г. газета печаталась в пяти городах России, на нее можно было подписаться по каталогу «Роспечати». В 1999 г. регистрация газеты была аннулирована. К этому времени в публике раздавались преимущественно старые выпуски.

Кульминацией истории РНЕ именно в этой связи следует считать события осени 1993 г., когда облетевшие весь мир кадры марширующих молодцев в зловещей черной форме со свастиками на нарукавных повязках послужили моральным оправданием расстрела законопослушного парламента России мятежным президентом Ельциным. Таково было единственное — и абсолютно провальное! — участие РНЕ в «экстремальной ситуации», оставившее на его репутации большое черное пятно и заставившее многих увидеть в нем лишь провокатора поневоле, марионетку хитроумных кукловодов, мастеров «разводок» и интриг⁷.

После чего, как бы исполнив свое предназначение, РНЕ уже не имело серьезного веса в российской политике вплоть до выборов 1999 г., когда организация и лично Баркашев двинулись на думские выборы под псевдонимом «Спас» (формальный глава — депутат ГД РФ от ЛДПР Владимир Давиденко).

Это была первая серьезная попытка русских националистов прорваться в легальную Большую Политику. Однако Давиденко страдает серьезным дефектом речи, а Баркашева на

публику выпускать было нельзя ввиду его полной беспомощности перед лицом теле- и фотокамер и микрофонов. Поэтому на роль «говорящих голов» были дальновидно приглашены известные публицисты, идеологи русского национализма Борис Миронов и Александр Севастьянов, которым в ходе избирательной кампании удалось быстро поднять рейтинг «Спаса» до 15%. После чего встревоженный Ельцин, «накрученный» еще более встревоженными либералами из ближнего окружения, распорядился снять организацию с выборов⁸. Что и было сделано по формальному поводу Замоскворецким судом Москвы.

Неудавшаяся выборная эпопея РНЕ усугубила внутренние противоречия и обострила личный конфликт Баркашева с остальным руководством. Тем не менее было принято решение выдвигать кандидатуру Александра Петровича на президентские выборы. Ценой невероятных усилий всего рядового состава РНЕ, дисциплинированно и с энтузиазмом бросившегося исполнять задание, удалось собрать требуемые миллионы подписей, но... Баркашев неожиданно отказался от участия в выборах и не стал регистрироваться кандидатом в президенты.

Это было последней каплей. Все соратники, труды которых пошли прахом, почувствовали себя жестоко обманутыми в лучших надеждах.

Осенью 2000 г. в РНЕ разразился давно назревавший бунт⁹. Баркашев

⁷ После событий октября 1993 г. РНЕ было запрещено, но фактически продолжало существовать, не прекращая своей деятельности. Однако слишком очевидная провокационная роль, сыгранная РНЕ в дни октябрьского противостояния, привела многих руководителей второго звена к разочарованию и подозрениям. В конце 1994 г. большая часть региональных организаций во главе с бывшим заместителем Баркашева — Александром Федоровым вышла из РНЕ и начала создавать партию Русских националистов. Ранее, в начале 1994 г., из РНЕ вышла Новосибирская областная организация. В конце 1990-х этот процесс усилился: РНЕ пережило ряд новых расколов, приведших к образованию ряда новых организаций: Русская православная партия, Русское народное движение Северо-Востока, Русская национал-социалистическая рабочая партия и др.

⁸ Одной из причин тревоги было демонстративное размещение фамилии Баркашева под № 1 в выборном списке. На предложение Давиденко переместиться на другое, менее вызывающее место Баркашев ответил, что в таком случае спонсоры не дадут (!) денег на выборы.

⁹ Претензии к вождю появились еще с 1995 г., когда неизвестными боевиками (позднее определенными как сотрудники Коржакова), ворвавшимися в помещение центрального штаба РНЕ на ул. Ильинка,

был официально низложен, а сама организация раскололась на несколько частей (не менее четырех). Наиболее крупные из которых продолжают сегодня существовать в «подмороженном» виде под другими именами (ПЗРК «Русь», «Народный собор» и др.).

Не располагая ни яркой привлекательной идеологией, ни харизматичными вождями, они представляют собой своего рода «наполнитель» в Русском движении, самостоятельной роли не играя. Их попытки получить у Кремля ярлык на роль главного представителя русской идеи порой удавались, но справиться с такой задачей, не имея для того реальных задатков, было им не по плечу. А опыт выхода в Большую Политику через «Народную волю» Сергея Бабурина, влившуюся в создаваемую «Родину» (2003), оказался неудачным, поскольку под нажимом Кремля и при непротивлении Бабурина все видные РНЕ-шники (как и другие радикальные националисты) вылетели из избирательных списков, после чего разорвали всякие отноше-

из А.П. Баркашева были выжаты под дулом автомата жалкие извинения перед евреями, неграми и т.д. Записанные на видео, они быстро стали достоянием публичности, нанеся непоправимый ущерб имиджу лидера. 21 сентября 2000 г. внутренняя оппозиция провела закрытый пленум ЦС, на котором Баркашева исключили из состава РНЕ. Заместители Баркашева О. Кассин и Ю. Васин, а также кураторы РНЕ Уральского, Северо-Западного, Верхне-Волжского, Северо-Кавказского, Черноземного регионов и главы Московского, Кировского, Рязанского, Марийского и Ростовского отделений заявили об «очевидной неспособности А. Баркашева полноценно осуществлять руководство движением». Среди обвинений, выдвинутых против Баркашева, были злоупотребление алкоголем, расстрел в пьяном виде из лука иконы Богородицы, увлечение буддизмом и — важная новация! — непризнание положительных изменений в стране после прихода к власти В. Путина.

ния с «Родиной» и Бабуриным лично.

Характерно, что в идеологическом отношении у некоторых наследников РНЕ («Народный собор», РНЕ братьев Лалочкиных) произошел, наряду с отказом от гитлеромании, резкий откат в консерватизм, опирающийся на идеи традиционного патриотизма и православия по образцу прааматери «Памяти», включая даже осторожный монархизм.

У других наследников (пример — Славянский союз Д.Н. Демушкина), напротив, укрепился национал-социалистический выбор.

Наконец, у ПЗРК «Русь» эклектично сочетаются традиции РНЕ, идеи национал-социализма, итальянского фашизма, православного национализма, сталинизма и неоевразийства.

2.3. Фронт Национал-Революционного Действия (ФНРД)

ФНРД — молодежная национал-патриотическая организация нацистской ориентации. Первоначально носила название Союз Русской Молодежи (СРМ, образован 11.11.1991), членом СРМ мог стать любой русский молодой человек не старше 25 лет, «крещёный и необрезанный». Лидеры Илья Викторович Лазаренко и Алексей Алексеевич Широпаев.

С января 1993 г. организация меняет название на Фронт Национал-Революционного Действия (ФНРД). Она никогда не отличалась многочисленностью или особым авторитетом в русском движении. В заслугу себе ФНРД ставит, главным образом, воспитание кадров и пропагандистскую деятельность. В своего рода отчете-мемуаре в наши дни ветеран СРМ пишет: «Наша работа в СМИ началась с выпуска в 1992 году печатного органа ФНРД — маленькой газетки “Наш Марш”, позже переименованной в “Народный строй”. Эти маленькие газетёнки стали мощным мировоззренческим прорывом русской национальной мысли — впервые в новейшей

истории открыто излагались те идеи, о которых ранее говорили лишь шёпотом. Позже знамя национального авангарда подхватила легендарная газета “Штурмовик” — издание Русского Национального Союза, чей лидер Константин Касимовский прямо говорил, что его “Штурмовик” продолжает дело ФНРД и “Нашего Марша”. Ещё одна газета — “Лимонка” (НБП) — на протяжении нескольких лет (до раскола НБП на лимоновцев и дугинистов) была без сомнения лучшим изданием из когда-либо выпускавшихся в РФ. Другое мощнейшее издание 90-х — независимая газета “Империя”, опять же была укомплектована нашими соратниками, в частности Алексей Широпаев вёл там постоянную рубрику. А уж на этих газетах — “Лимонка”, “Штурмовик”, “Империя” — воспитана вся остальная ныне здравствующая и бурно развивающаяся русская журналистика».

Вполне понятная склонность автора мемуара преувеличивать заслуги своей организации не мешает заметить, что повальное увлечение гитлеризмом среди молодежи с конца 1990-х и вплоть до конца 2000-х — есть, действительно, во многом плод усилий тех идеологов национал-социализма и фашизма (включая национал-большевиков), что группировались вокруг названных изданий.

Но на деле ФНРД интересен более всего тем, что в своей причудливой и непоследовательной идейной эволюции во многом отразил, во-первых, необходимость перемен старопатриотической парадигмы Русского движения в целом, а во-вторых — принципиальный характер изменений указанной парадигмы.

Преимущественно молодежный состав организации послужил одной из важных причин, по которым данная организация оказалась наиболее идейно подвижной, чуткой и отзывчивой к историческим сдвигам, произошедшим в России. Это отчасти связано также с личностями ее лидеров — Ильи Лаза-

ренко¹⁰ и Алексея Широпаева, людьми своеобразными и творческими, отторгающими политическую рутину, но при этом падкими на экстравагантные теории и политические выходки. Их неожиданные и крутые идейные повороты постоянно становятся мишенью критики в Русском движении, притягивая одних и отталкивая других. А руководимые ими организации неизменно превращаются в полигон наиболее сомнительных идей.

Первоначально идеологическая платформа СРМ представляла собой полный национал-патриотический набор тех лет: православный фундаментализм, монархизм, антисемитизм. Некоторое время СРМ даже считался молодёжным отделением союза «Христианское Возрождение» (В.Н. Осипов и В.К. Дёмин). Идеалом виделась дореволюционная Россия. Отличительной чертой была попытка привить к этому комплексу идеи нацизма, по каковой причине члены организации называли себя «монархофашистами».

Однако в 1992 г. быстрый и резкий крен вправо повлек за собой размежевание с традиционными православно-монархическими организациями. В программных статьях «Третья Русь» Ильи Лазаренко («Наш Марш» № 1) и «Национальная революция» Алексея Широпаева («Наш Марш» № 2) авторы отрешиваются от традиционных русских националистов (НПФ «Память» и подобных организаций) и провозглашают себя «новыми правыми».

¹⁰ Лазаренко начал заниматься политической деятельностью в 1990 г. в рамках Русского собрания «Память» таксиста Игоря Щеглова (ответвление «Памяти»). Учился в Московской юридической академии, откуда был исключен в 1994-м. Журнал «Огонек» в свое время охарактеризовал его так: «Говоря неофициальным языком, Лазаренко — ходячий персонаж Достоевского и Юрия Мамлеева. В новейшую историю вошел как первый осужденный по новому УК за разжигание национальной розни».

В чем выразилась на тот момент «новизна» и «правизна»?

СРМ объявляет себя правопреемницей Всероссийской фашистской партии и Всероссийской национал-революционной трудовой и рабоче-крестьянской партии фашистов (русские эмигрантские структуры 1930–1940-х гг.)¹¹. Вскоре лидеры ФНРД формулируют и выпускают в свет т.н. «20 пунктов» («Наш марш» №4) — синопсис современного отечественного фашизма. Целью ФНРД объявляется установление путем русской национальной революции «Великой национал-социалистической Российской Империи». Своей идеологической базой они признают «тотальный радикализм» и «национальный социализм сталинско-штрассеровского типа».

В том же ветеранском отчете-мемуаре говорится: «Мы чаем нечто большее, автохтонно глубинное, но радикально новое, что когда-то, в далекие 90-е, получило условное и весьма приблизительное название — “Русский Фашизм”».

Однако новым было только место и время проявления «русского фашизма», но, конечно, не он сам.

Вскоре указанное размежевание становится необратимым: в 1994–1995 гг. Лазаренко внезапно и радикально меняет православно-христианскую ориентацию на языческую (комбинированную германокельто-славянскую), чем повергает в шок большинство своих коллег. После чего распускает ФНРД и образует вначале партию «Национальный фронт» (ПНФ), а затем религиозную организацию — Клан Нави («Священную Церковь Белой Расы»), использующую декорации Ку-клукс-клана.

¹¹ Популяризируя фашизм, ФНРД издало брошюры «Слава России!» (посвящена деятельности главы ВФП Константина Родзаевского), «Идеология германского национал-социализма» и т.п.

Часть бывших соратников (православных христиан) продолжала называть себя ФНРД, сохраняя при этом добрые отношения с бывшим лидером. Эта группировка издавала журналы «Мракобесь», «Под ноль» и «Руна», газеты «Дверь» и «Хулиганисть»; есть данные, что они же стали первой редколлекцией газеты «Лимонка». В 1998 г. Фронт Национал-революционного действия формально возродился (с другим руководством), однако после 1999 г. никаких акций не проводил.

Судьба бывших руководителей ФНРД заслуживает отдельного внимания, служа одним из типовых примеров эволюционного развития Русского движения.

Радикальное язычество (на грани воинствующего антихристианства) не помешало Лазаренко и Широпаеву¹² войти в движение «За Веру и Отечество» (руководители иеромонах о. Никон [Белавинец] и председатель Русского национального союза Константин Касимовский). Идеология движения — «русский православный национал-социалистический монархизм». Политическая ставка делается на возвращение на российский царский престол династии Владимировичей.

С марта 2010 г. Лазаренко и Широпаев, совместно с Михаилом Пожарским, стали также сопредседателями учрежденного ими общественно-политического движения Национал-демократический альянс (НДА). Очередной идейный кульбит произошел из стремления узурпировать перспективный бренд, разработанный конкурирующей груп-

¹² Алексей Широпаев начинал как православный монархист, в 1989–1992 гг. был активистом Христианско-патриотического союза, затем союза «Христианское возрождение». Однако с 2000 г. перешел на позиции активного антихристианства и неоязычества.

пировкой¹³, но явно набирающий популярность в Русском движении.

Стоя одной ногой на ставших традиционными принципах православно-монархических и национал-социалистических, а другой — на более современных и актуальных принципах неоязычества и национал-демократии, названные лидеры пытаются удержаться на гребне поднимающейся волны русского национализма.

Однако пока что подобный идейный паразитизм привел лишь к профанации и заметной дискредитации национал-демократического бренда. Чему в немалой степени способствует национал-анархизм, «русский сепаратизм» и оголтелое юдофильство, культивируемые Лазаренко, Широпаевым¹⁴ и их адептами.

С декабря 2011 г. НДА принял участие в общегражданском митинге на Болотной площади, а в дальнейшем — в движении либеральной оппозиции в целом, вошел в состав оппозиционного Российского Политического комитета. Не располагая сколько-нибудь значительными человеческими ресурсами и пользуясь отвратительной репутацией среди большинства русских национал-патриотов, современные наследники ФНРД тем не менее оказывают определенное влияние на русский националистический дискурс, способствуя его карикатуризации.

Однако в описываемый период (1991–1995) ФНРД, снабжая национал-социалистический сектор Русского

движения идейными разработками и переложениями трудов классического нацизма, в организационном плане не дали ничего существенного.

3. Первые образцы.

Родноверы

К числу наиболее важных новаций на постсоветском политическом поле следует отнести появление родноверческих общин и политических объединений, партий в том числе. Родноверами они предпочитают называть себя сами. В литературе более приняты термины: язычники, неоязычники, ведисты.

Факт сдвига религиозных исканий пробуждающегося русского национализма в сторону дохристианских верований следует рассматривать, во-первых, как результат поиска национальных корней, истоков самобытного национального характера и судьбы. Как желание обрести опору в вере, исторически наиболее органично соответствующей русскому народу как единой кровнородственной общине, большой семье. Это наиболее последовательное проявление национализма в религиозной сфере и ее наиболее политизированная часть.

Во-вторых, неоязычество — естественное движение, выражающее разочарованность в христианстве, не защитившем русский народ от сокрушительных национальных катастроф XX века. В нем следует видеть попытку обрести для русского народа более надежную и национально-мобилизующую защиту на сверхъестественном уровне. Оно во многом порождено неверием в способность РПЦ и русских христиан к решительной и беспощадной, в том числе кровавой, борьбе за русские национальные права и интересы. Оно культивирует воинские доблести и отвергает смирение и христианское отношение к врагам (как личным, так и «врагам народа»), рассматривая христианские добродетели как фактор морального

¹³ См. об этом: Александр Севастьянов. Национал-демократия — не национал-социализм // ВН. 2010. №2 (<http://vnatio.org/arhiv-nomerov/node64/>).

¹⁴ Лазаренко и Широпаев летом 2011 г. в составе делегации НДА посетили израильский Кнессет, где провели встречи с депутатами Аюбом Кара (партия «Ликуд») и Арье Эльдадом (блок «Национальное Единство»). Союз русских и еврейских националистов в борьбе с мусульманской угрозой — вот их девиз.

разоружения в необъявленной войне, которую ведут против русских различные силы.

По этой причине из числа неоязычников-родноверов вышли многие наиболее решительные деятели Русского движения, в том числе подпольного, которых не останавливают ни духовные отцы-исповедники, ни внутренние моральные запреты, ни страх перед репрессиями. Не случайно одно из направлений неоязычества — инглизм и несколько небольших родноверческих организаций были запрещены как экстремистские. Упорное и неоднократное уголовное преследование известных деятелей — Анатолия Иванова, Александра Добровольского (Доброслава), Виктора Корчагина, Александра Аратова и др. — также свидетельствует об особой роли родноверов в Движении.

Неоязычество, как и другие разновидности русского национализма, зародилось в диссидентском лоне, будучи одновременно антисоветским (и антикоммунистическим), антисемитским и антихристианским.

Все эти интенции ярко воплотились в личности первого принципиального неоязычника, практика и теоретика язычества, Анатолия Михайловича Иванова¹⁵. На его примере можно видеть, как идейное развитие национализма порождало противостояние с доктриной христианства.

Еще в 1970 г. Иванов выступил автором известного манифеста русских патриотов «Слово нации», который заканчивался призывом «Да здравствует победа христианской цивилизации над взбунтовавшимся против нее хаосом!». Однако уже в 1971 г. им был написан трактат «Тайна двух начал»,

переизданный в 1978 г. в виде политического памфлета под красноречивым названием «Христианская чума»¹⁶. В то время Иванов резко разошелся с абсолютным большинством русских диссидентов, традиционно придерживавшихся, как уже говорилось выше, православно-монархических взглядов.

Весьма характерно, что первоначально Иванов выступал в союзе с ультрахристианским писателем Владимиром Осиповым¹⁷, на пару с ним редактируя самиздатский национал-патриотический журнал «Вече» (1971–1974), имевший православно-патриотическую направленность и выходивший тиражом 50–100 экземпляров. Но уже тогда в журнале начало складываться неоязыческое крыло, представленное, помимо Иванова, Николаем Богдановым и прославленным позднее художником Константином Васильевым. Шефом КГБ Андроповым журнал был признан антисоветским¹⁸.

К концу 1980-х неоязыческое движение выросло достаточно, чтобы в столичных городах зародились его организованные формы. В 1989 г. семитолог Валерий Емельянов (кандидат экономических наук, автор знаменитой книги «Десионизация», он же волхв Велемир) и Александр Белов (волхв Селидор) создают «Московскую языческую общину», куда вошло

¹⁶ Этот памфлет издательство В.И. Корчагина «Витязь» выпустило в 1994 г. отдельной брошюрой под несколько смягченным названием «Христианство как оно есть».

¹⁷ В.Н. Осипов, ныне глава союза «Христианское возрождение» и член Главного совета Союза русского народа, был исключен в 1959 г. из студентов истфака МГУ как раз за выступление в поддержку арестованного КГБ А.М. Иванова. Одновременно с Ивановым отправился в заключение в лагеря в 1961 г., где стал, по его словам, «убеждённым православным монархистом и русским националистом».

¹⁸ Осипов получил за него новый срок.

¹⁵ Псевдоним: Скуратов; историк-диссидент, упрятанный Андроповым в мордовские лагеря. Сидел как антисоветчик при советской власти трижды, в общей сложности провел в МАС семь лет. Его портрет писал сам Илья Глазунов.

более 100 человек. В 1990 г. Виктор Безверхий (кандидат философских наук и морской офицер, он же «Дед» и волхв Остромир) формирует «Союз вenedов» («венеды» — древнее наименование славян в латинских источниках) в Ленинграде¹⁹. Обе организации отличались сильной политизированностью²⁰ в том ключе, о котором сказано выше, проповедуя кроме возврата к родным богам славян также антисемитизм и антихристианство.

Особый интерес к неоязычеству стала проявлять молодежь. Атеистическое воспитание нескольких поколений советских людей привело к тому, что когда пали запреты на религию вообще, миллионы людей, имея самые смутные представления о различных конфессиях, пустились на поиски себе наиболее подходящей веры. Православие, не наследуемое поколением от поколения, перестало быть единственной возможностью, вступило в конкуренцию с другими конфессиями. Для молодежи свободный выбор зачастую определялся тягой к экзотике, эпатажу. В России появились различные секты, включая

сайентологов, мунистов, шиваитов, кришнаитов и даже сторонников Аум синрикё. Что же говорить об увлечении культурами европейских предков: древних кельтов, германцев и славян! В самом термине «родноверие» таилось нечто привлекательное: связь с родными корнями.

Со временем родноверие обросло своей теорией и мифологией, включая русскую историю, переписанную в жанре «фолк истории» (когда народ сам сочиняет исторические мифы о себе и сам же им потом истово верит). Началось подобное мифотворчество еще с Валерия Емельянова и Анатолия Иванова; сильное влияние оказали книги В.Б. Авдеева «Преодоление христианства» и, особенно, «Удар русских богов» Владимира Истархова, затем сочинения лидеров секты инглингов и, как ни странно, «Русский православный катехизис» протоиерея Иоанна (Петрова). И мн. др.

Возвращаясь к первому послесоветскому пятилетию, необходимо рассказать о первой попытке создать политическую партию, которая пыталась перевести в политическую плоскость родноверческие (ведические) воззрения на общество, государство и человека. Это «Русская партия РСФСР», основанная 17 мая 1991 г. Виктором Корчагиным.

Корчагин, один из первых активистов кооперативного движения, убежденный антикоммунист, антихристианин, антисемит и адепт «родной веры» (веры в славянских богов), сумел собрать под эгидой союза кооператоров «Россия» около тысячи начинающих русских предпринимателей. На этой базе он предпринял строительство Русской партии, которая позиционировала себя как «антикоммунистическая, антимакистская, антихристианская, антиссионистская» и к весне 1992 г. насчитывала уже свыше 5 тыс. членов.

Однако, как рассказывает он сам, летом 1992 г. его заместитель Влади-

¹⁹ Еще в 1986-м Безверхий создал тайное «Общество волхвов», в которое в основном вошли его ученики-курсанты. В декабре 1988-го получил предупреждение от КГБ о недопустимости распространения фашизма и организации боевых групп по типу штурмовых отрядов. В июне 1990-го под руководством В. Безвершого группа молодежи создала «Союз вenedов», в котором он стал идеологом и лидером. В декабре 1992-го Безвершого арестовали за издание «Mein Kampf», в 1993-м оправдали. В июле 1996-го он передал полномочия председателя союза своему молодому ученику Евгению Соколову и удалился на покой.

²⁰ По своему составу московская языческая община в то время полностью совпадала с Клубом славяно-горицкой борьбы и почти полностью со Всемирным антиссионистским и антимакистским фронтом «Память» (ВАСАМФ «Память»).

мир Милосердов, бывший военный (доктор технических наук), осуществил перехват власти, присвоил учредительные документы и печать партии и формально стал ее лидером. В дальнейшем, не имея никаких заслуг перед Русским движением и не пользуясь здесь авторитетом, Милосердов в поисках политического и финансового покровительства поступил в резерв КПРФ и лично Зюганова. Который в пропагандистских целях счел полезным иметь под рукой своего «карманного» русского националиста, по необходимости доставая его из кармана и демонстрируя публике: мол, русские с нами. В 1996 г. Русская партия поддержала кандидатуру Зюганова во время выборов президента России и в дальнейшем также обеспечивала поддержку коммунистам, получая за это средства на содержание аппарата и выпуск газеты. Подобная тактика обеспечила Русской партии прочное место на самом дальнем краю политической периферии.

В начале 2000-х гг. Зюганов то ли сократил, то ли вовсе прекратил финансирование Милосердова, и тот нашел выход в создании фактически на базе «Русской партии» ее легитимного двойника под именем Народно-патриотическая партия России (председатель И.Н. Родионов, генерал и бывший министр обороны). Но этой мимикрии надолго не хватило.

Фактически Русская партия превратилась в типичный симулякр (см. ниже). Ни в одной из сколько-нибудь важных русских инициатив партия не отметилась. Языческая теория и практика в деятельности Русской партии при Милосердове не отражалась.

А дальнейшая политическая активность Корчагина свелась к издательской деятельности (издательство «Витязь») и выпуску газеты «Русские ведомости» (закрыта по решению суда в 2002 г.). Но при этом пропаганда неоязычества не прекращалась, велось и строительство языческих (ве-

дических) общин во многих регионах России.

С начала 1990-х ведут свою историю и другие коллективы родноверов, но ввиду того, что они не занимаются политикой, они здесь не рассматриваются. Существует также партия на базе концепции т.н. «Мертвой воды» или КОБы (Концепции общественной безопасности), исповедующая принципы антикоммунизма, антисемитизма и антихристианства, но ее нельзя отнести к разряду националистических и рассматривать здесь.

К концу 1990-х в нашей стране было зарегистрировано уже свыше 10 неоязыческих объединений, больших и малых. Сегодня их, включая неформальные, насчитывается уже несколько десятков. Между ними есть свои разногласия и даже идейные конфликты, но в любом случае это весьма весомый, влиятельный сектор в Русском движении, по-прежнему в большей степени привлекательный для молодежи.

4. Симулякры

Симулякры — это кажущиеся реальными, поддельные сущности.

В Русском национальном движении это организации, подделывающиеся под националистические, но не являющиеся в действительности таковыми (например, Русская партия В. Милосердова). Как правило, они существуют за счет подмены понятий: национализм подменяется патриотизмом; русская проблематика — российской, общегосударственной, славянской; нация (этническая общность) — «нацией» (гражданской, политической, цивилизационной общностью, согражданством) и т.д., и т.п.

Появившись на руинах СССР, такие симулякры создавались как стихийно, в результате непонимания специфики предмета национализма и слабости националистической теории, так и искусственно, в целях создания противовеса реальному национализму.

4.1. Русский национальный собор (РНС)

Учрежден 15 февраля 1992 г. по инициативе панславистской организации Дума Славянского Собора (первоначально РНС считался русской секцией Славянского Собора). Во главе РНС встал лидер организации «Офицеры за возрождение Отечества» генерал КГБ А.Н. Стерлигов, бывший в июле-октябре 1990 г. управделами Совета Министров РСФСР.

Первоначально РНС существовал как коалиция русских национальных партий, в которую входили: Русская партия, Национально-Республиканская партия России, Русское Национальное Единство, Движение «Наши» и др.

Однако, поскольку цельная концепция русского национализма на тот момент не существовала, вскоре организация, как и следовало ожидать, превратилась в «сборную солянку» общепатриотического настроения, к тому же с сильнейшим просоветским и прокоммунистическим привкусом. Об этом ярче всего свидетельствует состав и руководство РНС. На первом съезде РНС (июнь 1992, Колонный зал Дома Союзов) присутствовало 1250 делегатов из 117 городов всех республик бывшего СССР, представлявших 69 партий и организаций, а сопредседателями были избраны А.Н. Стерлигов, писатель В.Г. Распутин и Г.А. Зюганов. В Думу РНС входили также С. Умалатова, В. Анпилов, А. Невзоров, П. Романов, И. Шадрин, В. Илюхин, А. Макашов, А. Баркашев, А. Проханов, А. Тулеев, И. Шафаревич.

Понятно, что от такого состава ждать чего-то нового, передового, актуального, действительно русско-националистического было невозможно. РНС как организация внутренне противоречивая, межеумочная и невнятная был по определению обречен на бесславный конец.

Вскоре у РНС возникли такие же невнятные и межеумочные дублиры общепатриотического толка, ратую-

щие «за все хорошее против всего плохого» (Фронт Национального Спасения, Объединенная Оппозиция, а там и другие «Русские национальные соборы», отколовшиеся от центрального). Их совокупный КПД оказался равен нулю.

Раскол усугубился, когда в 1993 г. легализовалась КППРФ, моментально перетянувшая из РНС в свои ряды патриотов старого советского закала.

Во время рокового противостояния в октябре 1993 г. РНС остался в стороне от схватки, покрыв себя бесславием, а в 1996 г. докатился до призыва голосовать за Ельцина. В довершение всего Стерлигов заключил «тактический союз» с чеченским президентом Дудаевым, развязавшим антирусский геноцид в Чечне, чем окончательно похоронил себя и репутацию РНС.

Сегодня про РНС никто не вспоминает, и по заслугам.

4.2. Фронт национального спасения (ФНС)

Одним из дублеров РНС, разделивших его противоречия, ошибки и судьбу, стал ФНС — такое же объединение общепатриотических и прокоммунистических, просоветских организаций. Достаточно сравнить обстоятельства создания и руководящий состав названных организаций, чтобы понять, что и почему произошло и с одной, и с другой.

Учредительный Конгресс ФНС открылся 24 октября 1992 г. в Большом конференц-зале Парламентского центра Верховного Совета РФ. В конгрессе участвовало 1428 делегатов и 675 гостей из 103 городов республик бывшего СССР (кроме Узбекистана и Таджикистана). Сопредседателями ФНС были утверждены: С.Н. Бабурин, Н.А. Павлов, (оба — РОС), Г.А. Зюганов (Координационный совет народно-патриотических сил), И.В. Константинов (РХДД), М.Г. Астафьев (КДП-ПНС), В.А. Иванов (Партия Возрождения), В.Б. Иса-

ков, Г.В. Саенко (оба — Российское единство) и А.М. Макашов (РКРП). В утверждённый Политсовет ФНС на организационный период вошли, кроме сопредседателей, также лидер движения «Союз» В.И. Алкснис, председатель НРПР Н.Н. Лысенко, публицист Э.Ф. Володин, редактор «Дня» А.А. Проханов, депутаты А.М. Тулеев, С.З. Умалатова, С.П. Горячева, председатель Аграрного союза М.И. Лапшин, прокурор В.И. Илюхин, репортер А.Г. Невзоров, писатели В.Г. Распутин, В.И. Белов и С.Ю. Куняев, академик И.Р. Шафаревич и др. Соглашение о поддержке было подписано также представителями РХДД В.В. Аксючицем, лидером ленинской платформы РКРП Р.И. Косолаповым и председателем Русского национального собора А.Н. Стерлиговым, однако эти организации отказались вступать в ФНС.

Несмотря на то что ФНС всегда позиционируется как национал-патриотическая организация, ничего «национал» в нем не было и нет. Это типичная организация общепатриотов-«государственников», высшим достижением теоретической мысли которых было скороспелое заявление о прекращении гражданской войны между «красными» и «белыми». Украсив зал и президиум Съезда государственным флагом СССР (!) и чёрно-золото-белым стягом имперцев-монархистов, они посчитали это «символом русско-советской дружбы». Задачей ФНС предполагалось восстановление России в её «исторических границах» или в международно признанных договором 1975 г. границах СССР.

Однако такая попытка вырваться за рамки диссидентского бэкграунда была для выросшего в этих рамках русского национализма заведомо провальной. Мысль Солженицына о том, что «восстановить империю означает окончательно похоронить русский народ», уже приняла для большинства националистов характер аксиомы. Последовавшее вскоре решительное и

принципиальное размежевание националистов и патриотов было вызвано, в частности, осознанием данной взаимосвязи.

К лету 1993 г. принципиальная несовместимость в рамках ФНС идеологически чуждых друг другу партий стала очевидной. ФНС покинули РОС, РПНВ и НРПР, после чего абсолютное большинство в нем оказалось представлено левыми, а роль ФНС как объединяющего центра не состоялась.

Легализация КПрФ похоронила ставший никому не нужным ФНС.

4.3. Российский общенародный союз (РОС)

РОС был создан по инициативе народных депутатов РСФСР — членов депутатской группы «Россия». Первый съезд РОС состоялся 21 декабря 1991 г. В его работе приняли участие 628 делегатов, в т.ч. 117 народных депутатов всех уровней. На III съезде (19–20 февраля 1994) движение было преобразовано в политическую партию «Российский общенародный союз». Председателем партии съезд избрал депутата Госдумы, координатора депутатской группы «Российский путь» С. Бабурина.

РОС всегда намекал на национал-патриотический характер своего содержания, никогда ни в какой мере не будучи приверженцем идей национализма. О чем, собственно, ярко и открыто говорит само название организации.

Понимая восходящее значение националистического тренда, Бабуринов ловко использовал яркую личность своего заместителя Николая Павлова, имеющего заслуженную репутацию русского националиста. Использовал для того, чтобы в нужное время и перед нужной аудиторией представлять в качестве защитника русских прав и интересов²¹. (Точно так же, как Зю-

²¹ Позднее Павлов вспоминал: «В 1994 году... я из РОСа вышел. В феврале у нас был

ганов — руководителя «Русской партии» Милосердова.)

Однако на деле РОС был и остается заурядной общепатриотической организацией, национально амбивалентной. Наряду с Павловым в ближайших помощниках Бабурина (который в былые времена не скрывал своего татарского происхождения) всегда были лица самых разных национальностей, включая евреев, которых он также демонстрировал по мере необходимости.

Эта компромиссность, национальная амбивалентность Бабурина и его РОСа отчасти компенсировалась его акцентированной ориентацией на, с одной стороны, советские, а с другой — на православные ценности. Благодаря чему с ним охотно блокировались как левые, так и православно-монархические (Союз «Христианское возрождение» Осипова, РОНС Артемова и др.) организации, считая его «своим».

Что касается иных националистических организаций, то здесь у Бабурина репутация никогда не была высокой, хотя некоторые из них заключали с ним тактические союзы (СС Дмитрия Демушкина, ДПНИ Александра Белова, ННП Александра Иванова-Сухаревского, «Русское возрождение» Юрия Васина и др.).

Однако все эти союзы были либо мертворожденными, не дающими добрых плодов, либо приносили односторонние политические выгоды лишь самому Бабурину, для остальных же участников оборачивались жестоким разочарованием.

второй (или третий?) съезд, я делал доклад от политсовета, я был основным докладчиком. И меня четыре часа ругали за национализм, после чего я заявил, что выхожу не просто из политсовета, но из организации». Однако впоследствии Павлов, после развала НРПР и ареста ее лидера Н.Н. Лысенко, чьим правой рукой он был, вернулся в РОС. Чтобы позднее вновь из него выйти по тем же соображениям, уже навсегда.

По мере развития и укрепления Русского движения Бабурин почувствовал желание возглавить его, «оседлать восходящую волну».

Первую попытку он предпринял в декабре 2001 г., когда четыре общественно-политических организации России — Российский общенародный союз (РОС), «Союз реалистов», «Спас» и «Русское Возрождение» (две последние представляли собой разные модификации РНЕ без Баркашева) решили создать Партию народного возрождения «Народная воля», которая осенью 2003 г. вошла в состав избирательного блока «Родина». Однако в Госдуму никто из националистов не попал, поскольку Бабурин, под давлением Кремля и коллег по блоку, легко сдал своих партнеров. В частности, из федерального списка были исключены кандидаты в депутаты, предложенные съездом Народной воли: Владимир Давиденко, Михаил Бурлаков, Дмитрий Белик, Юрий Васин, Анатолий Цверкун, Анатолий Серчук, Татьяна Небольсина, Александр Иванов-Сухаревский и др.

Подобная нелояльность сошла Бабурину с рук (он таки стал заместителем председателя Думы), но навсегда легла пятном на его репутацию в кругах националистов. По этой причине к следующим выборам 2007 г. вместо развалившейся «Народной воли» пришлось срочно регистрировать новую партию «Народный союз», подтянув к нему осколки различных организаций лево- и правопатриотического толка. Не пользуясь популярностью в массах, партия в Думу не прошла и в 2008 г. прекратила свое существование, растворившись в РОСе.

Вторая попытка произошла в 2007 г., когда в октябре Бабурин попытался (добившись аудиенции в Сочи) убедить президента Путина в том, что сможет возглавить Русское движение и повести его в направлении, нужном Кремлю. Чтобы сразу же воплотить в жизнь данное обещание, он направил

в Оргкомитет Русского Марша свое доверенное лицо — Виктора Алксниса, который прямо предложил всем присоединиться к маршу под водительством Бабурина и эгидой РОСа. Предложение было встречено насмешками и вызвало резкий отпор. В итоге Оргкомитет вывел на Русский Марш более 7 тыс. человек, а Бабурин — всего около 300. Этот позорный и всем очевидный провал надолго перечеркнул вождистские амбиции Бабурина как в глазах президента и всего общества, так и в собственных глазах претендента. В шоке от своей столь явной неудачи Бабурин аннулировал «Народный союз».

Однако со временем он оправился и в декабре 2011 г. провел съезд Общероссийского общественного движения «Российский общенародный союз» с целью преобразования его в одноименную политическую партию.

Одновременно Бабурин предпринял третью попытку выбиться в руководители Русского движения, с каковой целью, во-первых, впервые открыто порвал с Кремлем и примкнул к протестному движению «болотного типа», глядя на таких националистов, как Александр Белов, Дмитрий Демушкин, Борис и Иван Мироновы, Константин Крылов, Владимир Тор, Валерий Соловей и некоторые другие. И даже включил Ивана Миронова в число своих заместителей по партии. А во-вторых, вошел в Оргкомитет Русского Марша (на сей раз без былых претензий, на равных со всеми правах).

Все это были попытки с негодными средствами. Поскольку никто в Русском движении не воспринимает Бабурина как лидера националистов по той простой причине, что он никогда никаким националистом и не был, и никаких серьезных заслуг перед Русским движением не имеет. Два срока пробыв вице-спикером — большая власть, огромные возможности! — он не сделал ничего, достойного этой власти, этих возможностей (разве что помог

ряду политзэков). Да и его слабость и ненадежность как партнера всем хорошо известны и памятливы. Охотно пользуясь немалыми оргвозможностями Бабурина, националисты никогда не признавали его претензии.

А теперь и на оргвозможностях Бабурина история поставила крест. В 2012 г., захотев поиграть в вождя русского народа, он оказался на трибуне Русского Марша рядом с Беловым, орущим что-то типа «Путин вор!», «Путина на нары!» и проч., и отцом и сыном Мироновыми, известными фамильным брендом «Даешь национальное восстание!». Тем самым Бабурин лихо поставил на карту своего честолюбия Торгово-экономический университет²², которым можно и нужно было управлять на благо русских людей и которым теперь, к восторгу наших врагов и огорчению наших друзей, будут распоряжаться либералы. Он безрассудно просадил не свое, а наше общее достояние, чего делать, очевидно, не имел никакого права.

Теперь, оказавшись в роли гонимого за правду, Бабурин, скорее всего, попытается усилить свои претензии на роль русского лидера. Возможно, даже выучит кое-какие аксиомы и требования, выработанные Русским движением (чего до сих пор не удосужился сделать)...

Но по большому счету имярек может быть лишь симулякром, но никак

²² В кресло ректора РТЭУ со всеми его филиалами Бабурин сел по протекции Германа Грефа, который в бытность свою бабуринским студентом в Омском университете получил от Бабурина «путевку в жизнь» — направление в аспирантуру в Ленинград. Высоко вознесшись впоследствии, Греф отблагодарил бывшего наставника. Однако проявление Бабуриным политической нелояльности было справедливо расценено Кремлем как акт неблагодарности и предательства — со всеми последствиями. Бабурин утерял благоволение Путина и АП, по-видимому, навсегда. А с ним и ректорское кресло и богатые возможности в политике.

не реальным вождем русских. Потому что внутри у него нет ни грана настоящего русского национализма.

А потому в новый взлет его политической карьеры поверить трудно.

4.4. Конгресс русских общин (КРО)

По признанию главы «Духовного наследия» Алексея Подберёзкина, Конгресс русских общин был задуман по разработке РАУ-корпорации («Российско-Американский Университет», от которого отпочковалось и ДН), чтобы в условиях роста сепаратизма и местного национализма на территории бывшего СССР и РСФСР упредить и взять под контроль ответный рост русского национализма, канализировать его в безопасное русло.

Именно этой задаче КРО и соответствовал весьма успешно в ходе всей своей истории с момента регистрации в 1993 г.

Материальную и кадровую базу, благодаря высоким связям Рогозина-старшего, предоставил бывший Антисионистский комитет советской общности, занимавший некогда весь первый этаж большого дома на Фрунзенской набережной и укомплектованный офицерами КГБ вплоть до генералов. Часть этого помещения и часть офицеров перешли в распоряжение КРО и лично Рогозина-младшего.

Идейную платформу КРО разработали два близких Дмитрию Рогозину человека (сам он всегда сторонился любых политологических штудий), ни один из которых не был специалистом в вопросах истории и обществоведения. Это Сергей Пыхтин, в весьма зрелом возрасте получивший заочно диплом юриста, и кандидат физико-математических наук Андрей Савельев. Их абсолютно дилетантские представления легли в основу официального партийного документа КРО — «Манифеста возрождения России» (соавторство в котором Рогозин, смотря по обстоятельствам, то подтверждал, то отвергал). В нем напыщенным

языком излагались заурядные этатистские воззрения, в которых было много имперского патриотизма, но ни грана национализма. Редкий памятник письменности обладал подобным набором банальностей, ложных посылок и выводов, поверхностных сведений о русской истории, несовместимых постулатов и заблуждений.

Тем не менее Конгресс русских общин долгое время занимал одно из центральных мест в русском движении, аккумулируя усилия, надежды и электоральные возможности русских людей. Что и характерно для любого симулякра.

Своих сил у Конгресса для политического взлета поначалу было мало, а Рогозин слишком молод, поэтому долгие годы основной проблемой был поиск политического локомотива КРО. Вначале таковым был популярный красноярский «красный директор», депутат ВС РСФСР Петр Романов. За ним пошла вереница других покровителей:

— 1995 год. Альянс КРО и Федерации российских товаропроизводителей (Юрий Скоков). 17 декабря КРО принял участие в выборах ГД, тройку лидеров составляли: Юрий Скоков, Александр Лебедь и Сергей Глазьев. После провала на парламентских выборах отношения со Скоковым были разорваны;

— 1996 год. На съезде КРО Лебедь был официально признан как неформальный лидер. Он выдвигается в президенты. Лебедь пришел третьим после Ельцина и Зюганова и... «слил» голоса своих избирателей Ельцину. В связи с этим Московская организация КРО (700 человек активистов) порвала отношения с Рогозиным и вскоре практически прекратила своё существование, ряд региональных организаций последовал ее примеру. С этого момента КРО существует больше на бумаге, чем в жизни, потеряв реальный политический вес;

— 1999 год. Создано движение «Оте-

чество» (Юрий Лужков в тандеме с Евгением Примаковым). В учредителях и членах Центрального совета — Дмитрий Рогозин. Вскоре становится ясно, что перспектив в кругу Лужкова Рогозину не видать, и он с каскадом хорошо разыгранных антилужковских скандалов удаляется из «Отечества». За этим демаршем стоял Кремль (Бородин, Волошин). КРО не прошел в Думу (тройку лидеров составляли Юрий Болдырев, Дмитрий Рогозин и Виктор Глухих), но сам Рогозин стал депутатом от одномандатного округа и занял обещанный ему комитет по международным делам Госдумы. После чего аппарат КРО был немедленно распущен, полковники и генералы КГБ уволены, а помещение на Фрунзенской набережной сдано в аренду.

Фактически на этом существование КРО как реальной политической организации закончилось, в дальнейшем он лишь играл роль формальной структуры, которой можно оперировать в политических раскладах. В 2011 г. Конгресс русских общин был зарегистрирован Министерством юстиции России (неофициальный лидер вице-премьер России Дмитрий Рогозин), а в апреле 2012 г. оргкомитет «Родина — Конгресс русских общин» подал в Минюст уведомление о восстановлении политической партии «Родина».

Однако это все уже имеет отношение не к Русскому движению, а к политической биографии лично Д.О. Рогозина (подробности см. часть IV данного текста).

Надо отметить, что после крушения проекта «Родина» и утраты Рогозиным думского мандата с ним произошли благотворные перемены, он «прозрел» и стал проявлять себя как умеренный оппозиционер и вполне адекватный русский националист. Набрав таким образом политические очки в Русском движении, Рогозин затем превосходно зарекомендовал себя на посту российского полпреда в НАТО, а в дальней-

шем и на посту вице-премьера, курирующего космос и оборонку.

В результате, несмотря на весьма непрямой путь и неоднозначную репутацию в политике, Рогозин в условиях острого дефицита русских лидеров имеет все шансы получить тотальную поддержку Русского движения на первых же президентских выборах по окончании путинской эпохи.

В этих условиях может произойти актуализация КРО как организационного центра кампании.

4.5. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)

Создана 14 декабря 1992 г. на базе Либерально-демократической партии Советского Союза, зарегистрированной 12 апреля 1991 г., но неофициально существовавшей с декабря 1989 г. Согласно многим источникам, партия создана в политической лаборатории КГБ с целью канализации протестных настроений в подконтрольную организацию.

Симулякр из симулякров, извративший все общепринятые политические смыслы, в превратной форме исповедуя все, что проповедует, доводя в политической практике до абсурда и собственной противоположности все свои теоретические постулаты. Благодаря чему ловко манипулирует сознанием как кремлевских кукловодов, так и избирателя, и, не пользуясь абсолютно ни у кого доверием, регулярно, однако, избирается в Госдуму.

Впрочем, в существовании ЛДПР определенным образом заинтересован и Кремль, поскольку партия выполняет для него ряд важных функций и задач.

Является типичной партией фюрерского типа, чье положение и судьба полностью зависят от единственного и неповторимого вождя Владимира Жириновского. Попытка передать лидерство наследнику, Игорю Лебедеву, успехом не увенчалась ввиду отсутствия у последнего отцовской харизмы и политической оборотливости.

ЛДПР с самого начала самым бессовестным образом одновременно эксплуатировала и профанировала как национальную, так и социальную идею, полностью выхолостив свой собственный лозунг «Мы за русских, мы за бедных!». Ничего реального не сделав для русского народа за все годы своего пребывания в законодательной власти²³, ЛДПР, однако умело поддерживает иллюзии насчет своей роли защитника русских прав и интересов. И, что самое парадоксальное, в условиях разгрома и разложения собственно русских организаций периодически концентрирует на себе надежды русских национал-патриотов — активистов и политиков. Пик таких надежд пришелся на 1993 г., когда ЛДПР набрала почти четверть мест на выборах в Госдуму.

В дальнейшем внутренняя фальшивая сущность ЛДПР вполне проявилась, что привело к снижению

²³ С 1994 по 2011 гг. ЛДПР внесла на рассмотрение в Госдуму 1095 законопроектов, 961 законопроект от партии ЛДПР был рассмотрен. Однако национальной проблематики касаются только три из них, слегка затрагивающие проблемы иммигрантов: «О внесении изменений в статьи 3 и 65 Трудового кодекса Российской Федерации» (в части запрета приема на работу иностранцев, если оплата труда производится за счет бюджетных средств); «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (предлагается установить особый порядок для совершения таких религиозных обрядов как молитвенный обряд и обряды, связанные с жертвоприношением животных, иными насильственными действиями); «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об установлении уголовной ответственности иностранных граждан за уклонение от выезда из Российской Федерации).

уровня массовой поддержки до критических отметок в конце 1990-х — в 2000-е гг. Однако, в полном соответствии с пословицей «на безрыбье и рак — рыба», в начале 2010-х гг. на ЛДПР вновь сконцентрировалось внимание национал-патриотической общественности. Этому способствовал осознанный сдвиг политического внимания лидера ЛДПР, который, не имея на этот раз кремлевских гарантий, был вынужден бороться за новый электорат и выдвигать с этой целью националистические идеи.

ЛДПР начала с того, что на совещании в Горках у президента Медведева, собранного под впечатлением от «Манежки» (взрыва русского возмущения 11 декабря 2010 г.), лидер думской партийной фракции Игорь Лебедев выступил с тезисом о придании русскому народу официального статуса государствообразующего народа России путем внесения изменений в Конституцию (тезис был поддержан лидером КПРФ Зюгановым).

Несколько позже, весной 2011 г., ЛДПР высказалась за поднятие так называемого «Русского Вопросы» и провела для его обсуждения круглый стол, на который был приглашен практически весь наличествующий актив Русского движения, как политики-практики, лидеры националистических организаций: Георгий Боровиков («Память»), Дмитрий Дёмушкин (Славянский союз), Дмитрий Бобров (НСИ) и Александр Белов-Поткин (экс-лидер ДПНИ), Константин Крылов, Надежда Шалимова и Владимир Тор (РОД), Илья Лазаренко и Алексей Широпаев (НДА) и др., так и публицисты и теоретики (Александр Севастьянов, Владимир Иванов и др.).

Круглый стол вел сам Жириновский, давая понять, что ЛДПР всецело разделяет русский националистический посыл и готова к самому широкому сотрудничеству с Русским движением. В ответ на что Александр Белов-Поткин заверил вождя ЛДПР в

безоговорочной поддержке со стороны русских.

Ближайшим результатом мероприятия явилось создание при думской фракции ЛДПР — «Русского комитета», куда вошли Константин Крылов, Владимир Тор, Александр Белов и др. Правда, данная инициатива не получила развития, в первую очередь потому, что по первоначальному замыслу Комитет должен был стать внепартийной координирующей организацией, и такой перехват инициативы со стороны ЛДПР никому, кроме нее самой, не понравился.

Следующим ходом в направлении русского национализма явилась презентация Игорем Лебедевым (вторым лицом в партии, контролирующим финансы и кадры) своей концепции «Новая национальная политика» и одноименной брошюры. Написанная, по непроверенным данным, при участии одного из ярких публицистов националистического лагеря Павла Святенкова, брошюра содержала ряд важных принципиальных тезисов и давала основания русским национал-патриотам выступить с поддержкой ЛДПР на выборах. Что и произошло в значительной мере, партия в Думу попала.

Однако по прошествии выборов русский вопрос оказался задвинут Жириновским в долгий ящик. От перспектив передачи партии наследнику сыну пришлось отказаться ввиду явной неспособности одного перенять бразды правления. Соответственно потеряла актуальность его «несущая тема», благодаря которой он начал было приобретать политическую узнаваемость.

Заглохла инициатива создания Русского комитета при фракции.

Похоже, на русском поле ЛДПР как политический игрок в настоящее время в очередной раз самоустранилась. Возможно, это произошло еще и потому, что на это поле с 2012 г. вознамерился выйти Кремль, конкурировать с которым партия не готова.

5. Нечто настоящее

Единственная организация, заслуживающая признания в качестве прототипа партии русских националистов той эпохи, — это **Национально-республиканская партия России (НРПР)**, созданная в конце 1991 г. и возглавлявшаяся Николаем Лысенко²⁴. Была зарегистрирована в 1992 г. Министерством юстиции, став первой национальной русской политической партией после Гражданской войны.

Н.Н. Лысенко вспоминал: «Конец 1980-х и начало 1990-х годов — это была массовая вспышка политической активности в стране. Было много людей, кто так или иначе мыслил себя оппозиционно к Советскому Союзу и хотел преодолеть этот советский интернационализм, каждый по-разному хотел его преодолеть: кто хотел преодолеть его в сторону монархии, кто-то склонялся к республиканской форме правления, кто-то хотел строить национал-социалистическое государство. В любом случае было много людей, кто так или иначе хотел преодолеть советское наследие и понимал, что это преодоление жизненно способно только в русской версии. Поэтому часть людей, желавших этих изменений, пришли к нам. Это Русский национал-патриотический центр (он существовал в Петербурге), это большая часть петербургской “Памяти”, которая была не согласна с монархическим и оголтело-клерикальным духом, который был у Дмитрия Дмитриевича Васильева... Наша партия была про-

²⁴ Родился в 1961 г. в Иркутске. Окончил Ленинградский ветеринарный институт по специальности ветеринар. В 1993 г. по одномандатному округу от Саратова прошел в депутаты Госдумы, где прославился разрыванием украинского флага и сорванием креста с попа-демократа Глеба Якунина. В 1994 закончил СПбГПУ им. А.И. Герцена. Впоследствии защитил докторскую диссертацию по истории осетинского народа.

возглашена партией идей Солженицына».

Пик известности НРПР пришелся на 1995 г. Тогда это была единственная национальная партия, которая участвовала в выборах.

Век этой организации был не слишком долог, но она дала старт ряду политических долгожителей, как то Юрий Беляев и Петр Хомяков; политическим секретарем партии был Николай Павлов.

Однако главное — партия создала прецедент присутствия русских националистов в Государственной Думе (Н. Лысенко). Кроме того, именно при НРПР была создана одна из первых военизированных организаций — Русский национальный легион, в который принимались «славяне, имеющие твердые национальные и государственные (имперские) убеждения». Бойцы легиона сражались на стороне непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и на стороне сербов во территории Югославии.

Это, по сути, был первый опыт нового русского национализма: этнического, бескомпромиссного, бесприемного, радикального, не путающего национализм с патриотизмом и государственничеством. Хотя и с оттенком неизжитого еще империализма.

Рождение этнического национализма — эпохальный сдвиг в общественном сознании — во многом обусловлено тем, что как сам Лысенко, так и его ближайший помощник Павлов по образованию — биологи, отлично понимающие смысл и значение биологического фактора в жизни. Народ, нация есть, прежде всего, биологическая порода: этот ясный и однозначный тезис никому из них не надо было объяснять.

«Национальная свержидеология» была провозглашена на IV съезде НРПР (1995). В ней был впервые широковещательно заявлен **основополагающий принцип национализма: «первичность нации по отношению к**

государству». Партия отмечала, что Россия является мононациональной страной; она выступала за переход к унитарному государству с экономикой китайского типа, с обязательным подавлением любых проявлений «космополитизма» и «интернационализма». Кроме того, НРПР поддержала действия исполнительной власти в Чечне, и не признала суверенитета Украины и Белоруссии.

Тогда же Николай Лысенко прочитал доклад «Итоги пяти лет борьбы русского национального движения». В нем был провозглашен отказ от фашизма, ксенофобии, германофильства.

Весьма характерной, многое определяющей чертой идеологии НРПР был осознанный выбор союзнических отношений с главными мировыми противниками исламского фактора и этнических мусульман: евреями и армянами. К тем и другим Лысенко считал возможным обращаться за помощью и поддержкой, в т.ч. материальной. При этом НРПР заявила о борьбе с «ордами из Кавказа и Средней Азии», призвала «очистить Россию от черной саранчи». Включались ли армяне в число «саранчи», не уточнялось.

3 декабря 1994 г. в Санкт-Петербурге состоялся IV Всероссийский съезд Национально-республиканской партии России. На этом съезде произошёл раскол партии на две фракции во главе с Николаем Лысенко и Юрием Беляевым.

Правда, политический секретарь партии Павлов утверждал, что никакого раскола в НРПР не было, а той партии, которую якобы возглавляет Ю. Беляев, просто не существует. Но в действительности за Беляевым осталось большинство, партия сделала выбор в пользу бывшего следователя МВД: все равно, как если бы в свое время НСДАП поставила Рема на место Гитлера. Мозгом НРПР стал профессор Петр Хомяков, полностью подчинивший Беляева своему духов-

ному влиянию. Он, кстати, и стоял за партийным антилысенковским переворотом.

В 1995 г. партия принимала участие в выборах в Госдуму, но без успеха, а затем, после ареста Лысенко в 1996-м, произошёл окончательный переход партии под руководство Юрия Беляева.

В 2000 г. НРПР Беляева была перерегистрирована как Партия Свободы.

Итоги пятилетия

Итак, в 1991–1995 гг. произошли важные перемены в истории русского общества.

Во-первых, закрылась важная страница массового русского патриотического движения советского толка, связанная с «Русской партией внутри КПСС» и ВООПИКОм. Остаточные ресурсы, в том числе человеческие, были либо утилизированы КПРФ, либо бездарно истрачены на симулякры национального движения типа РНС, ФНС, РОС и др. Большинство участников были вынуждены заняться элементарным выживанием (писатели, ученые, педагоги, вообще интеллигенция) и выбыли из рядов актива, демобилизовались. Одним из важных отрицательных итогов чего стало резкое снижение всего культурного, интеллектуального уровня Русского движения и резкое сужение круга лиц заинтересованных и прикосновенных. Преодоление тяжких последствий этого стало происходить только с середины 2000-х гг., что связано с деятельностью некоторых сайтов (прежде всего АПН) и журнала «Вопросы национализма», вокруг которых вновь стали концентрироваться серьезные русские интеллектуальные силы.

Во-вторых, родилось новое массовое русское националистическое движение, базирующееся на рудиментах прежнего русско-советского патриотизма, но наполненное новыми людьми, молодыми и не слишком образо-

ванными²⁵. Резкая смена контингента оказалась связана с тем, что посвящать время политической практике в наибольшей степени могли лица, либо еще не социализированные (школьники, студенты, дембеля), либо утратившие социализацию (безработные, отставники, пенсионеры). В то время как все сколько-нибудь социально полноценные люди оказались заняты исключительно сохранением своего статуса и содержанием семей — т.е. выживанием.

Новое русское движение оказалось, однако, помечено родимыми пятнами советской (и/или антисоветской) эпохи: право-консервативным православным монархизмом или лево-консервативным социализмом. Принципиальной новизны эти направления не содержали, а потому вскоре вступили в противоречие с растущим национальным самосознанием русских, которое требовало расставания с ветхими идеями и решительного обновления дискурса. По сути, Русское движение оказалось уже к середине 1990-х гг. на ложном распутье, ведущем либо во вчерашний, либо в позавчерашний день. Выбор неудачный в

²⁵ Роение многочисленных организаций, ныне ушедших в небытие или законсервированных, позволяет вспомнить лишь некоторых из них: общероссийское общественно-политическое движение «Народно-патриотический союз молодежи», общероссийская политическая общественная организация «Русская социалистическая партия», общероссийское политическое общественное движение «Сыны России», Национально-трудовая партия, Русское солидаристское движение, Партия Русского собора, Русская партия национального возрождения, Российская партия «Русский стиль», «Русская гвардия», партия «Национальный фронт», «Русский национальный союз» и мн. др. Анализировать их по отдельности бессмысленно, все они так или иначе вписываются в обозначенные выше тенденции.

любом случае, в действительности — тупик.

Идейный тупик постсоветского национал-патриотизма проявлялся не только в сдаче стагнирующих теоретических позиций, но и в неизбежном развале и деградации соответствующих организаций, в первую очередь — таких флагманов, как «Память» и РНЕ. Недаром Васильев и Баркашев так не любили и опасались «умников»...

Таким образом, к середине 1990-х высветилась главная проблема, тормозящая развитие русского движения: отсутствие цельной, внятной, непротиворечивой и мобилизующей идеологии русского национализма.

На преодоление этой проблемы в

верхнем слое Русского движения ушло около десяти лет. В нижнем она не преодолена и до сих пор.

В-третьих, среди бурно плодящихся и взаимодействующих национал-патриотических организаций возникло стремление выйти из тупика, уйти от обветшалых стереотипов, наметились ростки нового, а именно: 1) неоязычество, 2) чистый, беспримесный (этнический) русский национализм, 3) национал-капиталистический и национал-демократический тренд (об этом ниже). Появление указанных тенденций неизбежно вело к конфликту с национал-патриотизмом старого типа, поэтому вся середина и вторая половина 1990-х отмечены крутыми идейными баталиями.

В продаже еще имеется новая книга Александра Никитича Севастьянова «Основы этнополитики» (М.: Перо, 2014), 544 с., с портретом автора, в твердом переплете. Тираж всего 200 экз.

Наука этнополитика ни в СССР, ни в государствах, возникших на его месте, никогда не изучалась и не преподавалась. По этнополитике почти не читается лекций, нет серьезных учебников, методических пособий, хрестоматий. В результате во внешней и внутренней политике России провал следует за провалом, ошибка за ошибкой — ибо ее проводят люди, не знакомые с азами этнополитики, не учившие ее законов, не пользующиеся ее правилами.

Именно вся сфера взаимоотношений народов и наций — есть основной предмет этнополитики. Данная книга, закладывающая фундамент надежных этнополитических представлений, необходима в первую очередь для руководства России.

Книга будет полезна также профессиональным этнологам и антропологам, поскольку содержит как актуальные исторические, так и самые последние сведения в указанной области, за которыми в наши дни непросто уследить. Она объединяет обширнейшие данные многих наук (этнополитики, расологии, этнологии, антропологии, геологии и др.), оставаясь при этом на твердой почве знаний и фактов, а не досужих мнений, как это частенько бывает у обществоведов. Книга поможет расстаться со множеством устоявшихся в науке предрассудков и взглянуть свежими глазами на старые и новые истины.

Разумеется, книга нужна и тем, кто вообще хочет понять, что происходит в мире людей, поскольку раскрывает сложную, невидимую простым глазом мотивацию поступков и отношений, происходящих в сфере этнического.

Стоимость книги 2000 руб.

Заказы оформляются почтовым переводом по адресу: 115142, Москва, а/я №3, Севастьянову А.Н., с указанием почтового адреса заказчика.

ИВАН РУСАКОВ

ЧТО ТАКОЕ «РУССКИЙ МИР»?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В первой части нашего материала мы определили нынешний политический режим в России как персоналистский, как режим вызывающе не-идеократического типа, режим не какого-то нового оригинального типа русской власти, а режим всего лишь личной власти товарища Путина В.В. Опирающегося на бывший вооруженный отряд КПСС — органы КГБ и на остатки советской коммунистической номенклатуры, слегка разбавленные леволиберальными экономическими технократами разных специальностей и мотиваций.

Особенностью этого режима является неприкрытое, выставляемое напоказ пренебрежение к любым традиционным или появившимся в последние десятилетия государственным, общественным, экономическим институтам, если они противоречат указанной личной власти и попытке (надо признать — успешной) реинкарнации в среде российских граждан прямого социобиологического продукта деятельности Советской власти — человека советского, *Homo sovieticus*, русского, «совка» в обиходной речи, и сопряженным с этим возрождением совдеповского общественно-культурного символизма

Причем это делается с таким неистовством, что наводит на мысль о господстве в ядре современного чекистского правящего класса некой религиозной секты тоталитарного типа, зараженной очередной (анти)христианской ересью, помноженной на идеи «чекист-

кой солидарности» служения оккультным и магическим образам — некоего языческого виртуального Бафомета или Молоха, воплощенного в мыслеформу «Советского Государства».

Давайте попытаемся понять, с каким общественным явлением мы столкнулись, давайте попытаемся препарировать и проанализировать эту ситуацию на рациональном уровне, насколько это нам доступно.

Начнем с Главного *Homo sovieticus* сегодняшней России — его современного символического воплощения, а для кого-то и мессии «нового евразийского порядка», вставания «советского государства с колен» — товарища Путина Владимира Владимировича.

Нынешний лидер «будущего евразийского могущества», как образцовый сектант, ведет абсолютно закрытый образ жизни, и лишь иногда потрясенные верноподданные, и даже с серьезной репутацией, как, например, доктор Рошаль, проникнув в «священное капище», выдают в СМИ примерно такие пассажи (цитирую по памяти): «Я смог к нему прорваться со своими вопросами, только в 12-м часу ночи и... он вел прием. Наш лидер работает — на износ...».

Правда, на Западе выходил материал, кропотливо собиравшийся неким доверенным корреспондентом в течение нескольких лет среди «путинского окружения» на тему образа жизни вождя возрождения советских смыслов. Там нет никаких сенсаций: наш герой встает поздно, долго завтракает, долго занимается спортом, долго изучает иностранную прессу, затем «крас-

ные папочки» и фактически на «работу выходит», когда обычные граждане уже подумывают, чем будут заниматься дома после напряженного рабочего дня. Ну скажите, каким иным образом «на галерах» можно изучить английский язык, научиться кататься верхом на лошади (как нам сообщают — почти профессионально), на коньках и играть в хоккей (забив 10 шайб команде, где почетным капитаном является Вячеслав Фетисов), искать амфоры, летать с журавлями, томами поглощать труды не только по русской политической истории, но и религии, и затем публично ставить в тупик пресс-секретарей вопросами старообрядчества...

Поэтому так дороги характеристики, выданные Путину мировыми лидерами во время «украинского кризиса». Я думаю, они не такие впечатлительные, как доктор Рошаль, да и информации у них явно поболее, чем у последнего или у нас, «сырых»... Итак: «Who is mister Putin?»...

«Это почти осязаемое чувство, что он [Путин] создает собственную реальность, собственный мир, оторванный от реальности других людей, народов, включая свой народ... Мы наблюдаем тот тип личной реакции на происходящее, который идет совершенно вразрез с теми уроками, которые мы усвоили на протяжении 60–70 лет. Это настолько несообразно, что заставляет вас сожалеть о цене, которую кому-то придется заплатить. А расплачиваться, я уверен, придется народу России — к несчастью для него. Россиян явно не учли при расчете цены [такой политики], потому что она так важна лично (курсив мой. — И.Р.) для Владимира Путина» — из интервью Госсекретаря США Дж. Керри «WSJ» (газ. «Ведомости» от 30.04.14).

Вот короткое и по-немецки емкое замечание Ангелы Меркель о Путине: «Он находится в каком-то другом мире».

Вот другие отзывы политиков и экспертов о нашем «крымском Титане»:

— «Мы не понимаем, насколько рациональны сегодня мотивации руководства России и где в этой рациональности ему видится баланс между риском обострить отношения с Западом... Есть также риск эмоциональных действий власти — например, в случае существенного обострения кризиса...» («The New Times». № 25 от 18.08.14).

— «...поскольку вся история с Новороссией произошла от искаженной картины мира... в Кремле совершенно искренне решили, что Майдан — это не спонтанное восстание народа, а коварная диверсия против России, устроенная США... Вот эта проблема когнитивного диссонанса и является главной движущей силой конфликта до сих пор. Путин искренне убежден, что он воюет не с Украиной, а с Америкой... Ибо то, что в случае индивидуального человека считается психическим отклонением, в случае абсолютного правителя становится миром, в котором его подданные — живут, а другие государства — вынуждены считаться» («Новая газета» от 27.08.14).

— «Путин уже вышел за пределы нормальной продолжительности власти. Его нынешний срок — уже “заемный”, для дальнейшего выживания ему нужны постоянные успехи... Слабость Путина — гордыня и тщеславие...» («Financial Times» от 20.04.14).

Как мы видим совершенно разные люди, говоря о Путине, упоминают особый тип *эмоциональности*, особую атмосферу переживаний, в которую он погружен... У нас нет полномочий утверждать, что у Верховного главнокомандующего одной из ядерных держав «поехала крыша», но каждый из нас может заглянуть в «YouToube» и посмотреть его выступления первого срока, да и части второго. Прежде всего вы увидите давно забытый образ «своего президента», где он ясно и четко говорит о назревших проблемах и транслирует свою уверенность в том, как решать эти вопросы, и самое глав-

ное — вы его очень легко понимаете на *рациональном уровне*. Понятна его мотивация, понятны «земные» пути решения. Вспомните знаменитое «мочить в сортире», вспомните его сентенцию: «Вить хочется от того, о чем приходится читать» (лично для меня эта фраза была показательна тем, что именно после нее мой личный уровень поддержки *того* Президента стал максимальным).

Посмотрите на его сегодняшние выступления, это совершенно другой человек (я сейчас не о количестве ботокса), который находится явно на какой-то ненормальной эмоциональной волне вдохновения, он явно — *победитель*, у него все *получается*, пусть не так быстро, но — мы «давим, а они гнутся». Еще немного и «силы зла» *падут* и тогда... все будет *х о р о ш о...* для тебя, мой народ...

Такое ощущение, что тов. Путин В.В. находится в особом состоянии транса и в полном соответствии с этим возбужденным состоянием без плана и какого-либо анализа импровизирует, фонтанируя импульсивными и разнонаправленными личными идеями: построить (быстро) мост в Крым, построить (быстро) собственную национальную платежную систему, (быстро) переориентировать газовые потоки с Запада на Восток, объявить продовольственные контрсанкции Западу (быстро натравив европейских фермеров на свои правительств), (быстро) ввести или отвести российские войска с Украины, (быстро) создать котлованы для сбора дождевой воды в Крыму, (быстро) исключить зависимость ВПК от импортных комплектующих, (быстро) «промыть мозги» населению и (быстро) нарастить собственный рейтинг...

Самое поразительное, если попытаться «прорваться» через этот «поток сознания» и постараться уловить какие-то рациональные нотки во всех этих разноуровневых камланиях, то кроме создания какого-то виртуального (т.е. символического) «санитарно-

го кордона» между странами НАТО и Россией — больше уловить нечего, при всем напряжении внимания. Не будем же мы серьезно относиться к заявлением советского Путина о помощи русским соотечественникам, так же как никакой мало-мальски серьезный человек не может серьезно и без брезгливости относиться к известному тосту известного палача русского народа за этот самый народ.

Все советское — изначально, по своей органической природе — враждебно русскому как цивилизационному признаку, поэтому не будем обольщаться дешевой пропагандой. Даже если очень хочется... а многим из нас очень хочется свои мечты и ожидания попытаться вложить в «уста вождей»... ну, наконец-то началось... и обычно начинается — прямо противоположное... Нельзя даже пытаться подыгрывать дьяволу, он всегда — *обманет, он всегда обыграет*.

Не бывает персоналистских авторитарных режимов без массовой поддержки населения, сегодняшний режим действительно не диктаторская власть лидера-узурпатора, а власть личного авторитета, власть личной харизмы, власть определенных символов и образов — пусть и архаичных и традиционалистских, но достаточно сильно укорененных в самых широких слоях общества. Необходимо много и творчески трудиться для поддержки достаточно долговременного высокого уровня архаики в современном российском обществе, я думаю, история и «суд общественности» еще воздаст по заслугам его стахановцам: тов. Эрнсту, Добродееву, Кулиستикову и прочим большим и малым «геббельсам» нынешнего режима.

Одним из важнейших параметров поддержки высокого уровня общественной архаики является раздельное и не пересекающееся существование двух групп населения в одном государстве: его политической элиты и остального народа. Как говорится, в букваль-

ном смысле: «Кесарю кесарево, а слесарю — слесарево»...

Несколько лет назад оказался случайным и мимолетным свидетелем посещения хорошего московского букинистического магазина лично тов. Эрнстом... его интересовало какое-то старое издание с эскизами Бенуа... Я думаю, вы понимаете все *цивилизационное различие* между тем, что творит Первый канал для российского общества, и русским Серебряным веком... Эти понятия не то что не тождественны и даже не параллельны — они прямо противоположны по своей онтологической сущности. Не может человек, «погруженный» в Бенуа или в Мережковского, творить данное нам на сегодняшних экранах, так же как современный православный человек не может одновременно «хвалить Христа» и «хвалить Совдепию» — это могут только новообращенные члены псевдохристианских сект, например таких, как «православные чекисты»...

Какая ирония: наши православно-чекистские сектанты в большинстве своем любят Лепса, а наши неосоветские пропагандисты любят Бакста; интересно, а где и у них точка пересечения — неужели где-то между Кукрыниксами и Иосифом Кобзоном?..

В странах общественного Модерна и Постмодерна элита является примером и образцом для поведения остальных членов общества, поэтому так строги нормы морали и поведения для правящих классов все еще христианского Запада и особенно Америки. Все, что дозволено «слесарю», не может быть позволено «кесарю», по крайней мере в публичном пространстве...

Развращать — во всех общественных смыслах этого слова — «низшие классы» может только элита, «выстроенная» в раздельное существование со своим народом, и это есть *отличительное* состояние сегодняшнего политического класса нашей страны от элит любых стран, где господствуют общества открытого типа.

Невозможно себе представить в стране, где элита конкурентна и ответственна и является образцом для подражания остального населения, таких политических персонажей, как Жириновский, Федоров, Яровая, Луговой и... «имя им легион»... Единственное предназначение которых: сначала выкрикнуть или выговорить в публичное пространство некие мысле-формы, которые еще недавно в общественном мнении казались невыносимыми и были табуированы прежде всего самим правящим классом и сдерживались для проникновения в «низы», а потом попытаться их легализовать уже на уровне формального нормотворчества (обращаю внимание, не Права, так как данные «конвульсии» к этому почтенному понятию не имеют никакого отношения).

Дальше запускаются механизмы разверстывания *бездны* массового сознания... Многие пытались и пытаются туда заглянуть... и не только русские на этом «поскальзывались»... Вспомним немцев в 30-е годы XX века, вспомним несчастную Аргентину Перрона или Чили Альенде; а как смог, вот совсем вчера, обычный «левый» популист подтолкнуть Шотландию к катастрофическому референдуму?.. Сколько туда «ни смотри», как сказал персонаж одного знаменитого фильма: «Бездна всегда поглотит тебя». Человек слишком слаб, и лишь «тонкий слой цивилизации», в нашем случае — христианской, сдерживает нас от той «бездны», которая дремлет в каждом из нас, и мы все на уровне подсознания знаем, какими социальными ужасами это все заканчивается... но все равно люди как *«заговоренные»* идут в этот «жертвенный» огонь.

Именно об этом постоянно витийствует наш уже почти официальный, не киношный «Никита Пустосвят» Михалков, именно об этом он предупреждает... «бездна» всегда рядом, и она просто ждет, когда в нее кто-то заглянет, и он прав, с удовольствием

туда заглядывает прежде всего интеллигенция. Правда, почему-то он в упор *не видит* того, что именно «погрузить всех в бездну» может *только правящий класс*, только у него на это есть все надлежащие ресурсы, возможности и время. Интеллигент — лично и персонально, без прямой поддержки правящих элит или контрэлит, максимум способен только на убийство «старухи-процентщицы» или себя самого, убогого и несчастного, отрабатывая свою личную «бездну». И только «ребята во власти» способны запустить настоящие процессы социальных потрясений и ужасов. Не бывает народных бунтов без грехопадения власти... не бывает, не было еще такого в истории...

Сегодня кумир Михалкова, «собиратель Евразии и советских смыслов» тов. Путин Владимир Владимирович запустил новую *социальную эпидемию* и повторно *инфицирует* население России советскими идеями и символами, «левым» популизмом и парохийными социальными практиками — этот путь уже приводил наш народ в Бездну, к сожалению, и сегодня мы уже глядим в нее... Не замечать этого — значит самому быть частью этого левоархаичного Апокалипсиса, значит, Михалков сам часть этой Секты, сам с удовольствием смотрит в эту личную «бездну» под названием «персональная гордыня».

Вот в этом и есть ответ на вопрос: откуда такая поддержка населением Путина, откуда его рекордные цифры рейтингов? Он наконец-то *«достучался» до бездны народного сознания* и с азартом туда «глядит», именно в этом причина его эмоционального состояния — *суетливого и возбужденного транса*.

Существует ли какое-то лекарство против этого безумия? Коллективного — нет, только — индивидуальное, через *чувство личной ответственности*, главное в этой фразе понятие *ответственности*. Религиозное ли это

чувство или светское, в нашем случае важна социальная ответственность — за себя, за семью, за общество и государство. Проблема личной ответственности очень многогранная — остановимся над одной из этих граней, наиболее близко лежащей, — на прямой поведенческой социальности.

Очередная авиакатастрофа во Внуково с гибелью президента «Total» выявила в очередной раз одну принципиальную особенность, очень «советскую» черту нашего национального сознания. Водитель снегоуборочной машины, потеряв ориентировку во время своего движения, *не остановился*, а продолжил свое хаотическое движение по аэропорту, тот, кто видел схему его передвижения по полю (она есть в Интернете), все поймет, этот человек вольно передвигался по пространству, в высшей степени насыщенному машинами и людьми, т.е. по объекту с особым регламентом жизнедеятельности, проработав на нем, кстати, более десяти лет. Был ли водитель пьян или просто не придавал особого значения своим действиям, в обоих вариантах он продемонстрировал классическое советское *отсутствие личной ответственности* за свое поведение, пусть всего лишь профессиональное. Обращаю ваше внимание еще на одну деталь: водитель — ровесник нашего правящего «поклонника всего советского», т.е. просто «хрустальный тип» советского человека.

По моему мнению, отсутствие личной ответственности как органической внутренней мотивированной системы у советского человека есть результат совсем немудреной социальной формулы: отсутствие личной ответственности происходит через отсутствие личной частной собственности, а это есть следствие отсутствия вообще укорененных институтов частной собственности как органического социального опыта. Причем не только на уровне исполнителя. Оказывается у этого водителя, как и у всех осталь-

ных на машинах, вообще отсутствовали GPS-навигаторы. Те, кто не согласен с моим вышеизложенным тезисом, ответьте на простой вопрос: почему GPS-навигаторы стоят практически на всех хозяйских машинах, если их больше двух и они сдаются владельцем в аренду, причем вне зависимости, «Газели» это или «Вольво», а в государственном гиганте «Внуково» машины без навигаторов?

Если вы летаете по миру, то наверно обращали внимание, что во всех западных аэропортах низовой обслуживающий персонал в основном не местный, «цветной». Но руководители у этих людей — местные и «белые», а они как раз действуют *по системе*, с внутренними мотиваторами рациональных и социально ответственных людей. Общества, где уже не одно поколение людей воспитано в социальных категориях институтов частной собственности и взаимной социальной ответственности, просто безоговорочно требуют от своих «цветных» подчиненных исполнения служебных регламентов, хотя бы на уровне... условных рефлексов и привычек.

«...Речь идет о самых простых вещах, в том числе экономических связях, которые создают взаимозависимости между людьми и институтами. Трудовые обязанности, кредиты, страховки, контракты, деловые обязательства — все эти вещи создают груз ответственности, повышают ценность человеческой жизни и мешают вступать нам в конфликты. Мы десять раз подумаем, прежде чем оскорбить коллегу или испортить чье-то имущество, зная, что это сильно подорвет наше благосостояние... Чем больше живем, тем больше обрастаем обязательствами и ответственностью (частной собственностью. — *И.Р.*), тем больше начинаем ценить благосостояние и душевный покой...» («Ведомости». 22.08.14).

Вот немудрёная формула социальной ответственности на Западе, а есть еще, например, такой принципиаль-

но важный для каждого американца персональный показатель — его банковский «credit score» (кредитные очки, баллы). Согласно определенному уровню персональных баллов, ты можешь — или не можешь — получить кредит на дом, машину, бытовую технику и мебель и т.д., от него зависит срок кредита и его процент, в конце концов — само количество кредитов. Получил штраф на дороге — баллы снимаются, процент увеличивается, задержала полиция — баллы еще больше падают, нанес вред муниципальному имуществу — могут вообще снять займ на муниципальное жилье...

Как это ни покажется кому-то слишком поверхностным, но именно эта житейская прагматичность и рационализм воспитывают не только личную ответственность, но и «отпугивает духов Бездны» от западного обывателя. Именно поэтому «левый» популизм в Шотландии не прошел. Для многих местечковый сепаратизм оказался слишком «дорогим», и духи «левой архаики»... отступили.

Именно поэтому наши граждане так легко «отключаются от реальности» и готовы «поиграть с Бездной» — *их ничего не останавливает*, ни морально, ни материально, они не укоренены ни в религиозных догматах, ни в моральных нормах, ни в материальном интересе. Как говорится, «нам свобода не нужна, нам — волю давай»... Такое «виртуальное» существование — это и есть знак личной безответственности людей, которые никогда ничего не решали в своей жизни самостоятельно за пределами своего личного существования.

Все эти «игры в архаичные ценности» с большим удовольствием использует российский правящий класс, как ему кажется, все это пойдет ему на пользу, и уж они-то, точно — «фартовые», и у них все получится. «Гениальная власть» — так, кажется, называл свою книгу знаток сегодняшних «путинских смыслов» Г. Павловский.

Поразительно, ведь Большая История каждый раз «их» наказывает, а «они», такие «советско-гениальные», все твердят: это у них там, на Западе да в Латинской Америке, все происходит, как в умных книжках понаписано... а Россия... это ведь «особая цивилизация» — для нас *«Все будет по-другому»*. Хорошо, что МЫ помним, ведь то же самое говорили: и имперские, и советские, и фашистские... а чекистских... мы просто переживем!

* * *

Самое время вернуться к обещанному «гамбургскому счету» эффективности (главный критерий рациональности) внешней и внутренней политики нашего «собирателя Евразеюшки» в «украинском повороте российской политики». Что ж, подведем наши скромные и скорбные итоги.

Конечно же, точкой отсчета критического вала нарастающих проблем для России стали не какие-то спонтанные конвульсии или импровизации на политические темы лично тов. Путина, все это наступит потом. Реперной точкой стал политический кризис режима Януковича. Разумеется, Восток, Центр и Запад Украины по-разному видят судьбу своей страны, но в чем они едины, так это буквально в *ненависти* к своему уголовно-вороватому бывшему президенту и его системе власти. Вообще, когда слушаешь украинцев, то поражаешься, даже на фоне российской действительности, как может очень быстро и динамично распадаться от коррупции государственный аппарат и девальвироваться ценности национального строительства, и трудно понять, почему с таким маниакальным упорством его (Януковича) поддерживал лично тов. Путин. Ведь даже на житейском уровне понятно: нельзя иметь дел личных или хозяйственных с жуликом. В любом случае все пойдет прахом. Я думаю, ответ находится где-то в области психологии обоих руководителей, окружающую действительность

они видели скорее всего в одних «красках». Недаром А.И. Солженицын называл уголовных и «гэбэшных» — социально близкими... Один в «сортирах» шапки крал, другой в «сортирах» врагов мочить храбрился...

Конечно же, даже само по себе падение режима Януковича — есть личное поражение товарища Путина, его друзья уходят с поразительной быстротой: то Кадафи, то Уго Чавес, а теперь совсем можно сказать родной — Янукович. Было отчего содрогнуться... Дальнейшие политические шаги Путина, если попытаться не принимать в расчет эмоциональные факторы истероидного типа, а попытаться описать ситуацию на рациональном уровне, выглядели достаточно логичными.

Образ «Евразии-матери» без Украины выглядел совершенно гротескно и нереально, поэтому попытка ассоциации с Евросоюзом была воспринята как глобальная угроза «таможенному единству» в целом и как «антироссийская» по своей сущности в частности, угроза объединительному евразийскому процессу, что спровоцировало в типично чекистском стиле попытку подкупа Януковича и всю последующую цепь событий.

Я хотел бы заострить ваше внимание еще раз на последовательности этой цепи. Не было никаких Майданов и жидобандеровцев на конец 2013 года, исходя из своей логики политического процесса Янукович, видимо, в попытке «развести» на деньги Евросоюз (вспомните или поднимите прессу того времени), пытался «продать» ассоциацию европейцам за кредитные линии от 20 до 100 млрд евро; когда этого не случилось (не дали денег, и прежде всего Меркель), в игру азартно вступил тов. Путин со «своими» пятнадцатью миллиардами... «ведь богатства Евразии должны прирастать — через нефтедоллары».

Обратите внимание на *уровень и качество* такой политики: один руко-

водитель сорока миллионов граждан, другой — почти полтора миллиона, а играют в «политику», как будто бы в «очко», одно слово — «социально близкие». Майдан возник как раз между этими событиями как непосредственная реакция на эту «шулерскую игру», и не было там никаких «укрофашистов», были только: уголовные и чекистские...

Следующий рациональный фактор — это попытка разрушить или дестабилизировать ситуацию функционирования нового политического режима на (в) Украине, с целью недопущения *перетока идей* буржуазной революции в Россию, и это, я думаю, была главная политическая задача путинского режима, и внутривластная, и внешнеполитическая — удержание *Власти в России*, а Украина — это всего лишь поле битвы за *личную власть*. Не более.

Как мы уже упоминали, массовая путинская пропаганда, дабы заретушировать свои истинные намерения, использует в своем «потоке сознания» один-единственный рациональный аргумент. Крым взят, чтобы не допустить на полуостров базы НАТО, а события вокруг ДНР и ЛНР отвлекают внимание опять же от Крыма, соответственно, опять же, от угрозы НАТО. Давайте посмотрим на фактический результат такой «гениальной» геополитики.

1. Украина как государство, а не как режим Януковича, не собиралась вступать в НАТО, и при всех своих предыдущих президентах также. Более того, в Конституции страны был зафиксирован ее внеблоковый статус, по нему проведен референдум, и твердое большинство украинцев (и не только восточных) были против вступления в НАТО.

После такой «эффективной» путинской политики граждане Украины (особенно без Крыма и Донбасса), после тех погромов и вереницы гробов, я думаю, пересмотрят свою позицию,

т.е. оформят общественный запрос на радикальные политические изменения. Поэтому, как только Россия ослабнет политически и экономически (а это, к сожалению, неминуемо, как следствие всего политико-экономического курса тов. Путина), появление баз НАТО под Белгородом и Курском из «политического фейка» может стать вполне осязаемой реальностью.

2. Есть путинская пропаганда, а есть реальная жизнь. «В списке 20 крупнейших стран мира, военные расходы которых в последние два года сокращались, 13 государств являются членами НАТО, говорится в исследовании американско-британской консалтинговой компании IHS. Всего за два последних года оборонные расходы сократились на 93 млрд долларов...» («Ведомости». 2.09.14). Как мы знаем, за последние несколько лет военные расходы России значительно выросли, и это не является реакцией на события на (в) Украине, решения по резкому увеличению оборонных расходов принимались задолго до крымских потрясений.

Угадайте с двух раз, какое решение приняло НАТО после ввода российских войск в Крым. Правильно, оно обратилось к правительствам блока с требованием... резко увеличить затраты на собственную оборону. Более того, уже сейчас принято решение о развертывании в Эстонии авиабазы НАТО, а это прямая военная угроза Санкт-Петербургу, по уровню, наверное... как в свое время развертывание советских ракет на Кубе. Ведь еще в начале 2014 г. ни у кого не было таких даже мыслей и идей. Мы не будем сейчас упоминать ПРО и прочие стратегические «радости»; как вы думаете — какие военно-политические решения будут приняты западными политиками? Это увеличит нашу безопасность по сравнению с предыдущим политическим периодом или нет? Я думаю, вопросы эти — риторические...

3. Вот краткие военно-технические итоги деятельности «зеленых человек-

ков» на Украине, отправленных туда твердой чекистской рукой.

Украина законодательно запретила военно-техническое сотрудничество с Россией. Компания «Мотор Сич» прекратила поставку двигателей для современных российских ударных вертолетов, фактически сорвана программа вооружений русской армии совершенно необходимым ей оружием, под угрозой экспортная программа. Николаевский турбинный завод отказался поставлять турбины для строительства серии российских эсминцев, заменить турбины нечем, морская военная судостроительная программа под угрозой срыва. По иронии, новые эсминцы должны были базироваться как раз в Севастополе. Завод «Южмаш» прекратил сервисное обслуживание самых мощных советских ядерных, сейчас российских ракет — «Сатана», последствия... явно не в пользу русского ядерного потенциала.

В интервью журналу «Эксперт» (№ 39, 2014) несколько российских военных экспертов с сожалением констатировали следующее. До украинских событий американское «Бюро промышленности и безопасности», отвечающее за экспортный контроль военных «высоких» технологий, фактически сквозь пальцы смотрело на поставку этих комплектующих в Россию: «...давали любые технологии, любые САПР, любые возможности, даже уговаривали покупать. То есть нам никто не мешал...» Сейчас же никто даже новые санкции не стал вводить, просто начали строго выполнять предыдущие ограничения. Под запрет попали: электронные компоненты, кремневые пластины, подшипники и т.д., а самое главное: технологии, станки и оборудование, которые в России просто отсутствуют как технологический вид.

Уже прямо сейчас «заморожен» Центр боевой подготовке в Мулино, который должен был стать самым современным в мире, его готовность была

на 90%, за пять лет через него планировалось пропустить весь офицерский состав российских Вооруженных сил. Как мы реально понимаем, главные враги и угрозы России грядут не из Европы и Америки, и даже не из Китая, а из Центральной Азии и Кавказа, и воевать русским войскам там придется... и опять нести неоправданные потери, эти русские жизни, конечно же, будут предъявлены Путину на Страшном суде...

Принято решение отказаться в американских космических программах от «протоновских» двигателей, наверное, единственных высокотехнологических изделий, которые мы поставляли в США. Европа уже прекратила поставку навигационных систем «Sigma» и «Sagem» на наши танки, БТР и самолеты и... так далее, и тому подобное.

В «ответку» уже принята программа военного импортозамещения... Вы, конечно, знаете судьбу всех предыдущих «путинских 10 ударов»... помните, был такой термин — «бумажная архитектура»...

Вы, наверное, не забыли: у нас были «лихие 90-е», и они оказали разрушительное воздействие на предприятия ВПК. Как будет названо нынешнее время повторного и, может быть, окончательного разрушения русской военной инженерной мысли и производства — «крымским казусом Путина»?.. Не велика ли цена за «счастье» лицезреть «повелителя стерхов»?..

4. *Дипломатия.* Путин как политик потерпел полное поражение на дипломатическом фронте, когда пытался «перекупить» подписание соглашения между Украиной и ЕС по поводу экономической интеграции. Если до Крыма Запад и особенно Германия были категорически против, то сегодня экономическое соглашение подписано, и что самое главное — за шесть месяцев беспрошленной торговли с Европой Украина смогла компенсировать свои экономические потери от вынужденного (по инициативе Путина) сворачи-

вания торговли с Россией. Вот это действительно неожиданно...

Хотелось бы обратить внимание: предыдущая политика сдерживания и отбрасывания коммунизма Западом обошлась России социальным кошмаром 90-х, полной деиндустриализацией экономики, упадком образования и здравоохранения, и самое страшное — прямыми демографическими потерями русских как этнической группы. Только полные *идиоты* говорят и верят — во всем виноват Горбачев; нет, мои дорогие, — во всем виноват правящий класс Советского Союза с его безумной внутренней и, самое главное для Запада, внешней политикой, с его попытками разрушить Запад. Именно против такой политики и была принята идеология сдерживания. Не хочется думать, какую цену заплатят русские за очередное безумие их теперь уже несоветского правящего класса.

5. Когда замышлялась военная авантюра с Восточной Украиной, предполагалось, что местное русское население поддержит идею независимости от остальной Украины или как минимум идею интеграции с Россией через Таможенный союз. Я был в Харькове в самом начале июня; как мне показалось, если бы одновременно с Крымом «зеленые человечки» появились на территории всей Восточной Украины — интеграция имела бы шанс, но только при одном условии. Если бы за несколько лет до этого с Восточной Украиной, как бывшей частью русских территорий (где преобладает русский тип культуры), проводилась политика пропаганды «русского мира как культурного выбора» (особенно среди молодежи), тогда «юго-восточное яблоко» дозрело бы, как и «крымское».

Правда, для такой заблаговременной политики надо как минимум ядру правящего класса быть русским, а не советским, обладать опытом прогнозирования и рационального политического планирования, а сама «Большая Родина», должна быть цивилизацион-

но привлекательна. Это большая работа, и не сиюминутная, на такое цивилизационное планирование советские православно-чекистские сектанты не способны по определению и, как оказывается, по факту. Они даже не понимают, что это такое.

Поэтому нет русского сепаратизма в Харькове, в Днепропетровске, Запорожье, Херсоне, Одессе — он просто исчез: все, кто рискнет оказаться на улицах русских городов, с русским населением, с полным господством русского языка на бытовом уровне, с российской государственной символикой или георгиевскими лентами — немедленно будет избит самими русскими людьми, гражданами Украины. Потому что, благодаря донбасской авантюре и таким верным «путинцам», как Стрелков-Гиркин, эти символы стали знаками гражданской войны, массовых убийств, грабежей и мародерства.

Самое страшное, что совершили Янукович и Путин, они запустили «воронку» гражданской войны, когда на Востоке Украины русские убивают русских, убивают друг друга русские и украинцы. Теперь это может произойти в любой точке России, Путин как верный чекист-дзержинец достучался до своих «демонов Бездны»... пожелаем же ему встречи с любимыми кумирами...

6. *Экономика.* Ситуация и до экономических санкций была не самой блестящей, разрушительная поступь государственной бюрократии в конце концов «удушила» органическую предпринимательскую инициативу.

«После того как началась экономическая война, политики будто начали соревноваться в том, кто больше потратит денег из пенсионных накоплений граждан и фонда национального благосостояния (ФНБ). «Роснефть» просит из ФНБ 1,5 трлн рублей или сколько дадут. Правительство, два раза за последний месяц постригшее пенсионные накопления, обсуждает, не пустить ли их еще и на венчур-

ные инвестиции (так малолетний балбес пускает бабушкину пенсии на лотерейный билет)... Политическая элита хочет потратить на свои карманные проекты чужие деньги, причем заведомо циничным образом» («Ведомости». 15.08.14).

Времена сегодня еще довольно вегетарианские, но чекистская власть уже тренируется в социальных экспериментах против собственного народа. Да, конечно, среднестатистический российский гражданин может прожить и без «пармезана», и без «фуагры», но отсутствие европейского мяса, молочной и рыбной продукции уже спровоцировало рост цен в стране в среднем не менее чем на 10%, у самих европейцев эти же продукты подешевели примерно на 5–8 процентных пунктов. Спрашивается, кого же Путин наказал? Собственный народ. А когда у чекистов было как-то по-другому, они же на уровне своего «сумеречного сознания» даже и не знают, и не понимают, что, если предложение ограничить, то цены вырастут, даже если мясо из Аргентины в тоннаже компенсирует европейское, на уровне же мирового баланса предложение уменьшилось, а спрос остался. Это как если бы из двух киосков один закрыли бы ретивые ветеринары, то в другом обязательно витрины «вынесут», если цены не поднять. Вот и получается, у европейцев цены упали, и народу хорошо, и фермерам субсидий меньше платить надо, европейским государствам тоже приятно, у «латиносов» нежданно спрос вырос, тогда и цены поднять можно и нужно, и прибыль отправить на развитие производства. Для всех «перфект», только русский народ опять из своего кармана будет оплачивать это мировое благоденствие, совершенное нашими чекистами.

«Понятно, что никаких материальных компенсаций Кремль русскому народу не предложит. С одной стороны, компенсировать просто нечем физически, а с другой, любая материальная

компенсация в подобных “патриотических” вопросах ломает сложившуюся у нас парадигму отношений между властью и обществом. Так фактически будет перечеркнута та традиция управления, что установилась пятьсот лет назад, когда московские самодержцы навязали подданным безусловное подчинение, предполагающее только “моральные”, но никак не материальные компенсации. И у меня есть большие сомнения, что российский политический класс сознательно пойдет на отказ от этой традиции, ибо это равнозначно отказу от беспрецедентно комфортных условий, от привилегированного положения» (О.Н. Носков).

А вот незамедлительная реакция наших правящих «гэбэшников» в лице тов. Иванова на последствия их же «гениальной» политики: «Очень важно, чтобы соответствующие органы власти в лице ФАС и другие контрольные органы следили за этим и не допускали искусственного роста цен, которым, конечно, могут воспользоваться как наши внутренние спекулянты, говоря откровенно, так и иностранные поставщики, которые хотят воспользоваться конъюнктурой» («Валдайский клуб». 23.10.14).

Как видите, объективные законы экономики бывший «отличник боевой и политической подготовки КГБ», бывший (хотя бывшими они не бывают) генерал КГБ, бывший «интеллигент от разведки» (он сам так себя назвал в недавнем интервью) просто взял и отменил (интересно у них там, в их православно-чекистских сектах, законы физики или химии можно отменить?), и свои предприниматели у него сразу спекулянты, а иностранные — просто жулики, видите ли, конъюнктурой решили воспользоваться...

Вот еще небольшая цитата по поводу путинской экономической политики:

«Такое впечатление, что российское руководство, руководя такой компанией [“Газпром”], пошло по совершен-

но безумному пути, что-то вроде мании величия. Совершенно затратно и нерационально. Компания потратила гигантские деньги на скупку активов, которые ей были не нужны, подавляя всякую конкуренцию в нефтяной отрасли и фактически угробляя эту отрасль. Ну, скупка ТНК-ВР, от Удмурднефти до чего угодно. И компания была вынуждена взять очень много денег у китайцев и сейчас занимает новые деньги, чтобы расплатиться с этими долгами, да еще к этому в придачу заложив свою добычу нефти на многие годы вперед — и даже из тех месторождений, где запасы нефти еще не доказаны. Такое впечатление, что вся политика компании проводилась только для того, чтобы обеспечить гигантскими, умопомрачительными зарплатами руководство компании» («Ведомости». 14.08.14). Прочитав про безумие и манию величия, вспомните, о чем мы писали выше.

«Визит Путина в Китай провалился с треском», «Китай не собирается спасать режим Путина» и т.д. — это заголовки статей нашей и зарубежной прессы, где выступают эксперты, а не пропагандисты с Первого канала... и новостей таких несть числа, и это самая плохая новость об экономической политике нашего «покорителя Востока».

Первые последствия «украинской авантюры» для валютного курса рубля разворачиваются прямо сейчас у нас на глазах.

Вот вам, господа, краткий отчет, сформированный на рациональном уровне, и как все это разительно отличается от всего того, что несетя с экранов российских телевизоров.

* * *

Начиная с весны 2014 года в путинской пропаганде появились новые оттенки, совершенно внезапно всплыла тема о России как совершенно особой стране и о российском человеке как о не менее особом типе личности,

разительно отличающемся от остальных европейцев и тем более американцев. Если пропускать мимо ушей и ума уж совсем примитивных «путинских соловьев», а попытаться мучительно вчитаться в интеллектуальную «кашу» этих троллей в более серьезной «упаковке», то выяснится, что под «особостью России» они, оказывается, имеют в виду:

- 1) особый тип *государства* в России;
- 2) особый характер *власти* в России;
- 3) особый вид *российской цивилизации*, находящийся между Европой и Азией;
- 4) утверждение, что у российских граждан, и прежде всего у русских, другие духовные ценности.

Тема старая, позиции сторон давно известны, историография многочисленна. Поэтому по поводу этих глобальных вопросов буквально пунктирно. Да, безусловно, географическое расположение русских как этнической группы на краю Азии определило нашу дальнейшую историческую судьбу. Правда, слава Богу, не отменило того факта, что мы — христианский народ и генетически — белые европейцы, кстати, последние интересные научные данные на эту тему можно найти у д.и.н. Э. Кульпина. С системой государственной власти все сложнее: начиная с монгольских времен характер и структура власти — ордынская, к началу XX в. — русская система власти, с большим трудом уже почти ставшая европейской, — пала, с приходом большевиков и по сей момент она продолжает оставаться опять же ордынской. Русские национальные и духовные ценности базируются на христианском опыте, о советских ценностях мы уже упоминали. Сегодняшняя и вчерашняя советская пропаганда так и не смогла ничего рассказать нам — в чем заключаются особые ценности российского народа и чем они отличаются от общеевропейских и общехристианских.

Все бывшие советские люди, если они в состоянии освоить европейские языки, в течение своей жизни спокойно интегрируются в западные общества, их дети являются уже просто частью той жизни. У жителей собственно России есть специфика: «Мы все еще входим в модернность. И испытываем шоки, бежим от свободы (курсив мой. — И.Р.). Этот этап переживали Германия, Япония, Испания, Италия и т.д. Бегство от свободы — реакция на определенные обстоятельства, но в России она закрепилась и повторяется. История в России переживается только как повторение, а не как разнообразие вариантов» (Б. Дубин).

«Бегство от свободы» — это есть состояние иррационального страха (внутреннего) перед необходимостью нести самостоятельную ответственность перед собой, семьей, обществом и государством во внешней среде и каждый раз выработать собственные стратегии перед общественными вызовами и угрозами этим основополагающим понятиям.

Граждане нашей страны просто не имеют закрепленного в поколениях социального опыта самостоятельного существования в окружающей действительности, и прежде всего индивидуального социального и общественного опыта по взаимодействию с институтами частной собственности. Ограждение от этого опыта есть одна из главных задач современного правящего класса России для удержания своего *неконкурентного* преимущества при распределении и удержании любых видов рент.

При изменении подобных общественных практик в течение жизни всего лишь двух поколений будет стерта разница социальных практик между русскими и европейцами, останутся только культурные различия, как между итальянцами и ирландцами, американцами и французами. Общественные ценности естественных прав чело-

века плюс христианский тип восприятия духовного пространства создаст ту «цветущую сложность» культурного бытия, о которой писали русские философы еще середины XIX века.

Итак, мы утверждаем: когда говорят об «особом российском пути», то имеют в виду исключительно *особый тип российского государства и власти*, ничего более; все остальное есть лишь способ маскировки данного положения вещей.

Европейские государства и европейский тип власти прошли свой трудный и кровавый путь взаимодействия с обществом своих подданных, деспотия Генриха VIII мало чем отличалась, например, от деспотии Ивана Грозного.

Так все-таки в чем особенность установленного в России ордынского типа власти и в чем его отличие от европейского?

1. Европейское государство и европейский тип власти с течением исторических времен динамически модернизировались и изменялись, и главный вектор этих изменений — учетывание и принятие во внимание как государственных задач закрепленных социальных интересов и «разумного эгоизма» собственного народа, нации и рядовых граждан. В Европе «власть от Бога» трансформировалась во «власть от Общества».

В России ордынский тип власти не предусматривал никакой внутренней эмансипации, внешне власть могла меняться: Иван Грозный, Петр I, Николай I, Сталин, Путин — но суть ее оставалась неизменной: интересы народа, нации, общества в расчет не принимались, более того, они ставились на службу различного рода «социальным химерам», от имени государства объявляемым этими представителями ордынского типа власти, и различались они лишь степенью использования насилия.

В исторической России «власть от Бога» трансформировалась просто во «власть для Власти», а в большевист-

ской и чекистской «Совдепии» — во «власть для Государства». Более того, русская историческая власть базировалась на христианских началах, «совдеповская власть» базируется на идеях христианских ересей и тоталитарных сект, последняя реинкарнация которых — «православный чекизм».

2. Ордынский тип власти подразумевает «служебный» тип формирования правящего класса, не конкурентный, как в европейских странах и Америке и, не удивляйтесь, так же и в Китае, Южной Корее и Японии. Принципы служения системе (преданности), а не принципы меритократии (конкуренции) являются основой отбора в ордынский правящий класс. Наш ордынский вождь наверху порождает «вождишек» на местах, отсюда славное ордынское правило: «ты начальник — я дурак», или «я хан, а ты раб». Внутриполитическая «борьба под ковром» вынуждает «вождишек» искать по-азиатски преданных подчиненных, которые бы «все понимали» и не задавали лишних вопросов, отсюда добродетель — «угадать, угодить». Каждый «вождек» набирает свой «ордынский стан», за ошибки рядового ордынца отвечал «вождек», за ошибки «вождя» — вся «орда малая», и мера ответственности и для тебя, и для твоей семьи была одна — вон из орды, отсюда добродетель — «круговая порука» и верная служба, и нельзя быть умным — «не высывайся».

3. В ходе эмансипации европейского типа власти принцип взаимодействия между правящими классами и обществом, микширования их противоречий формировался на принципах договоренностей и взаимного согласования интересов. Ордынский тип власти знает только один способ коммуникации с обществом и сглаживания их разнонаправленных интересов — различного типа насилие, степень которого регулируется только личными представлениями о его целесообразности того или иного лидера.

4. Ордынский тип власти при реализации различного рода разнонаправленных «социальных химер» вне зависимости от исторических времен — «Москва — Третий Рим», «Петербургская империя», «Построение коммунизма», «Вставание России с колен» — насаждает в обществе с помощью «прикормленных» для этих целей особого типа беспринципных гуманитариев для поддержания своих химерических идей особую нравственную атмосферу. Скажем так, «этики безусловного альтруизма», где обществу предлагают отказаться как от закрепления, так и от самой идеи существования собственных интересов «разумного эгоизма» в пользу неких нравственных императивов — таких например, как сегодня: «Зато Крым — наш». При этом сам правящий класс свои рациональные эгоистические интересы уменьшать не собирается: вспомним номенклатурные привилегии большевиков, тему интересов «Семьи» при Ельцине и кооператива «Озеро» при нынешнем «собирателе духовных скреп».

Процитируем еще раз специалиста: «В таких режимах все строится на ручном управлении, а не на формальных институтах. Правящий глава или клан удерживает власть с помощью системы личного патроната, основанной на неформальных отношениях лояльности и личных связях, а не на идеологии или законе... лояльность обеспечивается за счет прямого подкупа сторонников элит и избирателей — за счет постоянного перераспределения активов, доходов, престижных должностей, взяток и т.д. Правителю все время нужен доступ к источнику ренты, которую можно перераспределять между своими сторонниками. Как правило, она имеет внешний источник и слабо зависит от труда населения страны (неналоговые и нефтегазовые доходы, пошлины, иностранная помощь)» («Ведомости». 19.08.14).

Пользуясь не самой хитрой формулой марксизма-ленинизма, можно

уверенно сказать, что персоналистское государство, лишённое идеологии и связанной с ней институциональной системы, «есть последняя стадия загнивания» ордынского государства.

Не верьте пропаганде, экономические санкции *будут очень эффективны* против путинской системы власти, только, как обычно, русскому народу придется за это заплатить очередную — неприемлемую — цену.

И Россия уже начинает платить огромную цену за политику, которую она ведет в последние полгода, в виде ухудшения своего экономического и международного положения, изоляции самыми экономически и технологически развитыми странами мира. Цена за эту политику, еще раз напоминаю, будет заплачена неприемлемо высокая, такие цены платят за победы — русский народ, к сожалению, будет вынужден заплатить за *поражение*... Нами правят политические импотенты...

За последние пятнадцать лет они не смогли изменить технологический

облик страны, они не запустили ни одной социальной новации — нами правят государственные менеджеры-импотенты...

Качество государственного управления стало даже значительно хуже советского, коррупция сделалась частью действительности, государственная медицина и образование стремительно деградируют — нами правят чиновники-импотенты...

Безопасности страны угрожает прежде всего ее правящий чекистский класс, который уже однажды «слил» одну страну под названием Советский Союз. Вы сомневаетесь, что в будущем они поступят как-то по-другому? Нами правят охранники-импотенты...

А на что они способны? У них *получается лучше всего* в общественном и государственном строительстве, как мы помним по недавней истории нашей страны, только немотивированная агрессия и насилие по отношению к собственным безоружным гражданам. А немотивированное насилие, как известно, — первый признак импотенции.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА» № 1 – 19

2010 год

№1

Константин Крылов. Национализм как предмет исследования (Заметки к выходу первого номера журнала «Вопросы национализма»). — С. 3–5.

Михаил Ремизов. Нация: конструкт или реальность? Прологомены к критике конструктивизма в науке о нации. — С. 6–11.

Павел Святенков. К вопросу о нации. — С. 12–16.

Тема номера. СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Александр Севастьянов. Диалектика социального и национального. К постановке вопроса. — С. 17–25.

Сергей Сергеев. Дворянство как идеолог и могильщик русского национал-строительства. — С. 26–48.

Олег Неменский. Национализм городской и сельский. — С. 49–56.

Татьяна Соловей, Валерий Соловей. Русские как этнокласс. — С. 57–64.

ДИСКУССИЯ

Размышления над книгой: *Татьяна Соловей, Валерий Соловей.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. — 440 с.

А.С. Русские: жить или умереть? — С. 65–83.

Александр Храмов. Государство

«несостоявшейся революции». — С. 83–89.

ПУБЛИКАЦИИ

Валерий Сумин. Документы национального единения. К истории современного русского движения. — С. 90–108.

ИНТЕРВЬЮ

Игорь Шафаревич: «Я всю жизнь думал о судьбе русского народа...» — С. 109–117.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Дмитрий Крылов. Азбука этнопсихологии. — С. 118–128.

ЮБИЛЕИ

Предтеча и пророк русского национализма. К 150-летию Михаила Осиповича Меньшикова (05.10.1859–20.09.1918). — С. 129–131.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение. — С. 132–135.

№2

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Русский национализм: теория и практика [Круглый стол: Н. Шалимова, С. Сергеев, К. Бенедиктов, О. Неменский, Н. Холмогорова, П. Святенков, М. Ремизов]. — С. 3–15.

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Совместимы ли русский национализм и демократия? Экспертный опрос [В. Соловей, Д. Андреев, А. Кустарев, С. Беляков, В. Куренной, Е. Холмогоров, О. Неменский, Э. Лимонов, К. Крылов]. — С. 16–29.

Александр Храмов. Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма. — С. 30–45.

Александр Горянин. Своими путями. Русские демократические традиции. Статья первая. — С. 46–64.

Димитрий Савин. Старообрядчество как модель развития русского гражданского общества. — С. 65–77.

Сергей Сергеев. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов. — С. 78–118.

Александр Севастьянов. Национал-демократия — не национал-социализм. К истории вопроса. — С. 119–140.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Олег Кильдюшов. Немецкий национал-либерализм как зеркало русского национального движения. — С. 141–157.

Александр Родригес. Национализм и пути исламской демократии. — С. 158–180.

Елена Галкина. От этнонационализма к исламской демократии: иранский опыт. — С. 181–197.

ИНТЕРВЬЮ

Глеб Павловский. «Где бы взять национальную интеллигенцию?». — С. 198–204.

ПОЛЕМИКА

Александр Елисеев. Реальная демократия против «великой лжи». — С. 205–211.

ПУБЛИКАЦИИ

Максим Брусиловский. «Русская Правда» — живой организм. — С. 212–214.

Русская правда. Хартия прав и свобод русского народа. — С. 214–217.

ОТКЛИКИ

Елена Чудинова. Крепостное право как либеральный миф. — С. 218–223.

Сергей Сергеев. По поводу статьи Елены Чудиновой. — С. 223–225.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение. — С. 226–237.

№ 3

Павел Святенков. Возможна ли российская идентичность? — С. 3–6.

Тема номера. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Константин Крылов. Нация как субъект конфликта. — С. 7–23.

Олег Неменский. Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств. — С. 24–37.

Сергей Сергеев. «Хозяева» против «наемников». Русско-немецкое противостояние в императорской России. — С. 38–78.

Юрий Сошин. «Вечный враг». Образ России в чеченском самосознании. — С. 79–87.

Александр Севастьянов. Русское подполье: год спустя. — С. 88–121.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Юрий Андрейчук. Ирландский национализм в борьбе за независимость отечества. — С. 122–127.

Сергей Беляков. Сербь — «чужак» № 1. — С. 128–140.

Александр Родригес, Елена Галкина. Палестинская проблема как фактор нациогенеза. — С. 141–165.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Александр Горянин. Своими путями. Русские демократические традиции. Статья вторая. — С. 166–185.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Дмитрий Крылов. Азбука этнопсихологии. — С. 186–200.

ПУБЛИКАЦИИ

Сергей Семанов. Дневник 1991 года. — С. 201–234.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение. — С. 235–237.

№4

Новое «дело историков»: предварительные итоги [В. Соловей, Д. Володихин, Е. Холмогоров, Б. Борисов, Е. Галкина, С. Сергеев, К. Крылов]. — С. 3–12.

Тема номера. ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ

Павел Святенков. «Все против русских». — С. 13–17.

Александр Храмов. Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина. — С. 18–38.

Александр Вдовин. Унитаризм против федерализма. — С. 39–54.

Виктор Ковалев. Федерализм «до востребования». Отечественный опыт федеративного взаимодействия Центра и регионов: прошлое, настоящее и будущее. — С. 55–76.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Олег Неменский. Европейские нации и кризис системы международных отношений. — С. 77–85.

Пьер Ильяр. Меньшинства и «регионализмы» в «Европе регионов». — С. 86–91.

Александр Барсуков. Фламандский национализм: сущность и эволюция. — С. 92–98.

Константин Пузырев. Корсиканский сепаратизм: национал-регионализм против «государственной унификации». — С. 99–112.

Александр Гегальчий. «Карпатская Русь»: мифы и реальность. — С. 113–119.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Сергей Беляков. «Новые варяги»? Имперский чеченский национализм

в творчестве Германа Садулаева. — С. 120–131.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Александр Горянин. Своими путями. Русские демократические традиции. Статья третья. — С. 132–150.

ШТУДИИ

Игорь Васильев. «Шагай, нацмен». Политика «коренизации» на Кубани в 1920-х — начале 1930-х гг. — С. 151–156.

ПОЛЕМИКА

Алексей Паршин. О книге В.Д. Соловья «Кровь и почва русской истории». — С. 157–160.

Даниил Коцюбинский. Русский народ глазами русских националистов. Идеологи Всероссийского национального союза (1908–1917) об особенностях русского национального характера. — С. 161–175.

PRO PATRIA

Олег Кильдюшов. Неправильная страна неправильных людей, или Русофобия как бегство от реальности. — С. 176–186.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов. I. Учиться, учиться и учиться... национализму! II. Новые мехи для нового вина. — С. 187–222.

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Сергей Сергеев. I. Апология «очернительства». II. Апология конструктивизма. — С. 223–229.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Елена Галкина, Юлия Колинченко. Блуждающие звезды: нация и идентичность. — С. 230–237.

2011 год

№5

УРОКИ МАНЕЖНОЙ

Владимир Тор. Восстание «Спартак»: промежуточные итоги. — С. 3–7.

Олег Неменский. Провал гипнотизёра. — С. 8–12.

Павел Святенков. Общественный договор на грани разрыва? — С. 13–16.

Егор Холмогоров. Чего хотят русские националисты. — С. 16–26.

Сергей Семанов. Первая русская революция. — С. 27–30.

Валерий Соловей. Новая русская революция? — С. 30–37.

Олег Кильдюшов. Больше, чем футбол. Спортивные фанаты в роли гражданского общества. — С. 38–45.

Александр Севастьянов. Как российская власть разошлась с русским обществом. — С. 45–52.

Тема номера. «ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ»

Михаил Ремизов. Русский гражданский национализм против неофеодализма. — С. 53–57.

Павел Круппкин. Есть ли шанс догнать ушедший поезд? Национальный проект в России: ключевая проблема старта. — С. 58–69.

Олег Кильдюшов. Первые среди опоздавших. Концепт «опоздавшей нации» в немецкой мысли. — С. 70–76.

Олег Неменский. «Чтобы быть Руси без Руси». Украинство как национальный проект. — С. 77–123.

Максим Ивашкин. Чешское национальное возрождение в последней трети XIX — нач. XX века. — С. 124–134.

Павел Шлыков. Турецкий национализм в XX веке: поиски национальной идентичности. — С. 135–155.

Сергей Серёгичев. Как возможна суданская нация? — С. 156–167.

Александр Севастьянов. Гонка цивилизаций: секрет лидерства. — С. 168–197.

ЭКОНОМИКА

Иван Русаков. Приключения частной собственности в России как история «запаздывающей» модернизации. — С. 198–211.

ПЕРЕВОДЫ

Дэвид Г. Роули. Имперский versus национальный дискурс: случай России. — С. 212–230.

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Сергей Сергеев. I. Миф о благотельном опоздании. К теме номера. II. По поводу статьи Д.Г. Роули. III. Еще раз об этнических корпорациях в русской истории. — С. 231–235.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение. — С. 236–237.

№6

Константин Крылов. Умереть или помучиться? К спорам о либерализме, имперстве и русском национализме. — С. 3–9.

Тема номера. ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Что России делать с Кавказом? Круглый стол «Вопросов национализма» [А. Епифанцев, А. Тривайло, А. Храмов, В. Соловей, Ю. Сошин, О. Неменский, М. Ремизов, А. Севастьянов, А. Сусов, М. Брусиловский, В. Тор]. — С. 10–33.

Павел Святенков. От «суверенных республик» — к «народам-корпорациям». — С. 34–38.

Сергей Сергеев. Столетняя война с «воскресающими мертвецами». Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в. — С. 39–67.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Алексей Терещенко. Региональные и сепаратистские движения в странах Южной и Северной Европы. — С. 68–78.

Олег Неменский. Региональные и сепаратистские движения в странах Центральной Европы. — С. 79–90.

Георгий Энгельгардт. Региональные и сепаратистские движения в странах Юго-Западных Балкан. — С. 91–98.

ПЕРЕВОДЫ

Кевин Макдональд. Синдром Вилдера: евреи, Израиль и европейские правые. — С. 99–107.

«...Книга взорвалась, словно бомба». Германоязычная пресса о книге Тило Саррацина «Германия самоликвидируется». — С. 108–114.

Герхард Пендл. Австрия — не Германия? — С. 115–121.

ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБРАЗОВАНИЕ

Елена Галкина, Юлия Колиненко. Реформа образования как презентивная национальная политика. — С. 122–136.

Айгуль Насырова. России нужна русская система образования. — С. 137–146.

«ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ»

Александр Севастьянов. Гонка цивилизаций: секрет лидерства. Статья вторая. — С. 147–182.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Александр Горянин. Своими путями. Русские демократические традиции. Статья четвертая. — С. 183–202.

ЭКОНОМИКА

Иван Русаков. Деколлективизация как «дорожная карта» модернизации. — С. 203–216.

ПУБЛИКАЦИИ

Кирилл Титов. К истории «Слова нации». — С. 217–222.

Слово нации. — С. 223–235.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение. — С. 236–237.

№7

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Константин Крылов. «Земля наша велика и обильна». — С. 3–16.

Егор Холмогоров. Право на земли. — С. 17–21.

Антон Сусов. Сепаратизмофобия. — С. 22–33.

Олег Неменский. Панрусизм. — С. 34–43.

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Национальная революция: сущность, движущие силы, русский опыт. Круглый стол «Вопросов национализма» [К. Крылов, Е. Холмогоров, П. Святенков, С. Сергеев, В. Соловей, В. Тор, Н. Шалимова]. — С. 44–58.

Олег Неменский. Бархатные национальные революции: революции в общественном сознании. — С. 59–62.

Павел Святенков. Национальны ли оранжевые революции? — С. 63–66.

Елена Галкина. Революция в Египте: «Братья-мусульмане» как матрица гражданского общества. — С. 67–86.

ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: АРМИЯ

Евгений Морозов. Военная реформа как национальная проблема. — С. 87–99.

Александр Храмчихин. Новое вино и старые мехи. — С. 100–111.

ПЕРЕВОДЫ

Грегори Глисон. Многополярность, американская исключительность и переосмысление истории. — С. 112–119.

Пьер Илляр. Косово и геополитика Балкан. — С. 120–123.

ШТУДИИ

Дмитрий Лабаури. Национальные символы, идеи и мифы в развитии болгарского национального движения в Македонии и Фракии в 1894–1903 гг. — С. 124–136.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Дмитрий Крылов. Азбука этнопсихологии. — С. 137–158.

ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ

Александр Севастьянов. Гонка цивилизаций: секрет лидерства. Статья третья. — С. 159–175.

ЭКОНОМИКА

Иван Русаков. Деколлективизация как «дорожная карта» модернизации. Статья вторая. — С. 176–193.

ПОЛЕМИКА

Димитрий Саввин. Национализм: этнический, имперский или этнический и имперский? — С. 194–206.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов. I. Долгие проводы — лишние слёзы. II. Православный социализм: моделирование прошлого? — С. 207–232.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Храмов. Книжное обозрение. — С. 233–328.

№8

Олег Кильдюшов. Русская национал-демократия как структурный вызов режиму. — С. 3–9.

Тема номера. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Егор Холмогоров. Предчувствие Орды. — С. 10–22.

Крах мультикультурализма: что дальше? Круглый стол «Вопросов национализма» [С. Сергеев, Т. Дмитриев, О. Кильдюшов, Е. Галкина, Е. Чудинова, О. Неменский, М. Ремизов, П. Святенков, А. Михайловский]. — С. 23–49.

Олег Неменский. Соблазн мультикультурализма. — С. 50–65.

Максим Брусиловский. Мультикультурализм как современный апартеид. — С. 66–69.

Дмитрий Алтуфьев. Критика толерантности. — С. 70–77.

Дометий Завольский. Русский культуроцентризм против лжеуниверсализма. — С. 78–82.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Владимир Близнеков. Швейцарская демократия и мультикультурализм. — С. 83–89.

Сергей Карамеев. Белый и черный национализм в Родезии. — С. 90–111.

PERSONALIA

Роман Фролов. Патрик Бьюкенен. — С. 112–125.

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков. «...На следующий день...». — С. 126–137.

ЮБИЛЕИ

Сергей Сергеев. Достоевский и русский национализм. К 190-летию со дня рождения. — С. 138–144.

IN MEMORIAM

Памяти Сергея Семанова [М. Любомудров, А. Самоваров, С. Сергеев]. — С. 145–154.

ПУБЛИКАЦИИ

Сергей Семанов. Дневник 1982 года. — С. 155–188.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов. Диалектика русского этноса, или В поисках русского генофонда. — С. 189–232.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Ефремов. Уроки погибшей империи. — С. 233–238.

2012 год

№9

ЗЛОБА ДНЯ

Русский национализм и граждан-

ский протест. Экспертный опрос [А. Навальный, В. Соловей, Г. Каспаров, А. Севастьянов, К. Крылов]. — С. 3–13.

Павел Святенков. Путин предлагает России то, что разрушает Европу. — С. 14–16.

Олег Неменский. Наследие и выбор. — С. 17–21.

Наталья Холмогорова. Узники совести и политзаключенные в современной России. — С. 22–26.

Владислав Владимиров. Новый электорат для нового русского национализма. — С. 27–41.

Павел Крупкин. Небожители, вертухаи, партизаны. Российское общество и его политический класс. — С. 42–53.

Тема номера. **ГРАЖДАНСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ**

Михаил Ремизов. Ложная дихотомия. — С. 54–81.

Олег Неменский. Российская нация vs. Русский народ. — С. 82–95.

Сергей Бирюков. «Франция» как кризисный проект французской элиты. — С. 96–106.

Олег Кильдюшов. Генрих фон Трейчке о проблеме единства политической нации. — С. 107–113.

Сергей Сергеев. «Нация есть понятие политическое». Гражданский национализм Михаила Каткова. — С. 114–129.

Анна Толстенко. «Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова. — С. 130–139.

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Раймунд Кремер, Лутц Кляйнвехтер. «Восстание 1432 года». — С. 140–147.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Александр Родригес, Елена Галкина. Курдский национализм и ирано-иракский конфликт. — С. 148–156.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Семён Резниченко. Коллективы выживания. — С. 157–161.

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков. «...На следующий день...». Статья вторая. — С. 162–167.

PERSONALIA

Петр Стукалов. Павел Иванович Ковалевский. — С. 168–179.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов. Диалектика русского этноса, или В поисках русского генофонда [окончание]. — С. 180–233.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Олег Кильдюшов. Забегая вперед? — С. 234–238.

№10

Тема номера. **НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ**

Манифест о создании национально-демократической партии. — С. 3–5.

Русские националисты и легальное партстроительство: шансы на успех. Экспертный опрос [И. Константинов, В. Соловей, Б. Кагарлицкий, А. Белов, Б. Межуев, Н. Холмогорова, П. Святенков, П. Салин, Г. Джемаль, Е. Галкина, М. Брусиловский, К. Крылов]. — С. 6–13.

Владислав Владимиров. Кто будет голосовать за национал-демократов? — С. 14–18.

Виктор Дьяков. Перспективы русского либерального национализма. — С. 19–26.

МИРОВОЙ ОПЫТ

Борис Кагарлицкий. Национальный фронт украл левого избирателя. — С. 26–31.

Павел Святенков. «Истинные финны». — С. 32–34.

Олег Кильдюшов. Нация под по-

дозрением. Немецкий национализм и партийно-политическая система современной Германии. — С. 35–41.

Сергей Бирюков, Александр Барсуков. Барт де Вевер: к новому фламандскому национализму. — С. 42–48.

Елена Галкина. Новые исламистские партии Египта: предвыборная борьба в условиях демократии. — С. 49–58.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙ

Олег Неменский. Охранительство. — С. 59–70.

ВНУТРЕННИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Александр Храмов. Колониальная изнанка европейского костюма. Заметки о внутреннем колониализме в Российской империи (XVIII — начало XX в.) — С. 71–105.

ЭКОНОМИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

Павел Лихачёв. Экономические издержки многонациональности. — С. 106–125.

Александр Ермаков. Миграционная политика в России: проблемы, факторы, бенефициары. — С. 126–132.

КУЛЬТУРА

Дометий Завольский. Правозащитник Сталин и дизельпанк. — С. 133–150.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Максим Жих. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века). — С. 151–169.

Иван Русаков. «...На следующий день...». Статья третья. «Демократия малых пространств». — С. 170–181.

ЮБИЛЕИ

Сергей Сергеев. «Наиболее русский человек». К 190-летию Аполлона Григорьева (1822–1864). — С. 182–190.

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов. Идолы

конструктивизма. Статья первая. — С. 191–233.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Севастьянов. Когда массы вернутся. — С. 234–238.

№11

Олег Неменский. Российская Федерация, Русский мир и Русская земля. — С. 3–11.

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Владимир Близнеков. Евразийский союз — уния Руси и Орды. — С. 12–19.

Олег Кильдюшов. Заложники Азиопы. — С. 20–25.

Михаил Ремизов. Расширение Таможенного союза: куда и зачем? — С. 26–29.

Павел Святенков. В тупике. Заметки о национальной политике в РФ. — С. 30–35.

Сергей Сергеев. «Умственный выверт». Заметки о «классическом» евразийстве. — С. 36–46.

Максим Жих. Древняя Русь и Великая Степь: «симбиоз» или противостояние? Размышления о концепциях Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова. — С. 47–65.

Сергей Беляков. Фальсификация евразийства. — С. 66–79.

РУССКАЯ ДИАСПОРА

Дмитрий Павлов. Русские в странах Балтии: мифы и факты. — С. 80–93.

Ярослав Разумов. Казахстан: если к власти придут «нацпаты». — С. 94–104.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Егор Холмогоров. Национальная демократия и государство. — С. 105–110.

КАЗАЧЕСТВО

Николай Лысенко. Нация или субэтнос? — С. 111–134.

Фаиль Ибяттов. О казачестве без пристрастий и мифов. — С. 135–144.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Андрей Епифанцев, Юрий Сошин. Причины радикализации молодежи Кабардино-Балкарии. — С. 145–152.

Вадим Колмаков. Киевские националисты и польский вопрос в 1916 г. — С. 153–160.

ЮБИЛЕИ

Александр Храмов. «Ура, русские!»: национализм 1812 года. — С. 161–166.

Аркадий Минаков. Звездный час «русской партии». — С. 167–185.

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов. Идолы конструктивизма. Статья вторая. — С. 186–219.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Репников. Новая книга о Всероссийском национальном союзе. — С. 220–228.

Александр Ефремов. Японский национализм. — С. 229–232.

Александр Севастьянов. Русские на экспорт. — С. 233–238.

№12

ЗЛОБА ДНЯ

Ростислав Антонов. Мигрантизация России. — С. 3–5.

Павел Крупкин. Русские — навоз для этнокорпораций? О субъектах «национальной политики» Российской Федерации. — С. 6–9.

Тема номера. СССР ЖИВ?

Наследие СССР: что взять в новую Россию? что решительно отбросить? Экспертный опрос [Н. Шалимова, С. Волков, А. Шубин, А. Вдовин, М. Любомудров, Б. Кагарлицкий, Н. Холмогорова, М. Брусиловский, С. Шаргунов, И. Есаулов, Е. Галкина, А. Храмов, А. Севастьянов]. — С. 10–27.

Константин Крылов. От РСФСР — к Евразийскому союзу. — С. 28–36.

Олег Неменский. Страна победившего мультинационализма. — С. 37–44.

Олег Кильдюшов. Этнизация социалистического. Заметки о национальной политике в СССР. — С. 45–55.

Александр Вдовин. «Новая историческая общность»: теория и практика. — С. 56–79.

Павел Святенков. Законен ли роспуск СССР? — С. 80–83.

Сергей Черняховский. Мифологемы разрушения. — С. 84–92.

Сергей Сергеев. Русское и русско-советское. Заметки ангажированного историка. — С. 93–101.

НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ

Дмитрий Павлов. Уроки «Свободы». — С. 102–106.

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Всеволод Шимов. Исторические судьбы и перспективы панрусизма. — С. 107–117.

НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА

Сергей Бирюков, Андрей Коваленко. Правоконсервативное лицо Восточной Европы. — С. 118–128.

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Азадех Замириад. Политика улицы. — С. 128–137.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Сергей Беляков. Лев Гумилёв и крах древнекитайского мультикультурализма. — С. 138–147.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Иван Русаков. Кавказ и «мальтузианская ловушка». — С. 148–159.

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Максим Жих. Народ и власть в Ки-

евской Руси (с начала XII в. до монгольского нашествия). — С. 160–175.

ЮБИЛЕИ

Олег Кильдюшов. Руссо и национальная демократия: версия Карла Шмита. — С. 176–182.

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов. Византийская агония: урок для России. К 1150-летию русской государственности. — С. 183–209.

IN MEMORIAM

Александр Самоваров. Русские без старой гвардии. — С. 210–215.

ПУБЛИКАЦИИ

Сергей Семанов. Дневник 1969 года. — С. 216–234.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Ефремов. Две страны — один народ. — С. 235–237.

2013 год

№1 (13)

ЗЛОБА ДНЯ

Ростислав Антонов. Исламизация Ставрополя. — С. 3–6.

Михаил Беляев. Миграция: опора кремлёвского «престола». — С. 7–11.

Сергей Корнев. Русской «глубинке» запретили малый бизнес. — С. 12–16.

Павел Святенков. Фиктивное государство. Современные заметки. — С. 17–25.

Тема номера. РУСОФОБИЯ

Олег Неменский. Русофобия как идеология. — С. 26–65.

Сергей Сергеев. Как возможна русская русофобия? — С. 66–85.

Олег Кильдюшов. «Русский комплекс». К истории русофобии в Германии. — С. 86–93.

Марк Любомудров. Мой рафтинг. — С. 94–110.

Сергей Жаворонков. Электоральные корни русофобии. — С. 111–116.

ИНТЕРВЬЮ

Алексей Захаров: «Общество в один голос кричит: долой нелегальную иммиграцию!» — С. 117–134.

ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБРАЗОВАНИЕ

Елена Галкина. Эффект варёной лягушки, или Новый этап реформы образования в РФ. — С. 135–149.

Виталий Худошин: «Патриотизма в нашей школе хватает». — С. 150–154.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров. Был ли в Древней Руси национализм? — С. 155–171.

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Дмитрий Павлов. «Русь от Карпат до Камчатки». — С. 172–184.

НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА

Александр Давыдов. «Боснийство» и «неоосманизм» как факторы дестабилизации Балкан. — С. 185–195.

ЮБИЛЕИ

Владимир Волков. Собор национальной демократии. — С. 196–200.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов. Разбалансировка дискурса. Национал-демократия или национал-либерализм? — С. 201–221.

ПОЛЕМИКА

Александр Храмов. Может ли националист быть либералом? Ответ Александру Севастьянову. — С. 222–230.

Никита Федосов. Казачество и ненаучная фантастика. — С. 231–238.

№2 (14)

РУССКИЕ И ГОСУДАРСТВО

Игорь Шафаревич. Русское национальное государство. — С. 3–5.

Геннадий Шиманов. Национализм или патриотизм? — С. 6–8.

Виктор Дьяков. Зачем русским государство? — С. 9–11.

Александр Жучковский. Трудно быть патриотом. — С. 12–17.

Тема номера. **НАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНА**

Павел Святенков. «Есть вещи поважнее, чем мир». — С. 18–21.

Николай Клёнов. Выход из тупика. Две войны за независимость средневекового Русского государства. — С. 22–51.

Сергей Сергеев. Русский национализм и войны императорской России. Заметки к будущему исследованию. — С. 52–59.

Тимофей Дмитриев. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов». Национальное военное строительство в СССР 1920–1930-х гг. и его испытание огнем и мечом в годы Великой Отечественной войны. — С. 60–88.

Къабарчи Дзакаре. ИРА против Соединённого королевства. — С. 89–124.

Елена Галкина. Сирийская трагедия: власть, общество и гражданская война. — С. 125–136.

РУСОФОБИЯ

Олег Неменский. Технологии дерусификации. — С. 137–145.

РУССКАЯ ДИАСПОРА

Наталья Холмогорова. «Мы хотим сохранить свое национальное “я”». — С. 146–160.

СССР ЖИВ?

Олег Кильдюшов. Неудобное большинство. Этнополитический статус русских в СССР. — С. 161–172.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Коростелев. Российский футбол как арена межэтнической борьбы. — С. 173–185.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров. «...Потомки Золотой орды... дики, злы и ненавидят русских». — С. 186–193.

ЮБИЛЕИ

Бесстрашие мысли. К 90-летию И.Р. Шафаревича. [К. Крылов, М. Любомудров, В. Бондаренко, И. Константинов, В. Садовников, К. Титов, С. Сергеев]. — С. 194–205.

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов. Всадник без головы. Будет ли у русских своя элита? — С. 206–238.

№3 (15)

ЗЛОБА ДНЯ

Андрей Епифанцев. Чужие. — С. 3–7.

Ростислав Антонов. Дерусификация Татарстана. — С. 8–11.

Олег Кильдюшов. Нелегитимная власть и интеллектуалы-коллаборационисты. От частного конформизма к предательству идеи общего блага. — С. 12–16.

Тема номера. **НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ**

Павел Святенков. Нация и Конституция. — С. 17–19.

Константин Крылов. БОЛЬШЕ НИКОГДА. Размышления о принципах конституционного строительства. — С. 20–32.

Александр Филиппов. Народ и «многонациональность» в Конституциях Российской Федерации. — С. 33–40.

Александр Храмов. Конституционная реформа и русский nation-building. — С. 41–47.

Владимир Милов. Нужна ли России парламентская республика? — С. 48–53.

Александр Севастьянов. Конституция русского национального государства: к постановке проблемы. Статья первая. С. 54–71.

«ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ»: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Илья Константинов. «Ключевое событие в истории постсоветской России». — С. 72–74.

Владимир Садовников. Альтернатива 93-го. — С. 75–93.

СССР ЖИВ?

Владимир Кузнецhevский. «Ленинградское дело» и «русский вопрос». — С. 94–113.

НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ

Йенс Пюзе. «Наша национальная идентичность находится под угрозой». — С. 114–123.

ПЕРЕВОДЫ

Кирилл Титов. Жизнь и смерть «политического солдата». — С. 124–129.

Доминик Веннер. В качестве конструктивной критики. — С. 130–151.

Сергей Бирюков. Доминик Веннер и тупики французского республиканизма. — С. 152–156.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Настасья Иванова. В режиме ручного управления. — С. 157–164.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров. Ещё раз о русско-ордынском «симбиозе». — С. 165–173.

ШТУДИИ

Олег Неменский. Протонационализм в западнорусской мысли первой половины XVII в. — С. 174–189.

Мария Лескинен. *Национальное:*

наука и политика в Российской империи второй половины XIX в. — С. 190–217.

ЭКОНОМИКА

Иван Русаков. Частная собственность как фактор инновационного развития России. — С. 218–225.

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Сергей Сергеев. Интернационалисты вольные и невольные. — С. 226–234.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Василий Щёголев. Искусство — и «все остальное». — С. 235–237.

№4 (16)

ЗЛОБА ДНЯ

Сергей Сергеев. Бирюлёво как интеллектуальный выбор. — С. 3–5.

Владимир Кузнецhevский. Миграционная проблема: ретроспектива и перспектива. — С. 6–15.

Павел Святенков. Европа осознала пагубность мультикультурализма. — С. 16–18.

Тема номера. **НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Константин Крылов. Кто такие русские? — С. 19–39.

Олег Неменский. Русская идентичность. — С. 40–49.

Мария Лескинен. «Волга — русская река». Из истории формирования и аргументации концепта. — С. 50–76.

Максим Жих. «Бегство из русских» как социокультурный феномен. — С. 77–88.

Семён Резниченко. Русский менталитет как он есть. — С. 89–97.

ПЕРЕВОДЫ

Кевин Макдональд. Что делает Западную цивилизацию уникальной? — С. 98–117.

НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ

Владимир Близнеков. Швейцарская народная партия: опыт политического успеха. — С. 118–130.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Александр Севастьянов. Конституция русского национального государства: к постановке проблемы. Статья вторая. — С. 131–150.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Настасья Иванова. Между Кондополой и Манежкой: когда мигрантов слишком много. — С. 151–155.

СССР ЖИВ?

Станислав Смагин. Виновные нации. Концепт «национальной вины» в политическом дискурсе России и Германии. — С. 156–174.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров. «Ненужные люди». Правовое положение служилых татар в Московском государстве. — С. 175–185.

РУСОФОБИЯ

Светлана Волошина. Был ли Владимир Печерин русофобом? — С. 186–195.

ЮБИЛЕИ

Андрей Тесля. Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма. К 190-летию со дня рождения. — С. 196–204.

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков. Столыпин: незаконченная модернизация. — С. 205–221.

ОТКЛИКИ

Сергей Сергеев. Ещё раз об интеллектуальном коллаборационизме. — С. 222–226.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ
Александр Севастьянов. Не те русы. — С. 227–237.

2014 год

№1 (17)

ЗЛОБА ДНЯ

Уроки Майдана. Экспертный опрос [О. Кильдюшов, П. Святенков, В. Радченко, К. Крылов, С. Сергеев]. — С. 3–12.

Олег Неменский. Евромайдан и никакого национализма — С. 13–20.

Марина Мозжерова. «Российская демографическая проблема»: мифы и реалии. — С. 21–32.

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ

Александр Жучковский. «Первая пятилетка» Патриарха Кирилла. — С. 33–43.

Марк Любомудров. Русская триада. — С. 44–55.

Владимир Близнеков. Святая националистка. — С. 56–68.

Анджей Вержбицки. Католицизм и польское нацистроительство. — С. 69–80.

Сергей Сергеев. Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев против национализма. Заметки ангажированного историка. — С. 81–99.

Дмитрий Павлов. Иранская национальная идентичность: между традицией и постмодерном. — С. 100–104.

Мирослав Валькович. Язычество и национал-демократия. — С. 105–106.

ПЕРЕВОДЫ

Эдриан Гастингс. Национализм как христианский феномен. — С. 107–127.

СОЦИОЛОГИЯ

Павел Крупкин. Коллективные идентичности и социогенез. — С. 128–145.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОН- ФЛИКТ

Настасья Иванова. Власть и химера антифашизма. — С. 146–151.

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Андрей Тесля. «Украинский вопрос» в публицистике Ивана Аксакова начала 1860-х гг. — С. 152–166.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙ- СТВО

Сергей Петров. Правда о Мамае. — С. 167–173.

PERSONALIA

Александр Котов. Бюрократический национализм Михаила Каткова. — С. 174–186.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУ- ЦИЯ

Александр Севастьянов. Конституция русского национального государства: к постановке проблемы. Статья третья. — С. 187–207.

ЮБИЛЕИ

Мария Семанова-Фомина. Из-под глыб советизма. К 80-летию со дня рождения Сергея Семанова. — С. 208–211.

ПОЛЕМИКА

Максим Брусиловский. I. Подростковый кризис роста в русском национализме. II. К теме «Национальная конституция». — С. 212–217.

Ярослав Бутаков. Что ответят левые на русский вопрос? — С. 218–234.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Виктор Дьяков. Кто мы: евразийцы или европейцы? — С. 235–237.

№2 (18)

Александр Храмов. Работник одиннадцатого часа. Русский национализм и национальное строитель-

ство в посткоммунистических странах. — С. 3–9.

Тема номера. УКРАИНА

Павел Святенков. Три эссе по поводу украинской революции. — С. 10–14.

Сергей Бирюков. Антиколониальный выбор Юго-Востока. — С. 15–19.

Олег Неменский. Модели южно-русской идентичности на Украине. — С. 20–31.

Сергей Сергеев. Прощание славян. Заметки ангажированного историка. — С. 32–38.

Анджей Вержбицки. Украина и Польша: национализм и геополитика. — С. 39–47.

Владислав Мальцев. «Россия — вечный враг Украины». Современный украинский праворадикальный национализм. — С. 48–67.

Дмитрий Павлов. «Бандеровцы» и формирование национальной идентичности Западной Украины. — С. 68–74.

Андрей Марчуков. Украинское национальное движение и КП(б)У. — С. 75–92.

Сергей Беляков. Тарас Шевченко как украинский националист. — С. 93–114.

Александр Котов. «Призрак, который стал бы вампиром целых поколений». «Петербургское украинофильство» в публицистике Михаила Каткова. — С. 115–123.

ПЕРЕВОДЫ

Джон Филипп Раштон. Этнический национализм, эволюционная психология и теория генетического сходства. — С. 124–142.

Джаред Тейлор. Скончался Фил Раштон. — С. 143–146.

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Василий Молодяков. Мэйдзи исин: японская консервативная революция. — С. 147–164.

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙ- СТВО

Сергей Петров. Кто на самом деле сделал евразийский выбор? — С. 165–173.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Анатолий Уралов. Будут ли русские торговать на базарах Баку? — С. 174–182.

ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ

Николай Клёнов. Единая, но делимая? Автономии в составе средневекового Русского государства в эпоху его возрождения и подъема. — С. 183–205.

ШТУДИИ

Владимир Василевский. Национальный вопрос в Забайкальской Белой государственности. — С. 206–213.

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков. Не бывает бунтов без грехопадения власти. — С. 214–230.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Репников. «Нам надо быть национально стальными...». — С. 231–237.

№3 (19)

Олег Неменский. Рустикализация русскости. — С. 3–9.

Тема номера. РУССКОЕ БУДУЩЕЕ

Олег Кильдюшов. De futuro. О принципах русского будущего. — С. 10–17.

Дмитрий Красков. Россия–2030. — С. 18–25.

Сергей Корнев. Регионализм в национальном контексте. — С. 26–39.

Ярослав Бутаков. Организация пространства. — С. 40–52.

Марина Мозжерова. Реформа здравоохранения в России: возможен ли выход из тупика? — С. 53–66.

Матвей Цзен. Уголовное право в национально-демократическом государстве. — С. 67–71.

Александр Храмов. Как сберегать нефтяные деньги: идея нации, Джон

Ролз и фонды будущих поколений. — С. 72–79.

Александр Елисеев. Навстречу децентрализации. — С. 80–86.

Семён Резниченко. Социогнозис: будущее неимперское и нелиберальное. — С. 87–95.

Александр Севастьянов. О русском национальном государстве. — С. 96–115.

НАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНА

Владимир Близнеков. Первая германская тотальная война. — С. 116–128.

Александр Михайловский. Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт. — С. 129–151.

УКРАИНА

Андрей Тесля. Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е — 1-я пол. 1880-х гг.) — С. 152–164.

Андрей Марчуков. «Прочь от Москвы!» «Новое направление» идеологии украинского национального движения в 1920-х гг. — С. 165–188.

НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА

Александр Стыкалин. Дунайские проекты Оскара Яси. — С. 189–204.

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Сергей Сергеев. Сталинизм как регресс. — С. 205–226.

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков. Что такое «русский мир»? — С. 227–237.

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонов Ростислав Валерьевич

(р.1977), общественно-политический деятель, журналист, глава Совета регионов Национально-демократической партии, руководитель общественного движения «Гражданский патруль», автор книги «Приморские партизаны» (2011).

Бирюков Сергей Владимирович

(р. 1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Близнеков Владимир Леонидович

(р. 1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Коростелев Сергей Геннадьевич

(р. 1988), филолог, журналист, публицист. Обозреватель сайта болельщиков ЦСКА rbworld.org

Крылов Константин Анатольевич

(р. 1967), философ, публицист, общественный и политический деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», председатель Совета Национально-демократической партии, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010), «Русские вопросы Путину» (2011).

Молодяков Василий Элинархович

(р. 1968), историк, специалист в области истории международных отношений первой половины XX в., новой и новейшей истории Японии. Доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония), автор 32 книг и более 400 статей.

Неменский Олег Борисович

(р.1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славянове-

дения РАН, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич

(р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвижки в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012), «Основы этнополитики» (2014) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Титов Кирилл Владимирович

(р. 1978), историк, специалист по истории русского национального движения в СССР.

Чемакин Антон Александрович

(р. 1989), аспирант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

SUMMARY

The main subject of 20th volume of the “Voprosy Nationalisma” (“Studies in Nationalism”) is the current crisis of Russian nationalism which has evolved in the course of Russian-Ukrainian conflict and induced a great split in the Russian nationalist movement. The articles in the present volume embrace various aspects of the subject from different angles (these are articles by philosopher Konstantin Krylov, political scientist Pavel Svyatenkov, historian Sergey Sergeev). The topic is also being covered in the expert survey data where several noted intellectuals and public figures have been involved.

In the “Russian Future” column historian Dmitry Pavlov presents his speculations on the necessity of full-fledged Russian national elite to be reconstructed and revived.

Journalist Rostislav Antonov shares his impressions about his recent trip to Chechen Republic.

Ukraine issues are the object of analytical notes by politologist Sergey Biryukov. There he dwells upon current situation in Galicia. A few extracts from the heritage of Ukrainian historian Ivan Lisyak-Rudnitsky (that is, his encyclopedic articles on history of the Ukrainian conservatism and nationalism) are also dedicated to the topic.

Historian Oleg Nemensky explores the history of linguistic and political “games” with the Russian ethnonym.

In the “Translations” column we present the first Russian publication of a passage by

American scientist Pierre L. van den Berghe — a classic of modern ethnology. His study “Race and ethnicity: A sociobiological perspective” is followed by an essay on his biography and scientific work by historian Kirill Titov.

Publicist Sergey Korostelev gives an account of interethnic conflicts in the world football history.

Historian Anton Tchemakin throws light upon an unfamiliar page in history of Russian nationalism. With the use of archival documents he describes an attempt to set up a “national-democratic platform” at the beginning of 20th century.

An article by philosopher Vladimir Bliznekov is dedicated to ethnopolitical processes in The Grand Duchy of Lithuania and the reason why it had failed to become the “New Russia”.

Professor of Tokyo University and historian Vasily Molodyakov brings forward a political portrayal of Japanese national socialist leader Okawa Shumei.

Publicist Alexander Sevastyanov presents the first part of his major study in the history of Russian national movement at the end of 20th — beginning of 21th century.

The “Controversy” (“Polyemika”) column offers continuation of the topical problems stories and commentary series by Ivan Rusakov “What is the Russian world”?

The complete record of articles published in volumes 1–19 of “Voprosy Nationalisma” is appended to the current volume.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 24.11.2014.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.